

МАЙН РИД

Мальчики на севере
Охотники на медведей
Пропавшая сестра
Молодые невольники

Капитан
МАЙН РИД
романы и повести

Т. 2

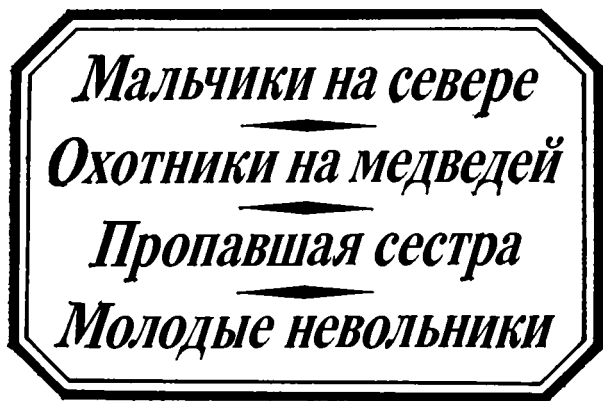
ИЗ СОБРАНИЙ И. СЫТИНА, П. СОЙКИНА,
М. ВОЛЬФА

МАЙН РИД

МОСКВА
1992

ББК 84. (Вл).
М14

Художник
Е. Клодг

Издание подготовлено при участии
Акционерной компании «К И. Т.»

М 4703010100—002
926(03)—92

ISBN 5-7685-0050-2

© МП «Активитас»
© Е. Клодг, макет и
оформление. 1992 г.

*Мальчики
на севере*

Повесть

Из собрания И. СЫТИНА

Глава 1

ГАРРИ И ГАРАЛЬД

Полковник Остин, долго служивший в Индии, подал в отставку и возвратился в Англию. Сделать это он был вынужден по нескольким причинам. Во-первых, в одной из стычек с индусами его сильно ранили и, по совету врачей, ему нужно было покинуть военную службу и провести год или полтора на юге Европы. Во-вторых, у него умерла жена, после которой остались два сына, довольно уже взрослых мальчика: Гарри 16-ти и Гаральд 15-ти лет, воспитанием которых необходимо было заняться, и, в-третьих, ему досталось после одного умершего родственника порядочное наследство, для получения которого его личное присутствие было необходимо.

На воспитание мальчиков в Индии почти не обращали внимания, и они вышли хотя сильными и здоровыми, но почти безграмотными и грубыми, как их индийские сверстники, с которыми они провели все детство, так что отец положительно стыдился показывать их порядочным людям. Полковник все время был занят службою и не имел времени заняться воспитанием мальчиков, а мать юношей, индианка, сама не обладала таким образованием, чтобы заменить в этом случае мужа. Притом полковник и его семья жили в Индии в такой местности, где не было ни хорошей школы, ни учителей.

По приезде на родину полковник с ужасом увидел, как его сыновья резко отличаются от своих европейских сверстников из порядочных семейств, и решил немедленно заняться образованием детей. Но как приступить к этому? Оба мальчика уже перешли тот возраст, в котором деги

обыкновенно поступают в младшие классы школы, а в старшие классы они не могли поступить за отсутствием у них необходимых знаний. В виду этого полковник решил найти им наставника, который облагородил бы их нравственно и настолько развил бы умственно, чтобы они могли со временем поступить прямо в высшее учебное заведение.

Вскоре он нашел подходящее лицо и объявил об этом сыновьям. Последним очень не понравилась бесполезная, по их мнению, «затея» отца.

— Ведь это просто гадость, Гарри! — говорил Гаральд, сбивая хлыстом головки цветов в саду. — Ну, какие мы с тобой школьники? И что за блажь пришла в голову отцу засадить нас за школьную ерунду? Ведь мы умеем читать и писать — и ладно!

— Ох, уж не говори лучше! — отвечал Гарри, старавшийся пригнать к земле молодую яблоню и кончивший тем, что сломал несчастное деревцо.

— Знаешь, что, Гарри, давай сделаем так, чтобы этому противному старику, которого отец откопал нам в учителя, житья у нас не было и он вскоре сбежал бы от нас, — продолжал Гаральд, взобравшийся уже на плетень и почему-то воображавший, что учитель непременно должен быть стариком.

— Отлично, Джерри! — согласился Гарри, который покончив с яблоней, принялся изо всех сил раскачивать тополь, не поддававшийся однако его усилиям.

В это время вдаль показались полковник и какой-то незнакомец.

Воображаемый старик-учитель оказался красивым молодым человеком, лет 24-х, с изящными манерами и умным лицом.

Мальчики даже не обернулись, когда к ним подошли отец и незнакомец. Гаральд сидел на плетне и, болтая ногами, колотил по нему хлыстом, а Гарри изо всех сил раскачивал столбы изгороди, на которой сидел брат.

Когда отец позвал их, оба мальчика сделали вид, что не слышат, и продолжали свое занятие.

— Вы видите, мистер Стюарт, — сказал полковник, — как они невоспитаны. Вам очень нелегко будет сойтись с ними.

— Вижу, вижу, полковник, — ответил молодой человек, — но не нахожу этого и думаю — мы все-таки сойдемся... Здравствуйте, друзья мои! — приветливо обра-

тился он к мальчикам, подходя к ним поближе и вежливо приподнимая шляпу.

Оба мальчика молча покосились на учителя. Вдруг Гаральд, все время сидевший на изгороди, перекинул ноги на противоположную сторону, спрыгнул с плетня и пустился бежать в поле. Гарри моментально последовал примеру брата. Полковник и учитель остались одни.

— Вот вам и ответ на вашу вежливость! — со вздохом сказал полковник. — Нет, мистер Стюарт, едва ли вы сойдете с ними. Вы видите, что я несколько не преувеличивал, рассказав вам о полнейшей невоспитанности моих сыновей.

— Что они грубоваты и незнакомы с простыми правилами вежливости — это, к сожалению, верно, — проговорил молодой человек. — Но это все-таки не лишает меня надежды сблизиться с ними и сделать из них порядочных людей.

— Дай Бог! — снова вздохнул полковник.

— Лица обоих мальчиков, — продолжал Стюарт, — мне нравятся, насколько я успел разглядеть их с первого взгляда. Значит, нравственно ваши сыновья не испорчены, а это — самое главное. Здоровье у них хорошее, но они родились и выросли в теплом климате. По-моему, им необходимо пожить немного в холодной стране с хорошим смолистым воздухом. Знаете что, полковник? Я давно собирался посетить Норвегию, но у меня не было средств осуществить мое желание. Позвольте мне поехать с вашими мальчиками в эту страну. Они там привыкнут к суровому климату, — это еще больше закалит их здоровье. Во время путешествия я буду знакомить их с историей и со всем, что окажется нужным, и понемногу подготовлю для серьезных занятий. Может быть, мне удастся даже внушить им любовь к труду. Раз мы достигнем этого, — все будет хорошо, будьте покойны.

— Отлично, дорогой друг! — вскричал полковник, пожимая руку своему собеседнику. — Это как раз входит в мои планы. Вы знаете, что я должен провести год и даже больше в южной Европе. Я думаю поселиться где-нибудь около Средиземного моря. Поезжайте вы на это время в Норвегию и постарайтесь сделать из моих сыновей, что будет возможным. Я вполне надеюсь на вас и очень рад, что моя дружба с вашим покойным отцом будет продолжаться и с вами... Я дам вам необходимые средства на путевые издержки. Пожалуйста, не жалеите дорогою де-

но, но вместе с тем не позволяйте моим сыновьям тратить их зря. Вообще не балуйте их, пусть они, по возможности, привыкают к труду и поменьше пользуются услугами других.

— О, будьте покойны, полковник: ничего лишнего я им не позволю, но и нуждаться они ни в чем не будут. Но предупреждаю вас: им придется там, вероятно, часто голодать и терпеть другие лишения.

— Тем лучше, дорогой друг, тем лучше! Они скорее поумужают и закалятся в борьбе с жизнью и окружающими условиями. Вообще ваша мысль великолепна. Вечером мы поговорим подробно обо всем, а теперь позвольте мне пойти немного отдохнуть: мои раны дают о себе знать.

Крепко пожав руку будущему наставнику своих детей, полковник простился с ним и направился в дом, а молодой человек задумчиво стал ходить по дорожкам сада.

Вечером полковник долго толковал со Стюартом о предполагаемом путешествии в Норвегию. Проводив его, старик приказал позвать к себе мальчиков, которых раньше нигде не могли найти, и объявил им о предстоявшей им поездке на север в обществе их наставника. При этом он сделал им строгий выговор за их невежливое обращение с учителем и приказал стараться изменить свой характер.

Таким строгим тоном отец никогда еще не говорил со своими сыновьями, и это произвело на них сильное впечатление. Выйдя от отца, они принялись обсуждать все слышанное ими от него.

— Как будто я не знаю, что нужно снимать шляпу, когда с кем-нибудь здороваешься, — говорил Гаральд. — Я не хотел этого сделать — вот и все.

— И вышло очень глупо! — заметил Гарри, на которого иногда находили такие минуты, когда он противоречил даже брату.

— А ты разве сделал лучше? — насмешливо спросил Гаральд.

— Это я по твоему примеру, — отвечал Гарри.

— Ну, значит, и ты такой же осел, как я.

Этот аргумент показался таким убедительным Гарри, что он сразу перешел на более миролюбивый тон и переменил разговор.

— Что ты думаешь, Гаральд, о нашей поездке в эту... как бишь ее?.. Ах, да! в Норвегию? — спросил он брата.

— Да совсем ничего не думаю,— равнодушно ответил тот.

— А где она находится по-твоему?

— А черт ее знает!

— А тебе хочется туда ехать?

— Отчего же не ехать? Это все-таки лучше, чем кинуть над греческой и латинской ерундой, которой страдал нас отец, когда задумал нанять учителя.

— А учитель-то, кажется, славный малый?

— Ничего, так себе... франтоват только — вот что нехорошо.

— Его зовут Джон Стюарт,— продолжал после некоторого молчания Гарри.— Знаешь что, Джерри? Давай звать его Стью. Отец говорил, что он шотландец — это имя как раз подойдет к нему *... Эй, мистер Стью! Ха-ха-ха! Ловко я выдумал, а?

— Ха-ха-ха! — расхохотался и брат.— Отлично, Гарри! Ты всегда был ловок на выдумки. Недаром тебя в Индии часто тузили за это.

— А мне все-таки хотелось бы знать, где эта Корве... или как ее там?.. Норвегия, что ли? — сказал Гарри.— Погоди! Вон идет наш повар, давай спросим у него.

— Эй, Роберт! — обратился он к проходившему мимо субъекту в белом колпаке.— Не знаешь ли ты, где Норвегия?

— Нор-ве-ги-я? — протянул повар.— Право, не знаю... не слышал что-то... Наверное, где-нибудь около Индии. Там все такие чудные названия.

— Около Индии? — повторил Гаральд, покачав головой.— Не может быть. Мы сами только что оттуда, но я никогда не слышал, чтобы там была такая страна.

— Ну, я уж, право, не знаю, господа! — отвечал сконфуженный повар.— Вот спросите у учителя: он наверное знает, недаром учителем состоит. А мое дело — кухня. Простите, спешу, боюсь — каплун пережарится.

Так мальчикам в этот день и не удалось узнать, где находится страна, в которую они собирались ехать.

На другой день к ним переехал их наставник. Мальчики были в саду и вели жаркий спор о месте, где должна находиться Норвегия. Вопрос этот их так занимал, что они в это утро, против обыкновения, не сломали ни одного дерева и ничего не попортили в саду.

---

* Stew (стю) — тушеное мясо, любимое шотландское кушанье.

Здравствуйте, мои молодые друзья! — вдруг раздался позади них приветливый голос.

Мальчики поспешно обернулись и увидели шедшего к ним учителя. На этот раз они оба точно по команде сняли шляпы и поклонились.

Учитель улыбнулся и пожал им обоим руки.

— А где ваш отец? — спросил он.

— Кажется, в кабинете, — сказал Гаральд, вертя в руках шляпу.

— Наденьте вашу шляпу и сходите к отцу узнать, могу ли я его видеть, — продолжал Стюарт, тон которого был немножко повелителен.

Гаральд с некоторым удивлением взглянул на учителя и, прочитав на его лице подтверждение приказания, повиновался и пошел в дом.

— А вы, молодой друг, — сказал Стюарт тем же тоном Гарри, — проводите меня в дом, я еще не совсем хорошо освоился с расположением комнат.

Гарри тоже не без удивления посмотрел на наставника, но, тем не менее, повиновался и пошел к дому.

Стюарт снова улыбнулся и последовал за мальчиком.

За обедом полковник и учитель говорили о каком-то общем знакомом. Оба мальчика вслушались в разговор.

— Ведь у него, кажется, двое сыновей, — говорил полковник. — Я слышал, что они уже почти взрослые.

— По летам — да, — отвечал Стюарт, — а по всему остальному они — настоящие дети.

— Да что вы! Ведь старшему уж чуть ли не двадцать лет.

— Это ничего не значит. Есть люди, которые всю жизнь остаются детьми. Возмужалость зависит не от лет, а от степени развития человека. А вы посмотрите на его сыновей: ведь стыдно глядеть на них. С ними ни о чем говорить нельзя, их ничего не интересует кроме драк и разных проделок, свойственных только дикарям да деревенским мальчишкам. Представьте: когда я вчера сообщил им, что собираюсь в Норвегию, то даже старший не посовестился спросить, где находится Норвегия. Как вам это нравится?

— Ужасно! — сказал полковник, взглянув мельком на своих сыновей.

Оба мальчика чувствовали, как они краснеют, и им казалось, что учитель рассказывал именно о них, а не о каких-то других мальчиках.

Учитель, как бы ничего не замечая, продолжал:

— Они очень удивились, когда узнали, что Норвегия одно из самых северных государств, и что главный город этого государства — Христиания.

«Наконец-то я вспомнил, где эта проклятая Норвегия,— подумал Гаральд,— это такая длинная полоса земли около Северного моря, и под нею торчит маленькая Дания. Эге! значит я все-таки учнее того большого болвана, о котором говорит учитель».

— Многие думают,— продолжал Стюарт,— что путешествие по Норвегии вовсе не интересно, но это неправда. Там здоровый климат, много очень красивых мест и такое множество всяких зверей, что можно целые дни охотиться.

— А там есть реки? Можно ловить в них рыбу? — спросил Гаральд.

— Конечно, есть, мой друг,— отвечал Стюарт,— и даже очень много — и рек, и озер.

— Ишь ты! — радостно вскричал мальчик, взглянув на брата.

— Попросите папу подарить вам по ружью и по несколько удочек,— продолжал наставник.— Мы там будем охотиться и ловить рыбу не ради одной забавы, но и для пищи. Мы можем попасть в такие места, где нет людей и не у кого купить съестных припасов, и должны будем сами доставать себе пропитание.

Оба мальчика так заинтересовались предполагаемым путешествием, что засыпали учителя разными вопросами.

— Да когда же мы отправимся? — каждый день спрашивали они то отца, то учителя.

— Скоро, скоро, потерпите немного! — говорил отец.

— Учитесь пока стрелять и вообще обращаться с огнестрельным и холодным оружием. Это вам необходимо,— советовал Стюарт.

Мальчики с удовольствием последовали его совету. Отец подарил им по хорошему легкому ружью с полным прибором, и в несколько дней они порядочно выучились владеть им под руководством учителя и самого полковника. Кроме того, последний подарил им по паре пистолетов и по охотничьему ножу. Довольные этими подарками, мальчики не расставались с ними и ходили вооруженные с головы до ног. Даже ложась спать, они клали под подушку пистолеты, а в головах ставили ружья.

Наконец сборы окончились, мальчики простились надолго с отцом и отправились со своим наставником в путь. Хотя они еще и не поняли, нравится ли им учитель или нет, но уже чувствовали, что начинают сильно привязываться к нему, не решаясь только из ложной гордости высказывать этого вслух.

Глава 2

ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Они направились сначала в Лондон, а потом в Грэвэнд. Главная достопримечательность этого города — обилие раков. Каждый встречный нес кулек, наполненный раками, в каждой лавке непременно торговали раками. Отовсюду только и слышалось: раки, раки! Казалось, весь город состоял из одних раков, и даже воздух был пропитан ими. Раков подавали ко всему: и утром к завтраку, и днем к обеду, и вечером к ужину, так что нашим путешественникам всюду стали мерещиться одни раки, и они очень обрадовались, когда, наконец, попали на шхуну, и «рачий город», как прозвали его мальчики, стал малопомалу исчезать из виду.

Через день, когда путешественники были уже далеко от берега, оба мальчика заболели морской болезнью. Мучаясь этим неприятным недугом, они уже начали раскаиваться в своей решимости путешествовать и смотрели на Стюарта как на своего врага. Последний, однако, не обращал ни малейшего внимания на их оханье и дерзости. На третий день им стало лучше, они успокоились и даже попросили прощения у своего наставника, терпеливо переносившего все их выходки во время болезни и не перестававшего ухаживать за мальчиками.

Прошло еще два дня. Мальчики окончательно оправились, и им стало уже надоедать это однообразное и крайне медленное, по их мнению, плавание по Северному морю.

— Мы, кажется, никогда не доедем! — жаловался Гарри.

— Это верно, мы ползем как черепаха! — сказал Гаральд. — Эй, вы, послушайте-ка! — обратился он к капитану, — нельзя ли нам плыть поскорее?

Капитан обернулся и, засунув руки в карманы по обы-

чаю моряков, прищурился и сказал с напускной строгостью:

— Меня зовут вовсе не «Эй, вы!» Кто это вас обучал такому обращению со старшими?

— Извините, капитан! — сконфуженно пробормотал мальчик. — Но нам, право, так надоело глядеть на это море: все вода и вода...

— Вам надоело глядеть на море! — вскричал моряк. — Да я тридцать лет смотрю на него и все еще не насмотрюсь! Скучать на море! Да разве это возможно? Оглянитесь-ка кругом! Можно ли досыта насмотреться? Вглядитесь в воду, — ведь она живая, ведь каждая капля ее содержит в себе целый мир! Посмотрите вверх: видели ли всех этих птиц? Глядите, как они весело реют в воздухе, смотрите на их отражение в воде. Вон поднимается ястреб-рыболов. Скоро он стрелою бросится вниз и схватит зазевавшуюся рыбку, неосторожно выплывшую на поверхность. Скучать на море! Да знаете ли вы, молодой человек, что вода — начало всего существующего, что она дала жизнь всему живому на земле? Изучайте природу, мой друг, и начинайте изучение ее с воды — и, верьте мне, вы не будете никогда скучать. Вот идет ваш наставник. Спросите его и он подтвердит вам мои слова. Мистер Стюарт, — обратился капитан к подходившему учителю, — ваш воспитанник жалуется, что мы слишком тихо плывем. Не запрячь ли уж нам морского змея, как вы думаете, а? — прибавил он с улыбкой, ясно говорившей, что он был знаком с наставником мальчиков и уже посвящен последним в тайну относительно их воспитания.

— А разве действительно существует такой змей? — с любопытством спросил Гаральд.

— Говорят, существует, хотя я лично не видел его, — отвечал капитан. — Но я вам могу указать человека, видевшего этого змея.

— Вы говорите об Омсене, капитан, — сказал подошедший молодой человек, которому на вид казалось не более двадцати лет.

— Именно, — ответил моряк. — Вот эти молодые люди желают поймать на удочку морского змея, я и советую им обратиться к Омсену, который видал уже змея и может научить и, как это сделать, — прибавил он с улыбкою.

— Да разве это можно, капитан, когда в нем около шестисот футов длины?! — вскричал незнакомец.

— Для детей все возможно, мой друг! — засмеялся моряк.

— Неправда, мы не говорили этого, он все врет! — закричал с обычной своей грубостью Гаральд.

— Болтает как сорока! — поддержал брата и Гарри.

Капитан молча пожал плечами и отошел от мальчиков, а Стюарт строго посмотрел на них. Они поняли свою грубость и сконфуженно потупились.

— Оле Омсен расскажет вам об этом змее, — продолжил молодой человек.

Этот молодой человек будет встречаться в нашем рассказе; необходимо сказать о нем несколько слов. Звали его Винцентом. Он был родом швед и направлялся теперь на родину. Среднего роста, сильный и мускулистый, Винцент представлял собою олицетворение силы, красоты и здоровья.

— Кто этот Оле Омсен? — спросил Гарри.

— Это тот самый норвежец, о котором вам говорил капитан. Он много путешествовал и теперь служит здесь матросом.

— А он говорит по-английски?

— Немного говорит. Я сейчас позову его, — проговорил Винцент и пошел разыскивать норвежца.

— Какой славный молодой человек! — произнес Стюарт по уходе Винцента.

— Совсем еще мальчишка, — сказал Гарри, не любивший, когда при нем хорошо отзывались о ком-либо из молодых людей. — Он немного старше меня, — прибавил он, сделав презрительную мину.

— Да, ему не будет еще и двадцати лет. Но он гораздо развитее и вежливее вас, — заметил Стюарт.

— У вас все развитее и вежливее меня! — огрызнулся Гарри.

«Неужели я в самом деле так груб и невоспитан?» — все-таки мелькнуло у него в голове.

В это время подошли Винцент и норвежец.

Последний был высокого роста, белокурый, с большими серыми глазами и открытым лицом. На вид ему казалось лет сорок.

— Вот Оле, — сказал Винцент, представляя матроса.

— Оле! какое чудное имя! — не утерпел не заметить Гарри.

— Полное его имя — Олаф, а Оле — сокращенное, — пояснил Стюарт. — Это имя дорого для каждого норвеж-

ца, потому что так звали одного из их великих королей. Я когда-нибудь вам расскажу об этом короле. Расскажите, пожалуйста, что знаете о морском змее, — обратился он к норвежцу, — нас он очень интересует.

— Раз я был на одном судне, совершавшем рейсы между Африкой и Европой, — начал норвежец — Мы шли на всех парусах к Атлантическому океану. Я был свободен от службы и лежал на палубе, покуривая трубочку и калякая с товарищами. Вдруг послышались крики: «Морской змей! морской змей!» Я вскакиваю и бегу к борту корабля; там уже столпились все наши; смотрю через борт и вижу на поверхности воды какое-то страшное чудовище невероятной длины. Чешуя его так и сверкает на солнце.

— А какая его величина? — спросил Стюарт.

— Да футов около шестисот, не меньше. Голова у него змеиная, плавает он с каким-то особенным треском и издает сильный мускусный запах. Подойти же поближе мы не решились: мне думается, что достаточно было бы одного взмаха его страшного хвоста — и наше судно взлетело бы на воздух.

— Глупости! Я этому не верю! — вскричал Гарри.

— Это просто сказки! — прибавил и Гаральд.

— Зачем говорить так о том, чего вы не знаете? — заметил Стюарт. — Всего меньше еще исследовано море, а мало ли в нем чудес! Может быть, наступит время — и мы будем иметь в музее чучело морского змея, как имеем скелеты мамонта и других земных чудовищ, теперь уже исчезнувших. Морской змей тоже, вероятно, одна из исчезающих форм.

Слова эти заставили задуматься даже мальчиков.

Между тем наступило полное затишье, и шхуна неподвижно стояла на одном месте. Экипаж воспользовался этой остановкой и принялся за рыбную ловлю. Мальчики присоединились к матросам и помогали или, вернее, мешали им вытаскивать сети, ловить прыгавшую на дне лодок рыбу и перетаскивать ее на шхуну.

День прошел весело. К вечеру подул свежий попутный ветерок, и шхуна пошла на всех парусах. К утру, когда рассеялся туман, вдали показался Христиания, и ясно обрисовались берега Норвегии. Стюарт позвал обоих мальчиков на палубу. Шхуна шла быстро, очертания берега делались все яснее и яснее. Вскоре стали уже заметны холмы, покрытые лесами.

Что это за земля виднеется там? — спросил Гарри.

— Это Норвегия, а вот и Христиания, — отвечал наставник.

Значит, мы уже прошли Северное море и теперь плывем по этому... как его?.. — сказал Гаральд.

Северное море осталось за нами, и мы теперь проходим Скагеррак, — продолжал Стюарт.

— Скагеррак! — вскричал Гаральд. — Какое смешное название! Пойдите... около этого Скагеррака я видел на карте еще одно более чудное название... как его?..

— Да, припомните, как называется другой пролив, которым можно пройти в Балтийское море? — спросил Стюарт.

— Сейчас, сейчас, мистер Стюарт, подождите... Кар... Кит...

— Каттегат! — подсказал Гарри.

— Совершенно верно, Гарри, вы лучше знаете географию, — сказал учитель.

— А мы войдем в этот пролив? — продолжал Гаральд.

— Нет, мой друг. Каттегат останется у нас внизу, с правой стороны.

В этой беседе мальчики и не заметили, как шхуна подошла так близко к городу, что можно было видеть дома и сады.

Вскоре путников и их багаж пересадили в лодку и высадили на берег. Гавань была запружена судами всех наций. Точно лес, всюду виднелись мачты голландских, норвежских, французских, итальянских, русских, американских и других кораблей. На пристани стоял настоящий гул от смешанных криков и говора на всевозможных языках.

Выйдя на берег, наши путешественники совершенно бы растерялись в этой толпе, если бы не встретили своего знакомого Винченца, которому они очень обрадовались.

— Вы куда? — спросил он.

— Нам это безразлично, — отвечал Стюарт. — Сначала нужно бы разыскать какую-нибудь гостиницу. Там мы оставим свои вещи, закусим и отправимся осматривать город.

— Ну, на это вам не много понадобится времени. А потом?

— Потом я желал бы пробраться вглубь страны. Мне знакома Норвегия только по книгам и рассказам. Говорят, много хороших мест есть между Христианией и Бергеном.

— Да, это правда. Я тоже еду в Берген. Хотите ехать вместе? Я знаю эти места и, может быть, буду вам полезен дорогою.

— Благодарю вас, вы очень любезны. С удовольствием принимаю ваше предложение. Но на чем мы поедим?

— А вы не видали здешних экипажей?

— Нет еще.

— Смотрите, вот вам образец,— и Винцент указал на проезжавшую мимо таратайку.

Это был какой-то странный экипаж с высокой спинкой, запряженный одной лошадей. В нем сидел, вернее — полулежал, растянувшись во всю длину, пассажир. Сзади, на запятках, стоял кучер и управлял оттуда лошадей через голову пассажира.

— Какие чудные тележки! — вскричал Гаральд. — Как же мы влезем в такой экипаж?

— Каждый из нас сядет в отдельную таратайку. Они приспособлены только для одного пассажира,— заметил, улыбаясь, Винцент.

— Вот это отлично! — воскликнул Гарри. — Джерри,— обратился он к брату,— мы можем сами править.

— Это мы увидим! — произнес Стюарт. — А теперь пойдемте в гостиницу.

По дороге они наняли четыре таратайки к завтрашнему утру и, придя в гостиницу, плотно закусили, напились чаю и отправились осматривать город.

На другой день, рано утром, путешественники уселись в эти оригинальные экипажи и отправились в путь.

Дорогою Гаральд вздумал разговориться со своим кучером, который был одних лет с ним и так смешно коверкал известный ему небольшой запас английских слов, что Гаральд не утерпел и стал его дразнить. Кучер обиделся, остановил лошадей, соскочил на землю и проговорил наскоро подбирая английские слова и немилосердно их коверкая:

— Я не хотеть ехать... смеяться меня... Ходить вон! — и он с угрожающим видом подошел к своему пассажиру, хохотавшему до упаду при виде жестов норвежца.

— Ах ты, дурак этакий! — вскричал наконец Гаральд, видя, что его возница действительно не желает ехать

дальше.— Так вот тебе за это! — прибавил он, дав поря-
лочную затрещину своему кучеру.

O-o!..— закричал окончательно выведенный из себя
норвежец, и стащив седока с таратайки, принялся ту-
зить его.

Услышав крики, ехавший впереди Стюарт оглянулся,
приказал остановиться и вышел из экипажа.

Когда он подошел к месту драки, то она приняла уже
такой вид: сильный норвежец повалил Гаральда и, сидя
на нем, колотил его обоими кулаками.

— Ну, довольно, довольно! — проговорил Стюарт, от-
таскивая норвежца от своего ученика.— Теперь можно
надеться, что он поумнеет и будет вежливее. Это слав-
ный урок для него. Право, мне стыдно за вас, Гаральд! —
прибавил он, помогая мальчику подняться на ноги и от-
ряхивая с его платья пыль.

Норвежец добродушно засмеялся, взял вожжи и снова
забрался на свое место — на запятки.

— Погоди, я тебе это припомню, норвежская соба-
ка! — прошептал Гаральд, усаживаясь в таратайку.

— Не советую вам нападать больше на него, — сказал
Стюарт, — ведь вы видите, что он гораздо сильнее вас, и
в другой раз вам еще хуже достанется.

Не обошелся без приключения и Гарри. Пока здесь
разыгрывалась эта сцена, немного дальше происходила
другая.

Упросив своего кучера пересесть на свое место, Гарри
встал на запятки и взял вожжи. Молодая горячая ло-
шадь, почувствовав, что вожжи находятся в неумелых
руках, стала понемногу прибавлять шаг. Лошадь Вин-
цента едва поспевала за нею.

Вдруг лошадь Гарри, вырвав сильным движением го-
ловы вожжи из рук неопытного кучера, закусил удила
и понеслась изо всех сил. Тележка начала подпрыгивать
на каждой неровности дороги.

Гарри судорожно ухватился обеими руками за задок
тележки и стоял: ни жив, ни мертв. Кучер его хотел пой-
мать вожжи, но они соскочили с таратайки и волочились
по земле, так что он никак не мог достать их.

Но вот лошадь свернула с дороги немного в сторону,
и тележка принялась прыгать по кочкам. Через несколько
мгновений дощечка, на которой стоял Гарри, выскольз-
нула у него из-под ног, руки его разжались, выпустили

задок тележки, и мальчик свалился на землю. При падении он ударился головой о что-то твердое и потерял сознание.

Глава 3

НАУЧНЫЕ БЕСЕДЫ

Когда Гарри очнулся, то заметил, что лежит в какой-то большой комнате, с потолка которой свисали какие-то щепки. Только внимательно присмотревшись, он заметил, что эти щепки — сушеная рыба.

Мальчик закрыл глаза и стал припоминать, что с ним случилось. Мало-помалу память к нему начала возвращаться, и он ясно вспомнил все, только не мог понять, где находится.

«Где это я? — подумал он, снова открывая глаза и обводя ими комнату. — Куда девались мистер Стюарт и Гаральд? Неужели они покинули меня здесь одного?»

Ему больно было смотреть долго на свет, и он опять закрыл глаза. Вдруг Гарри услышал, как отворилась дверь и кто-то вошел в комнату. Он еще раз открыл глаза и заметил нагнувшееся к нему доброе лицо своего наставника.

— А я думал, вы покинули меня, мистер Стюарт, — сказал он слабым голосом.

— Напрасно вы так думали, Гарри, — отвечал Стюарт. — Ну, как вы теперь себя чувствуете?

— Ничего, так себе. Только вот очень болит голова.

— Ну, еще бы после такого падения! Вы помните, что с вами случилось?

— Помню. Лошадь понесла, я выпустил вожжи и грохнулся с этой проклятой таратайки. Но где я теперь?

— В одной рыбацкой хижине близ Христиании. Мы не успели далеко отъехать от этого города, когда случилось с вами несчастье.

— А Гаральд и Винцент?

— Гаральд, разумеется, здесь, а Винцент не может ждать вашего выздоровления и уехал один в Берген.

— Да разве я так давно болен?

— Уже две недели.

— Вот как! А мне казалось, что это все случилось вчера.

Мальчик был очень утомлен этим разговором и заметно ослабел. Стюарт увидел это и ласково сказал ему:
Засните, Гарри. Вы еще очень слабы, довольно разговаривать.

Мальчик улыбнулся и закрыл глаза, а Стюарт тихонько отошел от него.

Прошло несколько дней. Здоровье Гарри заметно поправилось; он встал с постели и начал выходить на воздух.

Однажды он сидел в саду в обществе брата и учителя. Последний рассказывал своим воспитанникам, что знал о Норвегии.

— Мистер Стюарт, помните, вы хотели нам рассказать что-то об Олафе? — сказал Гаральд.

— Помню, помню!.. Если хотите, я сейчас вам расскажу его историю, — ответил Стюарт.

— Пожалуйста! — воскликнули оба мальчика.

Нужно сказать, что за время болезни Гарри нравственное исправление сыновей полковника Остина сильно подвинулось вперед. Они уже почти перестали употреблять простонародные выражения и сделались менее грубы. Да и умственный горизонт их, вследствие постоянных бесед с наставником, начал несколько расширяться. Рассказы последнего им так нравились, что они готовы были целыми днями слушать его. Они и не подозревали, что эти рассказы почти те же школьные занятия, и очень удивились бы, если бы кто-нибудь им сказал, что с самого момента поступления к ним Стюарта в качестве их наставника они уже учатся. Мальчики серьезно воображали, что учиться значит сидеть за книгами и долбить скучные и непонятные слова.

Между тем, Стюарт, познакомившись с умственным развитием своих учеников, выбрал для занятий с ними сначала устную беседу. Этим он хотел заинтересовать их, заставить полюбить занятия. Он был твердо убежден, что добьется своей цели и принудит мальчиков просить его дать им книги.

Конечно, пока до этого было еще далеко, но Стюарт видел, что начало уже сделано, и искренно радовался, глядя на поворот к лучшему в характере и уме своих воспитанников.

— Ну, слушайте, — продолжал молодой наставник. — Олаф родился в 969 году на каком-то маленьком островке, название которого неизвестно. На этот остров мать

Олафа принуждена была бежать, спасаясь от преследований убийц своего мужа. Олаф еще ребенком был украден морскими разбойниками и продан в рабство. Впоследствии он как-то попал в Россию. Там его увидал Владимир и принял к себе на службу. Владимир любил людей мужественной наружности, а Олаф был силен, высок ростом и очень красив.

— А кто был этот Владимир? — спросил Гаральд.

— Это был русский князь. Он, подобно Константину Великому, принял христианство и крестил свой народ. Ну, слушайте дальше. Олаф был язычником; ему надоело служить у Владимира, и он уехал от него. После долгих скитаний он попал на остров Борнхольм, где сначала и поселился.

— А где находится этот остров? — перебил Гарри.

— На Балтийском море, южнее Швеции.

— Что же там делал Олаф? — спросил Гаральд.

— Он был морским разбойником. Всевозможные разбои тогда были почти всюду в большом ходу.

— Значит, тогда было очень весело жить! — вскричал Гаральд.

— Это вы сказали необдуманно, Гаральд, — заметил Стюарт. — Разве можно было весело жить в то время, когда каждую минуту вы рисковали лишиться всего вашего имущества, свободы и даже жизни? Подумайте.

— Да... вы правы, мистер Стюарт, — проговорил сконфуженным тоном мальчик, — я действительно не подумал об этом.

— То-то и есть, мой друг. Но я продолжаю. Однажды Олаф попал в Дублин. Ирландией в то время правила одна принцесса. Народ требовал, чтобы она выбрала себе кого-нибудь в мужья, и вот в Дублин съехалось множество богатых и знатных рыцарей. Все они собрались во дворце принцессы, где назначен был смотр. Между ними находился какой-то иностранец благородной и воинственной наружности, но в простой, грубой одежде. Он привлек внимание принцессы. Она спросила, как его имя и кто он. Он отвечал, что его зовут Олафом и что он норвежец.

— Хорошо, что он не наряжался: воину это не идет, — заметил Гаральд.

— Принцесса была того же мнения. Олаф ей сразу понравился, и она избрала его своим супругом. Вскоре

ства Олафа достигла норвежского короля Гакона. Это был очень дурной человек, и народ прозвал его злым; так он и был известен под именем Гакона Злого. Гакону было досадно, что его подданный сделался тоже королем. Он отправил в Ирландию одного хитрого человека, который угораздило в доверие к Олафу и под видом дружбы уговорил его поехать в Норвегию. Олаф прибыл туда как раз в то время, когда многие начальники составили заговор против злого короля. Гакон вынужден был бежать, а Олаф, которого король хотел лишить жизни, был выбран на место Гакона королем Норвегии.

— Вот как! — вскричал Гарри.— А каков он был королем?

— Он был хорошим военачальником и правителем, и хотя крестился, но не мог проникнуться духом христианства: тогдашние нравы были слишком грубы для этого. Крестившись, он, по примеру русского князя Владимира, задумал крестить и свой народ, но приступил к этому не так, как следует. Вместо того, чтобы действовать кротостью, как учит Евангелие, он стал принуждать норвежцев огнем и мечом и всевозможными пытками принимать крещение. Многие внешне приняли христианство, но в душе остались прежними язычниками. Если бы Олаф попробовал обращать их ласкою и кротостью, то, наверное, скорее достиг бы своей цели. Кротость всегда сильнее насилия.

— Это правда,— сказал Гарри.— Если бы вы, мистер Стюарт, постоянно бранили меня и наказывали, то я едва ли стал бы вас слушаться. Может быть, внешне я и слушался бы, но зато в душе я проклинал бы вас так же, как теперь люблю и уважаю.

Мальчик со слезами на глазах протянул руку своему воспитателю, который дружески пожал ее.

— Мне очень нравится история Олафа,— проговорил Гаральд.— Неужели, мистер Стюарт, вся история так интересна? Я думал, что это очень скучная вещь.

— Это зависит от того, как ее передают,— отвечал молодой наставник.— Историю можно передавать так, что она никогда не наскучит, и чем более вы будете узнавать ее, тем еще больше вам захочется знать.

В таких беседах проходило все время до полного выздоровления Гарри, и мальчики проникались все большим и большим уважением к своему наставнику.

Глава 4

В ЛЕСУ

Когда Гарри окончательно поправился, наши путешественники, поблагодарив радушных хозяев за гостеприимство, отправились далее. На этот раз пошли пешком, намереваясь таким образом дойти до самого Бергена.

Этот способ путешествия они нашли еще приятнее, так как могли не спешить и заходить дорогою, куда вздумается. Они часто останавливались в разных деревушках, на хуторах и мызах. Везде их принимали хорошо, угощали всем, что имелось лучшего.

Стюарт и дорогою рассказывал своим воспитанникам различные эпизоды из истории, посвящал их понемногу в естественные науки и с удовольствием замечал, что интерес, с которым слушают его мальчики, не ослабевает.

Гарри и Гаральд все время ожидали встречи с волком или с каким-нибудь другим животным, на котором можно было бы попробовать ружья.

И вот однажды послышался какой-то шум. Гарри поспешно взвел курок и закричал брату:

— Джерри, приготовься, сейчас будут волки. Слышишь, как они воют?

Гаральд последовал примеру брата, и оба мальчика в лихорадочном ожидании пошли навстречу все усиливавшемуся шуму.

Стюарт прислушался, понял, в чем было дело, и с улыбкою сказал своим спутникам:

— Эти волки не могут сдвинуться с места. Пойдемте мы сами поскорее к ним.

Мальчики с удивлением посмотрели на своего наставника и, заинтересованные его словами, прибавили шаг.

По мере того, как они подвигались вперед, шум все усиливался и вскоре превратился в какой-то гул.

Заинтересованные мальчики с сильно бьющимися сердцами пробрались сквозь высокий и густой кустарник и остановились, пораженные величественной картиной.

Громадный водопад низвергался с такой высоты, что вокруг на значительное расстояние стоял гул и туман от брызг.

Грандиозное явление природы заставило всех путников на несколько минут онеметь от восторга. Они не мог-

ни оторвать глаз от воды, низвергавшейся с громадной высоты и игравшей на солнце всеми цветами радуги. Они смотрели до тех пор, пока глазам не сделалось больно.

Ах, как это хорошо! — опомнившись, первый закричал Гарри.

Вот так волки! — воскликнул в свою очередь Гаральд. — Какое великолепие! Право, трудно оторвать глаз от такого чуда, не правда ли, мистер Стюарт?

— Да, Джерри, вы правы! — отвечал наставник, продолжая любоваться интересным зрелищем.

Они уселись неподалеку от водопада и долго не переставали наблюдать величественный вид шумного падения воды.

— А что, в Норвегии есть еще такие водопады? — спросил Гарри.

— Да, здесь их много, как и вообще в горных странах. Но это, кажется, один из самых больших, — отвечал Стюарт.

Путники незаметно досидели до сумерек и собрались продолжать путь.

Днем им не стоило особенного труда отыскивать дорогу, если и приходилось удаляться от нее в сторону; вечером же это было трудно.

Хотя сумерки в северных странах, в противоположность южным, гораздо продолжительнее и ночи бывают часто очень светлые, тем не менее в лесу делалось все темнее и темнее, и наши путники, побродив некоторое время по лесу, поняли, что они заблудились: дороги нигде не было, кругом — один бесконечный лес.

— Кажется, мы заблудились, — сказал наконец Стюарт.

— Эка важность! — воскликнул Гаральд. — Мы здесь переночуем и отлично выспимся под этими соснами. Кстати, я голоден и чувствую порядочную усталость.

— А волки? — сказал Гарри.

— А у нас есть ружья, — заметил Гаральд.

— А ты просидишь целую ночь со своим ружьем в ожидании волков?

— Мы можем по очереди...

— Оставьте этот спор, — перебил Стюарт, — против волков есть более действенное средство, нежели ваши ружья.

— Какое же? — спросили оба мальчика.

— Костер. Мы разведем большой огонь и будем поддерживать его до утра. Это будет нетрудно — ночи здесь короткие. А вот беда, что мы будем есть?

— Можно сварить суп,— заметил Гаральд,— у меня есть в мешке крупа, а у Гарри — бульон.

— А горшок и вода? Разве можно без них сварить суп?

— Ах, да! я и не подумал об этом.

— То-то и есть. Лучше вот что: вы соберите здесь побольше хворосту и сухих сучьев, а мы с Гарри пойдем, поищем какой-нибудь дичи,— распорядился Стюарт.

Наставник и Гарри ушли, а Гаральд принялся собирать хворост и сучья. Материала этого было везде в изобилии, и он вскоре набрал его громадное количество.

Во время этой работы он услышал два выстрела и понял, что Стюарт и Гарри напали на добычу.

В ожидании их возвращения Гаральд развел огромный костер, пламя которого высоко поднималось вверх и служило Стюарту и Гарри указанием, где находился Гаральд.

Когда они подошли к костру, то он страшно пылал, и целый столб черного дыма высоко поднимался вверх. Гаральду, очевидно, очень понравилось, что костер принимал все более гигантские размеры, потому что он не переставал подбрасывать в него сучья и хворост. Не останови его вовремя подошедший наставник, он, наверное, сжег бы находившийся поблизости от костра лес.

— Довольно! Довольно, Гаральд! — закричал Стюарт.— Ведь вы так сожжете весь лес! Смотрите, ближайшие деревья уже начинают глеть.

— Ну, что за важность! — воскликнул мальчик, любясь костром,— разве этот лес составляет чью-нибудь ответственность?

— Этого я не знаю,— серьезно заметил Стюарт.— Но если бы он и не принадлежал никому, зачем же безо всякой надобности губить то, что создал Бог?

— Простите, мистер Стюарт! Я несколько увлекся,— сконфуженно пробормотал мальчик.

— То-то, мой милый друг. Пожалуйста, обдумывайте в другой раз свои поступки. Ну, теперь вот что: Гарри убил какую-то птицу — ошиплите ее вместе с ним, пока я буду снимать шкуру с этого зверька, которого удалось

подстрелить мне,— проговорил молодой наставник, сбрасывая на землю зайца.

Когда ужин поспел, наши путешественники плотно закусили и, потужив о неимении воды, выпили по нескольку глотков водки, нашедшейся у Стюарта, а потом улеглись спать.

Ночь прошла благополучно. Когда они проснулись, то все почувствовали сильную жажду, но воды нигде не было. От водопада же они были, очевидно, далеко, потому что даже не было слышно его шума.

Мучимые сильной жаждой, наши путники забрали свои вещи и пошли дальше, руководствуясь в направлении солнцем.

Так прошли они несколько часов и добрались до опушки леса. Солнце стало сильно жечь, и жажда у всех сделалась прямо нестерпима. Вдруг Гаральд остановился и весело воскликнул:

Глядите! Глядите! Здесь земля гораздо рыхлее, и вот следы какого-то животного!

— Пойдемте по этим следам,— сказал Стюарт,— они, вероятно, ведут к воде.

Повеселев, все прибавили шагу и направились по следам, которые делались все виднее и виднее. Наконец путники с восторгом увидели невдалеке светлую ленту небольшого ручья.

— Ура! — закричали оба мальчика и стремглав бросились к прозрачной, как кристалл, воде.

Припав пылающим лицом к холодной воде, они начали пить с такой жадностью, что Стюарту пришлось силою оттащить их от ручья из боязни, чтобы они не застудили желудок и не заболели.

Освежившись холодной водой, путники расположились отдохнуть на берегу ручья. Местечко было прелестное, и они с наслаждением любовались им.

Скоро они почувствовали голод. Гаральд опять вызвался развести огонь, а Стюарт и Гарри отправились отыскивать дичь.

Через час они возвратились к ярко пылавшему костру с двумя дикими утками. Вскоре утки были ошипаны и изжарены. Путешественники оказали такую честь обеим птицам, что от тех остались только косточки. Обед был запит водою с несколькими каплями вина, которое нашлось у запасливого Стюарта. Затем снова отправились в путь.

Так прошло несколько дней. Разнообразие путешествия состояло только в смене одной местности другою.

Добравшись до Винье, путешественники наняли телегу до подошвы фьельда *. Порядочно утомленные, они очень были рады отдохнуть перед восхождением на гору, а взойти на нее им очень хотелось, особенно когда они узнали, что там есть жилища и даже имеются почтовая дорога и станции для отдыха.

Дорога из Винье отличалась множеством красивых видов, и путники все время любовались ими.

По приезде на одну из станций они отпустили телегу и наняли верховых лошадей.

По мере того, как они поднимались вверх, воздух становился все холоднее и холоднее. Вскоре показался снег, которым круглый год бывают покрыты все эти места.

К вечеру путники добрались до мызы, приютившейся под громадной скалою, для защиты от холода и ветра.

— Вот где хорошо-то! — воскликнул Гаральд, входя в теплую комнату мызы.— Право, по-моему, нет ничего лучше путешествий. Когда я вырасту, то непременно буду всю жизнь путешествовать подобно Колумбу или Гулливеру. Может быть, и я открою что-нибудь вроде Америки или лиллипутов.

— Однако у вас очень спутанные понятия относительно правды и вымысла,— засмеялся Стюарт.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Стюарт? — спросил мальчик.

— А то, что открытие Америки Колумбом — факт, а Гулливер и его лиллипуты — сказка.

— Вот как! А я ведь серьезно думал, что есть такие страны, где живут карлики и великаны,— сказал разочарованным тоном мальчик.

— Нет, мой друг. Правда, есть такие страны, где люди отличаются высоким ростом, как, например, патагонцы. И, наоборот, лопари, живущие здесь, на самом севере Норвегии, очень малы. Но все-таки разница между теми и другими не такая, как пишут в сказках.

— Значит, мне много придется учиться, чтобы уметь отличать вымысел от правды,— искренно вздохнул мальчик.

— Да, Гаральд, я радуюсь, что у вас уже рождается

---

* Фьельдами в Норвегии называются лишённые растительности плоскогорья, лежащие под снеговой линией.

желание учиться. Была бы охота, а там все будет хорошо.

Хозяин мызы, осанистый, важного вида старик, принял путешественников очень радушно. Все они искренно жалели, что не знали норвежского языка и не могли вести беседы со стариком и его семейством.

Мальчикам очень нравилось, что семейство старика удивлялось многим их вещам. Казалось, они отроду не видели усовершенствованных английских удочек и садков для рыбы. Особенно их приводила в восторг карманная зрительная труба Гарри, в которую ясно можно было видеть самые отдаленные предметы, невидимые простыми глазами.

Глава 5

ЦЕЗАРЬ ПИНК

На ночь старик уступил им свою кровать. Как они ни старались объяснить ему, что вовсе не желают стеснять его, но, видя, что он готов обидеться, вынуждены были согласиться на его вежливость.

Хозяева отдали в их распоряжение всю переднюю комнату, а сами перешли в заднее отделение мызы.

Только наши путешественники устроились поудобнее около огня и принялись варить себе на ужин суп, в дверь кто-то постучался.

Один из мальчиков бросился отпирать, и на его вопрос, кто там, он, к величайшему удивлению, услышал вместо непонятного норвежского наречия свой родной язык.

— Прохожий. Пустите пожалуйста. Я очень озяб и страшно устал,— проговорил кто-то за дверью на чистейшем английском языке.

Мальчик отпер дверь.

— Здравствуйте! — проговорил, входя в комнату, средних лет высокого роста, в дорожном костюме, с типичным лицом и манерами чистокровного янки. — А! у вас уже и суп кипит, это отлично, — я сильно проголодался, — продолжал незнакомец веселым тоном, сбрасывая с себя охотничью сумку и плащ, предварительно поставив в угол ружье.

Бесцеремонность незнакомца удивила даже Стюарта. Он встал и подошел к нему

— Цезарь Пинк,— продолжал незнакомец, рекомендуясь Стюарту.— А как ваши имена, благородные лорды?

Стюарт назвал себя и представил знакомцу обоих мальчиков.

— Так я и знал, что вы англичане! — воскликнул незнакомец, крепко пожимая руки нашим путникам.— Куда только ни заберутся эти любопытные сыны Альбиона! Ну, да это в моем духе: я американец и тоже люблю таскаться по свету,— в этом отношении мы вполне походим друг на друга. Да здравствуют две великие нации, говорящие на одном языке, хотя разных взглядов и убеждений! А впрочем, черт с ними, с этими взглядами!.. Давайте лучше ужинать, иначе суп перекипит.

Незнакомец положительно понравился нашим путешественникам, и они в несколько минут с ним так подружились, как будто были знакомы уже несколько лет.

На утро поднялись очень рано. Первый встал американец и сейчас же растолкал своих новых друзей.

После завтрака наши путешественники взяли лошадей и во главе с Цезарем Пинком, уже несколько знакомым с этими местами, отправились на фьельд.

Дорога была очень неудобная и крутая. Путешественники, особенно Гаральд, то и дело проваливались в снег; часто они принуждены были спешиваться и взбираться на гору пешком, ведя под уздцы лошадей.

Через несколько часов они, сильно измучившись, добрались до одной долины, где нашлась избушка, в которой все и остановились обедать.

— И это здесь называется дорогою! Да ведь это черт знает что! — жаловался Гаральд, потирая ушибленные ноги и озябшие руки.

— Да, это не то, что у вас в Лондоне, в Гайд-Парке, мой юный друг,— говорил американец, запихивая в рот громадный кусок свинины.— Хотя вы и англичанин, а все-таки мне сдается, что **вам** не взобраться на гору.

— Это почему?! — горячился Гарри, который был счастливее брата и ни разу не провалился нигде в снегу.— Ведь ходят же другие на фьельд, пройдем и мы.

Цезарь Пинк громко расхохотался.

— Те, те, те, мой юный петушок! Это вы говорите так

потому, что не видали еще настоящей дурной дороги на фьельд.

А разве та, по которой мы лезли сюда, по-вашему, хорошая дорога? — спросил с заметным раздражением Гаральд.

— Порядочная! — хладнокровно проговорил американец, раскуривая трубку. — Доказательством этому служит то, что даже вы взобрались по ней сюда и доставляете мне удовольствие беседовать с вами.

— Но, мистер Пинк, неужели дальше будет еще хуже? — спросил Гарри.

— Несравненно хуже, мой юный друг. Нам придется все время идти по колени, а то и прямо по пояс в снегу и ежеминутно рисковать куда-нибудь провалиться в пропасть.

— Но ведь это ужасно! — вскричала Гаральд.

Американец молча пожал плечами.

— А нет ли на фьельд другой дороги? — спросил Стюарт.

— Есть. И я удивляюсь, почему вы выбрали именно этот путь, — сказал Пинк.

— Мы заблудились в лесу, поэтому и попали сюда.

— Ага! В таком случае, вам нужно возвратиться в Киевенну — оттуда дорога на фьельд гораздо лучше. А здесь, повторяю, можно пройти только с опасностью для жизни.

— А зачем же вы сами хотите идти здесь? — спросил Гаральд.

— Я? Очень просто, мой милый петушок. Мне нравятся опасности, и я явился сюда вовсе не затем, чтобы ходить по паркету.

— В таком случае, нам действительно лучше последовать вашему совету, — задумчиво проговорил Стюарт.

— Но почему вы нам раньше не сказали об этом? — вскричал Гаральд.

— А потому, мой дружок, что молодые все очень самолюбивы. Чтобы заставить их поверить чему-нибудь, лучше всего дать им возможность самим испытать это. Вот почему я и умолчал раньше об этом.

— А вы не поедете с нами? — спросил Гарри, очень полюбивший веселого американца.

— Нет, мой друг. Я предпочитаю эту дорогу.

— А если вы погибнете?

— Ну вот еще! Я не раз преодолевал и бóльшие труд-

ности. Если же погибну, то обо мне плакать будет некому, будьте покойны.

Стюарт решил последовать совету американца, и они расстались. Пинк отправился вперед, а наши путешественники повернули назад по дороге в Киевенну.

Они взяли провожатого и ехали почти всю ночь. Только на рассвете показалась, наконец, мыза Киевенна, построенная на берегу реки и украшенная оленьими рогами.

Страшно измученные подъехали они к мызе. Около мызы они увидели какого-то старика-норвежца, чистившего нож.

Старик приветливо пригласил путников войти в дом, и они с удовольствием приняли это приглашение.

В громадной кухне горел сильный огонь, вокруг которого сидело несколько человек, занятых починкою сетей, лыж, чисткою ружей и пр. По знаку старика, гостям освободили место около огня, и они с наслаждением уселись тут.

Старика звали Христианом. Судя по общему уважению, он был хозяином мызы и главою семьи.

Вскоре началась оригинальная беседа англичан с норвежцами, ни слова не понимавшими друг у друга. Только Христиан, знавший немного по-немецки, и Стюарт, понимавший этот язык, кое-как толковали между собою.

Тем не менее было очень весело. Мальчики расспрашивали обо всем по-английски, а им объясняли по-норвежски, сопровождая слова всевозможными пантомимами, вызывавшими у всех дружный смех.

Целый день наши путешественники пробыли у гостеприимных норвежцев. Мальчики успели уже подружиться с внуками Христиана: учились у них ходить на лыжах, катались с горы на санках, причем Гаральд, которому эта забава особенно понравилась, ухитрился попасть в одну ложбину, к счастью неглубокую. Его оттуда вытащили, и он отделался только испугом да легкими ушибами.

— Как здесь хорошо и весело! Право, тут можно без скуки долго прожить,— говорил даже более серьезный Гарри, укладываясь спать на ночь.

— Ты прав, Гарри. Я нигде так весело не проводил времени, как здесь,— соглашался и Гаральд, растирая какую-то мазью, услужливо данною ему женой Христиана, синяк на боку, полученный им от падения с салазок.

На следующий день, утром, Стюарт и его воспитанники распрощались с радушными хозяевами и отправились на фьельд. Один из внуков старого норвежца, по имени тоже Христиан, вызвался служить им проводником.

Стюарт и его спутники очень были довольны этим и с радостью приняли предложение норвежца.

Jo, jo (да, да)! — кричали мальчики. — Едем с нами Христиан, — нам будет гораздо веселее.

Все были верхом и ехали довольно тихо. Вдруг Гаральд закричал:

— Смотрите, смотрите! Целое стадо оленей! Я сейчас выстрелю.

И он начал снимать ружье с плеча, но Христиан подскочил к нему, удержал его за руку и начал что-то объяснять ему.

— Да пусти же меня! — кричал мальчик, стараясь освободить свою руку, за которую его крепко держал норвежец. — Мистер Стюарт, — обратился он к учителю, — не знаете ли вы, что он бормочет? Почему он не дает мне стрелять?

— Он говорит, что эти олени принадлежат им, — сказал Стюарт, внимательно вслушиваясь в слова норвежца.

— А-а! Он так бы и сказал, а то бормочет Бог знает что.

— Да ведь он вам это и говорит, только на своем языке, — засмеялся Стюарт.

— Ах, да! — покраснел мальчик. — Я и не догадался.

Проехали еще несколько верст. Вдруг немного в стороне показалось новое стадо оленей, но уже не такое смелое, как первое. Животные испуганно подняли головы и стали обнюхивать воздух. Мальчики приподняли ружья и прицелились. Но на этот раз их остановил уже Стюарт.

— Погодите, не стреляйте! — сказал он.

— Почему же нам не стрелять? — спросил Гарри. — Разве и эти олени принадлежат кому-нибудь?

— Нет, это, кажется, дикие. Но с какой целью вы будете убивать их?

— Да просто так... поохотиться, — заметил Гаральд. — Раз эти олени не составляют ничьей собственности, то мы смело можем убить из них парочку, не нанеся никому ущерба.

— Нет, Гаральд, — серьезно заметил наставник, — я не

могу этого допустить. Это будет напрасное убийство. Что вам сделали несчастные животные? Пищей они нам не могут служить, потому что у нас достаточно запасов, а убивать их так, из одного удовольствия,— подлость. Подумайте, друзья мои, что вы хотите делать.

— Вы правы, мистер Стюарт,— сказал Гарри,— это было бы безрассудно с нашей стороны.

— То-то и есть, мой друг,— проговорил Стюарт.— А вы, Гаральд, согласны с этим? — обратился он к младшему воспитаннику.

— Да, мистер Стюарт, и я нахожу, что вы правы... вы всегда, впрочем, правы,— отвечал мальчик.

Несколько минут ехали молча. Христиан шел впереди всех на своих лыжах, и так быстро, что за ним едва поспевали лошади. Мальчики соблазнились примером норвежца и захотели сами идти на лыжах. У них было по паре лыж, привязанных сзади седла. Лыжи быстро были отвязаны. Юные путешественники надели это незаменимое приспособление северных стран на ноги и весело отправились дальше, а лошадей их взял за поводья Стюарт, не пожелавший идти пешком.

Однако мальчики как ни старались, но стали отставать от привычного к такого рода путешествиям норвежца и попросили его убавить шаг. Тот улыбнулся и пошел тише.

— Что это такое? — вскричал вдруг Гарри, заметив на снегу многочисленные следы каких-то крошечных животных.

— Это следы песцовки,— ответил Христиан.

— Что такое? что он говорит? — переспросил Гарри.

— Он говорит, что это следы песцовки,— сказал Стюарт.— Немногие знают этого интересного зверька. Это род пестрой мыши. Она известна также под именем «пеструшки» за ее белую с черными пятнами шкуру. Она очень смела, любит идти напрямик и часто переплывает даже реки.

— Вот как! — вскричал Гарри.— Но каким же образом?

— Самые старшие и сильные из них бросаются в воду и делают из себя род живого моста, по которому и переходят все остальные.

— Вот удивительные зверьки! — воскликнул Гаральд.— Значит, они умные?

— Да. Но всего удивительнее, что то же самое про-

делывают и вест-индские муравьи. Я не раз читал об этом.

— Муравьи! — с удивлением вскричал Гарри. — Такие крошечные насекомые! Да разве это возможно?

— Вы забываете, Гарри, что муравей — одно из самых умных насекомых, притом вест-индские муравьи гораздо крупнее наших.

— Вот чудеса-то! — воскликнул Гарри.

— Песцовка падает с неба, — вдруг проговорил Христиан.

— Что еще бормочет этот норвежец? — спросил Гаррильд.

— Он говорит, что песцовка падает с неба, — перевел, улыбаясь, Стюарт, начинавший уже понимать норвежский язык и немного говорить на нем.

— Вот вздор-то! Это и я знаю, что неправда, — продолжал мальчик. — А вы верите этому, мистер Стюарт?

— Конечно, нет. Но разве мало среди неразвитых людей в ходу еще больших нелепостей! Но погодите, дайте мне спросить, откуда у них явилось это поверье. Почему вы думаете, что песцовка падает с неба? — обратился Стюарт к норвежцу

— Отец видел, — ответил последний таким уверенным тоном, что молодой учитель не решился разубеждать его.

Он только перевел его ответ мальчикам с некоторыми своими комментариями, вследствие которых оба его воспитанника залились громким хохотом. Примеру их последовал и Христиан, хотя и не понимал причины смеха своих спутников, что еще больше смешило их.

В таких разговорах они понемногу подвигались вперед. Сделалось очень холодно. И эта дорога не могла называться хорошей, хотя и была лучше той, по которой отправился Цезарь Пинк. В некоторых местах и здесь приходилось тонуть в снегу, а в других — переправляться вброд через быстрые ручьи и речки.

Красных видов совсем не попадалось. Картина была так однообразна, что мало-помалу навела на наших путешественников полное уныние, чему, впрочем, немало способствовали холод и усталость.

Наконец они добрались до ночлега. Все повеселели, а Гарри даже сострил при виде лачуги, в которой путники должны были провести ночь.

— Э! да это настоящий дворец! — сказал он, когда Христиан указал, где можно остановиться.

«Дворец» оказался действительно достойным своего названия. Представьте себе бесформенную грудку громадных камней, грубо сложенных и готовых, казалось, каждую минуту развалиться под напором ветра. В этих камнях было проделано три отверстия: два в стенах, причем одно, побольше, изображало, вероятно, вход, хотя пробраться в него можно было только на четвереньках. Другое, поменьше, — окно, а цель третьего отверстия, сверху, объяснил Гарри.

— Эта дыра, — заметил он, — предназначена, вероятно, для выхода дыма и должна изображать собою печную трубу, если бы путникам пришла в голову блажь развести в этом дворце огонь.

Как бы то ни было, но за неимением лучшего помещения пришлось удовольствоваться этой лачугой.

Расседлали лошадей и пустили их разыскивать себе подножный корм, а сами путники пролезли в «дверь». Места для четверых было очень мало, но, потеснившись, можно было бы кое-как устроиться, если бы удалось развести огонь. Хотя вокруг росло много багуна и исландского мха, но сырой хворост долго не хотел разгораться.

Громадные клубы дыма наполняли всю лачугу, и, чтобы не задохнуться, путники принуждены были то и дело выбегать на воздух.

Наконец кое-как удалось развести сильный огонь, и только тогда дым пошел прямо в верхнее отверстие. Все уселись на четвереньках вокруг очага.

— Теперь недостает только хорошего ужина, — заметил Гарри, когда начал несколько согреваться.

— За этим дело не станет, — сказал Стюарт, — сейчас займемся стряпней.

Он достал котелок, Христиан сходил наполнил его водою и поставил на огонь. Когда вода закипела, в котелок положили мясных консервов. Вскоре суп был готов.

Пужинали довольно весело, потом подбросили в огонь побольше горючего материала и улеглись спать, завернувшись в одеяла.

Под утро огонь, однако, погас, и наши путники так сильно озябли, что даже проснулись.

— Гм! — говорил Гарри, потирая окоченевшие ноги и руки. — Нельзя сказать, чтобы в этом дворце было слишком тепло.

— Черт знает, какой холод! — ворчал Гаральд. —

И утрадило же нас забраться сюда! Я положительно не могу шевельнуть ни одним пальцем.

Сейчас мы вас расшевелим! — заметил Стюарт, радувая огонь, чуть тлевший в очаге.

Через час, когда все путники сидели за завтраком и в личуге сделалось гораздо теплее, Гаральд перестал жаловаться.

Право, здесь очень недурно, — говорил он, прихлебывая душистый кофе со сливками, которые нашлись у предусмотрительного Стюарта.

— А кто недавно говорил совсем не то? — спросил со смехом последний.

— Ах, мистер Стюарт, охота вам вспоминать о каждой глупости, которую я сделал! — возразил мальчик.

— Так вы старайтесь не делать их, тогда мне не придется вспоминать о них.

Мальчик покраснел и замолчал. Стюарт с удовольствием видел, какая теперь разница между этим мальчиком и тем грубым дикарем, которого он нашел в доме полковника Остина, когда в первый раз увидел его. Особо ему радовал Гарри, который сделался положительно неузнаваем. Гаральд еще нет-нет да и выкинет какую-нибудь штуку, похожую на прежнее, а Гарри ничего подобного уже себе не позволял.

После завтрака оседлали лошадей, навьючили на них свои вещи и поехали дальше. Путешественникам пришлось спуститься к озеру. Воздух стал гораздо теплее. Снега уже не было, неудобств никаких не чувствовалось, все путники были веселы и в самом хорошем расположении духа доехали до реки Гардангер, на берегу которой было большое селение, где они и остановились.

Разместившись в теплой и чистенькой хижинке, они с удовольствием там пообедали, потом напились вечером чаю и с еще большим удовольствием улеглись спать на теплых и мягких постелях.

— Ах, как это хорошо! — сказал Гарри, с наслаждением потягиваясь на постели.

— Да, это будет получше сырого пола в нашем вчерашнем дворце, — проговорил Гаральд. — Впрочем, ты находил, что и там было хорошо.

— Человек должен привыкать ко всякому положению, — философски заметил Гарри полусонным голосом и сейчас же заснул.

Примеру его последовал и брат.

Глава 6

В БЕРГЕНЕ

На другой день они распрощались с Христианом, сдали ему лошадей и отправились дальше пешком прямо к озеру. На берегу озера они нашли лодку и двух гребцов и уселись в нее.

Озеро было спокойно и гладко как зеркало, но когда они добрались до фьорда *, поднялся небольшой ветерок, вода стала колыхаться, волны заходили все выше и выше, лодка начала подпрыгивать и нырять, то поднимаясь, то опускаясь. Мальчикам сначала очень это понравилось, но вскоре и они поняли, что это не забава и может окончиться очень скверно.

Ветер делался все сильнее и сильнее, волны фьорда поднимались выше и выше, лодку бросало во все стороны, как щепку. Мальчики принуждены были ухватиться обеими руками за края лодки, чтобы не быть выброшенными в воду.

Вдруг одна волна с такой силой ударила в лодку, что перевернула ее вверх дном, и все пассажиры очутились в воде.

До берега было недалеко, и виднелась какая-то деревня. Гарри ухватился за лодку, а Гаральд беспомощно барахтался в воде и, наверное, утонул бы, если бы к нему не поспешили на помощь Стюарт и оба гребца. Оказалось, что ни один из мальчиков не умеет плавать.

— Держитесь хорошенько, Гарри! — крикнул ему Стюарт, помогая одному из гребцов перевернуть лодку дном вниз. После громадных усилий ему удалось это сделать. Все схватились за края лодки и в таком положении пробыли до тех пор, пока с берега не поспешили к ним на помощь на большом баркасе.

Приключение это окончилось только невольным купаньем и потерей всех вещей, которые были в лодке.

Когда платье было высушено и все успокоилось, Стюарт сказал своим воспитанникам:

— Удивляюсь, как это вы оба не умаете плавать. Неужели, живя в Индии, где так много больших рек и где каждый индус плавает как рыба, вы не могли выучиться этому нетрудному искусству?

* Так называются в Норвегии заливы, глубоко вдающиеся в землю.

Мы не особенно любили воду и полагали, что это вовсе нам не нужно,— отвечал Гаральд.

Однако, видите, вы едва было не утонули из-за этого. Никакое знание не бывает лишним, запомните это хорошенько. А теперь я вас буду учить плавать, и, пока вы не выучитесь, мы не тронемся отсюда с места.

— А если мы не в состоянии будем выучиться плавать, значит на всю жизнь останемся здесь? — продолжил Гаральд.

— Искусство это так просто, что вы в несколько дней будете отлично владеть им,— сказал Стюарт.

— Мне очень жаль наших вещей, особенно ружей. Что теперь мы будем делать без них? — спросил Гарри, печально смотря на озеро.

— Вещей, конечно, жаль. Но, к счастью, деньги у меня уцелели, и мы приобретем в Бергене все, чего лишились,— ответил Стюарт.

Со следующего дня он стал учить мальчиков плаванию, и в несколько дней достиг того, что они стали плавать и нырять не хуже его самого.

Однажды, купаясь с мальчиками в фьорде, Стюарт доплыл до того места, где опрокинулась их лодка и нырнул. Вскоре он вынырнул с мешком в руках. К радости мальчиков, это был мешок Гаральда, в котором было много общих вещей. Часть вещей, правда, была испорчена водой, но большинство оказалось годными.

Когда мальчики выучились достаточно хорошо, по мнению Стюарта, плавать, все снова отправились в путь.

Они наняли большую парусную лодку и намеревались плыть водою до самого Бергена.

Через несколько дней они счастливо добрались до этого города.

С пристани они взяли экипаж, в котором и направились в город. Экипаж был очень неудобен, дорога невозможная, лошади плохие, так что они еле дотащились до города. Дорогою, прыгая по рытвинам и ухабам и все время бранясь, Гаральд, наконец, больно прикусил себе язык и замолчал.

— В этой дикой стране, вероятно, все устроено с целью доставить как можно больше неприятностей и неудобств для путешественников,— с сердцем сказал он, выходя из экипажа по приезде в город.— И здесь, наверное, нет ни одного человека, который понимал бы по-анг-

лийски,— прибавил мальчик, презрительно смотря на кучера.

— Вы рискуете ошибиться, сэр, и очутиться в очень смешном положении, если будете так поспешно высказывать свое мнение. А что касается высказанных вами нападок на наши дорожные неудобства, то лица, которые боятся их, напрасно не сидят дома,— с достоинством сказал кучер на довольно чистом английском языке.

— Что, Гаральд, попались? — заметил со смехом Стюарт смущенному мальчику.— Вот вам первый урок держания языка за зубами. Вы видите, что норвежцы не менее англичан любят родину и умеют сохранять свое достоинство.

Когда наши путешественники сидели в гостинице за обедом, Гарри заметил:

— Не мешает иногда померзнуть и поголодать, чтобы вспомнить об этом, сидя в хорошей комнате за сытным обедом.

— Ого, Гарри, да вы еще и философ! — воскликнул, смеясь, Стюарт.

— Философ! Что это за птица? — спросил Гаральд.

— Это — человек, извлекающий хорошее из всякого положения и примиряющийся со всеми обстоятельствами. Ну, мои друзья, теперь мы пообедали. Отдохнем немного, да и отправимся осматривать город.

— С удовольствием, мистер Стюарт! — отозвался Гарри.— Я только что хотел вас просить об этом.

Часа через три, отдохнув и напившись чаю, наши путешественники отправились осматривать город.

Берген, один из главных торговых городов Норвегии, лежит на западной стороне Скандинавского полуострова. В нем находится собор и древний замок Бергенгауз, бывший во время Кальмарской унии резиденцией норвежских королей. Город известен, главным образом, громадным вывозом соленой рыбы и особенно сельдей.

Когда наши путешественники вышли из гостиницы, городская жизнь была в полном разгаре: улицы наполнены народом, одетым в самые разнообразные пестрые костюмы, дома большей частью деревянные, окрашены всевозможными цветами, везде замечалось полное оживление.

— Право, здесь очень недурно! — заметил Гарри, любясь оживленной городской жизнью.

— Да, гораздо лучше, чем в том дворце, где мы недавно ночевали,— сказал Гаральд, который никак не мог

шбывать лачугу и продолжал в насмешку называть ее дворцом.

— Пойдемте к пристани,— там еще веселее,— предложил Стюарт.

Когда они подходили туда, Стюарт вдруг услышал позади себя знакомый голос. Он поспешно обернулся и, заметив Винцента, протянул ему руку.

— Ну, как поживаете? — спросил последний, пожмая руки бывших своих спутников.— Давно вы здесь?

— Нет, только сегодня попали сюда. А вы давно?

— О, я уже тут около месяца. Ну, как ваше здоровье, мистер Гарри? — обратился Винцент к мальчику.— Оправились вы после вашего падения из экипажа?

— Благодарю вас, давно оправился,— отвечал Гарри.

— А вы, мистер Гаральд? Не было ли у вас приключений после вашего ратоборства с кучером?

— О, у него еще было несколько приключений после того. Неделю тому назад он чуть было не утонул, а когда мы ехали сюда, он едва не откусил и не проглотил собственный язык,— сказал Стюарт.— Вообще этому юноше везет на приключения. Где с другими ничего не бывает, он все-таки ухитрится наткнуться на какое-нибудь приключение. Я уверен, что и здесь так не обойдется,— смеясь, добавил он.

— Но, мистер Стюарт, что же может случиться здесь? — проговорил смущенный мальчик.

— Не знаю, но чувствую, что какую-нибудь штуку вы выкинете и здесь.

Пристань была наполнена судами государств всего мира.

— Смотрите, какой нескладный корабль! — сказал Гаральд, указав на одно парусное судно.

— Вам оно не нравится? А я напротив, очень люблю эти тяжелые яхты: они переносят меня в прежние времена, когда не было теперешних легких судов и пароходов, управлять которыми гораздо легче, чем старинными парусными кораблями,— заметил Стюарт.

— Яхты! Это вы называете яхтами? Да я думаю, вот эта нескладиха построена еще во времена Олафа,— прибавил мальчик, указав на одно особенно неуклюжее судно.

— Очень может быть, что оно построено по тому типу, который был приют в те времена, но нужно сознаться, что построено все-таки очень прочно и в крепости смело

поспорит с современными железными пароходами. Эти яхты идут с дальнего севера, с финмаркенской рыбной ловли. Им часто угрожает опасность быть затертыми льдом, поэтому они и строятся особенно прочно.

— А чем грузят вон те суда? — спросил Гарри, указав на несколько громадных барок.

— Лесом и рыбой, составляющими главный предмет здешнего вывоза.

— А это что? — спросил мальчик, указывая на какой-то замок, видневшийся на другой стороне пристани.

— Это замок Бергенгауз, или, как его называют здесь, дворец Олафа.

— Опять Олаф! — вскричал Гаральд.

— Да, мой друг. Здесь мы на каждом шагу будем встречаться с этим дорогим для норвежцев именем, с которым у них связано, кажется, все выдающееся.

— Говорят, этот замок построен на развалинах прежнего каким-то Вокендорфом, именем которого он теперь и зовется, — сказал Винцент.

— А кто был это Вокендорф? — спросил любознательный Гарри.

— Не знаю, — отвечал Винцент. — Я слышал, как некоторые называли его строителем этого замка, но больше, к сожалению, ничего не знаю! Может быть, вам кое-что известно? — обратился он к Стюарту.

— Европейские историки вообще почему-то мало занимаются Норвегией, хотя и в ней немало интересного, — отозвался последний. — Я знаю, что один Вокендорф, живший во времена нашей королевы Елизаветы, уничтожил Ганзейский союз, т. е. союз немецких купцов, обитавших жителей Бергена.

— Вероятно, это именно тот самый Вокендорф, который построил этот замок, — вставил свое замечание Гарри.

— Очень может быть. Его имя до сих пор произносится с уважением и благодарностью среди бергенцев.

Побродив еще несколько времени по городу, наши путешественники возвратились сильно усталые в гостиницу. Наскоро поужинав, они улеглись спать и сейчас же заснули как убитые.

Среди самой глухой ночи они вдруг услышали какой-то шум и крики. Первый проснулся Стюарт. Он быстро соскочил с постели и подошел к окну.

— Ого! — вскричал он, подняв темную штору.

Вся комната внезапно осветилась каким-то красноватым светом.

— Что это такое? — спросил, проснувшись, Гарри.

— Пожар, и, кажется, довольно сильный! — сказал Стюарт, смотря в окно. — Вставайте скорее. Гарри, будите брата и одевайтесь. Мы можем быть там полезны. Я знаком с некоторыми пожарными приемами.

Через несколько минут они были уже на улице.

Отовсюду бежал народ и ехали пожарные трубы. Жилыцы всех смежных домов, полуодетые, вытаскивали свои пожитки. Крики и суматоха были страшные. Порядки, как и всегда в подобных случаях, не было никакого.

Мальчики раз видели пожар в Лондоне, но там дома каменные, и он скоро был потушен. Представить же себе пожар в городе, где, подобно Бергену, большинство домов деревянные, они никак не могли. Это страшное зрелище их и ужасало, и восхищало.

Горело сразу несколько домов. Пламя гудело, трещало и свистело. Громадные столбы черного дыма вились над каждым горевшим зданием. Напрасно старались направлять в пламя сильные струи воды: оно только трещало, но не уменьшалось, и дым шел все сильнее и сильнее.

Вся левая сторона улицы, противоположная той, на которой помещалась гостиница, где остановились наши путешественники, была объята пламенем. Огонь быстро перекидывало с одного здания на другое.

— Огонь, вероятно, доберется до реки и только там остановится, — заметил один из зрителей.

Слова эти были сказаны на английском языке. Стюарт и мальчики только хотели обернуться в сторону, откуда слышались слова, произнесенные на их родном языке, как вдруг внимание их было отвлечено в другую сторону. Слышался крик, и какая-то женщина бросилась к одному дому, который еще не был охвачен пламенем, но уже загорался.

— Там, очевидно, ребенок! — продолжал тот же голос по-английски.

Все бросились к этому дому, но, выломав дверь, невольно отступили назад: целое облако густого черного дыма вырвалось из-за двери.

— Там ребенок! Его нужно спасти! — закричал Гарри, бросаясь в дверь.

— Вы с ума сошли, мой милый! — сказал сзади маль-

чика какой-то незнакомец и сильно схватил его за плечи, стараясь оттащить от двери.

— Пустите же меня! Ради Бога пустите! — вырывался Гарри.— Ведь ребенок там задохнется!

— Вы сами погибнете и ничего не сделаете! — продолжал незнакомец, удерживая мальчика.— Сейчас принесут лестницу — тогда с Богом.

Но стоявший рядом Стюарт не стал дожидаться лестницы. Узнав от плачущей женщины, в которой комнате ребенок, он быстро полез на дом по водосточной трубе. Поощряемый одобрительными криками толпы, молодой учитель живо добрался до окна, выбил его сильным ударом, вскочил на подоконник и исчез в комнате.

Сердца у всех замерли. Прошла минута напряженного ожидания. Но вот в окне показался Стюарт с ребенком в руках. Раздались шумные восклицания восторга. К окну была приставлена лестница, и молодой спаситель благополучно спустился с своей ношей на землю.

Ребенок, оказавшийся двухлетним мальчиком, почти задохнулся от дыма и был без сознания. Стюарт хотел передать ребенка матери, но она уже лежала без чувств.

— Мистер Стюарт, дайте мне его,— сказал Гарри,— а вы займитесь его матерью.

— Возьмите, Гарри, и несите его в нашу гостиницу! — приказал Стюарт, передавая мальчику ребенка.

После ухода Гарри он обернулся к лежавшей в обмороке женщине и заметил около нее на коленях незнакомца, гозорившего по-английски.

Последний приподнялся и, протягивая Стюарту руку, проговорил взволнованным голосом:

— Вы благородный и храбрый человек. Узнаю в вас англичанина. Я — доктор Грантли, и моя дружба...

— Обо всем этом мы поговорим потом, доктор, а теперь помогите мне перенести эту бедную женщину в гостиницу, где я остановился,— перебил Стюарт, сказав свое имя и наскоро пожав протянутую ему руку.

Глава 7

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С МЕДВЕДЕМ

Через несколько минут женщина была перенесена в гостиницу и приведена в чувство. Сынок ее, уже раньше пришедший в себя, сидел на кровати и протягивал к ма-

тери ручонки. Счастливая мать схватила его на руки и покрыла поцелуями. Потом она подошла к Стюарту и крепко поцеловала его руку, прежде чем смущенный молодой человек успел ее отдернуть.

Оставив женщину с ее ребенком в гостинице, Стюарт, доктор Грантли и оба мальчика вновь отправились на пожар, где и пробыли весь остаток ночи, принося посильную пользу.

К утру пожар затих. Сгорело несколько десятков домов, и почти все имущество погорельцев погибло в пламени. Такова участь всех городов со скученными деревянными постройками!

Через несколько дней после описанных событий Стюарт отправился с мальчиками за город.

Когда они вошли в лес, послышался какой-то странный звук — точно терли железо о камень.

— Должно быть, дровосек топор точит, — сказал Гарри.

Стюарт прислушался, потом, улыбнувшись, проговорил:

— Идите, господа, тише, иначе мы спугнем ее!

— Кого? Разве это не человек? — спросил с удивлением Гаральд.

— Нет. Идемте, и вы увидите, кто это.

Они тихо пошли по направлению странных звуков.

Подойдя ближе, Стюарт приказал мальчикам прилечь в кустах и смотреть оттуда.

За кустами была небольшая поляна, по которой гордо расхаживала красивая большая птица, очень похожая на индейского петуха. Голова и шея у птицы были пестрые, грудь черная с зеленовато-бронзовым отливом и мохнатые ноги. Над ее блестящими и ясными глазами болтались два красных мясистых лоскутка.

Точно рассерженный индейский петух, красивая птица закинула назад голову и выпятила грудь, причем перья на груди и шее стояли дыбом.

— Вот так птичка! — прошептал Гаральд. — Мистер Стюарт, можно ее застрелить.

— Стреляйте! Недурно попробовать мясо этой птицы: оно очень вкусно. Только цельтесь вернее — она очень хитра и увертлива.

Не успел Стюарт проговорить последние слова, как раздался выстрел Гаральда. Птица присела, потом громко вскрикнув, поднялась вверх и быстро улетела, делая

зигзаги в воздухе. Выстрелы Стюарта и Гарри тоже пропали бесцельно.

— Чисто! И следа не осталось. Проклятая птица! — проворчал с досадою Гаральд.

— Я вас предупреждал, Гаральд, что эта птица очень увертлива, — заметил Стюарт.

— А что это за птица? — спросил Гарри.

— Это глухарь, одна из самых красивых птиц в этой стране, — отвечал наставник.

Охотники проходили несколько часов по лесу, настроляли кое-какой мелкой дичи и собирались было уже идти домой, как вдруг Гаральд, поглядывая на деревья, вскричал:

— Сколько гнезд! Я сейчас полезу за яйцами. Это будет отличная добавка к нашей дичи.

— Не стоит, Гаральд, у нас довольно дичи. Пойдемте лучше домой, — сказал Стюарт.

— Да вы идите с Гарри, я вас догоню.

— Ну, как хотите. Мы пойдем потихоньку.

Стюарт и Гарри отправились к городу, а Гаральд полез на дерево, на котором было большое гнездо. Запустив в него руку, мальчик не нашел там ни одного яйца. Очевидно, это гнездо было уже давно покинуто.

Спускаясь с дерева, он услышал внизу шум. Он взглянул туда и увидел какого-то косматого неуклюжего зверя, который, хрипя и сопя, обнюхивал ружье, оставленное мальчиком внизу под деревом.

«Уж не медведь ли это?» — подумал мальчик, сидя на суку.

Он еще не видывал медведей, и если бы был поопытнее, то посидел бы на дереве несколько минут, пока медведь не уйдет, но ему захотелось подразнить зверя. Он сорвал ветку, бросил ее в медведя и закричал:

— Эй, ты, косматый! Держи!

Медведь удивленно поднял кверху глаза и, заметив Гаральда, посмотрел несколько мгновений на него, очевидно, что-то соображая. Потом он вильнул хвостом и поплелся потихоньку от дерева.

Тем бы, вероятно, все и кончилось. Но мальчик, соскочив с дерева, схватил ружье и выстрелил зверю вдогонку.

Ружье было заряжено дробью. Очевидно, несколько дробинок попало в медведя. Конечно, они не причинили ему никакого вреда, зато страшно его рассердили.

Медведь сердито зарычал, поднялся на задние лапы и направился к мальчику. Только теперь последний понял всю опасность своего положения. Ружье его было разряжено, а заряжать его вновь не было времени.

Мальчик быстро спрятался за толстое дерево. Медведь тоже подошел к этому дереву. Мальчик перешел на другую сторону дерева, медведь — за ним. Таким образом они начали кружиться вокруг дерева.

У Гаральда душа ушла в пятки от страха. Он чувствовал, что эта пляска вокруг дерева не может долго продолжаться, что медведь вот-вот его схватит и задушит.

Он вдруг бросил в медведя ружье. Зверь на мгновение остановился. Гаральд поспешил воспользоваться этим: добежав до следующего дерева, он быстро забрался на него.

Сидя на дереве, мальчик перевел дух и взглянул на своего врага. Медведь с любопытством разглядывал ружье, поворачивая его во все стороны. Потом, свирепо рыча, принялся яростно грызть его ствол.

— Грызи, грызи, косолапый черт! А я все-таки ушел от тебя! — кричал ему Гаральд со своего дерева.

Услыхав эти слова, медведь оставил ружье и снова поднялся на задние лапы. Осматриваясь по сторонам, он заметил своего врага и свирепо зарычал.

— Что, косматый урод, взял? Видит око, да зуб неймет! — продолжал мальчик. — Рычи, рычи! Теперь уж меня не достанешь — высоко!

Но, к удивлению и к ужасу мальчика, медведь подошел к его дереву и довольно ловко стал взбираться на него.

«Вот так штука! — подумал Гаральд, — да он лазит лучше меня. Что мне теперь делать?»

Он быстро полез выше, а за ним, рыча и сердясь, поднимался и медведь.

Деревья были так часты, что мальчик с одного дерева перебрался на другое. Медведь тоже следовал за ним.

Началась гонка по деревьям. Вскоре Гаральд очутился на вершине такого дерева, с которого уже некуда было перебраться: вблизи не оказалось ни одного подходящего дерева.

Оставалось одно из двух: сдаться медведю или, быстро спустившись на землю, стараться спастись бегством.

Он выбрал последнее, воображая, что медведь его не догонит. Но не тут-то было! Как он ни старался быстро бежать, неуклюжий зверь следовал за ним по пятам.

«Что теперь мне делать?» — с ужасом думал мальчик, чувствуя, что его силы слабеют и он не в состоянии долго выдержать такого бега.

Пробегая мимо одного дерева, он задел голову за сук, вследствие чего с него слетела шляпа. Медведь остановился, схватил шляпу и принялся рвать ее на клочки.

Гаральд воспользовался этим и снова забрался на дерево. Переведя немного дух, он заметил, что медведь уже покончил с его шляпой и собирается лезть за ним самим на дерево. Тогда он сорвал с себя куртку и бросил ее своему врагу. Куртку постигла та же участь, что и шляпу. За курткой последовал жилет, потом панталоны. Все это в несколько минут было разорвано в клочья, и медведь все-таки полез на дерево.

Мальчик остался в одном белье и с ужасом уже думал, что с ним будет, если он бросит медведю и белье, как вдруг услышал внизу знакомый голос, сильно его обрадовавший.

— Гаральд!

— Я здесь!

— Где?

— Да наверху.

— Где наверху?

— На дереве.

— Что же вы там делаете?

— Да у меня здесь медведь.

— Что?!

— Медведь, говорю, здесь!

— Слезайте же вниз!

— Не могу.

— Почему же?

— Он меня не пускает. Ради Бога, освободите меня!

Голос снизу вдруг умолк, и Гаральд снова с ужасом подумал, что теперь ему от медведя уж не уйти.

Между тем внизу у Стюарта и Гарри происходило совещание. Они не расслышали всех слов Гаральда и никак не могли понять его поведения — оно казалось им в высшей степени странным. Они готовы были думать, зная легкомысленный характер младшего сына полковника Остина, что мальчик задумал пошутить и насмеяться над ними.

— Не понимаю, почему он не хочет слезть с дерева? — недоумевал Стюарт.

Просто дурачится, ведь вы знаете его манеру,— говорил Гарри.— Пойдемте, мистер Стюарт, в город, Гаральд нас догонит. Напрасно мы воротились.

— Нет, Гарри, я чувствую, что здесь что-то неладно... Шалости его все-таки не так странны, притом они в последнее время повторяются все реже и реже.

— Уверю вас...— начал было Гарри, но, взглянув на дерево, с которого слышался голос брата, заметил сидящего там медведя и с ужасом указал на него Стюарту.

— Ага! теперь я понимаю все! — проговорил последний, тоже заметив зверя.

Оказалось, что медведь еще раньше разглядел двух людей под деревом и, вероятно, сообразил, что это подкрепление его врагу и что теперь силы его в борьбе с новыми врагами будут неравны. В силу этих соображений хитрый зверь начал потихоньку спускаться с дерева — с очевидною целью удрать незамеченным. Но, видя, что он уже открыт и ему не удастся улизнуть, он остановился на дереве, невысоко от земли, и стал выжидать, что будет.

— Теперь я понимаю все,— сказал Стюарт, обернулся к Гарри и шепнул ему:

— У вас ружье заряжено дробью. Пугните одним выстрелом этого косолапого негодяя. У меня же один ствол заряжен пулей, а другой, к сожалению, тоже дробью, и я поберегу свои выстрелы для более серьезного дела. Стреляйте!

Гарри выстрелил. Раздался страшный рев — и медведь свалился с дерева. Однако, будучи даже не ранен, а только оглушен выстрелом, он сейчас же встал на дыбы и, приняв угрожающую позу, направился на новых врагов.

Но здесь поджидал его Стюарт. Позволив зверю сделать несколько шагов, он выстрелил в него почти в упор. Пуля, очевидно, попала прямо в сердце, и медведь в предсмертных судорогах упал навзничь на землю.

Удостоверившись, что зверь уже безвреден, Стюарт подошел к дереву, чтобы позвать сидевшего там Гаральда. Но мальчик и сам уже спустился с дерева.

Вид мальчишка, бывшего в одном белье, сильно удивил Стюарта и Гарри.

— Где же ваше платье? — поспешно спросил его Стюарт.

— Спросите об этом у медведя, — отвечал Гаральд, снова получивший возможность шутить, когда миновала опасность.

— Нет, в самом деле, Гаральд, что вы сделали со своим платьем?

— Медведь нзорвал его в клочки.

— И не тронул вас? Странно!

— Он бы и тронул, а я ему не поддался.

— Я вас не понимаю. Перестаньте, ради Бога, шутить и расскажите все толком.

Гаральд принял, наконец, серьезный вид и рассказал все свое приключение с медведем.

— Мы с этим косолапым приятелем облазили все деревья в этом лесу. Если когда-нибудь господам ученым понадобится, то я могу сообщить, сколько на каждом дереве суков, — прибавил он с таким важно-комичным видом, что его слушатели, несмотря на весь трагизм положения, от которого только что избавился рассказчик, не могли не расхохотаться.

— Ну, а где же твое ружье, Гаральд? — спросил Гарри.

— Я им запустил в медведя, когда мы с ним танцевали вокруг дерева. А так как мы потом принялись лазить по деревьям и излазили их такую массу, что я потерял им счет, то, право, не знаю, под каким из них осталось мое ружье.

— Так пойдемте его искать! — предложил Стюарт.

— А мой косолапый приятель? Разве мы его бросим здесь? — спросил Гаральд.

— Нет, он пока полежит здесь: на обратном пути мы захватим и его с собою.

Ружье Гаральда оказалось, конечно, недалеко, и его скоро нашли.

— Как же мы возьмем медведя, ведь нам его не донести? — спросил Гарри, когда они возвратились к трупу зверя.

— Мы сделаем носилки и уложим на них зверя. Двое из нас понесут носилки, а третий возьмет ружья, — сказал Стюарт.

Они срезали два толстых прямых сука, переплели их мелкими сучками и устроили таким образом род носилок.

— Позвольте мне нести ружья, — сказал Гаральд. —

Вы пойдете вперед, а я буду замыкать шествие вроде... Мистер Стюарт, как назывались в Риме люди, которые...

— Триумфаторами,— со смехом перебил Стюарт.

— Вот именно! Значит, я буду изображать в некотором роде триумфатора.

— В таком костюме-то?!

— Ах, да! — пробормотал Гаральд, смущенно оглядывая свое дезабилье.

— Вот что, Гаральд,— сказал Стюарт,— наденьте мое шершнее пальто, а я пойду в одном сюртуке. Правда, оно нам будет немного длинно и широко, но все-таки так будет приличнее.

Убитого медведя и настрелянную дичь положили на носилки, за которые и взялись Стюарт и Гарри, а Гаральд забрал ружья, и шествие тронулось.

Когда они проходили городом, то все встречные с удивлением оглядывали эту странную группу. Особенное любопытство возбуждал Гаральд, в широком и длинном пальто, с непокрытой взлохмаченной головой и с тремя ружьями на плечах, важно шагавший за носилками.

Глава 8

НА БЕРЕГУ МОРЯ

— Что вы скажете, друзья мои, если я предложу вам сегодня отправиться на целый день к морю? — спросил Стюарт у своих воспитанников, сидя с ними за утренним чаем на третий день после описанного приключения с медведем.

— Ах, как это хорошо! — вскричал Гаральд, постоянно раньше брата отзывавшийся на всякого рода удовольствия.

— А вы, Гарри, согласны? — продолжал Стюарт, смотря на более серьезное лицо своего любимца.

Характер старшего сына полковника Остина за время путешествия до того изменился к лучшему, что Стюарт от души полюбил умного, скромного и самоотверженного мальчика и считал его скорее своим другом, нежели воспитанником и учеником.

— Я тоже с удовольствием пошел бы на берег моря. Там наверное много найдется интересного и поучительного,— отвечал Гарри.

— Ну, и отлично. Значит, идем. Собирайте свои рыболовные принадлежности.

Мальчики взяли ружья и удочки, захватили и мешки со съестными припасами — на случай, если зайдут далеко и проголодаются.

— Может быть, нам удастся найти гнезда буревестников. Это очень интересные птицы, — сказал дорогою Стюарт.

— А где они вьют гнезда? — спросил Гарри.

— В скалах. Об этой птице рассказывают много разных диковинок. Матросы утверждают, будто буревестники вовсе не вьют гнезд, а носят яйца под крыльями, где и выводятся птенцы.

— Вот вздор какой! — вскричал Гаральд. — Впрочем, все матросы идиоты, — прибавил он со свойственной ему быстротою в определениях.

— Вы напрасно так говорите, Гаральд, — заметил Стюарт, — я видал среди матросов очень умных людей.

— А я только дураков. Значит, мы в расчете, — отрезал мальчик.

Стюарт пожал плечами и, обратившись к Гарри, спросил его:

— Вы видали буревестников?

— Нет, мистер Стюарт, не приходилось.

— Но вон летят два буревестника, смотрите!

— Да ведь это качурки.

— Буревестник и качурка — одно и то же. У этой птицы много названий.

— А что, это хищная птица? — спросил Гарри, немного помолчав.

— Нет. Но она часто предсказывает бурю, поэтому матросы считают ее зловещей.

В это время наши путешественники подошли к одной скале, и Гаральд заглянул со скалы вниз.

— Видите вы что-нибудь? — спросил Стюарт.

— Вижу какие-то норки, должно быть, это гнезда. Я мог бы достать их, если бы можно было спуститься вон на ту скалу. Жаль, что мы не догадались взять с собою веревок.

— У нас есть три ремня от наших мешков. Можно связать их, и получится довольно длинная веревка, — сказал Гарри.

— В самом деле это отличная мысль! — воскликнул Гаральд. — Давайте свяжем ремни, а потом вы меня спустите.

— Это рискованно, Гаральд, не стоит! — заметил Стюарт, заглядывая в бездну со скалы.

— Ну вот еще! — вскричал пылкий мальчик.

— Ну, как хотите, Гаральд, я вас предупредил.

Но Гаральд продолжал настаивать. Они связали ремни, и у них получился один ремень длиной метра в три.

— Смотрите же, Гаральд, не выпускайте ремня, иначе вы полетите в бездну. Слышите, как там бурлит и клокочет вода, — предупредил Стюарт.

— Будьте покойны! — отвечал мальчик и начал спускаться.

Стюарт лег на землю, крепко держа один конец ремня, другой же конец Гаральд взял в зубы, чтобы оставить свободными руки. Спуститься на нижнюю скалу было не особенно трудно, но когда мальчик стал на нее ногами, то оказалось, что ремень короток: он не только не мог держать его в зубах, но едва доставал до него даже рукою.

— Здесь очень много гнезд! — закричал он. — Птицы так и кружатся вокруг меня. Но я все-таки не могу достать. Какая досада!

— В таком случае взбирайтесь обратно! — крикнул ему Стюарт, спуская насколько возможно ремень.

Гаральд поймал рукою ремень, взял его в зубы и полез наверх.

— Вот и здесь есть гнездо! — вскричал он и засунул в норку руку.

Но в ту же минуту мальчик страшно вскрикнул и, схватив инстинктивно правой рукою ремень, закрыл левую глаза и повис над бездной.

— Что с вами, Гаральд? — крикнул Стюарт.

Но ответа не было, мальчик продолжал висеть в прежнем положении.

— Ради Бога, Гаральд, взбирайтесь скорее! Ремень не выдержит вашей тяжести! — продолжал кричать Стюарт, чувствующий, что и ему силы начинают изменять.

Но мальчик по-прежнему молчал, не изменяя положения.

— Гаральд, вы слышите, что я вам говорю? Честное слово, или я принужден буду выпустить из рук ремень, или он оборвется. Перестаньте дурачиться! — закричал еще раз Стюарт, напрягая все силы, чтобы не выпустить

ремень, и с ужасом наблюдая, как он растягивается и трещит.— Гарри, посмотрите, что случилось с вашим братом, мне неудобно,— обратился он к своему старшему воспитаннику.

Но последний, не дожидаясь этих слов, уже спускался на нижнюю скалу, где был брат. Смелый мальчик ежеминутно рисковал сорваться с отвесной скалы и слететь в пропасть. Стюарт с замиранием сердца следил за ним.

С громадными усилиями мальчику удалось спуститься и стать на нижней скале. Утвердившись на ней, он схватил за ноги брата и поставил его рядом с собою как раз в тот момент, когда один из узлов ремня готов был развязаться.

— Что с тобою, Гаральд? — послешно спросил он у брата.

— Когда я засунул руку в гнездо,— сказал последний,— там сидела большая птица, которая брызнула мне чем-то в глаза. Сделалось так больно, что я принужден был закрыть их рукою и не мог сделать больше ни одного движения.

— Что же такое попало тебе в глаза?

— Не знаю, какая-то теплая, чрезвычайно жгучая жидкость.

— А как теперь они?

— Лучше, но еще очень болят, и открыть их я не могу.

— Попробуй, однако.

— Хорошо, попытаюсь.

И Гаральд сначала попробовал открыть один глаз, потом другой. К удивлению и радости мальчика, оба глаза оказались неповрежденными, и он видел ими по-прежнему, хотя и чувствовал еще легкую боль.

— А ведь я вижу, Гарри! — радостно воскликнул он.

— Ну, вот и отлично! Теперь нам нужно взбираться наверх, а то мистер Стюарт Бог знает что подумает.

— Я боюсь, Гарри. Ну, как опять эта проклятая птица...

— Да ведь, я думаю, ты не полезешь опять в ее гнездо?

— Ни за что!

— Ну, так она тебе ничего и не сделает.

Между тем Стюарт снова связал как можно крепче ремень, с нетерпением ждал сигнала. Он видел, как Гарри благополучно спустился и освободил брата, и недоумевал, что они там делают.

Наконец послышался ожидаемый сигнал, и Стюарт спустил вниз ремень, с помощью которого мальчики и выбрались благополучно наверх.

Когда Стюарту рассказали, в чем было дело, он заметил:

— Я сам виноват во всем этом. Мне следовало предупредить вас, Гаральд, относительно этой птицы. Слава Богу, что все кончилось благополучно, могло быть гораздо хуже.

— Что же мне попало в глаза? — спросил Гаральд.

— Теперь я вспомнил, что где-то читал, будто буревестник выбрасывает из ноздрей какую-то ядовитую жидкость, и совершенно забыл сказать вам об этом.

— Тем лучше, мистер Стюарт. Мы смогли зато сделать одно важное открытие, — проговорил Гаральд.

— Какое открытие? — удивленно спросил Стюарт.

— Мы узнали, что Гарри отлично умеет лазить по скалам и спасать обреченных на погибель, — добавил мальчик.

— Гаральд, вы положительно неисправимы! — воскликнул молодой учитель. — Как вы можете шутить, когда только что избавились от страшной опасности.

— Неужели, мистер Стюарт, поэтому было бы приличнее плакать? Однако после всех этих подвигов не мешает позавтракать. Я сильно проголодался.

Все трое уселись на вершине скалы и принялись за завтрак.

Чудный вид был отсюда. Впереди, как на ладони, — море, кругом скалы и утесы, над которыми по всем направлениям шныряли большие и маленькие птицы.

— Что это за птица, которая вон летит над нами? — спросил Гарри.

Стюарт поднял глаза и внимательно оглядел делавшую большие круги птицу.

— Скопа. Она, вероятно, ищет себе пищу, — отвечал Стюарт.

— А чем она питается?

— Чем попало: и рыбой, и мелкой морской птицей. Говорят даже, будто она часто забирается на орла, с целью отнять у него добычу.

— Славная птичка! — заметил Гаральд. — А кто это хохочет, слышите?

— Это чайка-хохотунья. Крик ее действительно иногда очень похож на смех.

— А вот и кенгуру! — вскричал Гаральд. — Смотрите, смотрите, как она высматривает что-то в море!

— Это вовсе не кенгуру, мой друг, — заметил Стюарт.

— А что же это?

— Кенгуру — это животные, а не птицы и водятся только в жарком поясе, а это просто нырок.

— Что же он там делает?

— Наверное, высматривает добычу. Вот сейчас увидим.

Нырок сидел над водою и пристально смотрел на нее. Вдруг он, видимо, чего-то испугался, отодвинулся к своей норе и уселся около нее.

— Кажется, он чего-то боится. Смотрите, с какою тревогою он оглядывается, точно ждет нападения, — заметил Гарри.

— И он прав, — сказал Стюарт, — нападение сейчас произойдет. Видите вон того ворона? Он, вероятно, хочет напасть на нырка. Мы сейчас будем зрителями интересной драмы. Вы за кого: за нырка или за ворона?

— За нырка, за нырка! — вскричали оба.

— И я тоже за него, потому что он будет защищать свое гнездо, своих птенцов, а ворон будет действовать как разбойник. Пожелаем же победы нырку.

Тем временем схватка между обеими птицами уже началась. Ворон бросился на нырка и хотел схватить его за шею, но последний, быстро вывернувшись, сам схватил его под горло и начал колотить по груди ногами. Ворон пронзительно кричал и употреблял все усилия, чгобы вырваться, но не мог.

Бойцы поднялись вверх, и битва продолжалась в воздухе. Долго обе птицы кувыркались и терзали друг друга над водою. Наконец они упали в воду.

— Вот тебе и раз! — вскричал Гаральд. — Кто же кого победил?

— Погодите, — заметил Стюарт, — битва еще не кончилась.

И действительно, вскоре обе птицы появились на поверхности моря, но промокший ворон видимо уже изнемогал. Нырок, очевидно, это понял — стиснув еще сильнее шею своего врага, он снова погрузился вместе с ним в воду.

На этот раз обе птицы оставались в воде гораздо дольше.

— Они, должно быть, обе захлебнулись! — проговорил Гарри, внимательно следивший за интересной борьбой.

— Не думаю, — заметил Стюарт, — нырок может долго пробыть под водой, а вот для ворона это купанье опасно.

Но вот одна птица показалась на поверхности воды. Это был нырок. Тяжело дыша, он поднялся в воздух и опустился на скалу около своего гнезда. Затем, несколько раз встряхнувшись, победитель неспеша направился к своему гнезду. Через минуту всплыл вверх и групп ворона.

— Ура! — закричал Гаральд, хлопая в ладоши. — Да здравствует нырок!

Но вот из гнезда вышла еще птица, похожая на нырка, только поменьше ростом, и, прокаркав что-то, удалилась снова в гнездо.

— Это супруга победителя, — сказал Стюарт. — Она явилась поздравить его с победой, затем снова удалилась к деткам.

— А ворон может победить нырка? — спросил Гарри.

— И даже очень легко, — ответил наставник, — стоит ему схватить нырка за горло — и тот погиб.

— Какие интересные животные эти птицы! — продолжал задумчиво Гарри.

— Все животные интересны, если наблюдать за ними. Нужно только уметь наблюдать, а любопытного в природе очень много, — заметил Стюарт.

Побродив по берегу моря и набрав особенно редких раковин, наши путешественники вернулись в город.

Глава 9

В ГАММЕРФЕСТЕ

Через несколько дней наши путешественники распрощались с Бергенем и отправились на пароходе в Христиансанд. К их вещам прибавилась медвежья шкура, и мальчики очень гордились ею.

Хотя пароход был норвежский, но капитан, долго живший в Англии и хорошо говоривший по-английски, завел на нем и английские порядки: все было чисто и чинно, т. е. очень скучно, по мнению Гаральда. Завтракали, обе-

дали и ужинали в строго определенное время, сидели каждый на своем месте.

Оставалось только одно развлечение — любоваться берегом и морем.

Но вот, к радости мальчиков, им встретился кит. Животное это очень заинтересовало их.

— Дальше к северу китов будет попадаться много, — заметил капитан.

— Вы, капитан, сами никогда не ловили китов? — спросил Гаральд.

— Нет, но видел, как их ловят.

— Вероятно, это очень весело?

— Так же весело, как смотреть, например, как бьют на бойне животных.

Мальчик немного смутился и, отойдя от капитана, стал следить за движениями кита до тех пор, пока последний не пропал из виду.

— Вам, молодой человек, кажется, очень хочется знать, как ловят китов? — сказал кто-то сзади Гаральда на чистейшем английском языке.

Мальчик живо обернулся и заметил человека лет пятидесяти, по манерам и языку походившего на чистокровного англичанина.

— А вы разве видали, как их ловят? — спросил Гаральд.

— Не только видал, но и сам участвовал в ловле. Хотите, я вам расскажу?

— Пожалуйста!

— Ну так вот, садитесь здесь и слушайте, — прибавил незнакомец, указывая на место около себя.

Гаральд позвал брата, и оба мальчика уселись около незнакомца.

— Моя фамилия Лонг, — сказал незнакомец, — и я несколько лет занимался ловлей китов. Однажды мы отправились к Шпицбергену за китами на специальном судне. Нужно вам сказать, что на китоловном судне устроено так, что лодки по первому сигналу моментально спускаются на воду. В одно раннее утро знак этот был подан, и две лодки со всеми необходимыми принадлежностями были спущены на воду. Я поместился в одной из них, и мы направились к киту, который находился довольно далеко. Это животное видит хорошо, но слышит плохо, потому к нему нужно подойти так, чтобы он не заметил. Нам удалось так близко подплыть к нему, что мы почти рука-

ми могли достать его. Я первый бросил в него гарпун. Гарпун воткнулся ему в спину, и животное завертелось и забилось с такою силою, что мы опасались, как бы не опрокинулась наша лодка. Кит нырнул вместе с гарпуном, унося его с собою на несколько сажен в глубину. Гарпун был привязан к канату, намотанному на вал посредине лодки. Кит плавал под водою так быстро, что края лодки, о которые трется разматывающийся канат, нужно все время поливать водою, чтобы они не загорелись. Кит обыкновенно старается забраться как можно глубже и остается под водою иногда целые полчаса.

— А что же делают, если кит разматывает весь канат? — спросил Гарри.

— Тогда привязывают к нему новый. Так случилось и у нас. Но не успели мы надвязать канат, как кит сильно дернул, лодка наша опрокинулась, и мы все очутились в воде. Нас взяли на запасную лодку, потом поймали нашу, и кит все-таки от нас не ушел. Он очень долго был под водою, но наконец вынырнул и был живехонек, как будто ничего не случилось. Мы сейчас же всадили в него еще несколько гарпунов, и он снова нырнул, но на этот раз ненадолго. Вскоре он вынырнул, пометался в разные стороны, потом присмирел, перевернулся на бок и сдался.

— То есть издох? — спросил Гаральд.

— Нет еще, но настолько обессилил, что с ним можно было делать что угодно.

— Потом что же делают с китом?

— Потом извлекают из него жир и ус.

Поговорив еще несколько времени со словоохотливым земляком, мальчики отправились в каюту заниматься до завтрака со своим воспитателем.

Но вот пароход прибыл в Христианию.

Стоял август — самое лучшее время года в Норвегии — и в Христиание было тепло.

Здесь путники увидели множество гаг. Мальчики заинтересовались этой птицей, пух которой так дорого ценится.

Гага очень кроткая птица. Нередко две гаги живут в одном гнезде, несут там яйца и мирно сидят на них. Гнезда свои они выстилают мягким пухом, который выщипывают у себя на груди. Окрестные жители еженедельно собирают этот пух из гнезд, и птица потом снова принуждена бывает ощипываться.

Гагу все очень любят, и она так смирна, что ее можно

брать руками. Интересно смотреть, как гага учит своих птенцов плавать. Вскоре по вылуплении из яиц она ведет их на берег. Птенцы карабкаются к ней на спину, и она отплывает с ними немного от берега, потом вдруг ныряет, оставив их всех на поверхности воды. Детеныши сначала погружаются в воду, затем выскакивают и волей-неволей плывут сами.

Гага величиною с дикого гуся, цвет самцов белый с черным, бурая грудь и светло-зеленая голова, а цвет самки красновато-бурый с черными пятнами.

После осмотра Христиании путешественники отправились в Гаммерфест, один из самых северных городов на земном шаре.

Здесь они встретили приземистых маленьких людей, рост которых и толщина были почти одинаковые.

Заметив их, Гаральд не мог не расхохотаться.

— Смотрите, смотрите, какие смешные карлики! — вскричал он.

— Что это за люди? — спросил Гарри.

— Это лопари, — отвечал Стюарт. — Они обитают в Лапландии, самой северной части Европы.

— Неужели они все такие уродцы? — продолжал Гаральд.

— Да, они все приблизительно такого роста. Это самые низкорослые обитатели земного шара.

— Но ведь они очень смешны, не правда ли?

— Нам они кажутся смешными, а мы — им. Это дело вкуса.

— А зачем они здесь?

— Вероятно, приехали по торговым делам. Это очень странный народ, но страстно любящий свою родину. Они живут как совершенные дикари, постоянно перекочевывая с места на место. Если им дать образование, то они все-таки при первом удобном случае уйдут на родину. Я читал об одном лопаре, получившем хорошее классическое образование и назначенном в пасторы. Ему дали даже приход в Норвегии. Но он впал в общий порок лопарей, т. е. начал пить. Его, конечно, отставили, он возвратился к своему народу и начал по-прежнему кочевать с ним.

— Странный народ! Но эти лопари мне не нравятся. Смотрите, какие у них злые лица, — сказал Гарри.

Пароход, на котором наши путешественники прибыли

и Гаммерфест, после однодневной стоянки собирался идти еще севернее, и Стюарт задумал плыть до конца его рейса.

Незадолго до отхода парохода Стюарт вдруг осту-
нулся дорогою и сильно вывихнул ногу. Ходить он не
мог, и они принуждены были остаться в Гаммерфесте до
исцеления Стюарта.

Хирурга на пароходе не было, ногу Стюарта лечили
домашними средствами, и он поправлялся довольно мед-
ленно. Мальчики принуждены были совершать прогулки
по городу и окрестностям только вдвоем.

Однажды они возвращались с охоты и встретили на
улице нескольких лопарей. Один из них был особенно
мал ростом и безобразен. Гаральду непременно хотелось
пошутить над ним.

— Здравствуйте, сэръ! — сказал он, подходя к лопарю,
и, низко присев, сделал ему рожу.

Лопарь обиделся и погрозил ему кулаком, мальчик
сделал то же. Лопарь весь побагровел от злости и бро-
сился на Гаральда со сжатыми кулаками, но последний,
отступив назад, прицелился в него из ружья. Лопарь
вскрикнул и бросился бежать, сопровождаемый своими
товарищами.

Зрители, присутствующие при этой сцене, хохотали до
слез.

— Смотрите, господа, — заметил один из зрителей, —
лопари народ злопамятный, они вам припомнят это, если
вы когда-нибудь встретитесь с ними.

Но мальчики не настолько еще освоились с норвеж-
ским языком, чтобы сразу понимать его, поэтому они не
обратили внимания на это предостережение, весело воз-
вратились домой и со смехом рассказали Стюарту о сво-
ей встрече с лопарями.

Но Стюарт неодобрительно покачал головою, хотя и
ничего не сказал им.

На другой день мальчики отправились на берег моря
с ружьями и удочками.

Около часа они бродили по морскому берегу, но ни-
чего интересного не нашли. Вдруг они наткнулись на лод-
ку, которая была привязана к большому камню.

— Гарри, давай покатаемся на этой лодке, — предло-
жил Гаральд.

— Неловко, Джерри. А если хозяин придет сюда и не
найдет ее?

— Да мы недолго будем кататься. Смотри, как спокойно море. Мы отлично прокатимся около берега.

— Ну, хорошо. Только с уговором: далеко от берега не отъезжать.

— Конечно. Садись!

Мальчики уложили в лодку ружья, удочки и сумки, затем отвязали ее и, оттолкнувшись от берега, прыгнули в нее сами.

Но оказалось, что грести ни тот ни другой не умел. После нескольких неумелых взмахов веслами мальчики почувствовали сильную усталость, и вся прелесть прогулки по морю у них исчезла.

— Знаешь что, Гарри,— сказал Гаральд,— а ведь мы скверно сделали, что взяли без спроса чужую лодку. Не воротиться ли нам назад?

— Я то же думаю, Джерри, тем более, что в лодке есть разные припасы. Смотри — вот хлеб, сыр, бутылка водки, две бараньи шкуры и сети. Вероятно, хозяин лодки собрался на рыбную ловлю.

— Ну, что ж, давай повернем назад! — проговорил Гаральд.

При этих словах мальчик глубоко погрузил в воду весло и так сильно повернул его на уключине, что оно переломилось пополам: одна половина весла осталась в руке у гребца, а другая упала в воду, и ее сейчас же отнесло течением.

— Ах, Гаральд, какой ты неосторожный! — закричал Гарри.— Что мы теперь будем делать с одним веслом?

— Ничего! обойдемся и с одним.

Однако, как он ни старался действовать веслом, лодка не шла к берегу: она или вертелась на одном месте, или делала такие удивительные зигзаги на воде, что один раз едва не опрокинулась. В это время начался отлив, и лодку стало относить от берега.

— Гаральд, да ведь нас относит от берега,— закричал Гарри.— Греби же сильнее!

— Ты видишь — гребу. Да что же сделаешь, если проклятая лодка не слушается!

— Такпусти меня. Ты совсем не умеешь грести.

Мальчики переменились местами, но результат оказался тот же: лодку продолжало относить от берега.

После многих бесполезных усилий Гарри положил весло в лодку и сидел сложа руки.

— Вот так ловко! — воскликнул Гаральд. — Что же нам теперь делать, Гарри?

— Мы удаляемся от берега очень тихо. Может быть, нас заметит кто-нибудь и придет к нам на помощь, — отвечал Гарри, печально смотря на медленно отдаляющийся от них берег.

— Ну, на это трудно рассчитывать! Скоро стемнеет, и если нас снесет в открытое море да поднимется ветер, — мы погибли.

Гарри ничего не ответил. Наступило молчание. Между тем, лодку относило все дальше и дальше. Начинало темнеть.

— Что теперь подумает о нас мистер Стюарт? — прошептал наконец Гарри.

— Ах, да! Я и забыл о нем, — весело воскликнул Гаральд. — Он, наверное, пошлет нас искать.

— Да, но где? Почему он знает, куда мы отправились?

— Да, ты прав. Вот, если бы он был совершенно здоров, то сам отправился бы на поиски.

— В том-то и дело.

Снова наступило молчание. Темнота увеличилась, берега уже не было видно.

— Знаешь что, Гарри, — заговорил младший брат, — мне хочется есть.

— И я не прочь бы закусить, Джерри, — отвечал старший, — да ведь у нас ничего нет.

— А сыр и хлеб, которые лежат в лодке? Ведь хозяин все равно не может ими воспользоваться.

— Ах, да! Ну, давай поедим.

Гаральд достал припасы, и мальчики поужинали, причем, чтобы согреться, они выпили по несколько глотков водки. Водка была отвратительная, но такая крепкая, что сразу бросилась им в голову. Они почти без сознания улеглись на дно лодки и, кое-как укрывшись бараньими шкурами, крепко заснули.

Между тем, Стюарт, не дождавшись своих воспитанников к вечернему чаю, подумал, что они задержались где-нибудь на охоте и явятся к ужину. Но наступил и прошел час ужина, а мальчиков не было.

Стюарт начал беспокоиться и разослал в разные стороны разыскивать пропавших. Однако посланные один за другим возвратились с известием, что мальчиков нигде нет.

Ночь прошла для Стюарта в страшной тревоге. Он то

и дело просыпался, прислушиваясь, не возвратились ли его воспитанники.

Утром, чуть забрезжил свет, он встал с постели, хотя и не мог еще ступить на больную ногу, и решил лично отправиться на поиски.

Но, пройдя несколько шагов, он оступился на нетвердо стоявшую ногу и почти без чувств упал неподалеку от дома. Его подняли и вновь уложили в постель.

Когда он опомнился, то, несмотря на сильную боль в разбереженной ноге, сейчас же распорядился послать на поиски большое число самых опытных людей, хорошо знакомых с окрестностями и морем, но о пропавших все-таки не было ни слуху, ни духу. Только к вечеру явился один рыбак и заявил, что у него пропала лодка, в которой он приготовился ехать на рыбную ловлю. По всей вероятности, мальчики отправились в этой лодке в открытое море и, чего доброго погибли, потому что ночью была буря.

Эта весть так подействовала на благородное и впечатлительное сердце молодого наставника, что он серьезно захворал и несколько дней был в беспамятстве.

Глава 10

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА

Солнце было уже высоко, когда Гарри и Гаральд проснулись.

Несколько времени они не могли прийти в себя, но мало-помалу вид неба и воды напомнил им все.

Лодку, слегка покачивая, несло к незнакомому берегу, на котором в отдалении виднелся снег.

— Вот тебе и раз! — воскликнул Гаральд. — Куда это мы с тобой попали, Гарри?

— Не знаю, — отвечал тот.

— Что же нам теперь делать?

— Лодку несет к берегу, выйдем на него и увидим.

Мальчики вышли на берег и втащили туда же лодку, чтобы ее не отнесло. Потом они опрокинули ее, вырыли под нею яму и таким образом устроили себе защиту от дождей и ветра.

— Вот у нас и помещение не хуже того дворца, в котором, помнишь, мы провели ночь, — заметил Гаральд,

выгирая вспотевшее от работы лицо.— Здесь мы смело можем дожидаться, пока пришлют за нами.

— Если только пришлют,— с печальной улыбкой сказал старший брат.

— Конечно, пришлют. Неужели ты думаешь, что мистер Стюарт не будет нас разыскивать?

— О, я несколько не сомневаюсь, что он примет все меры к нашему розыску. Но ты забываешь, что никто не знает, где нас искать — вода не оставляет следов.

— Найдут! Хватятся лодки — ну, и догадаются, что мы отправились в ней.

— Хорошо, если так.

— Вот увидишь. Однако, Гарри, мне хочется есть и пить.

— Да и я бы не прочь позавтракать. Дичи здесь много, а у нас есть ружья, но вот беда — что мы будем пить?

— Да, это правда, Гарри, где мы достанем воды? В лодке вон есть бочонок, но он пустой.

Гарри задумчиво смотрел на видневшийся невдалеке снег. Вдруг лицо его просияло, и он весело сказал:

— Скажи слава Богу, Гаральд, я нашел воду.

— Где же она?

— А вон там! — и Гарри указал на снег.

— Да ведь это снег!

— А разве из него нельзя сделать воду? Мы наберем полный бочонок снегу и поставим его около огня.

— Ага! Понимаю! Да здравствует великий изобретатель Гарри Остин! — закричал Гаральд, подбрасывая вверх шляпу.

— Будет дурачиться, Гаральд, — сказал с неудовольствием более серьезный Гарри. — Бери ружья, а я захвачу бочонок, и пойдем. До снега не больше мили, а дичь гораздо ближе.

Они отправились — один с двумя ружьями, а другой с бочонком. Предполагаемая миля оказалась, однако, с добрых две. Но мальчики этим не смутились и бодро шагали вперед.

Часа через два они возвратились с двумя убитыми зайцами, парой каких-то птиц и целым бочонком снегу.

— Приготовь дичь, Гарри, — сказал Гаральд, — а я пойду ломать сухие сучья. Это по моей части, недаром я упражнялся с покойным косолапым приятелем в лазании по деревьям.

И он отправился за хворостом и сухими сучьями, а

Гарри занялся приготовлением к жаренью убитых птиц и зайца.

Вскоре был разведен громадный костер, и жаркое быстро изжарилось. Молодые путешественники уничтожили половину зайца и одну птицу, остальное же отложили к обеду.

Днем они обследовали место, куда их загнала судьба, а вечером ловили рыбу. Лов был довольно удачный — они поймали несколько крупных рыб, парой из них полакомились, а остальных спрятали про запас.

Костра на ночь они не разводили и улеглись спать под лодкой, укрывшись овчинами. Но выспаться им не удалось: среди ночи они были разбужены каким-то гулом. Море страшно гудело, а со стороны леса доносился сильный вой.

— Как ты думаешь, Гарри, что это за вой? — спросил Гаральд, невольно прижимаясь к брату.

— Это, вероятно, волки, — отвечал тот. — У тебя чем заряжено ружье?

— Один ствол пулей, а другой дробью. А что?

— Да так, нужно держать ружья под руками на всякий случай.

— Ты думаешь, волки придут сюда?

— Почему знать! Во всяком случае, спать нам уже больше нельзя.

— А ведь это скверно, Гарри!

— Что именно?

— Да если волки придут сюда.

— Не думаю, чтобы они сделали это. Слышишь, какая буря? Они не осмелятся подойти близко к берегу. Мне думается, что они и воют-то с испугу.

— Хорошо, что мы на берегу, Гарри. Ведь если бы мы были в лесу, нам не миновать бы их зубов.

— Это верно, Джерри.

Однако в эту же ночь мальчики убедились, что и на берегу небезопасно: гроза и буря были так сильны, что под утро лодку сорвало и унесло в море. Мальчики остались под открытым небом.

После этого порыва ветер стал стихать, дождь начал уменьшаться, и к восходу солнца сделалось тихо, и небо очистилось.

Промокшие насквозь, несчастные путешественники дрожали, как в сильнейшей лихорадке, лежа в своей яме под мокрыми овчинами.

Когда небо очистилось и показались первые лучи солнца, Гарри встал и вышел из ямы, чтобы посмотреть, какие потери понесли они в эту бурю. Налицо оказались только ружья, а сумки с порохом, пулями, патронами и прочими вещами исчезли.

Гарри нахмурился и подошел к брату, который лежал неподвижно и, по-видимому, крепко спал.

«Он может еще спать в таком положении! Вот счастливый характер!» — подумал старший сын полковника Осгина.

— Джерри, вставай! — крикнул он брату.

Но тот не шевелился.

— Господи! Что это с ним? — испуганно вскрикнул Гарри, наклоняясь над братом. — Неужели его убило грозой?

— Джерри, Джерри! — тряс он брата. — Да проснись же!

Наконец Гаральд зашевелился и открыл глаза.

— Слава Богу! — вскричал Гарри. — А уж я подумал, что ты умер. Что такое было с тобой?

— Сам не знаю! — отвечал Гаральд. — Помню только, что, когда унесло нашу лодку, меня что-то ударило, и я потерял сознание.

— А подняться можешь?

— Кажется, могу.

И мальчик быстро встал на ноги.

— Тебе нигде не больно? — продолжал старший брат.

— Голова немного болит, — отвечал младший. — Ого, да у меня вот здесь здоровенная шишка! — прибавил он, ощупывая затылок.

— Значит, тебя ударило чем-то по затылку?

— Вероятно. Но однако, что же мы теперь будем делать, Гарри? Я весь мокрый и сильно озяб.

— Давай разведем костер и высушим платье, а потом увидим...

Мальчишкам с громадным трудом удалось разжечь мокрый хворост, но они все-таки добились своего: костер наконец разгорелся. Когда огонь был достаточно велик, они сняли с себя мокрое платье и стали просушивать его. Хотя оно кое-где и обгорело, но все-таки высохло.

Одевшись в высушенное платье, они отправились на берег. Лодки не было и следа, а сумка с их вещами нашлась.

— Теперь нам поневоле придется идти вглубь стра-

ны. Здесь опасно оставаться: еще одна такая буря — и мы останемся ни с чем,— сказал Гарри.

— А если нас мистер Стюарт будет искать именно здесь? — возразил Гаральд.

— Если он будет здесь, то пройдет за нами и дальше.

— Но каким образом он узнает, куда мы пошли?

— Очень просто: по знакам, которые мы здесь оставим.

— А дальше?

— Дальше мы тоже везде будем оставлять знаки по дороге и на каждом месте, где остановимся.

— Ура, Гарри! Ты просто гений. Я чувствую, что мы с тобой выпутаемся из всех бед.

— Дай Бог, Джерри. Однако нам нужно немного подкрепиться, да и отправляться в путь. У нас, кажется, есть рыба?

— Да, если только и ее не унесла буря.

— Этого не могло быть, Джерри! Ведь она в нашей яме.

Рыба действительно оказалась цела. Ее сейчас же зажарили и быстро съели проголодавшиеся мальчики.

После завтрака они собрали все вещи и отправились в лес, оставив около своей ямы воткнутую палку с вырезанными на ней инициалами своих имен и пальцем, указывающим дальнейший путь мальчиков.

На опушке леса они оставили такой же знак, а когда вошли в лес, Гаральд остановился и спросил брата:

— А какие мы оставим здесь знаки? Ведь за деревьями не будет видно наших палок.

— Здесь мы будем почаще вырезать на самых видных местах деревьев крестообразные знаки,— отвечал тот.

— Отлично, Гарри! Ты ни перед чем не останавливаешься. Право, мне скоро будет стыдно за мое невежество. Я ни за что не придумал бы ничего подобного.

Гарри улыбнулся и молча продолжал путь, делая по временам нарезки на особенно выдающихся деревьях.

Так они шли до вечера. Лес был редкий, но, казалось, ему конца не будет. Перед закатом солнца мальчики остановились и стали выбирать место для ночевки.

— На земле нам нельзя будет спать,— сказал Гарри.

— Почему? — с живостью спросил Гаральд.

— А волки? Как только наступит ночь, они на нас нападут со всех сторон.

— Да, ты прав, Гарри. Как же нам быть?

- Нужно выбрать удобное дерево да на нем и провести ночь. Волки, кажется, не могут лазить по деревьям.

- Отлично, Гарри, так и сделаем. Давай искать подходящее дерево, а потом под ним поужинаем.

Мальчики долго блуждали по лесу, отыскивая необходимое для их цели дерево. Наконец им удалось найти голую сосну, на которой они и решились провести наступающую ночь.

Около найденного пристанища на ночь они развели костер и, усевшись под деревом, принялись потрошить шкурку, которого им удалось застрелить дорожью.

— Знаешь что, Джерри? — сказал Гарри, когда они сидели за ужином.

— Что такое, Гарри?

— Зайцев в лесу много. Мы будем на них охотиться, и когда у нас соберется достаточное количество шкурок, мы сошьем себе из этих шкурок теплые курточки мехом внутрь, как делают лопари. У меня есть в сумке толстая игла и крепкие нитки.

— Это хорошо, Гарри! А то становится уже холодно, особенно по вечерам.

После ужина они втащили все свои вещи на дерево, потом устроились и сами на нем. Сильно утомленные за день, оба мальчика, несмотря на неудобное положение на дереве, скоро заснули. Ночью, сквозь сон, они услышали вой волков, собравшихся вокруг дерева. Только под утро хищники разбрелись в разные стороны. Тем не менее мальчики долго не решались покинуть свое убежище, и только когда окончательно убедились, что вблизи нет ни одного волка, спустились на землю.

Целый следующий день они охотились на зайцев, и к вечеру у них собралось такое количество заячьих шкурок, что, по расчету Гарри, их должно было хватить на две курточки. Но шкурки были сырые, и их следовало сначала высушить.

Мальчики долго не знали, как приступить к этому. Гарри пришло в голову повесить в виде опыта одну шкурку над костром. Но этот опыт кончился тем, что мех на шкурке обгорел, а сама она так съежилась и высохла, что ее пришлось бросить.

После этого неудачного опыта он придумал другое средство для просушки шкурок. Утром, как только взошло солнце, он вывесил под его лучами все шкурки. К вечеру они наполовину были готовы. На другой день опыт

повторили, и шкурки окончательно высохли. Получилось несколько легких гремучих мехов, из которых умный мальчик и смастерил, как умел, две не особенно складных курточки. На это пошло еще два дня.

На шестой день своего пребывания под гостеприимным деревом, проводя в течение этого времени день под ним, а ночь на нем, мальчики тронулись дальше. Предварительно они вырезали на дереве знак, а под знаком свои имена.

Молодые путешественники шли довольно скоро, надеясь к вечеру выбраться из леса, который уже стал им надоедать. Они рассчитывали за лесом встретить какое-нибудь жилье, хотя и не знали, обитаемы эти места или нет.

Провизии, т. е. жареной зайчатины, у них было много: сильный недостаток ощущался только в воде. Правда, кругом было много снега, но у мальчиков не было уже с собою бочонка, и они не могли превращать снег в воду. После двух плотных закусок они стали чувствовать сильную жажду.

— Гарри, я очень хочу пить! — жалобно проговорил младший брат, еле передвигая ноги.

— Я тоже, Джерри. Потерпи немного, может быть, нам попадетсЯ какой-нибудь ручей.

— А если поесть снегу?

— Опасно, Джерри. Мы разгорячены ходьбою и можем сильно простудиться. Подумай только, что с нами будет, если мы тут заболеем.

Гаральд замолчал и они оба продолжали шагать дальше.

Между тем солнце стало склоняться к западу, и лес начал редеть. Наконец, взобравшись на один пригорок, они увидели на противоположной стороне небольшой ручей, серебристой лентой извивавшийся между редкими деревьями.

— Гарри, Гарри! Вот и вода! Ура! — с восторгом закричал Гаральд.

Мальчик бросился к ручью и припал пылающим лицом к холодной воде.

— Осторожнее, Джерри, не пей сразу слишком много! — крикнул ему старший брат.

Сам он развязал свой мешок, достал оттуда оловянный стаканчик и, черпая им воду, стал пить ее медлен-

нами глотками. Напившись, он почти насильно оттащил брата от ручья.

Оба мальчика уселись на пригорке и принялись обсуждать свое положение.

— Нам придется провести эту ночь здесь, Джерри. Лучшего места мы не найдем,— начал старший брат.

— И по-моему так, Гарри,— сказал младший.— Только вот волки...

— Я уже подумал об этом, Джерри. Мы разведем огонь до рассвета. Теперь не зима, и волки не так голодны. К рассвету они, наверное, уйдут за добычей. Давай собирать хворост, нам его понадобится очень много.

Вскоре было разложено четыре громадных костра, в середине которых поместились наши путешественники. Им сделалось так тепло, что они даже сняли свои заячьи куртки.

Поевши и напившись воды, мальчики улеглись и начали беседовать о своей дальнейшей судьбе.

Между тем сделалось темно. Вой волков становился слышнее и слышнее. Вскоре несметное количество этих хищников окружило пригорок со всех сторон, и если бы не костры, нашим путникам не сдобровать бы. Но мальчики уже привыкли к этому зрелищу, и оно не особенно их тревожило. Видя, что глаза брата слипаются, Гарри сказал ему:

— Спи, Джерри, а я посижу половину ночи. Потом разбужу тебя и улягусь сам.

Гаральд не стал дожидаться вторичного приглашения. Положив под голову свой мешок, он растянулся на овчине и тотчас же захрапел.

Гарри очень устал, и ему тоже страшно хотелось спать, но он крепился, хорошо сознавая, что если и он заснет, то они оба погибнут.

Чтобы не заснуть против воли, он то и дело подкладывал хворост то в один костер, то в другой. После томительно долгих шести часов он, наконец, не выдержал и разбудил брата.

— А что, разве мы уже приехали, мистер Стюарт? — быстро спросил тот, протирая вприсонках глаза.

— Приехали! Приехали! Вставай! — засмеялся Гарри.

— Ах, это ты, Гарри! — проговорил окончательно очнувшийся мальчик.— А ведь мне показалось... то есть я

видел во сне, что мы едем на пароходе и меня будит мистер Стюарт... А ты все сидишь, бедняжка? Ложись скорее, Гарри.

— Да, Джерри, я не могу больше сидеть, лягу. Но, ради Бога, не засни опять и ты.

— Будь покоен! Я отлично выспался. Спи, а я займусь с этими серыми приятелями.

— Только не стреляй, пожалуйста — у нас зарядов очень мало.

— Нет, нет, будь покоен. Я с ними буду забавляться другим способом.

Гарри очень хотелось видеть, чем именно будет «забавляться» с волками его брат, но он так устал, что едва успев опустить голову, сейчас же заснул.

Между тем Гаральд осмотрел все костры, подбросил в них хвороста и стал дразнить волков, алчные глаза которых так и светились в темноте. Мальчик давал им разные обидные, по его мнению, прозвища и бросал в них обгорелыми еловыми шишками.

Так прошло часа два. Костры начали гореть тише, горючего материала под руками оставалось уже немного, а утро еще не наступило, и волки сделались еще назойливее.

В четырехугольнике, занимаемом мальчиками, росло несколько довольно чахлах елок. Гаральд обрезал у них все сучья потолще и побросал их в огонь. Когда сучья достаточно разгорелись, мальчик схватил один из них и запустил им прямо в морду назойливому волку. Тот визжал и шарахнулся в сторону, а за ним и вся стая.

Повторив несколько раз этот опыт, мальчик наконец добился того, что волки мало-помалу оставили их в покое и разбрелись в разные стороны за более легкой добычей.

Тем временем костры почти погасли, и на востоке показалась ясная полоска — предвестница наступающего дня.

Глава 11

В ПЛЕНУ У ЛОПАРЕЙ

Солнце было уже высоко, когда проснулся Гарри. Почувствовав запах жареного мяса, мальчик открыл глаза и заметил брата, сидящего на корточках перед костром и жарившего мясо.

Джерри, что ты там делаешь? — спросил он у брата.

Видишь — жарю зайца.

А где же ты его взял?

Несколько штук пришло пить к ручью, одного я и съел.

Молодец! Почему же ты меня до сих пор не разбудил?

— Зачем? Ты так хорошо спал, что мне не хотелось тебя тревожить.

— Спасибо. А что ты сделал с волками?

Я их часа три потчевал горящими головнями и шишками. Вероятно, им это не понравилось, и они ушли.

— Ха-ха-ха... Отлично!

Когда мясо поспело, молодые скитальцы плотно попиракали, всласть напилась и тронулись дальше, оставив на пригорке знак своего пребывания.

Они шли целый день, останавливаясь только для отдыха и еды. Воздух делался суровее, и все места, которыми проходили мальчики, были уже покрыты сплошным снегом.

К вечеру наши лутники так измучились, что еле тащили ноги.

— Я не могу дальше идти, Гарри! — простонал Гаральд, падая на снег.

— Но, Джерри, не здесь же нам ночевать!

— Право, не могу. У меня вон и сапоги совсем почти развалились.

— Мои тоже не лучше, Джерри... Ради Бога, пойдем еще немного. Может быть, и встретим что-нибудь, где можно было бы укрыться на ночь.

Гаральд с усилием поднялся, и они молча прошли еще несколько сот шагов. Вдруг впереди послышались шумы, похожие на лай собаки.

— Гарри, слышишь? — встрепенулся младший брат.

— Слышу, Джерри.

— Кажется, это собака лает?

— Нет, Джерри, это, вероятно, волки.

— Да разве волки лают?

— Говорят, некоторые лают.

— А вон, смотри, и дым.

— Где?.. Да, ты прав. Пойдем скорее туда.

Гаральд был действительно прав. Вскоре наши лутники увидели юрту, из крыши которой валил густой дым.

Около юрты ходили люди и собаки, заливавшиеся громким лаем.

Люди были очень странные: все крошечного роста, одетые в смешные костюмы мехом наружу.

— Гарри, это ведь лопари! — вскричал Гаральд.

— Да, Джерри, вижу. Они все-таки лучше волков, и мы найдем у них убежище хоть на одну ночь.

В это время к ним подошла молодая женщина-лопарка и что-то сказала на своем языке, но Гаральд ответил, как мог, по-норвежски, что не понимает. Тогда она заговорила по-норвежски и пригласила их в юрту.

Но к ним подошел мужчина и, что-то сердито прокричав, показал мальчикам рукою на дорогу.

— Однако этот дикарь не особенно любезен! — проворчал Гаральд, не зная, что ему делать.

Между тем женщина, не слушая мужчины, взяла обоих мальчиков за руки и потащила в юрту. Лопарь пошел за ними, громко крича что-то.

Приведя путешественников в юрту, женщина усадила их на пол и поставила перед ними кружку с оленьим молоком и деревянную тарелку с каким-то мясом. Лопарь ударил женщину и принялся отнимать у мальчиков поданное им кушанье. Тогда и Гаральд не вытерпел — вскочив на ноги, он дал такую затрещину лопарю, что тот кубарем выкатился из юрты. После этого мальчиков никто не беспокоил и они, поужинав, улеглись спать.

Ночью, сквозь сон, они долго слышали крики и брань. На рассвете они почувствовали, что их кто-то толкает под бока. Оба мальчика проснулись и с удивлением увидели перед собою плоскую физиономию того самого лопаря, в которого Гаральд прицеливался из ружья. Лопарь страшно горячился и кричал. Немного поодаль стоял другой лопарь с обоими ружьями мальчиков. Этот лопарь был вдвое моложе первого и оказался его сыном.

Старик выхватил из рук молодого лопаря одно из ружей и, прицелившись в Гаральда, злобно проговорил на ломаном норвежском языке.

— Ты хочешь стрелить финн?.. Финн не забыть это!.. Ты и твой голодать у финн!

Проговорив эти слова, он громко крикнул. В избу вбежали человек шесть лопарей, повалили обеих пленников

на пол и, усевшись на них, принялись их связывать по рукам и ногам.

После этой операции пленников бросили в угол и, казалось, забыли о них.

— А ведь дело-то скверно, Гарри! — прошептал Гаральд, лежа в грязном углу вместе с братом.

— Да, Джерри, и даже очень скверно. И что всего хуже: нас, кажется, хотят морить голодом. Ну, я предпочел бы быть разорванным волками, нежели умирать с голода у этих дикарей.

Но, очевидно, в планы лопарей не входило заморить голодом мальчиков.

Поздно вечером к ним вошла какая-то старуха и принесла с собой мяса и молока. Так как у мальчиков руки были связаны, то она нарвала мясо небольшими кусками и своими, не особенно опрятными, руками совала им его прямо в рот. После этого она напоила их оленьим молоком и молча ушла. Мальчики пробовали заговорить со старухой, но она не издала ни одного звука.

Хотя мальчиков накормили и напоили, но далеко не досыта. Аппетит их только был раздражен, и они долго не могли заснуть.

— Что же это, Гарри, неужели нам всегда будут давать такие порции? — проговорил Гаральд.

— Скажи и за это спасибо, Джерри. Ведь тот лопарь угрожал совсем заморить нас голодом.

— Да по мне лучше уж умереть с голода, нежели только дразнить желудок.

Потолковав еще и поворочавшись довольно долго, мальчики все-таки заснули.

Под утро они почувствовали, что кто-то их будит, и открыли глаза. Перед ними стояла прежняя молодая лопарка с деревянную тарелкою, на которой лежало мелко нарезанное оленьё мясо.

Мальчики очень обрадовались ей, быстро уплели мясо и, поблагодарив добрую женщину, тихо спросили ее, всегда ли им будут давать крошечные порции.

— Да, вас будут кормить только раз в день. Они хотят ослабить вас, чтобы вы не убежали. Он хотел совсем ничего не давать, но другие на это не согласились.

— Кто это он? — спросил Гаральд.

— Мой дядя. Когда он был в городе, вы чем-то обидели его, кроме того, помните, вы здесь вчера побили его.

В наказание за это он и хотел заставить вас умереть голодной смертью.

— Почему же другие не согласились уморить нас?

— Они хотят заставить вас работать.

— Как же мы можем работать, когда у нас связаны руки и ноги?

— Когда вы поослабнете, вас развяжут. Но вы не бойтесь, я буду давать вам есть потихоньку.

— Спасибо. Но почему они с тобою так дурно обходятся? Ты такая добрая.

— Я — христианка.

— А разве другие...

— Они все еще язычники и очень не любят христиан. Меня крестили миссионеры, и с тех пор меня тут все ненавидят. Вы делайте вид, что не замечаете меня. Если меня будут бить, не заступайтесь, иначе будет хуже и вам и мне. Прощайте. Боюсь, кто-нибудь придет и застанет меня здесь.

Она поспешно вышла, и мальчики принялись обсуждать все услышанное от доброй женщины.

Так прошло несколько дней. Пленников действительно кормили только раз в день и понемногу, но добрая женщина продолжала им потихоньку приносить еду и питье, так что особенного голода и жажды они не чувствовали, но от неподвижности и дурного воздуха в юрте все-таки значительно ослабели.

Однажды утром все поднялись раньше обыкновенного. Началась какая-то суетня: люди кричали, собаки лаяли, вообще случилось, по-видимому, что-то необыкновенное.

Пленники сильно заинтересовались этим шумом. Но вот им дали позавтракать, хотя очень мало. Потом им развязали ноги, привязали каждого из них к противоположным концам длинной веревки и вывели на воздух. Середину веревки держал в руках один из лопарей, и пленники очутились как собаки на своре.

— Точно мы собаки! — не утерпел не заметить Гаральд. — Эти маленькие идиоты в самом деле воображают, что мы такие силачи... Впрочем, если бы у меня не были связаны руки, я показал бы им...

— Оставь, Джерри! — перебил Гарри расходившегося брата. — Хуже будет. Вспомни слова той женщины...

— Ладно, ладно! Когда-нибудь и на нашей улице будет праздник... Я им покажу тогда! — проворчал Гаральд.

Между тем, лопари, поставив пленников в стороне, принялись за разборку юрты.

Пока мужчины разбирали хвойник, из которого была построена юрта, женщины укладывали посуду, оленьи кожи и другие принадлежности своего немудреного хозяйства. Все это складывалось в сани, запряженные несколькими парами оленей.

Наконец, когда все было готово, хозяин подошел к лопарию, державшему пленников на веревке и что-то сказал ему. Тот молча кивнул головой. После этого все тронулись в путь.

Шли почти целый день. Есть и пить дорогою пленникам вовсе не давали. Когда последние знаками просили пощипаться, лопари только смеялись над ними и строили им рожи.

Обозленный Гаральд, желая передразнить своих мучителей, тоже соорудил им на одном привале, где лопари останавливались на отдых, такую рожу, что они сейчас же побили его палками.

Но вот прибыли на место и начали строить новую юрту. Постройка этого несложного жилища была окончена в несколько часов.

После этого женщины, разобравшись со своим скарбом, занялись приготовлением ужина, которым угостили и пленников.

На новом месте мальчиков лопари стали приучать к целу. Они были у них пастухами, перегоняли с места на место стадо оленей, доили их, собирали хворост для очага и т. п.

Кормили их по-прежнему очень скудно, и если бы не добрая лопарка, они действительно очень обессилили бы.

Между тем наступала зима, снег шел ежедневно, морозы увеличивались, и мальчики сильно страдали от холода: у них не было ни сносной обуви, ни зимнего платья.

Глава 12

РОЗЫСКИ

Возвратимся теперь в Гаммерфест.

Наконец, нога Стюарта зажила настолько, что он мог лично отправиться разыскивать своих воспитанников.

Сопровождать его вызвались Винцент и Лонг.

За время болезни Стюарт собрал сведения относи-

тельно места, куда пристала лодка, на которой поехали его воспитанники. Поэтому он и отправился прямо к этому месту. Добравшись до палки с вырезанным пальцем, указывавшим дальнейший путь мальчиков, Стюарт воскликнул:

— Узнаю Гарри! Умный мальчик!

Через два дня Стюарт и его спутники добрались, по оставленным мальчиками знакам, до пригорка, на котором те ночевали, атакованные волками.

Еще через день они дошли до места, где стояла юрта лопарей, в которой мальчики сделались пленниками.

Здесь уже не было знаков, оставленных мальчиками раньше на всем пути, и спутники Стюарта стали ему советовать вернуться назад.

Стюарт остановился и задумался. Что теперь предпринять? Куда идти?

— Это была юрта лопарей, а ваших воспитанников, очевидно, здесь не было,— заметил Лонг.

Но Стюарт быстро наклонился и поднял маленький лоскуток бумаги, оказавшийся разорванным листом молитвенника на английском языке. Он вспомнил, что у Гарри был карманный молитвенник, и с уверенностью сказал:

— Мальчики были здесь. Я пойду по следам лопарей. Я уверен, что мои воспитанники у них.

— Каким же образом вы пойдете по их следам, когда они во многих местах теперь занесены снегом? — возразил Винцент.

— Притом нам не дадут покоя волки, теперь их с каждым днем будет все больше и больше. Право, лучше возвратиться в Гаммерфест. Переждите там зиму, а потом и отправляйтесь с Богом. Если ваши воспитанники действительно у лопарей, то вы легче разыщете их весною,— добавил Лонг.

— Нет,— решительным тоном сказал Стюарт.— Я пойду дальше.

— Ну, счастливого пути, мистер Стюарт,— проговорил Лонг.— По-моему, это безрассудно, и я вернусь.

— Я тоже,— промолвил Винцент.— От души желаю вам, мистер Стюарт, разыскать ваших воспитанников, хотя не очень надеюсь на это.

И они расстались. Лонг и Винцент повернули назад, а Стюарт, оставшись один, глубоко задумался.

С ним было много всяких запасов, он имел хорошую

одежду и английскую двустволку, не считая охотничьего ножа и пары пистолетов.

— Неужели, — думалось ему, — там, где прошли два мальчика почти без всяких запасов в плохой одежде, не может идти хорошо вооруженный сильный, взрослый мужчина?.. Так, но куда направиться?»

Долго соображал Стюарт и наконец решил, что лопари должны отправиться к югу. С ним был небольшой комплект, висевший на часовой цепочке в виде брелока. Руководствуясь этим инструментом, он целых два дня шел по выбранному направлению, проводя ночи на деревьях. На исходе третьего дня Стюарт сильно обрадовался, увидя вдали какой-то шалаш, из крыши которого шел дым.

«Это уж не те ли самые лопари?» — подумал он, подходя к шалашу.

Но каково же было его удивление, когда он услышал из шалаша громкий голос, говоривший на английском языке. Стюарт отворил подобие двери и вошел в шалаш. Он увидал высокого субъекта, одетого в волчью шкуру, мехом наружу. Субъект сидел на каком-то самодельном стуле и потрошил зайца, громко разговаривая сам с собою.

Странный вид этого человека сначала смутил было Стюарта, но, взглянув в его лицо, он сразу узнал своего знакомца Пинка и громко расхохотался.

Американец быстро поднял голову.

— А-а! — весело закричал он. — Мистер Стюарт! Как же вы сюда попали? Где же ваши молодцы?

Стюарт коротко рассказал ему все.

— Вот оно что! — произнес Пинк, выслушав рассказ. — Ну, мой милейший, теперь вам их трудно найти. Придется подождать до весны.

— Но, мистер Пинк, я не могу спокойно ждать. Бог знает, в каком они положении у этих дикарей.

— Понимаю ваше нетерпение, но что же делать, мой друг, нужно покоряться обстоятельствам. Верьте мне: теперь ваши розыски ни к чему не поведут. Не нынче-завтра начнутся снега, бури... Вы и шагу не сделаете, как погибнете — честное слово американца.

— Но как же мне быть, мистер Пинк?

— Говорю — обождайте зиму. Оставайтесь здесь у меня, и мы с вами отлично проскучаем зиму. Если ваших молодцов еще не съели волки и они действительно находятся у лопарей, то беспокоиться вам нечего: эти дикари

хотя и не особенно гостеприимны, но ваши воспитанники будут у них целы, уверяю вас. Потерпите, другого исхода нет. А весной и я к вашим услугам, и не будь я Цезарь Пинк, если не помогу вам разыскать моих молодых приятелей.

Побежденный этими доводами американца, Стюарт вынужден был согласиться на его предложение.

— А как вы сюда попали? — спросил он, усаживаясь около Пинка.

— Да захотелось узнать, какова лапландская зима. Я зимовал во многих местах земного шара, не приходилось только здесь.

— А вы здесь один?

— А то с кем же? Конечно, один. Правда, у меня тут оказалось много приятелей, но они навещают меня пока только по ночам.

— Кто же это? — с недоумением спросил Стюарт.

— Волки! — со смехом отвечал Пинк.— Их здесь пропасть, и они меня приводят в восторг своими концертами, которые неумолимо разыгрываются ими в течение целой ночи. Вокальные способности у них удивительные.

— Веселые концерты, нечего сказать! — заметил с улыбкой Стюарт.

— Дело вкуса, кто что любит, — сказал американец, пожимая плечами.

Между тем снег действительно начался и шел всю ночь, так что к утру все окрестности были покрыты толстым снеговым покровом.

Шалаш Пинка был выстроен очень прочно, и в нем оказалось сравнительно удобно и тепло.

Топлива и всевозможных съестных припасов у Пинка было много, а воду он добывал из снега.

На другой день американец показал гостю свои ловушки, капканы и западни, которые он расставлял для поимки мелких животных с целью сбережения пороха и дрови. В каждой ловушке оказалось какое-нибудь животное: заяц, белка, куница или горностаф.

При этом Пинк пояснил, что он запасается на зиму. Хотя у него и достаточно запасов, но зима может затянуться, и иметь лишний запас заячьего мяса не мешает. Что же касается белок, куниц и горностаев, то, хотя мясо их и несъедобно, зато шкурки довольно ценны, особенно куньи и горностаевые. Их можно продать в одном из ближайших норвежских городов.

Глядя на все это, Стюарт, однако, немало дивился, как может человек добровольно выбрать такую жизнь.

Через несколько дней снег стал идти целыми сутками и вскоре порядочно завалил шалаш.

По ночам вокруг шалаша собирались громадные стаи волков и выли напролет всю ночь. Лишь с наступлением утра вой прекращался, и волки уходили. Как они ни старались разрывать снег, добраться до шалаша все-таки не могли, да и холод не особенно проникал в него. А так как съестных запасов у них было вдоволь, то пребывание Стюарта в шалаше Пинка можно было назвать довольно сносным.

Так прошло несколько зимних месяцев.

Глава 13

НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

Приближение зимы доставило наблюдательности Гарри и Гаральда некоторую пищу: они с любопытством смотрели на приготовление лопарей к зимним холодам.

Зимою олени перестают доиться, и лопари начали заготавливать молоко в замороженном виде на всю зиму. Операция эта очень проста. Лопари наливали молоко в плошки и выставляли их на мороз. Когда молоко замерзало и превращалось в лепешки, они складывали эти лепешки в кучу, как круги сыра. Процедура эта продолжалась до тех пор, пока олени не перестали давать молока.

Кроме того, лопари ставили ловушки, западни и сети для зверей, животных и птиц. Волки, куницы, горностан, белки, тетерева и куропатки попадались целыми сотнями. С волков и других животных сдирались шкуры, а птицы замораживались. Мальчики никак не могли понять, для чего лопари все это делают. Но вскоре они узнали, в чем дело.

Однажды, когда набралось громадное количество шкур и мороженой дичи, лопари запрягли по паре оленей в несколько саней, нагруженными этими предметами, и на целую неделю куда-то исчезли.

— Они, должно быть, отправились продавать шкуры и дичь, — сказал Гарри брату.

— Вероятно, — согласился последний.

Предположение это вполне подтвердилось, когда ло-

пари возвратились назад. В юртах появились разные предметы, которых раньше не было, а главное — водка, до которой все лопари страстные охотники.

Целую неделю среди лопарей шло повальное пьянство, и мальчики могли бы смело убежать, если бы знали куда и были бы вместе.

Последнее требует пояснения. Дело в том, что лопари, зная за собою этот порок, накануне начала оргий разлучили мальчиков, так что те находились в разных местах и видали друг друга только издали. Ночевали они также в отдельных юртах, и когда при нечаянной встрече заговаривали друг с другом, лопари их били за это и сейчас же разводили в разные стороны.

Однажды рано утром, когда Гарри был в юрте, собираясь отправиться пасти оленей, к нему вошла покровительствовавшая мальчикам молодая лопарка. Осмотревшись кругом, она сунула мальчику сушеного мяса и шепнула:

— Прощай! Я ухожу.

— Надолго? — спросил Гарри.

— Дня на четыре.

— А куда?

— В одну из ближайших шведских деревень.

— Зачем?

— Продавать дичь.

— Возьми нас с собою.

— Нельзя: со мной пойдет один из моих братьев.

— А далеко отсюда до деревни? В какой она стороне?

— Два дня ходьбы, на закате солнца.

Послышался голос, звавший лопарку, и она ушла.

Гарри целый день был сам не свой. Ему страстно хотелось избавиться наконец от ненавистного плена. Переговорить с братом было крайне необходимо. Но как? За ними строго следили, особенно когда заподозрили в сношениях с крещеной лопаркой, и не подпускали близко друг к другу. Водка у лопарей вышла уже вся, поэтому надзор за пленниками был очень строгий.

Гарри хотел написать брату, но у него не было ни бумаги, ни карандаша. У него имелся только карманный молитвенник. Он вырвал листок и написал на нем несколько слов углем, но лопари заметили это, вырвали листок, порядочно отколотили мальчика и оставили его на целый день без пищи.

Шаконец Гарри придумал, как связаться с братом. Он стал писать палкою на снегу, выбирая самые видные места: «Деревня близко. Нужно бежать». На другой день он с радостью заметил в одном месте семь слов, написанных тоже на снегу: «Буду ждать каждую ночь. Я на долине».

Лопари думали, что ночью ни один из пленников не решится бежать из боязни быть растерзанным волками, поэтому по ночам надзор был слабее. Между тем, Гарри, прочитав ответ брата, задумал бежать в первую же ночь.

Как только все заснули, он потихоньку вышел из своей юрты и пустился бежать к долине, находившейся в полумиле от его юрты. Дорогою он встретил несколько волков и с быстротою вихря проскользнул мимо изумленных этою дерзостью хищников. Однако последние скоро опомнились и понеслись вслед за смельчаком, но он был уже далеко и, когда волки догнали его, входил в юрту, где спал брат с несколькими лопарями и собаками-волкодавами.

Гарри вошел как можно тише. Посредине горел костер, вокруг которого спало несколько человек, накрывшись с головой шкурами, и около десятка собак.

При свете костра Гарри узнал брата, лежавшего немного поодаль. Когда мальчик стал пробираться к брату, одна из собак подняла голову и заворчала. Гарри остановился и затаил дыхание. Через минуту собаки успокоились, и Гарри ползком пробрался к брату. Видя, что тот не спит, он шепнул ему:

— Ползи за мною, но, ради Бога, тише.

Оба брата осторожно поползли на четвереньках, ежеминутно останавливаясь и прислушиваясь. Когда они доползли до задов юрты, где можно было поговорить, Гарри спросил брата:

— О какой деревне ты сообщил мне?

— На запад, в двух днях ходьбы отсюда, есть одна шведская деревня, до которой нам необходимо добраться во что бы то ни стало.

И Гарри рассказал брату о своем свидании с лопаркой, которая ушла в эту деревню продавать дичь.

— Так пойдем скорее! — нетерпеливо сказал Гарри.

— Теперь? Ночью-то? — возразил Гарри. — Ты с ума сошел. Мы не успеем сделать и двух шагов, как нас растерзают волки. Я только чудом добрался сюда-то.

— Так как же быть? Ведь днем нам не удастся уйти незамеченными.

— Я это хорошо знаю и повторяю, что сейчас уйти тоже нельзя. Мы постараемся улизнуть перед рассветом незадолго до того, как лопари встанут. К этому времени волки разбредутся за добычей, и путь будет свободен. Понимаешь? А теперь сиди тише и старайся не заснуть.

Мальчики так и сделали. С рассветом они осторожно выбрались из юрты и осмотрелись. Волков уже не было. Тогда они бросились бежать и через час были уже в сосновом лесу.

Здесь они остановились перевести дух и обдумать дальнейший путь. Оба брата обнялись и радостно поздравляли друг друга с свободой.

— Давно мы с тобой не пользовались свободой, Гарри! — вскричал Гаральд, вдыхая всеми легкими чистый морозный воздух.

— Да, Джерри, и нужно стараться не лишиться ее снова, — отвечал старший брат.

— Ну, уж теперь у нас ее не отнимут.

— Почему знать, Джерри! Мне что-то не верится... Мы еще так близко от лопарей.

— Так пойдем скорее дальше.

— Да, нужно идти. Ты захватил что-нибудь из съестного?

— Да, у меня есть в карманах немного мяса и две хлебные лепешки.

— У меня тоже. Ну, идем... погоди!.. Ты ничего не слышишь?

— Нет... Впрочем... Да, я слышу какой-то треск. Что бы это такое было?

— Гляди, Джерри, гляди! — прошептал старший брат, указывая на одну группу деревьев, из-за которых выходил какой-то громадный бурый зверь.

— Да это медведь, Гарри! — испуганно проговорил младший брат.

— Они теперь голодны. Давай, Джерри, взлезем скорее на дерево, пока он нас не заметил.

Мальчики поспешно забрались на ближайшее дерево и притаили дыхание.

Вскоре подошел и медведь. Понюхав воздух, он улегся как раз под тем деревом, где сидели мальчики, и принялся, посапывая, сосать лапу.

— А ведь дело-то скверно! — шепнул Гаральд брату. — Этот косолапый надолго, кажется, улегся здесь.

Да, дело плохо! — отвечал Гарри. — И что всего хуже, как бы не нагрянули сюда лопари. Если мы скоро не уйдем отсюда, они нас снова захватят.

— А как они узнают, что мы ушли именно в эту сторону?

— Во-первых, по нашим следам, а во-вторых, они догадываются, что мы пошли в ту сторону, где находится деревня.

Мальчики сидели уже более часа на дереве, как вдруг послышались крики и лай собак. Они выглянули из-за ветвей дерева и, к своему ужасу, увидели несколько лопарей, двое из которых были вооружены их ружьями, а остальные палками и рогатинами. Лопарей сопровождали около десятка громадных собак. Лопари прежде всего нашли на медведя и в несколько приемов убили его, потом закричали мальчикам, чтобы те слезли с дерева.

Последние поняли, что другого исхода нет, и, скрепя сердце, спустились на землю. Их сейчас же связали, дав каждому предварительно по нескольку ударов палкой. После этого сделали носилки, положили на них убитого медведя и отправились назад, с торжеством ведя на перевеке пленников.

Грустно шли мальчики, которым так недолго пришлось насладиться своей свободой. У Гаральда были на глазах слезы. И даже более терпеливый и сдержанный Гарри шел, понурив голову и глубоко задумавшись.

По приходе домой обоих пленников сейчас же рассадили по разным юртам и долго держали взаперти, не выпуская наружу.

Зима была уже на исходе, и пленники начали рассчитывать, что их снова заставят пасти оленей, но лопари, боясь, что они убегут, не поручали им этого.

Мальчики теперь работали в шалаше или около него и были всегда на виду. Когда лопарям приходилось куда-нибудь уходить, они водили пленников с собой на привязи, придя же на место, вбивали в землю кол, привязывали к нему мальчиков и приставляли к ним собаку-волкодава.

Так прошла зима. Чувствовалось уже приближение весны и лопари начали подумывать о перекочевке на север.

Однажды старый лопарь, главный враг обоих маль-

чиков, вернувшись после недолгой отлучки, стал рассказывать, что неподалеку от них он наткнулся на жилище ингленгоменов (так лопари называют иностранцев), и что поэтому нужно скорее перекочевать в другое место, пока ингленгомены не пронюхали, что здесь есть пленники.

Мальчики, особенно Гарри, уже порядочно понимали лопарский язык, хотя и делали вид, что не знают ни слова. Поэтому лопари не стеснялись говорить обо всем при пленниках.

Гарри, случайно присутствующий при рассказе старика о жилище англичан, отлично понял его слова, и сердце мальчика затрепетало от какой-то смутной надежды. Он нашел случай сообщить об этом брату, который тоже очень обрадовался приятной новости.

Между тем лопари начали деятельно готовиться к перекочевке и ждали только, когда вскрыется ближайшая река и очистятся дороги от глубокого снега. Но вдруг случилось одно незначительное, по-видимому, событие, переполошившее, однако, весь лопарский табор. Дело в том, что однажды утром старый лопарь хватился своей племянницы-христианки, которая вдруг куда-то исчезла. Искали ее всюду, но нигде не нашли: она как в воду канула.

Толков и предположений была масса, но никто верного ничего сказать не мог, и все решили, что она где-нибудь погибла. На этом предположении и успокоились.

Для объяснения исчезновения молодой лопарки мы должны еще раз заглянуть в шалаш Пинка.

Глава 14

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда окончились холода, Стюарт и Пиик отворили дверь шалаша и расчистили снег. Солнце стало светить ярче, дни сделались гораздо длиннее, волки были не так жадны, и Стюарт с американцем стали собираться на поиски мальчиков.

Однажды вечером они сидели перед очагом, на котором варился суп. На следующий день они рассчитывали отправиться в путь и, в ожидании обеда, обсуждали предстоящее путешествие.

— Смотрите, вон идет лопарь! — вскричал Пинк, взглянув в отверстие, заменявшее окно.— Вот, кстати-то, у него мы и спросим... Ба! Да это, кажется, женщина? Стюарт, посмотрите.

Но Стюарт уже выбежал навстречу приближавшейся женщине.

Заметив его, лопарка быстро заговорила что-то по-лопарски, но, видя, что ее не понимают, начала говорить по-норвежски.

— Ты англичанин, господин? — спросила она.

— Да.

— Значит, это ты. Слава Богу!

— Но в чем дело? — спросил Стюарт, с недоумением глядя на лопарку.

— Ох, господин... я устала... целый день шла... ничего не ела,— бормотала лопарка, действительно едва держась на ногах.

— Так иди скорее сюда, отдохни и поешь! — быстро сказал Стюарт, вводя ее в шалаш.

Ей дали мяса и супу. Лопарка с жадностью набросилась на еду.

Утолив голод, она заговорила:

— Я пришла просить взять от нас двух англичан. Они живут у нас всю зиму и сами не могут уйти — их не пускают.

— А как их зовут? — быстро спросил Стюарт.

— Не помню... у нас нет таких имен.

— Они молодые?

— Совсем молодые. Подожди... имя одного я помню: его зовут Гарри, а другой ему брат.

— Это они! Слава тебе, Господи! — вскричал Стюарт.— А как они к вам попали? — продолжал он.

— Они сами пришли к нам перед зимой, и мы их взяли. Теперь они хотят уйти, а дядя их не пускает.

— Почему он их не пускает?

— Один из них обидел чем-то дядю, когда тот был в городе. Вот он за это и мстит им: заставляет много работать, плохо кормит и часто бьет.

Стюарт содрогнулся. Его воспитанников бьют какие-то лопари! Так-то он заменяет им отца? Хорошо он держит слово, данное полковнику: оберегать его сыновей и следить за ними! Положим, он не виноват в их своевольном уходе и во всех последствиях этого ухода, но все-таки его можно считать до некоторой степени виновным

в том, что он давал слишком много воли неопытным мальчикам, зная их своевольный характер.

Все эти мысли пробежали у него в голове, когда он выслушал рассказ лопарки. Кровь закипела в его жилах, и он не мог удержаться, чтобы не вскричать:

— А! Негодяи! Они отплатят мне за это, только бы удалось освободить мальчиков!

— Да, проучить этих дикарей немного следует! — заметил в свою очередь и Пинк, тоже возмущенный сообщением лопарки.

Последняя хотя и не поняла слов Стюарта и Пинка, сказанных ими по-английски, но по тону их голосов догадалась, что они сильно разозлились на ее соотечественников, поэтому, сложив на груди руки, она сказала умоляющим голосом:

— Только не убивай, ради Бога, дядю!.. Христос не велел никого убивать.

— Вот ты как говоришь! — с удивлением воскликнул Стюарт. — Разве ты христианка?

— О, да! Меня крестили добрые миссионеры.

— Ну, хорошо, я обещаю тебе не делать никакого зла твоему дяде, если он добровольно отдаст мне пленников.

— Отдаст, отдаст!.. Он испугается и отпустит их. Не убивай уж и других...

— Хорошо, хорошо! Клянусь тебе, я никому не сделаю зла, — проговорил Стюарт, окончательно смягченный умоляющим тоном и глубоко христианскими чувствами этой дикарки.

Не расспрашивая ее, он понял, что она, вероятно, помогала его воспитанникам и по возможности облегчала их участь. Принял в соображение и подвиг, предпринятый ею, чтобы сообщить им о мальчиках, и дал себе слово действительно не делать зла лопарям.

— Ну, это вы, Стюарт, напрасно обещали ей не трогать ее родичей: негодяев все-таки следовало бы проучить, — недовольным тоном заметил Пинк по-английски.

— Нет, Пинк, не напрасно. Надо же ей показать, что мы тоже недаром называемся христианами, — сказал Стюарт.

— Ну, как хотите... Это дело ваше. А я было радовался случаю немного размяться. Если бы вы знали, как я давно не боксировал! — жалобно проговорил американец.

— А вот пойдем завтра выручать мальчиков, может

быть, по дороге наткнемся на какого-нибудь разбойника, мы с ним и побоксируем,— утешил его Стюарт.

— Какие тут разбойники! Здесь не то, что в наших американских степях... Там одни индейцы чего стоят!

— Ну, зверь попадется...

— Вот это еще может быть, да и то какой-нибудь волчишка или чахлый медведь, о которых и рук-то марасть не хочется. А вот, бывало, в Индии... Э, да что толковать об этом! Вы никогда не охотились за дикими зверями, и вам не понять всей прелести борьбы один на один с тигром или львом.

Пинк при воспоминании об этом даже облизнулся и, михнув рукою, замолчал. Стюарт пожал плечами и обратился к лопарке:

— Далеко отсюда до вас? — спросил он.

— День нужно идти.

— А много народу у вас?

— Четверо больших, шесть подростков да четыре женщины.

— Ого! — воскликнул по-норвежски Пинк.— А нас только двое. Значит, без драки все-таки не обойдется: едва ли они добровольно отдадут нам пленников,— весело прибавил он, потирая руки и выпрямляясь во весь свой гигантский рост.

— Нет, нет, господин! Они как только увидят одного тебя, то сейчас же все разбегутся! — испуганно закричала лопарка, со страхом глядя на атлетическую фигуру американца.

— А-а! — разочарованно протянул последний.— Значит, они не из храбрых, эти твои самоеды-то?

— Мы не самоеды, а финны! — обиженно возразила лопарка.

— Все равно, такая же дрянь.

Пинк плюнул и с досадою отвернулся.

— Эта лопарка устала,— после некоторого молчания сказал он по-английски Стюарту.— Предложите ей лечь спать, а потом, когда она заснет, я сообщу вам об одной штуке, которая только что пришла мне в голову.

Усталая лопарка не заставила себя долго уговаривать, и едва успела улечься на разостланную ей на полу волчью шкуру, как сейчас же крепко заснула.

— Ну, теперь ее и пушками не разбудишь! — засмеялся Пинк.— Видите, в чем дело,— обратился он к Стюарту,— так как вы не согласны хорошенько поколотить

этих негодяев, то надеюсь, не откажете мне в удовольствии немного попугать их, не причиняя им никакого вреда.

— Согласен,— засмеялся Стюарт,— но каким образом?

— У меня есть цельная шкура довольно большого медведя, которого я ухлопал осенью перед вашим приходом. Мы завтра возьмем ее с собою. Не доходя немного до лопарей, я наряжусь медведем и слегка попугаю их. Согласны, а?

Стюарт громко расхохотался, представляя себе громадную фигуру американца, наряженную медведем и переполох лопарей.

— Согласен, согласен! — сказал он сквозь смех.— А если они будут стрелять в вас?

— Как? Эти лопари-то? Да им в двух шагах в стог сена не попасть! — презрительно заметил Пинк и стал разыскивать медвежью шкуру.

Шкура вскоре нашлась. Пинк примерил ее — необходимо только было проделать отверстие для глаз и устроить кое-какие приспособления. На это пошло несколько часов. Пинк снова примерил ее и остался очень доволен ею.

Покончив с этим, оба друга улеглись спать.

Под утро Стюарт и лопарка были разбужены каким-то свирепым ворчаньем и вознею в шалаше.

Стюарт первый открыл глаза и громко расхохотался, заметив наряженного медведем Пинка, который, свирепо рыча, расхаживал по шалашу. Не то было с бедной лопаркой. Едва она успела взглянуть на мнимого медведя, как испуганно выскочила наружу с громким криком:

— Медведь! Медведь!

Стюарту с трудом удалось догнать и успокоить испуганную лопарку. Он объяснил ей маскарад Пинка, и она решила вернуться в шалаш, со страхом, однако, поглядывая на мнимого медведя.

После этой сцены был приготовлен завтрак. Плотно закусив, Пинк со Стюартом закрыли шалаш, в котором оставались вещи американца, и в сопровождении лопарки и отправились в путь.

На дороге им пришлось раз переночевать в лесу. Ночи сделались так коротки, что, просидев несколько часов на деревьях, путники с рассветом снова пустились в дорогу.

Вскоре они подошли к небольшому лесу, за которым виднелось стадо оленей, принадлежавшее, по словам лопарки, ее семье. Путники остановились, и Пинк стал напугиваться медведем.

— Вы оставайтесь пока здесь, а я отправлюсь на разведку,— сказал Пинк, окончивши маскарад и направляясь к стаду.

— В случае надобности позовите меня,— крикнул ему вслед Стюарт.

При стаде находилось двое лопарей, Гарри и несколько собак.

Увидев громадного медведя, опиравшегося на длинное ружье, оба лопаря с громкими криками недоумения и испуга побросали свои палки и бросились бежать по направлению к юртам; вслед за ними с визгом и лаем побежали и собаки.

Гарри остался один, окруженный дрожавшими всем телом оленями, и решительно не знал, что ему делать. Гордость не позволяла ему бежать, а защищаться он не мог, потому что у него не было никакого оружия, кроме простой палки.

Но вдруг медведь вывел его из этого затруднительного положения.

— Эй, Гарри, подите сюда! — закричал медведь на чистом английском языке.

Удивленный мальчик начал оглядываться по сторонам. Он давно ни от кого не слышал английского языка, кроме брата, с которым уже несколько дней не виделся, и очень обрадовался, услышав звуки родного языка, но никак не мог догадаться, кто его зовет.

— Что вы мне ничего не отвечаете, черт возьми! — продолжал веселым тоном медведь, подходя к мальчику и протягивая ему лапу.

Но Гарри испуганию попятился от него и недоумевающе смотрел на странного зверя, который говорил человеческим языком и вдобавок по-английски.

— Ха-ха-ха! — закатился медведь. — Вы не узнаете меня?

— Да, я... — смущенно пробормотал мальчик.

— А Цезаря Пинка помните? — продолжал медведь.

— О, да, хорошо помню!

— Ну, так он перед вами.

И мнимый медведь все рассказал обрадованному мальчику и прибавил:

— Теперь идите вон в тот лес, там ждут мистер Стюарт и ваша знакомая лопарка. Подождите там меня, я пойду выручать вашего брата. Кстати, где он?

— Не знаю, я уже несколько дней его не видал.

— Ну, я найду его. До свидания!

Во время этого разговора в четверти мили стояла группа лопарей и с величайшим удивлением смотрела на эту странную беседу их пленника со страшным зверем.

Но увидя, что медведь направляется в их сторону, лопари с воплями ужаса бросились бежать куда глаза глядят, разбросав по дороге все свое немудреное оружие, в том числе и ружья, отнятые у пленников. Свирепо рыча и размахивая своим длинным ружьем и подобранными по дороге ружьями мальчиков, мнимый медведь быстро шагал за улепетывавшими во весь дух лопарями. Все они были на лыжах, и Пинк понял, что ему не догнать их, да и надобности не было: они уже и так были достаточно перепуганы. Он умерил шаги и, подойдя к одной юрте, вошел в нее. Там он нашел Гаральда, который, очевидно, опять что-то напроказив, был связан и печально сидел в углу.

Произошла почти такая же сцена, как и с Гарри, с тою только разницей, что Гаральд, узнав, с кем имеет дело, бросился мнимому медведю на шею и крепко расцеловал его.

Вскоре все соединились и весело направились в шалаш Пинка, куда и попали на другой день утром без особых приключений.

Глава 15

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Через несколько дней вся компания собралась покинуть Лапландию. Они брали с собой и лопарку, не желавшую возвращаться к родным.

Вскоре путешественники благополучно добрались до Гаммерфеста. Для всех было большим праздником вымыться и переодеться в чистое платье. Только одна лопарка, когда ее заставили сделать то же, нашла, что это лишнее, и едва не захворала с горя, расставаясь со своими грязными и вонючими лохмотьями.

В Гаммерфесте Стюарт и его воспитанники пробыли дня два, употребив их на отдых и приведение себя в при-

личный вид. Срок их возвращения в Англию уже прошел, и полковник начал, вероятно, беспокоиться о своих сыновьях.

Распрошавшись с Пинком, оставшимся на некоторое время в Норвегии, и взяв с него слово навестить их, наши путешественники отправились наконец в Англию, захватив с собою и лопарку, уже преображенную и одетую в приличный костюм. Описывать обратный путь не стоит: он был без особенных приключений. В Христиании путешественники сели на пароход, отходивший в Англию, и через неделю прибыли в Лондон, а оттуда прямо проехали в имение полковника Остина, находившееся от столицы в нескольких часах езды по железной дороге.

Сам полковник уже более месяца возвратился из своей поездки и каждый день с нетерпением ждал возвращения сыновей и их воспитателя.

В одно прекрасное утро полковник сидел с сигаретой в зубах на балконе своего дома и рассеянно просматривал «Таймс». Вдруг раздался стук подъехавшего экипажа. Полковник выглянул через решетку балкона и заметил трех высоких молодых людей, вышедших из экипажа. Одеты они были все одинаково, но один из них казался старше и лицо его было обрамлено небольшою бородою, а остальные двое выглядели еще совсем юношами.

Последние, выскочив из экипажа, поспешно открыли дверь прежде, чем кто-либо из прислуги успел это сделать, и почтительно пропустили впереди себя по лестнице молодого человека с бородой, который, ласково улыбувшись, поблагодарил их наклоном головы и быстро поднялся по лестнице. За ними следовали и его спутники.

Полковник был поражен. Неужели это его грубые и неотесанные сыновья? Не успел он еще прийти в себя, как молодые люди уже подходили к нему.

Полковник встал и, протягивая обе руки молодому человеку с бородой, вскричал взволнованным голосом:

— Стюарт! Это вы?

— Я, полковник, здравствуйте! — весело отвечал тот.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой друг! — приветствовал его старик. — А это... неужели Гарри и Гарральд? — спросил он, с удивлением оглядывая с головы до ног молодых людей, скромно стоявших позади своего воспитателя.

— Это мы, дорогой отец. Позволь и нам обнять тебя, — проговорил Гарри, делая шаг к отцу.

Полковник раскрыл объятия — оба юноши бросились в них и замерли на груди отца.

После обеда, когда полковник и Стюарт сидели вдвоем на балконе, первый сказал последнему:

— Не понимаю, дорогой Стюарт, каким чудом вы могли так преобразить моих сыновей?

— Я вам говорил перед вашим отъездом, полковник, что из них можно будет кое-что сделать, и вот, видите, мои слова оправдались.

— Спасибо, спасибо, дорогой друг! Я никогда не забуду вам этой громадной услуги,— говорил взволнованным голосом счастливый отец, крепко пожимая руку своему собеседнику.

За ужином сидели все вместе и юноши рассказывали отцу все свои приключения, не скрыв от него ни одной из своих ошибок.

Беседа затянулась далеко за полночь, и только перед рассветом все разошлись по своим комнатам.

Повесть моя окончена, дорогие читатели. Мне остается только добавить, что Гарри и Гаральд через год после возвращения домой были приняты студентами в Оксфордский университет, Стюарт сделался управляющим именьями полковника Остина, оставшись по-прежнему лучшим другом последнего и его сыновей, а лопарка поступила работницей на скотный двор полковника, и вскоре едва ли бы кто узнал в полной, опрятно одетой молодой женщине прежнюю грязную дикарку. Что же касается Цезаря Пинка, то он временами навещает семью полковника и до упаду всех смешит рассказами о своих многочисленных приключениях.

ОХОТНИКИ НА МЕДВЕДЕЙ

Роман

Из собрания И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Цвеккера

Глава 1

ПАЛАТЫ БАРОНА ГРОДОНОВА

На берегу Невы, совсем близко от Петербурга, среди великолепного ландшафта, в конце большого села, стоит великолепный дом барона Гродонова. Над воротами красуется каменный щит с изображением медведя, в сердце которого вонзается клинок ножа; черенок ножа держит мужская рука. Отворите ворота и войдите на обширный двор. Справа и слева вы увидите двух бурых живых медведей величиною с буйвола, прикованных на цепь.

Куда бы вы ни взглянули, над каждой дверью, выходящей во двор, вы увидели бы каменные изображения медведей. Действительно в гербе Гродоновых имеется медведь с ножом в сердце, и за черенок держится рука.

Естественно напрашивается предположение, что с выбором этого герба связано какое-нибудь происшествие, и что, конечно, и герб составлен для увековечения этого события. Действительно, таково настоящее его происхождение, и если мы войдем в картинную галерею барона, то мы увидим эту сцену, изображенную на большой картине. Здесь изображен лес, серые и узловатые стволы старых деревьев наполняют весь пейзаж, за исключением небольшой полянки на переднем плане. На полянке два человека и медведь. Зверь находится между двух человек, или, точнее сказать, один из людей лежит на земле, опрокинутый ударом медведя, который стоит над ним на задних лапах. Другой человек борется с диким зверем и, очевидно близок к победе, потому что лезвие большого ножа вонзилось в грудь чудовища повыше сердца.

Люди, изображенные на картине, одеты по-охотничьи, но и сама одежда уже доказывает, что они принадлежат к разным слоям общества. Наряд человека, лежащего на земле, обнаруживает богатство и знатность — его кафтан обшит дорогим мехом; на нем тонкие лосиные штаны, широкие сапоги вроде ботфорт, достигающие до колен; богато вышитый пояс стягивает его талию, а на левом боку висит короткий нож, рукоятка которого осыпана драгоценными камнями. Легкая шляпа с пером, упавшая, очевидно, во время борьбы, лежит возле, рядом с головою, а немного дальше рогатина, вероятно, выпавшая из рук в момент падения. Это русский великий князь, а медведь — настоящий русский Мишка.

Другой охотник, вонзивший нож в зверя, одет иначе. На нем кожаный кафтан, перетянутый кожаным же поясом; на голове шапка из мерлушек, а ноги обуты в грубые сапоги, оканчивающиеся выше колен. По этому костюму легко узнать мужика; но лицо его, как изобразил живописец, не совсем обыкновенно, и черты не лишены приятности. Он не так хорош, как его товарищ, но у него очень выразительное и умное лицо.

Размеры этой картины и место, ей отведенное, показывают, что хозяин придает ей особенную важность. Действительно, без этой картины, или скорее без той сцены, которую она изображает, не было бы ни галлерей, ни дворца барона Гродонова.

История эта очень простая, и ее можно передать в нескольких словах. Как мы уже сказали, человек, представленный на картине лежащим на земле, потерявший шапку и выпустивший из рук рогатину, русский великий князь, и даже впоследствии император. Он охотился и как-то удалился от своей свиты, зайдя в непроходимые лесные дебри. Ему пришлось один на один переведаться с медведем. Удар, нанесенный зверю рогатиной, оказался не смертельным; зато медведь так сильно ударил князя лапой по плечу, что тот, выронив оружие, упал на землю.

Медведь задрал бы его, наверное, но в этот момент явилось третье лицо принять участие в драме, именно молодой крестьянин-охотник, уже следивший некоторое время за медведем.

Первым движением крестьянина было броситься с ножом на медведя, и читатель видит, что смелый охотник должен был сделаться победителем.

Ни великий князь, ни крестьянин не вышли однако

же невредимыми из этого приключения. На обоих остались следы когтей разъяренного зверя, но, к счастью, ни одна из этих ран не оказалась опасною.

Нечего и говорить, что его высочество не пожалел ничего, чтобы вознаградить спасителя своей жизни. Сделавшись императором, он осыпал его милостями. И вот мы видим уже этого крестьянина генералом и бароном, а описанный нами роскошный загородный дом-дворец — его собственностью.

Глава 2

БАРОН ГРОДОНОВ

Если мы войдем в Гродоновские палаты, то увидим самого хозяина, барона Гродонова. Он сидит перед массивным дубовым столом в кресле из такого же дерева. На столе развернута географическая карта, а возле кресла стоит земной глобус больших размеров. На стенах расположено несколько полок с книгами, а между тем эта комната не является библиотекою в собственном смысле. У трех стен тянутся обширные витрины, в которых помещены разные предметы естественной истории; четвероногие, птицы, насекомые, пресмыкающиеся, приготовленные тщательно и расставленные в систематическом порядке. Барон устроил у себя тут целый музей.

При взгляде на воинственный вид человека, сидящего за большим дубовым столом — настоящий тип ветерана с седою головою и такими же усами — незнакомцу трудно представить себе, чтоб он занимается такую безусловно мирною наукою, как естественная история. Скорее можно предполагать, что он решает какой-нибудь фортификационный вопрос, имея перед глазами сочинение Вобана, или пишет историю какого-нибудь потемкинского, суворовского или паскевичевского похода. И предположение это оказалось бы близким к истине. Хотя барон и приобрел репутацию отличного офицера и служил блистательно, тем не менее изучение природы сделалось его любимейшим занятием. Охотничья жизнь, которую вел он с детства, возбудила в нем склонность к естественной истории, развившуюся впоследствии от чтения и изысканий. Это была страсть, которой ветеран посвящал все свое время в отставке. Большое состояние,

которым он был обязан щедрости своего государя, позволяло ему без помехи заниматься естественными науками, и великолепные коллекции, окружавшие его, доказывали, что он ничего не щадил для их устройства.

В тот момент, когда мы вошли в кабинет барона, последний, по-видимому, все свое внимание сосредоточил на карте и на глобусе. Его географические изыскания — имели ли они какое-нибудь отношение к естественной истории? Да, хотя только косвенные, но имели, как мы это сейчас увидим.

Барон позвонил. Немедленно явился слуга.

— Поди, скажи моим сыновьям, что я их жду, — сказал генерал.

Через несколько минут в кабинет вошли двое юношей, один — лет шестнадцати, другой — восемнадцати. Старший был смуглый, темноволосый и черноглазый юноша, выражение его лица обличало в нем твердый и серьезный характер, но его одежда или, лучше сказать, манера, с которою он ее носил, доказывала в нем отсутствие всякой изысканности и кокетства. Он был очень красив собой и уже успел усвоить ту благородную величавость, которою отличается все русское дворянство. Звали его Алексеем.

Младший брат несколько не был на него похож, словно между ними не существовало никакого родства. Он скорее был похож на мать, в то время, как Алексей чертами лица и характером был весь в своего отца. Это был красивый юноша: длинные белокурые волосы обрамляли его розовое лицо, дышащее здоровьем и свежестью. Глаза его были того темно-голубого цвета, который часто встречается у славянских народов, а живость его взгляда обличала честное откровенное сердце, готовое подчас и на какую-нибудь шутку, но только без малейшей злости.

Оба подошли к отцу с серьезным и почтительным видом. Алексей, казалось, при этом, был совершенно в своей тарелке, в то время как Иван приближался с видом человека, у которого совесть не совсем чиста.

Но мы должны сказать несколько слов о молодых людях, и о причине, по которой отец позвал их в кабинет. Каждый из них уже более десяти лет пользовался уроками лучших учителей, каких только можно было достать в России, кроме того, и сам отец много посвящал времени на их образование, и, конечно, привил им от се-

бя, в особенности старшему, любовь к естественной истории.

Алексей охотно занимался изучением природы, а Иван больше выказывал склонности к рассказам о великих исторических событиях. Все в нем обнаруживало, страсть к великолепию большого света, в котором он надеялся впоследствии играть роль. В свою очередь, книги, которые они читали, и преимущественно описания путешествий развили в молодых людях желание увидеть мир, которое, с каждым днем возрастая, превратилось в настоящую страсть. Они часто высказывали свое желание в разговорах с отцом и наконец решились изложить его в письме, которое сочинили вместе, и которое барон держал в руках в момент прихода сыновей.

Они просто просили у отца позволения посмотреть чужие края, предоставляя его мудрости решить, куда и как им отправиться.

Барон позвал к себе сыновей чтобы сообщить им ответ.

Глава 3

ЗАПЕЧАТАННЫЙ ПРИКАЗ

— Итак, мои молодцы,— сказал барон, устремив на детей взор, исполненный доброты и в то же время твердости,— вы желаете путешествовать, хотите видеть свет?

— Да, папа,— отвечал скромно Алексей.— Губернер уверяет нас, что мы достаточно знаем для того, чтоб путешествовать с пользою, и если вы позволите, мы охотно съездили бы повидать свет.

— Как, до университета?

— Но, папа, я полагал, что вы не рассчитывали еще посылать нас в университет некоторое время. И вы разве не говорили, что год путешествия стоит десяти, проведенных в университете?

— Может быть я и сказал это, но все зависит от способа путешествия. Если вы будете искать только удовольствий, то можете объехать вокруг света и возвратиться домой с теми же сведениями, что и при отъезде. Пробежать большие пространства в тесных отделениях вагонов или на просторных пароходах и ночевать в великолепных гостиницах — не это ли вы называете путешествием?

— О, нет, не это,— отвечал Алексей,— и что бы вы ни решили в этом отношении, я на все согласен.

— Что касается меня,— прибавил Иван,— то я не разборчив, и усталость меня не пугает. Я заранее соглашаюсь на всякие условия путешествия.

Последние слова были проговорены не совсем искренним тоном. В сущности Иван не особенно стремился к такому способу путешествия, который бывает чересчур утомителен. Ему хотелось и покататься, и не очень устать.

— Если я соглашусь с вашим желанием, то куда же вы поедете? — спросил барон.— Ты, Алексей, которую часть света предпочел бы?

— Америку с ее громадными лесами и горами. Если бы выбор зависел от меня, то, конечно, я поехал бы в Америку, но это уж как вы решите.

— А ты, Иван?

— Из всех городов в мире мне бы хотелось посетить Париж,— отвечал молодой человек, не предвидя, что его ответ очень не понравится отцу.

Барон нахмурил брови.

— Впрочем, нет, милый отец,— поправился Иван,— я вовсе уж не так стремлюсь в Париж. Я поеду всюду, в Америку, если хочет брат, и, наконец, готов с ним отправиться вокруг света.

— Ха, ха, ха! Вот что называется — говорить дело, Иван, а так как ты спорить не намерен, то и отправишься вокруг света.

— Как, мы посетим все большие города в мире? — воскликнул Иван, голова которого была занята удовольствиями, какие представляют большие города.

— Нет,— отвечал отец,— мои намерения совсем другие. Многому можно научиться в городах, но в них узнаются также и вещи, которых лучше не знать совсем. Я не против того, чтобы вы посещали города, так как их довольно много встретится вам на дороге; но одним из условий вашего отъезда будет то, чтобы вы останавливались в городах лишь столько времени, сколько окажется нужно для отдыха и для того, чтобы запастись нужными в дороге вещами. Целью вашей должно быть посещение стран, где природа представлена в разных формах, а не городов, не столиц, где вы увидите только то, что можно найти и в Петербурге во всякое время. Я хочу, чтобы вы познакомились с природою, и для этого вам

необходимо увидеть ее в первобытном состоянии; только тогда она предстанет перед вами во всем своем великолепии и величии.

— Соглашаемся охотно! — воскликнули оба сына разом. — Приказывайте, куда нам ехать.

— Вы должны, как сказал Иван, объехать вокруг света.

— О, какое длинное путешествие! Вам угодно, я полагаю, чтоб мы переплыли Атлантический океан, потом через Панамский перешеек достигли Тихого, или, по примеру Магеллана, обогнули мыс Горн.

— Ни то, ни другое. Я желаю, чтоб вы больше путешествовали по суше, чем по морю. Если путешествие по земле и дальше и утомительнее, зато оно научит большему. Поверьте, дети мои, что если я решаюсь послать вас в отдаленные края, то не без определенного намерения. У меня даже не одна цель для подобного образа действий, а несколько. Во-первых, я желаю, чтоб вы пополнили свои познания в естественной истории, начальные сведения из которой вы уже получили от меня. Лучшая школа для этого — природа. Во-вторых, как вам об этом известно, я большой любитель всего существующего в природе, особенно всего живого — всех тварей на земле и птиц в воздухе. Вы будете наблюдать животных в тех местах, где они водятся, изучите их нравы, обычаи, образ жизни. Вы будете заносить в дневник все факты и события, достойные замечания, и расскажете потом подробно свои путевые приключения, которые, по-вашему, могут показаться мне интересными. О средствах для вашего путешествия я позаботился, и нигде, куда бы вы ни приехали, вы не встретите никаких затруднений.

— Мы обещаем, папа, в точности согласовываться с вашими наставлениями. Но откуда же нам начинать наше путешествие?

Барон не отвечал несколько времени, потом, вынув из стола только что запечатанный конверт, передал его своим сыновьям.

— Здесь вы найдете условия, на которых я соглашаюсь на ваше путешествие, — сказал он. — Я не требую, чтобы вы приняли их, не обсудив и не обумав хорошенько. Вы отправитесь в свою комнату, прочтете внимательно эти условия и, когда взвесите их вполне, тогда только придете мне сказать, что принимаете их; если же нет, то чтоб об этом больше никогда и не помнить.

Едва ли могут быть такие условия, которых мы бы не приняли,— шепнул Иван на ухо Алексею.

Алексей взял конверт, и братья унесли его в свою комнату.

Печать была немедленно сорвана. В письме заключалось следующее:

«Сыновья мои, Алексей и Иван!

Вы хотите путешествовать и спрашиваете моего позволения. Я согласен, но только вот условия. Вы привезете мне шкуру каждой из известных пород и разновидностей медведя. Я не говорю о разновидностях случайных, происходящих от альбинизма или от другой подобной причины, но обо всех породах или разновидностях, принятых натуралистами. Медведи, шкуры которых вы принесете, должны быть убиты в странах, где они родились, и вами лично, и только при содействии дорожного товарища, которого я вам назначу. Для выполнения задачи, которую я вам предложу, вы должны объехать вокруг света; но я подразумеваю под этим — и это одно из важнейших условий,— чтобы вы сделали полный круг один только раз. Другими словами, предоставляю вам полную свободу переходить во всех направлениях и сколько угодно различные градусы и широты и идти, таким образом, от полюса к полюсу, если это вам нравится, но другое дело — градусы долготы. Вы не должны ни в каком случае переходить два раза одного меридиана; это разрешается вам только при возвращении в Петербург. Условие это не применяется к поездкам по всем направлениям, когда явится необходимость преследовать медведя; оно касается собственно вашего путешествия. Вы уедете из Петербурга в любом направлении, на запад или на восток, как вам заблагорассудится. Я полагаю, что вы имеете достаточно познаний в естественной истории и географии, чтоб понять, что сами мои условия обозначают ваш путь, и что вам остается лишь решить, какое направление взято — восточное или западное. Этот пункт как и все относящееся к способу вашего путешествия, полностью предоставляется определить вам, и я уверен, что практическое воспитание, которое вы получили, поможет вам устроить все это самым удобным образом. Переступив порог дома, вы уже будете зависеть лишь от себя. По возвращении, может быть, вы сделаетесь стар-

ше на несколько лет, но я рассчитываю, что это время не будет для вас потерянным. Такова твердая надежда и таково пламенное желание любящего вас отца,
Михаила Гродонова».

Глава 4

ОБСУЖДЕНИЕ ПО ПУНКТАМ

Молодые люди не могли некоторым образом не удивиться, читая это странное послание, но собственно условия, предлагаемые отцом, не показались им ни тяжелыми, ни безосновательными, и они не задумываясь приняли их. Догадывались они и о некоторых причинах заставивших отца действовать подобным образом. Зная, что барон одинаково любит их обоих, они понимали что от этой любви нельзя было ожидать ни мягких уступок, ни жизни избалованного ребенка в роскошных палатах. В его глазах воспитание, полученное в суровой школе практики и путешествия, было предпочтительнее воспитания, получаемого из книг, и он хотел, чтобы дети его не составляли исключения в этом отношении. Он решил, что они увидят свет, но не в самом обыкновенном смысле этой банальной фразы, т. е. свет больших городов и столиц с их красивою внешностью и пороками, но мир природы, а чтобы и в этом случае ни в чем не было недостатка для их образования — он и начертил им свой план, который должен был повести их в самые дикие страны, где природа предстала бы пред ними в редком и первобытном виде.

— Право, брат,— воскликнул Иван, когда Алексей дочитал письмо,— здесь есть все для удовлетворения нашего стремления к путешествию, но надо признаться, что отец прибегнул к странному средству держать нас вдали от больших городов.

— Да,— отвечал спокойно Алексей,— не много найдется больших городов, в которых бы водились медведи.

— Действительно, условия эти странные, и я не понимаю цели отца в этом случае.

— Я сам не совсем понимаю и нахожу одно только объяснение.

— А именно?

— Ты знаешь, Иван, как интересуется отца все, что от-

носится к медведям. Всем известно, что это у него почти мания.

- Понятно, и большая картина в галлерее способна убедить в этом каждого,— отвечал, засмеявшись, Иван.— Без Михайлы Иваныча отец никогда не был бы и бароном.

- Да-да, вот почему он так интересуется медведями.

— И вот причина странных условий, на которых он разрешил нам путешествовать. А между тем, согласись, в этом есть много эксцентрического.

— У отца, без сомнения, есть свои причины,— отвечал Алексей.— Кто знает, может быть, он собирается писать монографию о медведе и желает для этого иметь полную коллекцию шкур каждого члена каждой ветви обширного семейства Мишек. Что же, мы должны постараться исполнить его желание. Нам нечего доискиваться причины, которая заставляет отца действовать подобным образом. Мы лишь должны повиноваться его приказани-им, как бы ни была трудна задача.

— Ты прав.

Легко, впрочем, понять удивление братьев при чтении этого письма, и, конечно, им было бы затруднительно исполнить волю отца, если б они были менее подготовлены по естественным наукам. Им предписывалось убить по одному медведю из всех известных разновидностей, каждое животное убить собственной рукой и непременно в надлежащей местности. Несмотря на свою молодость, оба брата были хорошими охотниками и искусными стрелками. Отец сам посвятил их заранее во все тайны охоты и приучил их хладнокровию и решимости, которые обыкновенно приобретаются лишь в зрелом возрасте. Они привыкли ко всем опасностям и лишениям охотничьей жизни. Им не раз случалось день и два оставаться без пищи, спать на траве под открытым небом, и все эти испытания они переносили спокойно в суровом климате своей родины. Воспитание молодых Гродоновых было почти спартанское во всех отношениях, и они не боялись ни усталости, ни лишений, ни опасностей. Только такие молодые люди и могли исполнить программу, начертанную их отцом.

Но выполняли ли была эта программа? В кратких наставлениях отца имелось несколько весьма щекотли-

вых пунктов. Молодые люди могли свободно передвигаться от одного градуса широты до другого, но им запрещалось так двигаться относительно градусов долготы. Возможно ли было при этих условиях посетить все страны, обитаемые медведями?

Раз отец отдал подобные приказания, то, вероятно, они были исполнимы, и очевидно, им предстояло назначить себе маршрут с чрезвычайной осмотрительностью. Иначе они рисковали свернуть с прямой дороги и продолжать путь, изменяя приказаниям отца. Они не должны были переходить два раза одного и того же меридиана. Именно этот пункт смущал их и заставлял быть весьма осторожными, чтобы не принять ложного направления.

К счастью, Алексей был отличным зоологом и хорошо знал географическое распределение медвежьей породы на земном шаре. Без этого братьям было бы, конечно, очень трудно разрешить задачу и назначить самим маршрут.

— Если бы мы жили в те времена, когда великий шведский натуралист издал свою Систему природы,— сказал Алексей с улыбкою,— то это поручение не потребовало бы много труда, и мы бы его скоро исполнили.

— Что ты хочешь этим сказать, брат? — спросил Иван.— И куда же мы должны были бы отправиться?

— Пройти к воротам нашего дома. Нам оставалось бы только убить одного из больших медведей, прикованных на цепь, и условия нашего отца были бы превосходно выполнены.

— Каким образом? Не понимаю.

— Как не понимаешь? Прочти письмо и взвесь хорошенько каждый пункт.

— Там ничего нет неясного, и я знаю его наизусть. Отец позволяет нам путешествовать с условием, что мы возвратимся домой не иначе, как убив по медведю из каждой известной разновидности.

— Да, и, конечно, отец знал разновидности, известные натуралистам. Догадался?

— Догадался. Ты хочешь сказать, что когда Линней издавал свою Систему природы, то наш бурый европейский медведь был единственным медведем, известным натуралистам.

— Именно — *ursus arctos*. Других не знали, а, следовательно, и путешествие, подобное нашему, было бы в ту эпоху непродолжительным. Правда, что еще при жизни шведский натуралист познакомился также с медведем Северного моря (*ursus maritimus*), но он считал его только простой разновидностью *ursus arctos*, и я не могу понять этой ошибки у такого человека, как Линней.

— Действительно, эти два животных весьма различны между собой, — прибавил Иван, — и я знаю это превосходно, не будучи знаменитым натуралистом. Не говоря о цвете, формы тела существенно разнятся у этих двух пород, и обычаи далеко не одинаковы. Наш бурый медведь живет в лесах и питается, главным образом, плодами, а другой обитает в стране снегов и вечных льдов и ест только мясо и рыбу. Нет, это не две разновидности одного и того же рода, но две совершенно различные породы.

— Бесспорно, — отвечал Алексей, — но мы будем иметь случай сравнить их после. В настоящее время прекратим разговор и займемся маршрутом, какой предполагает для нас отец.

— Но, мне кажется, он не назначает никакого. Он позволяет идти куда угодно, пока мы не добудем медвежьих шкур. Правда, он запрещает нам переходить дважды один и тот же меридиан. Ну, что ж, мы и пойдем вперед, не возвращаясь: ведь он этого хочет, да?

— Без всякого сомнения, но для этого нам необходимо составить подробный маршрут и неуклонно ему следовать.

— Право, брат я тут теряюсь. Займись этим сам и веди меня куда хочешь. Какое мы возьмем направление?

— Этого я еще не могу сказать, и для того, чтоб верно выбрать направление, представляемое нам четырьмя странами света, мне необходимо развернуть карту и внимательно осмотреть положение различных стран, где Мишка установил свое владычество.

— Это будет и для меня весьма интересным уроком. Вот карта, я разверну ее и буду стараться помочь тебе отыскать нашу дорогу.

И Иван, сняв со стены большую карту, разослал ее на столе. Братья принялись обсуждать направление.

Глава 5

МАРШРУТ

— Прежде всего мы имеем бурого медведя (*ursus arctos*), — сказал Алексей. — Мы могли бы встретить его и не выезжая из отечества, потому что с гордостью называем его нашим русским медведем; но есть еще черный медведь, которого многие натуралисты считают разновидностью *ursus arctos* в то время, как другие делают из него особую породу под именем *ursus piger*, или, как называют иные, *ursus ater*. Но будь это порода или разновидность, все же нам нужна шкура с одного экземпляра из этой ветви большого семейства. В этом отношении приказания отца очень точны.

— Разве этот черный медведь не встречается также в России в наших северных лесах?

— Действительно, он у нас тоже встречается, но гораздо чаще в горах Скандинавии. И так как мы могли бы пройти весь север России, не встретив ни одного черного медведя, то нам лучше всего прямо отправляться в Лапландию или Норвегию, где мы также наверное встретим и бурого медведя. Значит мы одним выстрелом свалим двух зайцев.

— Ты говоришь в Норвегию? Я не прочь. Но куда же мы поедем после? Вероятно, в Северную Америку?

— Нет. Есть медведи в Пиренеях и других испанских горах, преимущественно в Астурийских. Многие натуралисты считают пиренейского медведя разновидностью *ursus arctos*; но это, конечно, ошибка, потому что этот медведь составляет отдельную породу — так думает наш отец. Есть другие исследователи, отличающие только три или четыре породы в целом мире. Гораздо лучше в этом отношении, я полагаю, принять точку зрения нашего отца, и всех медведей, различающихся между собою постоянными признаками, ростом, цветом или чем иным, считать отдельными породами, как бы ни были в общем сходны их нравы и образ жизни. Натуралисты дошли до того, что из американского черного медведя сделали разновидность нашего бурого, и, как я уже говорил, сам Линней видел в полярном медведе животного той же породы. Теперь положительно доказано, что эти авторы ошибались.

— Итак, из Лапландии или из Норвегии мы отправимся в Испанию и убьем пиренейского медведя.

— Это наша дорога. Выхав из Петербурга на запад, мы иначе и не можем, как ехать все в том же направлении.

— В таком случае, как же будет с белым альпийским медведем?

— Ты хочешь сказать об *ursus albus* Лессона?

— Да, чтоб достигнуть Альп, где как говорят, он находится, нам неизбежно придется изменить направление и перейти два раза один и тот же меридиан.

— Ты был бы прав, если б мы должны были искать в Альпах то животное, о котором ты говорил, но мы напрасно потратили бы время, потому что оно там не водится. Белый медведь Бюффона и Лессона был только случайною разновидностью, так сказать альбиносом породы бурого медведя, и, следовательно, не имеет никакого права фигурировать в коллекции, которой ожидает от нас отец.

— Значит нечего и толковать о нем. Но куда же мы направимся из Испании? На этот раз в Северную Америку?

— Нет.

— Может быть, в Африку?

— Тоже нет.

— Значит, в Африке нет медведей?

— Это спорный вопрос ученых, и таким он был уже во времена Плиния. Некоторые историки называют нумидийскими медведями тех, которых приводили в Рим для участия в цирке. Кроме того, Геродот, Virgilий, Ювенал и Марциан говорят в своих сочинениях о ливийских медведях. Плиний, однако ж, положительно отрицает существование в Африке животных, которым можно было бы дать это название. Правда, он равномерно отвергает на африканском континенте оленя, козу и кабана, а, следовательно, не имеет большой цены и его свидетельство о несуществовании медведей в Нумидии. Странная вещь! Впрочем, вопрос этот не менее подвержен спору теперь, как и в его времена. Английский путешественник Брюс говорит решительно, что в Африке нет медведей; другой путешественник, специально исследовавший Абиссинию, тоже англичанин, по имени Салт, нигде не упоминает о них; но немец Эренберг пишет, что встречал их в горах этого континента и слышал о них в

Счастливой Аравии. Многие французские и английские путешественники, Понсе, Пуаре, Дэппер и Шау свидетельствуют о существовании медведей в различных частях Африки — в Нубии, Бабэре и Конго. По словам Пуаре, животные эти весьма распространены в горах Атласа, между Алжиром и Марокко, и этот писатель сообщает даже некоторые подробности об их обычаях. Он рассказывает, что они очень свирепы, кровожадны, и, если верить арабам, во время преследования схватывают камни и бросают в неприятеля. Он рассказывает, что один арабский охотник приносил ему шкуру местного медведя и показывал рану на ноге, причиненную камнем, который бросил в него медведь во время преследования. Пуаре не ручается за факт бросания камней медведями, но положительно подтверждает существование этих животных в Африке.

— А какого мнения об этом наш отец? — спросил Иван.

— Он полагает, что в Африке есть медведи; может быть, не во всех горных местностях этой части света, но, вероятно, в большой цепи Атласа и в горах Тетуана. Один английский путешественник, вполне достойный, чтобы ему верить, поставил вопрос вне сомнения, приводя описание африканских медведей, в котором невозможно ошибиться. Натуралисты полагали, что если животное, описанное этим путешественником, действительно существует в этой части Африки, то оно должно принадлежать к породе сирийского медведя, хотя в этом случае вполне возможно, что медведи были арабские или абиссинские, однако, медведь атласский не похож ни на одну известную породу. Одно из этих животных, убитое возле Тетуана, в двадцати пяти милях от гор Атласа, было гораздо меньше черного американского медведя. Однако ж этот медведь был равномерно черный или скорее черно-рыжий, и без малейшего белого пятна на голове, но под брюхом он имел изжелта-красноватый цвет. Шерсть его, густая и щетинистая, имела от четырех до пяти дюймов длины, между тем как морда, большие пальцы и когти были гораздо короче, чем у американского медведя. Туловище было толще и плотнее. Английский путешественник, приводящий эти подробности, описывает также некоторые привычки животного, которые он мог изучить на месте. Арабы ему сказывали, что медведь редко встречается возле Тетуана, питается ко-

решьями, желудями и плодами, но не слишком мастер лазить по деревьям. Действительно, трудно поверить,— продолжал Алексей,— чтобы в большой цепи Атласа и Абиссинских гор не водилось ни одно из этих млекопитающих, встречающихся во всех горах земного шара. Кроме того, надобно припомнить, что недавно еще были неизвестны ученым медведи, водящиеся в Гималайских горах, в американских Андах, на островах Восточной Индии и даже в горах Ливанских. Что ж удивительного, если в Африке существует порода, а может быть, и не одна, неизвестная еще ученому и цивилизованному миру.

— В таком случае, почему же не поехать нам в Африку?

— Потому что наши инструкции относятся только к тем разновидностям медведя, которые известны натуралистам. Африканский медведь не причисляется к этой категории, потому что ни один еще естествоиспытатель не описал его.

— Значит, нам прямой путь в Северную Америку?

— Ты забываешь, брат, южно-американского медведя.

— Правда! Медведь в очках, как его называют.

— Именно *ursus ornatus*. Я думаю даже, что мы встретим две породы медведя в Южной Америке, хотя это еще спорный вопрос.

— А где мы их найдем?

— Обе обитают в чилийских и перуанских Андах и не встречаются далее к востоку.

— Значит, поэтому ты не одобряешь моего маршрута?

— И я имею для этого основание. В Северной Америке, куда ты хочешь отправиться сначала, мы найдем не менее пяти пород, или хотя бы четырех, при одной вполне отдельной разновидности. Одна из этих пород — и говорю о страшном сером медведе (*ursus ferox*) — обитает в стране, лежащей к востоку далее, чем какая бы то ни была часть южно-американских Анд. Таким образом, мы не можем возвратиться потом искать медведя в очках, не нарушая пункта программы относительно градусов долготы.

— Правда, брат. Взгляд на карту не оставляет в этом ни малейшего сомнения. Значит, ты предлагаешь посетить сперва Южную Америку, чтобы потом перебраться в другую часть американского материка.

— Мы обязаны сделать это в силу нашего уговора. Когда мы добудем шкуры *ursus ornatus* и другой разновидности, которую найдем в Андах, мы можем тогда по прямой линии направиться к северу. В долине Миссисипи мы встретим черного американского медведя (*ursus americanus*), и, присоединившись к одному из караванов, посещающих Гудзонов залив, достигнем стран, где обитает полярный медведь (*ursus maritimus*). Далее по направлению к северо-западу у нас будет медведь Бесплодных Земель, которого сэр Джон Ричардсон считает разновидностью бурого европейского. Наш отец, однако ж, об этом другого мнения. Перейдя затем Скалистые горы, я думаю, что мы найдем случай померяться со знаменитым страшным серым медведем (*ursus ferox*), а в Орегоне или английской Колумбии мы можем присоединить к нашей коллекции шкуру коричневого медведя (*ursus cinnamomius*), которого обыкновенно считают разновидностью черного американского медведя. Тогда мы закончим с медведями этого материка.

— И потом, полагаю, перейдем в Азию.

— Да, мы переправимся через Берингов пролив и встретим медведя с воротником (*ursus collaris*) или сибирского. Эта порода, говорят, включает в себе две разновидности, из которых одна, известная под именем *ursus sibericus*, встречается также и в Лапландии.

— Продолжай, брат.

— С Камчатки мы сделаем большой переход по направлению к юго-западу, чтобы достигнуть Борнео.

— А! Отечество небольшого красивого медведя с оранжевою грудью.

— Борнейский медведь (*ursus euryspilus*) или бруанг, как называют его малайцы.

— Но нет ли там еще другого бруанга?

— Есть еще медведь полуострова Малакки (*ursus malayanus*), которого мы встретим на Яве или на Суматре.

— Список гораздо длиннее, чем я предполагал. Надо сказать правду, он сильно увеличился со времен этого доброго старика Линнея.

— До конца еще далеко.

— Хорошо. Куда же потом?

— Вверх по Бенгальскому заливу до Гималайских гор. Сначала у подошвы мы найдем любопытную породу медведя-лентяя, которого французские писатели на-

зывают жонглерским медведем. Это *ursus labiatus* — большегубый медведь — натуралист, и мы можем найти его на равнинах Индии, еще прежде Гималай. Добыв его шкуру, мы проникаем в горы, и как только достигнем известной высоты, то непременно встретим тибетского медведя (*ursus thibetanus*), помещенного некоторыми натуралистами ошибочно в число множества разновидностей бурого европейского медведя. Еще выше, надеюсь, мы встретим солового медведя (*ursus isabellinus*), так названного по причине его цвета, но которого англо-индийские охотники называют снеговым медведем, потому что он обыкновенно живет в области снегов.

— Ну, все ли теперь?

— Нет, брат, остается еще один медведь, но это уж будет последний.

— Какой же?

— Сирийский (*ursus syriacus*), первый, о котором, упоминает история, и последний в нашем списке; именно этой породы медведи вышли из леса и разорвали в клочки у ворот Вефиля сорок двух детей, насмежавшихся над пророком Елисеем. Следовательно, мы посетим Сирию и добудем шкуру одного из этих медведей.

— Очень хорошо, но я надеюсь, что они сделались менее свирепы со времен пророка Елисея, а иначе мы рисковали бы встретить такой же прием, как и дети, оскорбившие пророка.

— Мы будем считать себя счастливыми, если не будем ранены до встречи с ливанским медведем. Но когда мы добудем его шкуру, нам останется возвратиться домой прямою дорогою.

— Еще бы! Ливанский медведь закончит наше кругосветное путешествие.

— Да, но теперь, выработав себе маршрут, не будем терять времени, а пойдем к отцу и скажем, что согласны на его условия, а потом сейчас же займемся приготовлениями к отъезду.

— Хорошо, — сказал Иван.

И оба пошли к отцу сообщить о своем согласии.

— Мы поедем одни, папа? — спросил Иван. — Кажется, вы говорили о каком-то дорожном товарище?

— Да, у вас будет один такой. Вам не нужно много слуг, многочисленная свита только бы затруднила вас. Барон позвонил.

— Позвать ко мне унтер-офицера Пушкина.

Вскоре отворилась дверь, и вошел мужчина лет пятидесяти. Его высокий рост, коротко стриженные волосы, огромные седые усы, манера держаться прямо и серьезное выражение лица обличали в нем ветерана императорской гвардии, одного из тех превосходных и страшных солдат, которых выбирают из цвета молодежи. Хотя он был и не в мундире, а просто одет охотником, однако, его приветствие и поза обличали ясно ремесло, занимаясь которым Пушкин провел большую часть своей жизни.

— Пушкин!— сказал барон.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Прикажу, чтоб ты отправился в путь.

— Слушаю-с.

— Даю тебе час на сборы.

— Куда прикажете ехать, ваше превосходительство?

— Вокруг света.

— Мне довольно и полчаса на сборы.

— Хорошо. Будь готов через полчаса.

Пушкин поклонился и вышел.

Глава 6

В ТОРНЕО

Не станем описывать прощанья барона с сыновьями. Приказания, обещания, взаимный обмен нежными чувствами — все это прошло так, как бывает обыкновенно в подобных случаях.

Не будем касаться также и незначительных дорожных приключений с нашими героями до гор Лапландии. Довольно сказать, что они поехали из Петербурга на почтовых прямо в Торнео, стоящий на оконечности Ботнического залива. Оттуда они прошли на север вверх по реке Торнео до ее истоков, берущих начало в горах. Они имели все необходимое для быстрого путешествия, но не отягощали себя излишними вещами. Денег с ними было вдоволь в кармане Пушкина, а с деньгами они могли везде найти все, не заботясь о толстых чемоданах.

Действительно, мало есть в мире таких земель, где с наличными деньгами нельзя бы было достать все необходимое для жизни, а так как нашим охотникам требовалось именно последнее, то они и были уверены, что

не будут нуждаться ни в чем, даже когда заберутся в самые отдаленные места Лапландии. В своих полудиких пустынях лопарь отлично понимает цену монеты и охотно отдает в обмен на нее мясо, оленье молоко и все, чем располагает в хозяйстве. Молодые охотники наши путешествовали налегке, имея лишь по дорожному мешку на спине, в котором хранилось немного белья и несколько необходимых принадлежностей для поддержания чистоты тела, этого неизбежного условия для каждого порядочного человека. Третий мешок, гораздо больших размеров, был вверен специально заботам Пушкина, и хотя он был для обыкновенного человека весьма приличной тяжести, однако, ветеран не обращал на это ни малейшего внимания. У каждого из путешественников имелась широкая меховая одежда, которую в пути они несли свернутою у мешка, но в которую закутывались ночью. Одним словом, она служила им одеялом и постелью. Все они были прекрасно вооружены. Алексей нес великолепный карабин, Иван — отличное двухствольное ружье, а Пушкин предпочел длинное охотничье ружье большого калибра. Кроме того, каждый имел по охотничьему ножу различной формы.

Вступив в Лапландские горы, молодые люди принялись за поиски «старика в теплой шубе», как выражаются туземцы, говоря о медведе.

Они приняли все меры, чтоб обеспечить успех своих поисков. Проводник обязался провести их в местность, изобилующую медведями, и где он жил сам почти в таком же диком состоянии, как и эти животные: это был чистокровный лопарь, не имевший другого жилища, кроме шалаша поставленного среди гор. У него не было оленей, и охота служила ему единственным средством к существованию. Он ставил западни на горностаев и куниц, убивал при случае дикого оленя, проводил всю свою жизнь с волками и медведями и продавал их шкуры меховым торговцам, приобретая необходимые предметы для жизни при таких условиях.

В его шалаше из грубой ткани вадмель наши путешественники нашли убежище и гостепримство, какие только мог предложить им бедный лопарь. Им пришлось жить среди дыма, выедавшего глаза, но они знали, что их путешествие не могло не изобиловать тяжелыми испытаниями, и потому переносили без малейшего ропота это тягостное неудобство.

Мы не будем пересказывать день за днем жизнь молодых охотников. Их дневник, из которого извлечен этот рассказ, наполнен множеством подробностей, которые могут быть интересны только им лично, да, может быть, еще старику барону: они описывали вид страны, нравы и обычаи жителей, их способ путешествия в саних, запряженных оленями, их ходьбу по снегу на лыжах, называемых скидорами или скабаргерами.

Для описания этих подробностей потребовался бы громадный том, но мы ограничимся более выдающимися эпизодами.

К лопарям прибыли наши охотники в начале весны, или, лучше сказать, в конце зимы, так как земля еще была покрыта густым слоем снега.

В это время года медведи не показываются и лежат в расселинах скал или в дуплах деревьев, откуда выходят лишь тогда, когда начинает пригревать весеннее солнышко, или когда снег исчезает с горных покатоостей.

Всем доводилось слышать о зимней спячке медведей, в которую они бывают погружены в продолжение известной части года, и что все медвежьи породы подчиняются этому закону. Но это ошибка: только некоторые медведи засыпают этим продолжительным сном, зависящим скорее от климата и местности, обитаемой медведем, а не от естественных инстинктов животного. Действительно, замечено, что те же самые медведи, которые в иных странах засыпают на зиму, продолжают в других бродить в течение всей зимы. Состояние спячки как бы добровольно у этих животных, потому что только в местностях, где трудно добывать продовольствие, они подвергаются этому продолжительному посту.

Как бы то ни было, бурый лапландский медведь принадлежит к числу подверженных этому периодическому сну, и его трудно встретить зимою. Не выходя из своей берлоги, разумеется, он и не оставляет на снегу следов, по которым мог бы найти его охотник.

К счастью для наших молодых русских, незадолго до их прибытия в край начиналась весна. Солнце появлялось несколько дней кряду, после чего выпал легкий снег. Но этого было достаточно, чтоб вызвать нескольких медведей из их берлог. Иные даже предпринимали небольшие прогулки в горы, без сомнения побуждаемые голодом, поискать желудей и других плодов, пролежавших

чиму под снегом и вследствие этого сделавшихся мягкими и сладкими, что очень по вкусу медведям.

Через несколько дней по прибытии наши охотники увидели на снегу медвежий след, который привел их прямо к берлогу. Это послужило поводом к первому их приключению, которое едва не сделалось последним в жизни Пушкина. Ветеран подвергся большой опасности.

Глава 7

ЯЩИК С СЮРПРИЗОМ

Наши молодые люди напали на медвежьи следы рано утром, выйдя из палатки. Пройдя по ним около мили, охотники увидели, что следы повернули в узкое ущелье, сажен пять или шесть в ширину между отвесными скалами, дно которого было покрыто слоем снега аршина в два высоту. По краям снег был не так глубок, но следы огпечатавались на нем явственно.

Охотники не колеблясь вступили в ущелье. Вскоре следы перешли на другую сторону, и наши молодые люди сделали то же. Здесь была наметена большая куча снега. Длинные ветви вечнозеленых сосен защищали его от лучей солнца, так что он несколько не растаял. На поверхности образовалась довольно прочная кора, которая могла держать человека на лыжах, но ходить по ней следовало с большою осторожностью. Медведь перешел через эту кучу, но у этих животных четыре ноги вместо двух, а подымая одну только лапу, они остаются на трех точках опоры. Напротив, человек, подымая одну ногу, стоит на другой, вся его тяжесть упирается в одну точку, и поэтому опасности гораздо больше. Длина туловища и расстояние между передними и задними ногами дают медведю еще другое преимущество: тяжесть его распределяется на гораздо большее пространство и из этого следует, что он может безопасно проходить по льду или по замёрзшему снегу там, где человек не пройдет безнаказанно. Всем детям известно,— по крайней мере, тем, которые играли на льду какой-нибудь речки или пруда,— что если ползти на четвереньках или на животе, можно безбоязненно перебраться по льду, по которому не прошёл бы на ногах и самый маленький из них.

Значит, медведь имел большое преимущество перед

своими преследователями, в чем наши охотники, или, по крайней мере, Пушкин, имели случай удостовериться. Они об этом, однако, не думали сначала и полагали, что там, где прошло большое и тяжелое животное, им не будет препятствия,— и потому все, не задумавшись, взошли на замерзший снег.

Алексей и Иван были не тяжелы и благополучно прошли; но Пушкин, который весил один столько же почти, сколько оба брата, оказался очень грузным для ледяной оболочки. Едва он дошел до середины ущелья, как послышался треск, и прежде, нежели молодые люди успели оглянуться, Пушкин исчез словно по команде. Торчал только конец его ружья на какой-нибудь аршин выше снега.

В то же время послышалось несколько слов, произнесенных почти замогильным голосом, словно человек говорил из глубины колодца или из пустой бочки. Но восклицания эти ни мало не обнаруживали страха, а скорее удивление и насмешку. Молодые люди заключили из этого, что их товарищ не подвергался опасности, и успокоившись, сначала Алексей, а потом Иван расхохотались.

Когда они осторожно подошли к яме, куда провалился Пушкин, веселость их удвоилась, и, действительно, они увидели забавное зрелище.

Ветеран стоял, подобно тем картонным фигурам, которые запираются в коробочке с сюрпризамн, и стоял в чем-то вроде воронки, проделанной собственным его падением. Но страннее всего было то, что ноги его не упирались в снег, а были по колена в воде.

Действительно, по ущелью протекал ручей, прикрытый толстым слоем снега, под которым он и прорыл себе тоннель. Молодые люди не могли сначала объяснить себе этого, ибо они видели только макушку Пушкина и его длинные руки, державшие кверху ружье, но они не слышали журчания ручья, о чем ветеран рассказал уже им впоследствии.

Но положение его не во всем было схоже с положением солдата, заключенного в коробку с сюрпризом. В снежной куче не было механизма, действие которого выдвинуло бы ветерана на свет Божий. Голова его находилась, по крайней мере, фута на три ниже уровня снега, и вопрос о том, как вытащить его на поверхность, представлял затруднение.

Молодые его товарищи не смели подойти к краю провала; лед мог под ними тоже подломиться и их ожидала подобная же участь. Алексей, однако ж, придумал довольно скорый способ помощи.

В числе разных предметов, которые ветеран носил за спиной, имелась довольно длинная толстая веревка, свитая в кольцо, и она-то подала мысль как выручить товарища.

Алексей немедленно велел Пушкину один конец веревки крепко обвязать вокруг тела, а другой, свободный, выбросить на снег как можно дальше. Приказание было исполнено. Тогда Алексей схватил конец веревки и, обмотав его вокруг ближайшего дерева, отдал его держать брату Ивану. По окончании этой операции он тут же нашел длинную жердь, подложил ее под веревку и приладил поперек ямы, чтоб придать большую силу канату и помешать ему врезаться в снег.

Теперь Пушкину оставалось только подняться по веревке и самому довершить свое спасение.

Старый гренадер перекинул ружье за спину и ждал сигнала. Ему крикнули, он начал подыматься.

В ту минуту, когда его голова появилась на поверхности, молодые люди разразились неудержимым смехом. Действительно, фигура старого солдата была чрезвычайно комична. В особенности Иван хохотал до слез и едва не уронил веревки.

Наконец Пушкин, совершенно невредимый, появился на поверхности снега. Вода текла у него вдоль длинных сапог, но никто и не думал останавливаться, чтоб разложить огонь и высушить промокшую одежду. Все они были страстные охотники и немедленно отправились выслеживать зверя.

Глава 8

СКАНДИНАВСКИЕ МЕДВЕДИ

— Право, — сказал вдруг Иван, указывая на следы, — если бы я не различал явственно когтей, я бы подумал, что мы следим за человеком, например, за каким-нибудь лопарем, прошедшим тут босиком. Эти следы положительно похожи на человечьи.

— Действительно, — отвечал Алексей, — между отпе-

чатком медвежьей лапы и человеческой ступни сходство замечательное, в особенности если он давнишний. Теперь, например, мы еще видим когти, но дня через два, после солнца или дождя, когтей не будет заметно.

— И размеры одинаковы.

— Совершенно. Есть даже породы, лапа которых оставляет след больше человеческого, как, например, у белых и серых медведей, ступни которых бывают часто длиннее двенадцати дюймов.

— Итак,— продолжал Иван,— медведь, ступая, не опирается подобно другим живогным на кончик ноги, а становится всею ступнею.

— Именно, и вот почему его называли стопоходящим для отличия от животных, которые, как лошадь, бык, свинья, собака, кошка и многие другие, ступают, действительно, переднею оконечностью ноги.

— А есть и другие стопоходящие? — спросил Иван,— наш барсук или муравьед, например?

— Да,— отвечал Алексей.— Они тоже стопоходящие, и этого было достаточно для некоторых ученых, чтобы поместить их в семейство медведей под родовым названием *ursinae*. Но по мнению нашего отца, которое я разделяю,— прибавил он скромно,— классификация эта безусловно ошибочна, раз она основывается только на устройстве ног. Во всех других отношениях различные роды мелких животных, которых без всякого основания ввели в медвежье семейство, похожи столько же на медведя, сколько и на большую синюю муху.

— Какие же животные помещены под общим родовым названием *ursinae*?

— Европейский и американский муравьеды (*Gulo*), европейский и азиатский сурки (*Meles*), американская крыса (*Procyon*), капская мышь (*Mellivora*), индо-азиатская панда (*Ailurus*), южно-американский коати (*Nasua*), пародоксур (*Paradoxurus*), и даже яванский телигон (*Mudaus*), одно из самых интересных маленьких животных. Линней первый причислил этих животных к общему классу *ursinae*, известных в его время, а недавно великий французский анатом, Кювье, ввел и другие породы в эту ошибочную классификацию. Для отличия их от настоящих медведей они разделяют семейство на две отрасли: *ursinae* — собственно медведи, и *subursinae*, или малые медведи. Но по моему мнению нет ни малейшей надобности называть эти многочисленные породы живот-

ных медведями или малыми медведями. Это, действительно, ни в каком случае не медведи, ибо они не имеют ни одной черты сходства с настоящим благородным Михайлом Ивановичем, кроме того, что они стопоходящие. Так все эти животные за исключением яванского телигона, длиннохвосты, у иных хвосты даже очень длинные и пушисты, тогда как у медведя почти нет хвоста. Но есть и другие признаки, резко отличающие медведя от животных, называемых малыми медведями. Не оскорбление ли это здравому смыслу, — продолжал Алексей, постепенно разгораясь, — делать медведя из крысы, животного в десять раз более похожего на лисицу, и которое действительно ближе к роду собаки нежели медведя. С другой стороны, так же нелепо разделять медведей на несколько пород, как делают те же писатели; ибо если есть в мире семейство, все члены которого имели бы между собою некоторое родство, то это именно фамилия господ Топтыгинах. Действительно, разные породы настолько схожи, что иные анатомы имеют диаметрально противоположное мнение, отличающееся не меньшею нелепостью. Они признают только одну, заключающую в себе всех известных медведей. Впрочем, по мере того, как мы будем знакомиться с различными отраслями этого благородного племени, мы лучше увидим, в чем они разнятся и в чем имеют сходство.

— Я слышал, — продолжал Иван, — что в Лапландии и Норвегии есть две различных породы бурого медведя, исключая черную разновидность, весьма редкую. Говорят также, что охотники встречают иногда серую разновидность, которую они называют серебряным медведем.

— Верно, — отвечал Алексей. — Большинство шведских натуралистов полагает, что есть две породы или, по крайней мере, две устойчивые разновидности бурого медведя на севере Европы. Они даже дали им два отличительных названия: *ursus arctos major* и *ursus arctos minor*. Первый из этих медведей больше, свирепее и плотояднее. Другой — меньше, мягче или, по крайней мере, более робок; вместо того, чтоб питаться быками и другими домашними животными, он ест просто насекомых, муравьев, коренья, зерна и растения. Относительно цвета разница между двумя предполагаемыми породами не больше той, какая бывает между разновидностями одного вида, и их различают только по росту и по привычкам. Впрочем, позднейшие писатели, толковавшие об этом

предмете, наблюдения которых, по-видимому, заслуживают большего доверия, полагают, что большой и малый бурые медведи даже не разновидности, а в характерных признаках, по которым пытались их отличить, видят влияние возраста, пола и других случайных обстоятельств. В самом деле, вполне естественно предполагать, что медведь, если он молод, не так кровожаден, как в более зрелом возрасте. Если медведь нападает на других животных и питается их мясом, то не потому, чтоб он был плотояден по своей натуре, с чем согласны все натуралисты: во-первых, это у него не более как привычка, первое происхождение которой заключается в редкости всякой другой пищи, но которая, будучи раз усвоена, быстро развивается, так же почти как и у кошачьей породы (*felineae*). Что касается черного медведя, из которого хотели сделать отдельную породу, то охотники и натуралисты далеко не сходятся в этом мнении. Охотники говорят, что мех европейского черного медведя никогда не бывает того блестящего цвета, который отличает настоящих азиатских и американских черных медведей, но что он только темно-бурый, так что, по их мнению, этот мнимый черный медведь — просто бурый, мех которого с годами делался темнее. И есть основательные причины соглашаться с этим мнением, потому что установлено, что бурый медведь, старея, делается почти черным.

— Скажи пожалуйста, брат, что ты знаешь о скандинавских медведях, — сказал Иван, — ты еще не говорил о тех, которые называются серебряными.

— Да, и не говорил также о другой разновидности, водящейся в этих странах, из которой досужие натуралисты сочинили отдельную породу — о медведе с воротником.

— Знаю, ты хочешь сказать о медведе, которому природа подарила белый воротник вокруг шеи. Какое же твое мнение? Этот медведь с воротником составляет ли отдельную породу, или, по крайней мере, постоянную разновидность?

— Ни то, ни другое; этот воротник — простая случайная отметка, встречающаяся у некоторых разновидностей из семейства бурых медведей, когда они молоды, и которая обыкновенно исчезает с достижением животными полного развития. Правда, охотники встречают по временам довольно больших медведей, и уже в известном возрасте, с воротниками на шее; но все согласны,

что это — отдельные экземпляры из семейства бурого медведя, а не отдельная порода. То же самое замечание применимо и к серебряному медведю, и многие охотники рассказывают, что в одном выводке из трех медвежат они находили три разновидности: обыкновенно бурого, бурого с воротником и серебристо-серого, в то время как мать была настоящая.

— Хорошо. Отец требует от нас только бурого и черного; но если мы можем прибавить шкуры и представляющих две другие разновидности, он, вероятно, будет очень доволен. А теперь как ты думаешь, что надо заключить о животном, за которым мы гоняемся? По размерам следов, мне кажется, что это должен быть большой медведь.

— Да, очевидно, это старый самец, — отвечал Алексей, — но если я не ошибаюсь, то мы скоро будем в состоянии решить это окончательно. След становится свежее, вероятно, животное прошло здесь недавно, и я не удивлюсь, если мы встретим его, не выходя из ущелья.

— Посмотрите! — воскликнул Иван, нетерпеливый взор которого, оторвавшись от следов, устремился вперед, — посмотрите, под корнем этого дерева — яма. Не тут ли Мишка?

— Что-то похоже. Тише! Будем идти по следам осторожно. Ни слова!

И все трое, притаив дыхание, пошли по следам, ступая с крайней осторожностью по снегу, и вскоре очутились в шести шагах от указанного дерева.

Казалось, все подтверждало справедливость указания Ивана. След тут кончался, и у начала ямы, которую увидели охотники, снег был истоптан недавно, словно медведь поворачивался здесь два или три раза.

Глава 9

МЕДВЕДЬ ЗИМОЙ

Как мы уже сказали, бурый медведь подобно другим породам того же семейства, имеет привычку засыпать зимой на несколько месяцев. Когда настает время этой спячки, он ищет пещеру или другое убежище, в котором устраивает себе постель из сухих листьев, трав или моха. Ему, впрочем, и не нужно много этого материала, по-

тому что пушистый мех служит ему в одно и тоже время постелью и одеялом. Часто он просто влезает в избранное убежище, укладывает голову между пушистых лап и засыпает.

Натуралисты видели в этом сне состоянии спячки, из которой животное не может ни само выйти, ни быть выведено до срока, определенного природою. Это — совершенное заблуждение, потому что часто медведи, будучи захвачены охотниками во время сна, просыпаются и ведут себя по отношению к противникам, как и при всяком другом случае.

Справедливо будет заметить, что жизнь медведя зимою не походит на жизнь сурка, белки или других грызунов в это же время года. Эти прячутся просто для предохранения от холода, а чтобы не голодать во время этого затворничества, они предварительно собирают в свое убежище большие запасы тех веществ, которые составляют их обычную пищу. Пчелы и другие насекомые делают то же самое. Но медведь поступает иначе. Неужели природа отказала ему в инстинкте предусмотрительности? Трудно сказать, но бесспорно, что он не делает никаких запасов на эти продолжительные дни заточения и засыпает, не заботясь о завтрашнем дне.

Как же он может прожить несколько месяцев без пищи? Это одна из тайн природы. Все слышали, что в это время он сосет свои лапы, и не только Бюффон допустил и распространил это нелепое толкование, но еще и старался доказать его правдоподобие, сказав, что если разрезать подошву медведя, то из нее выходит белый молочный сок.

Эта небылица распространена по всему свету, где только зимуют медведи. Ее рассказывают на Камчатке, у индейцев, у эскимосов, на берегах Гудзонова залива и между охотниками Норвегии и Лапландии. Каким образом подобная басня могла укорениться у столь различных и до такой степени отдаленных друг от друга народов?

На этот вопрос отвечать нетрудно. Басня эта зародилась в Европе между скандинавскими охотниками, и была слишком оригинальна, чтобы не распространиться. Путешественники, становясь ее распространителями, прилагали старание украшая ее и прибавляя разную отсебятину. Так она обошла вокруг света. Но разве не нелепо предполагать, чтоб огромное четвероногое, которо-

му для ежедневной пищи необходимо много фунтов животного или растительного вещества, — медведь, пожиравший за один раз теленка, мог бы в течение нескольких месяцев жить, сося свои лапы, питаясь беловатым соком, в котором упоминает Бюффон?

Как же в этом случае он живет без пищи? Может быть, в продолжение этого долгого сна способности и работа пищеварения прекращаются совершенно или становятся почти нечувствительными, а может быть, жизнь и кровообращение поддерживаются огромным количеством жира, которым медведь, так сказать, запасается перед своим заточением. В самом деле, известно, что при наступлении зимнего поста животные эти бывают жирнее чем в другое время года. Созревание плодов в лесах, желудей, каштанов и другие растительные продукты, составляющие главную пищу медведя, дают ему возможность жить в изобилии, и он жиреет. Да и к чему послужило бы ему бодрствование? В странах, где медведь подбургается спячке, он умер бы в течение зимы с голоду, если б не засыпал периодически. В замерзшей земле, под снегом, он не мог бы искать кореньев, а птицы и животные не могут идти в расчет, ибо Мишка не настолько проворен, чтобы ловить их.

Медведи пожирают друг друга при случае, но это бывает не всегда, и если б в продолжение зимы они имели только этот источник, то сильно рисковали бы околоть с голоду. Вот почему всегда предусмотрительная природа дала им эту странную способность почти летаргического сна, продолжающегося несколько месяцев. Нельзя сомневаться, что таково было намерение Творца, раз мы видим, что медведи, живущие в теплых странах, как Борнею, полуостров Малакка, и даже южно-американские черные медведи, не подвержены спячке. Им нет в этом надобности. Леса, где мороз неизвестен, питают их круглый год, и круглый год медведь бродит, отыскивая себе пищу. Даже в северных местностях полярный медведь остается на ногах всю зиму; так как он не питается растениями, то снег не закрывает его корма, и он постоянно находит себе пищу. Правда, самки скрываются на некоторое время, но это совершенно с другой целью.

Если бы не доказано было, что жир, которым запасается медведь перед спячкой, способствует продолжению его жизни во время сна, то чтоб рассеять все сомнения в этом отношении, достаточно будет заметить, что

этого жира совершенно не бывает в момент пробуждения. Действительно, в этот момент или немного погодя, Мишка бывает тощ как палка. Если б он мог посмотреться в зеркало, он едва узнал бы себя— до такой степени длинное, исхудалое его тело бывает непохоже на объемистую, круглую тушу, для которой, несколько месяцев назад, вход в берлогу был слишком тесен.

В продолжение этого долговременного сна в медведе замечается другая, очень значительная, перемена. Перед зимним заточением он не только бывает очень толст и жирен, но и очень ленив, так что самый неопытный охотник легко может убить его. Будучи от природы не злым — я говорю лишь о буром медведе (*ursus arctos*), хотя замечание это может относиться и ко многим другим породам — он тогда становится еще более мирным и кротким, нежели в обыкновенное время. Так как он находит достаточное количество растительной пищи, которую он предпочитает мясной, то он и не опасен никакому живому существу, лишь бы только его не тревожили. Но он делается совершенно другим при своем пробуждении: он беспокоен, голоден. В это время медведь бросается на стада скандинавских скотоводов и делается бичом окрестных фермеров. Сами охотники, встречая его в это время года, приближаются к нему с большою осторожностью.

Так поступили и наши путешественники. Все трое очень хорошо знали привычки животного, с которым имели дело. Вместо того, чтоб шумно подойти к пещере, они подкрадывались к ней в тишине, держа ружья наготове.

Глава 10

ДОМА ЛИ МИХАЙЛА ИВАНЫЧ?

Пещера, если только можно было так назвать медвежью берлогу, не имела другого входа, кроме отверстия обыкновенных размеров, едва достаточного для туловища медведя средней величины. Это скорее была яма или нора, вырытая под большою сосною, между корнями которой медведь выбрал себе жилище. Дерево стояло на скате. Перед ним имелась небольшая площадка, снег на которой казался недавно утопанным, а затем скат кру-

то спускался к куче снега, о которой мы говорили выше.

Охотники наши разместились таким образом, чтобы не потерять ни малейшего движения неприятеля. Пушкин стоял ниже всех и как раз против входа на расстоянии не более шести шагов. Иван находился справа, Алексей слева. Естественно, самый опасный пост был избран старым солдатом для себя.

Некоторое время в берлоге не слышно было никакого шума, не замечалось ни малейшего движения.

Охотники решились вызвать животное из его убежища. Они начали кашлять, громко разговаривать, но ничего не помогало. Даже крики не произвели ни малейшего эффекта.

Между тем медведь был в берлоге: ни один из охотников не мог сомневаться в этом. Следы все шли ко входу в пещеру, — ни один не направлялся назад. Спал ли он или нет, но крики не оказывали на него никакого действия.

Необходимо было отыскать другое какое-нибудь средство, чтоб заставить его выйти: раздражить его, например, палкою. Путешественники ухватились за эту мысль и поспешно осуществили ее.

Пушкин отправился на поиски длинной жерди. Алексей и Иван остались на своих местах, сторожить медведя. Но Мишка и не думал показываться, и когда Пушкин, возвратился, — положение вещей не изменилось. Ветеран срубил топором молодую ель, обрубил ветви и таким образом приготовил длинный шест, не менее двух сажень.

Подойдя к норе, он сунул туда палку, поворошил ею внутри и потом вытащил, ожидая ответа Мишки.

Никакого ответа.

Ветеран снова засунул палку, на этот раз до половины, молодые люди громко закричали, — и все напрасно: шерь не подавал ни малейшего признака своего присутствия.

— Вероятно, он спит. Толкай, Пушкин, шибче.

Слова эти обнаруживали нетерпение Ивана.

Пушкин подошел ближе, засунул палку глубже и принялся за более основательные исследования, но шест не встретил ничего похожего на мех зверя и только упирался в стенки. Ветеран подошел к самой пещере, молодые люди приблизились со своей стороны, и розыск возобновился. Вскоре Пушкин убедился, что зверя внутри не

было. Он решил попытаться в последний раз. Посоветовав своим молодым товарищам хранить глубочайшее внимание, он прилег на землю у самого входа в пещеру и начал прислушиваться.

Вдруг среди этой тишины до слуха их долетел шум, которого не мог слышать Пушкин, но который заставил их отступить и поднять глаза на вершину дерева. В то же мгновение они оба вскинули и навели ружья вверх.

Огромное животное медленно спускалось с высокой сосны, у корня которой они находились. Ни один из них не мог сказать наверное, какой породы зверь представлялся их взорам, ибо с первого раза нельзя было различать ни головы ни ног, и видели они только безобразную массу длинной бурой шерсти. К ним спускался задом медведь, которого они считали спящим в пещере.

Глава 11

В РУКОПАШНУЮ

Алексей и Иван громко закричали, предупреждая Пушкина, и оба в одно время выстрелили по медведю.

Тогда только старик поднял голову, но было уже поздно, чтоб избежать встречи с медведем. Едва он успел вскочить на ноги, как зверь уже спустился и ударом по спине опрокинул его навзничь.

Может быть, для Пушкина было бы выгоднее оставаться в этом положении, так как медведь уже повернулся, и казалось, готовился к отступлению, но старый гренадер мгновенно вскочил на ноги и схватился за ружье.

Это приготовление к битве, в соединении с болью от двух ран, которые он, может быть, приписывал Пушкину, привели Мишку в ярость. Он немедленно оборотился и, разинув пасть, пошел на ветерана. Последний успел приложиться и спустить курок, но, увы, произошла осечка. Ружье было кремневое, к тому же, при своем падении в снег, старик подмочил порох на полке и после не переменял его.

Это уже само по себе усилило ярость животного, а когда еще Иван выстрелил по нему крупной дробью, Михайла Иваныч дошел до крайних пределов бешенства.

Пушкин, однако, успел выхватить большой нож —

единственное оружие, имеется у него под рукою. Может быть, топор был бы для него удобнее, но старик оставил его на том месте, где рубил елку. Делать нечего, он с одним ножом решился принять рукопашный бой.

Старик имел еще возможность отступить, но, конечно, подвергая себя верной гибели. Медведь стоял выше его на скате, и, как только бы Пушкин поворотился, страшное животное могло броситься на него в одно мгновение. И старый гренадер решился дожидаться врага лицом к лицу, пытаясь, если можно, отступить на более удобную почву.

Медведь остановился на минуту облизать и пососать только что полученную рану, а потому Пушкин, действительно, мог податься назад, но очень немного, потому что все это совершилось необыкновенно быстро.

Именно в момент, когда он спустился с покатоности, страшный его противник с ужасным ревом вышел из облака дыма, которое его отчасти покрывало, и бросился на ветерана. Очутившись от последнего шагах в двух, Мишка поднялся на задние лапы и принял позу настоящего борца.

Братья увидели только, как Пушкин махнул ножом, а потом человек и зверь вступили в рукопашную битву. Они крутились как бы в вальсе, подымая вокруг снежную пыль. С минуту только и видна была зрителям смешная темная масса, кружившаяся среди белого вихря.

Иван кричал, боясь за жизнь Пушкина. Более спокойный Алексей быстро заряжал карабин, понимая, что освободить старика можно было не иначе, как убив зверя.

Для Пушкина был момент положительной опасности. Медведь принадлежал к числу самых больших и свирепых экземпляров. Успев зарядить карабин, Алексей подбежал к месту битвы. Человек и медведь, тесно обнявшись, продолжали крутиться.

Вдруг они разделились. Пушкину удалось вырваться от медведя, и он начал отступать, преследуемый противником, но так неудачно, что мешал стрелять Алексею.

Бойцы переходили в эту минуту через овраг и, следовательно, очутились на куче снега, о которой мы уже упоминали. Пушкин всеми силами старался уклониться от медведя. Действительно в то время, когда человек чувствовал, как снег трещал и подавался под его ногами,

широкие лапы четвероногого скользили по поверхности без малейшего затруднения.

Пушкину сперва и удалось было немного уйти, но медведь тотчас же догнал его. Раз или два зверь был так близко от человека, что касался носом одежды последнего; но чтобы действовать когтями, нужно было сблизиться еще ближе, и Мишка это знал.

И вот, встав на задние лапы и приподняв одну переднюю, он приготовился поразить свою жертву. Иван и Алексей вскрикнули от отчаяния, но в этот самый момент Пушкин словно провалился сквозь землю.

Молодые охотники подумали сначала, что Пушкин упал пораженный своим страшным противником. Они видели, как медведь ринулся вперед, словно для того, чтобы броситься на опрокинутого врага, но в то же почти время к их ужасу присоединилось живейшее удивление. Они не видели более ни человека, ни зверя — оба одинаково исчезли.

Глава 12

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Внезапное исчезновение человека и зверя крайне встревожило бы наших молодых охотников, если бы они не помнили недавнего происшествия с Пушкиным. Занятый исключительно медведем, Пушкин, без сомнения, позабыл об опасности путешествия через снеговой мост.

Но на этот раз не было ничего смешного. Пушкин находился в провале не один: по всей вероятности, он изнемогал под тяжестью зверя, который грыз его зубами, или, может быть, несчастный просто утонул в потоке, бежавшем под снегом. С другой стороны, — бросился ли медведь добровольно на врага, когда тот исчез, или с разбега попал в яму против желания? Алексей и Иван полагали, что падение его было вовсе не умышленно, потому как видели, что он будто бы искал обхода. Впрочем, мало было нужды до того, добровольно ли он бросился в яму или недобровольно. Так или иначе, он должен был упасть на голову бедному гренадеру; зная же неутомимую злобу этого животного, когда оно рассвирепеет, братья видели только два возможных исхода для своего товарища — утонуть или быть растерзанным в клочья.

Алексей, тем не менее, отправился с ружьем в руках к тому самому месту, где исчезли зверь и человек, и готов был выстрелить. Приблизившись, он услышал под ногами смешанный шум, среди которого легко было различить ворчанье медведя. Из этого он заключил, что борьба продолжалась, и поторопился вперед, крайне, однако удивляясь, что не слышит голоса Пушкина.

Приблизившись шага на два к яме, он увидел предмет, заставивший его мгновенно остановиться. Это было не что-нибудь, а оконечность медвежьей морды, появившейся на поверхности. Глаз животного и каких-либо других частей тела видно не было, лишь нос и несколько сантиметров морды.

Ему тотчас пришла в голову мысль, что медведь, стоя на задних лапах, старается вылезти, карабкаясь по стенке. Скоро догадка эта подтвердилась; действительно, животное высунуло из ямы голову и часть шеи, но в ту же минуту Мишка исчез снова.

Алексей пожалел, что не воспользовался удобным моментом и не выстрелил зверю в голову, однако не прошло и десяти секунд, как кончик морды опять появился на поверхности. По всей вероятности, медведь делал вторичную попытку освободиться.

Первою мыслью Алексея было подождать, пока покажется вся медвежья голова, но он тут же одумался, ибо животное может на этот раз выйти на снег, и тогда он сам очутится в опасности. Поэтому охотник решил выстрелить, дождавшись возможно благоприятного момента. Мгновение это настало и раздался выстрел. В продолжении нескольких секунд он ничего не видел. Дым образовал над ямою густое облако. Плеск, раздающийся из-под снега свидетельствовал, что медведь бился в воде, его жалобные крики и ворчанье становились все слабее.

Как только рассеялся дым, Алексей подполз на коленях к краю ямы и заглянул в нее. Стенки ее были окровавлены, а в глубине виднелась черная масса, в которой нельзя было не узнать медведя.

Но что же случилось с Пушкиным? В глубине ямы Алексей очень хорошо видел зверя, еще трепетавшего в предсмертных судорогах, но ничего похожего на человека. Куда же мог деваться бедный ветеран? Или он утонул в воде, и труп его унесло быстрым течением?

Молодой человек начал кричать, окликая своего старшего товарища. Вдруг он услышал в нескольких шагах

позади себя громкий хохот, в котором он узнал голос Ивана. Алексей мгновенно приподнялся, спрашивая себя, какова причина столь неуместного при данных обстоятельствах хохота, и уже повернулся с тем, чтобы упрекнуть брата, но в ту же самую секунду взор его упал на предмет, приковавший все его внимание.

Шагах в десяти из-под снега неожиданно показался какой-то круглый предмет. Это была... голова Пушкина. При виде комического выражения на лице старика Алексей не мог удержаться, чтобы не засмеяться вместе с братом.

Впрочем веселость эта была весьма кратковременна, ибо рассудок подсказал им, что Пушкин мог быть серьезно ранен, и оба брата поспешили к гренадеру.

Иван вновь не смог удержаться от смеха. Голова старика торчала из-под снега словно сфинкс, волосы и усы были покрыты снежной пылью, а выражение лица было до такой степени комично, что невозможно было смотреть равнодушно.

Алексей же на этот раз не разделял веселости брата; он жаждал узнать поскорее не ранен ли старик.

— Пустяки, несколько царапин, мои милые господа,— улыбнулся Пушкин,— не более как несколько царапин. Но где же медведь?

— Для него все кончено, с этой стороны мы можем быть совершенно спокойны. Я думаю, любезный Пушкин, что твой нож значительно подвинул дело, так как он был не в силах вылезти из ямы, я его докончил из карабина, и нам остается лишь снять с него шкуру. Но прежде позволь нам вытащить тебя, а потом уже расскажешь нам, каким чудом избавился ты от гибели, казалось, неминуемой. Мы за тебя страшно переживали.

И оба брата начали расчищать снег, пока не открыли Пушкину плечей, потом, схватив его за руки, помогли ему выбраться из снежной могилы.

Глава 13

ПОД СНЕГОМ

Пушкин начал рассказывать о своем приключении, и молодые товарищи его слушали с большим любопытством, хотя отчасти уже угадывали, в чем было дело. Им

хотелось услышать от старого солдата разъяснение многих подробностей.

Прежде всего братья узнали, что он отступил вовсе не потому, что счел себя побежденным, а оттого, что потерял свой нож. Обогренная кровью рукоятка выскользнула у него из рук, что случилось с ножом неизвестно. Будучи безоружным, он должен был во что бы то ни стало уклониться от объятий Мишки. Да и что в самом деле мог предпринять безоружный человек против такого большого медведя.

Освободившись от зверя, он начал отступать, позабыв о недавнем приключении и не думая об опасности, ожидавшей его при переходе через ушелье по льдистой корке, которая уже проваливалась под ногами. Впрочем у него и не было другой дороги. Направо и налево ему пришлось бы взбираться на скалы, и в два прыжка медведь настиг бы его непременно. Из всех зол он избрал меньшее, и последствия доказали, что падение в яму было для него самым удачным средством к спасению. Не будь его, он, вероятно, попался бы в лапы к медведю, и был бы растерзан.

Почувствовав себя в воде, он вспомнил, что это уже случалось с ним недавно. Ему тотчас же вспомнился снеговой свод над ручьем и, видя, что медведь готов был обрушиться на него, он начал искать убежища в этом подобии туннеля. Едва он забился под свод, как зверь обрушился позади него с ужасным ревом.

Старик продолжал идти по ручью, прокладывая себе дорогу. Снег был мягким и делать это было не трудно.

В продолжение этого времени Алексей управлялся с медведем. Вместо того, чтоб преследовать Пушкина под снегом, испугавшийся Мишка, очутившись в воде, думал уже только о собственном спасении.

Остальное было известно молодым людям.

Ветеран, впрочем, не вышел невредимым из битвы. Осмотрев его внимательно, молодые люди увидели у него на левом плече глубокие следы медвежьих когтей. Кожа была содрана на нескольких квадратных сантиметрах тела, и мясо разорвано.

Алексей имел кое-какие хирургические познания. Не теряя ни минуты, он тут же перевязал ему рану белым платком Ивана, прикрепив его бинтом, выданным из рубашки, и старик мог рассчитывать на скорое выздоровление.

После этого они отправились к яме посмотреть на медведя.

Иван, принимавший во всем происходившем лишь стороннее участие, теперь принял на себя самую деятельную роль. Он спустился в яму, обвязал медведя веревками и помог брату и Пушкину вытащить его на поверхность. Тремя месяцами раньше, до спячки, не так легко было бы вытащить Мишку, который весил тогда не менее трех тысяч килограммов; теперь, конечно, тяжесть его была вдвое меньше. Но его шкура была в отличном состоянии, а только это и требовалось нашим охотникам.

Вытащив зверя с большими усилиями, они приступили к снятию шкуры, для чего подтянули медведя на толстую ветвь ближайшего дерева. Пушкин отыскал свой нож, и работа закипела. Каждый, однако, работал осторожно, потому что все они знали, с каким придирчивым вниманием шкура будет осмотрена старым графом. Предоставив мясо волкам и другим хищным животным, охотники возвратились в курной шалаш своего радушного хозяина-лопаря.

Глава 14

ОБОЙДЕННЫЙ МЕДВЕДЬ

Убитый медведь был настоящий *ursus arctos*, или бурый, названный так по цвету своего меха, однообразно бурому в девяноста случаях из ста; но это название недостаточно отличает его, ибо есть другие бурые медведи, принадлежащие к существенно различным породам.

Запасшись первым трофеем, охотники наши начали помышлять уже о том, чтобы добыть шкуру черного медведя. Они знали, что это не легко, потому что *ursus niger*, европейский черный медведь, одно из весьма редких животных. Действительно, он встречается так редко, что из тысячи шкур в меховой торговле едва насчитывается две или три, принадлежащие этой разновидности.

Путешественники наши находились именно в той стране, где легче всего могли встретить то, чего искали, потому что черные медведи живут лишь на севере Евро-

ны и Азии. Разновидность эта никогда не встречается в горах, лежащих далее к югу, как Пиренеи, Альпы или Карпаты.

Им нечего было и думать ни о сером или серебристом медведе, ни о том, у которого на шее белое кольцо, о медведе с воротником. Как сказал Алексей, все изучившие *ursus arctos* в странах, где поместила его природа, знают, что это просто случайная разновидность. Настоящий медведь с воротником (*ursus collaris*) не обитает в Лапландии, а только на севере Азии в Камчатке, вследствие чего он называется еще сибирским медведем. Наши охотники и не думали гоняться за этими двумя разновидностями, но они, конечно, были бы рады случаю выполнить более, чем обязывала их программа, и в этом отношении судьба им благоприятствовала. Действительно, в то время, когда они пустились на поиски *ursus niger*, они встретили бурю медведицу с тремя медвежатами — один был бурый, другой с белым воротником, а третий серый как барсук. Все четыре экземпляра были убиты и шкуры их отправлены в музей графа.

Это, однако, не подвинуло их дел относительно поимки черного медведя. Они обошли вокруг леса и гор этой местности, но так и не нашли там чего искали. А так как в краю скоро стало известно, чего они искали, и какое с их стороны предлагалось щедрое вознаграждение тому, кто откроет убежище одного из этих животных, то появлялась надежда на конечный успех.

Действительно, они недолго дожидались. Не прошло недели, как один финн из числа так называемых квенперов явился в их главную квартиру и известил, что обошел черного медведя. Понятно, что охотники, не теряя ни минуты, отправились вслед за провожатым.

Не будет лишним объявить, что в устах финского крестьянина значило выражение обойти медведя.

Когда пастух или дровосек открывает на снегу след медведя, то идут по нему с величайшей осторожностью, пока не убедятся, что зверь недалеко. В этой близости убеждают их сами следы, которые вместо того, чтоб направляться по прямой линии, идут зигзагами и возвращаются назад. Действительно, медведь прежде чем войти в свое зимнее убежище, утаптывает снег по всем направлениям, подобно тому, как делает это заяц, подходя к своему логовищу. Подобная же привычка, объяснимая

инстинктом осторожности, замечается у некоторых других животных.

Добравшись до места, где след осложняется петлями и зигзагами, медвежий охотник берет вправо или влево, описывает вокруг части леса, где возможна берлога медведя — круг, диаметр которого изменяется соответственно с временем года, качеством почвы и разными другими обстоятельствами. Если охотник найдет, что след медведя переходит за черту, им обозначенную, он оставляет первый круг, и начинает обозначать другой, более широкий. Но если, возвращаясь к исходной точке, он не найдет медвежьего следа вне круга, то это значит, что медведь находится в обозначенных границах. Это-то и называется обойти медведя.

Совершив эту операцию обходчик извещает соседних охотников, которые собираются и идут на общего врага. Обыкновенно они расходятся по окружности и направляются к центру, так что почти всегда находят животное или в состоянии спячки или выходящим из берлоги.

Экспедиция продолжается иногда несколько дней, но когда медведь хорошо обойден, то нечего бояться промедлить даже несколько недель, ибо эти животные если даже и не спят зимою, то не удаляются от своей берлоги. Если же и случается, что зверь выходит из круга, — охотникам легко найти его по следу, разве уже подымется метель и заметет все отпечатки.

В описываемой стране тот, кто обошел медведя, считается настоящим его владельцем, или, по крайней мере, один имеет право охоты в обозначенном им кругу и распоряжаться по своему усмотрению. Конечно, он не гарантирует ни то, что медведь будет пойман, ни то, что он будет убит. Он ручается только за присутствие зверя в этом кругу, и права его основываются на том, что он отыскал следы. При этих условиях, освященных древним обычаем и свято исполняемых, понятно, что пастуху или дровосеку — хорошая выгода обойти медведя и продать свои права охотникам, которые иногда платят высокую цену. Именно с целью заключить подобную сделку, и пришел упомянутый выше финский крестьянин к молодым русским господам, а так как предложенное ими вознаграждение далеко превосходило местные цены, то он немедленно согласился на их условия — и вызвался хоть в ту же минуту проводить их на место.

Глава 15

СТАРИК НАЛЛЬ

Дорогой проводник объявил, что он не только обогнал зверя, но что может прямо привести их к берлоге, которая находилась недалеко.

Пушкин предложил своим молодым товарищам разделить и окружить указанное место, потом по сигналу идти на врага, и пресечь ему путь к отступлению по всем направлениям. Но квенер не разделял этого мнения и прибавил, с улыбкою, что нет надобности в подобных предосторожностях; он отвечал за то, что медведь не покинет своей берлоги, к которой они могут подойти как угодно близко.

Уверенность проводника немного удивила наших охотников, но вскоре они узнали, в чем дело. Квенер привел их к одной скале, составлявшей часть холма, в уровень с землею. Он остановился и, указывая на расщелину, сказал:

— Вот здесь сидит старик Налль.

Так называют медведей в скандинавских странах, и это было известно нашим охотникам. Но им казалось до такой степени невероятным, чтобы медведь мог пролезть в отверстие, указанное проводником, что они расхохотались, а Пушкин нахмурился.

Отверстие это было вроде расщелины между двумя камнями, аршина на два от земли и не более двадцати сантиметров в диаметре. Оно кругом обмерзло, а сверху висели продолговатые круглые льдины вроде снежных клыков, образовавшихся от капель.

Первою мыслью наших охотников было, что хитрый квенер их обманул. Пушкин объявил без церемоний, что он не позволит издеваться над собою, и потребовал возвращения десяти риксдалеров, заплаченных за право охоты.

— Это одно морочение головы,— сказал ветеран.— Если бы даже внутри и была пещера, то медведь не мог бы войти туда; в эту дыру и кошка пролезет с трудом.

Да и где же были следы, которые обозначали бы присутствие или проход медведя? Ничего подобного не было, ни по краям отверстия ни поблизости. Пожалуй, в нескольких местах замечалось несколько полузаглаженных отпечатков человеческой ступни — без сомнения, са-

мого же проводника, и следы собачьих лап, но ничто не напоминало медведя.

— Нас обжулили,— проворачл наконец Пушкин.

— Потерпите, господин,— сказал квенер,— что бы вы ни говорили, а медведь здесь, я вам докажу это, а не то возвращу деньги. Посмотрите на мою собаку, она покажет вам, что старик Налль здесь, как показала мне самому.

И квенер спустил со своры небольшую тощую собаку. Животное тотчас же подбежало к отверстию, начало царапать лед и яростно залаяло. Конечно, это служило доказательством, что внутри находилось какое-нибудь животное, но каким образом крестьянин мог знать, что это был медведь и в особенности что он черный?

Ему немедленно задали этот вопрос.

В ответ он вынул из кармана клочок длинной шерсти, очевидно, принадлежавшей медведю.

— Вот почему я знаю,— сказал он,— что в пещере медведь, и что он черный.

— Но откуда же этот клочок шерсти? Где ты его нашел? — спросили все охотники разом.

— Здесь, господа,— отвечал квенер, указывая на каменные выступы вокруг отверстия.— Старик Налль оставил его вероятно, когда лез в эту дыру. Я нашел его здесь.

— Но, конечно, ты не станешь уверять нас, что медведь вошел сюда, здесь едва пролезет барсук.

— Да, теперь — это правда,— возразил крестьянин,— но он вошел три месяца назад, а дыра была тогда гораздо шире.

— Шире?

— Без сомнения, господа. Отверстие, только верхушку которого вы видите, идет почти до самой земли и все расширяется. Теперь оно замерзло от обледеневшего снега. Если его расчистить, то вы увидите проход, достаточный для медведя. Да, господа, он здесь — я вам ручаюсь!

— В таком случае он заперт и не может вылезти.

— Это правда,— ответил крестьянин.— Если б мы его не нашли, то он должен был бы остаться здесь, пока солнце не растопило бы снега. Это часто бывает у нас с медведями,— прибавил он.

Квенер говорил совершенную истину. Медведь выбрал себе эту пещеру в начале зимы, и в первые дни его

снжки снег забил нижний край и потом замерз, так что ему осталось маленькое окно или отдушина. Не только скандинавские медведи часто делаются жертвою подобных происшествий, но, несмотря на свою догадливость эти животные сами себя запирают в своих берлогах. У них есть привычка собирать большое количество мха и сухих трав скорее для того, чтоб заложить вход, чем для устройства лежбища. Местные охотники утверждают, что они делают это для защиты от ветра. Как бы то ни было, куча этих материалов напитывается дождем, расплавленным снегом и потом, замерзнув, превращается в такую прочную массу, которую надо рубить топором и против которой медведь ничего не поделает. Так Мишка сам запирает себя на зиму и, когда проснется, то видит, что попал в собственную ловушку. Единственное средство — дожидаться, пока солнце растопит лед и он будет в состоянии лапами разгрести эту массу. А так как в это время он чрезвычайно хил и слаб, до такой степени, что иной раз не в состоянии прочистить входа, он нередко и умирает с голоду в своей берлоге.

Эти объяснения квенера, по-видимому, отлично знакомого с нравами и обычаями медведей, не оставляли нашим охотникам ни малейшего сомнения о присутствии медведя в показанном месте. Вскоре и предоставилось более убедительное доказательство: они услышали какое-то злобное ворчанье, как бы в ответ на лай собаки. И можно было полагать наверняка, что медведь в пещере.

Но каким образом заставить его выйти оттуда?

Глава 16

БАРРИКАДА

Они подождали немного, надеясь, что медведь высунет морду в узкое отверстие, и все трое приготовили ружья. Но зверь долго не показывался, и решено было прибегнуть к другим мерам. Судя по ворчанью, медведь должен был находиться недалеко от входа, так что его можно было достать палкою. Они и попробовали, но палка проходила наискось и не задевала медведя, хотя животное рычало из глубины пещеры.

Оставалось рубить лед и дать животному свободу. Но

согласится ли медведь выйти? Квенер в этом не сомневался.

— Оттепель была порядочная,— сказал он,— медведь, вероятно, проснулся, и давно бы уже бегал по снегу, если бы не был заперт. Как только мы откроем ему дверь, он сейчас же выбежит, потому что голоден. Может быть, и задумается на минуту, услыша лай собаки и шум, но ненадолго.

Доводы эти убедили Пушкина, который схватил топор и принялся рубить лед.

— Позвольте,— сказал финн, останавливая его за руку,— не торопитесь.

— Почему? Не сам ли ты сказал, что необходимо пробить дверь?

— Без сомнения, но прежде надобно сделать нечто совсем другое. Ведь вам известно, что мы имеем дело с черным медведем.

— Какое мне дело — с черным, бурым или серым? — сказал Пушкин, который охотился только в России, где нет черных медведей.

— Разве вам неизвестно,— возразил финн,— что черный медведь больше, сильнее и свирепее бурого? В настоящее время голод должен придать ему еще больше свирепости, и выйдя из пещеры первым его движением будет броситься на кого-нибудь и пообедать. Как только вы разрубите лед и раскроете выход, признаюсь, я не намерен здесь оставаться. Повремените. Мне кажется, я могу указать вам лучшее средство или, по крайней мере, безопасное. Мы его используем против медведя, когда мы знаем, что он проснулся и не может нам помешать.

— Очень хорошо,— отвечал Пушкин,— я сделаю все, что ты хочешь. У меня нет охоты вступать в рукопашную с одним из этих господ; будет с меня и того, что случилось недавно.

Ветеран, рана которого не совсем еще зажила, показал на свое плечо.

— В таком случае помогите мне вырубить несколько толстых кольев в лесу, я вам укажу средство овладеть старым Наллем и разбить ему череп, не подвергаясь опасности, или всадить ему несколько пуль в башку, если вы предпочтете убить его из ружей.

Предложение квенера было принято единодушно. Действительно, если черный медведь, как он уверял, был свирепее бурого, то мысль видеть его около себя на сво-

бодя не могла радовать наших охотников. Если, наконец, он и не искалечил бы ни одного из них, а только бы ушел, то и это было бы для них чрезвычайно неприятно.

Финн сообщил свой план, и все вызвались немедленно помогать ему. Они нарубили множество кольев вышиною около сажени, и заострив с одного конца, вбили их в землю, так что колья образовали перед входом в пещеру что-то вроде частокола. Снаружи обложили их большими камнями, чтобы подпереть колья, которые сверху связали еловыми ветвями. Между кольями невозможно было проскользнуть и кошке. Перед пещерою осипили, однако, отверстие на высоту колена, чтоб узник мог высунуть голову.

Оставалось только покрыть пространство между палисадником и скалою. Это было сделано с помощью длинных жердей, положенных горизонтально. На них набросали толстый слой еловых ветвей.

Наконец настала пора рубить лед и дать медведю свободу. Пушкин принялся работать топором и прорубил лед, таким образом, чтоб у входа оставалась продолговатая льдина, которую легко уже было сломить или обрушить внутрь.

Старый гренадер держался настороже, потому что из берлоги доносился тревожный рев. Бросив всю тяжесть против ослабленной льдины, медведь мог выскочить каждую минуту.

Наконец крыша была готова, маленькое отверстие, оставленное между кольями для прохода Пушкина, сделано и оставалось только пробить окончательно льдину.

Для этого послужил им длинный шест, принесенный кивнером, с острым железным наконечником. Под ударами этого орудия лед совершенно рассыпался, и финн посоветовал нашим охотникам держаться наготове.

Глава 17

РАКЕТА

Ко всеобщему удивлению медведь не появился, ни в то время, как открыт был выход, ни долгое время спустя после этого.

Финн, однако, ждал, что зверь не замедлит явиться,

хотя может быть и придется подождать несколько часов. Он прибавил даже, что необходимо соблюдать тишину, чтобы медведь подумал, что охотники ушли.

— Он давно уже не ел,— сказал квенер.— Пустой желудок его торопит, и потому не беспокойтесь, молодые мои господа, он покажется непременно.

— Зачем же ты заставил нас оставить эту западную против двери? — спросил Иван, указывая на небольшое отверстие в частоколе.

— Эта дыра,— отвечал крестьянин,— помогает нам иногда убивать медведей, в особенности, когда ни у кого из нас нет ружья. Как только старый Налль выходит из своей пещеры, первым делом он пускается вдоль частокола, ища выхода. Он сейчас же заметит это отверстие и, конечно, просунет в него голову. Кто-нибудь тут же стоит с топором в руке, и нужно быть крайне неловким, чтобы в этом положении не раздробить ему черепа, или, по крайней мере, не уложить зверя на месте. Как только выйдет медведь, будьте уверены, он выглянет в эту дыру, и тогда, мои молодые господа, вы увидите...

Эти слова квенер сопровождал очень убедительным движением топора, которым владел с необыкновенною ловкостью, свойственной дровосекам. Охотники поняли его отлично, но это несколько их не успокоило. Из-за условия, которое отец поставил им, медведь должен быть убит кем-нибудь из них. В нескольких словах они объяснили финну в чем дело, и тот уступил свой пост Пушкину, который, вооружась своим тяжелым топором, приготовился нанести зверю по голове такой удар, какого не наносил ни один дровосек в целой Скандинавии. Алексей взял ружье Пушкина, которое намеревался пустить в ход, на случай безуспешности своего карабина, а так как Иван зарядил один ствол своего ружья пулею, а другой дробью, то было, очевидно, что медведю не сдобровать.

Вопрос заключался в том, дождутся ли они терпеливо выхода зверя, и нельзя ли будет заставить его показаться на свет по какому-нибудь более сильному побуждению, чем требования желудка. Дровосек вызвался приготовить им длинный шест. Тут же недалеко он вырубил высокую тонкую елку, ветви которой тотчас же были обрезаны, и шест введен в отверстие пещеры. Елка достала до животного, но так как верхний конец ее был тонок и гибок, то он только слегка щекотал пушистую шерсть ог-

ромного четвероногого. Это прикосновение могло только убедить охотников окончательно в присутствии зверя и вызвать с его стороны глухое ворчанье, но не в состоянии было заставить его выйти.

Что же оставалось делать? Отойти и терпеливо ожидать, когда голод выгонит животное? Мороз был очень сильный, так и щипал, и перспектива долгого ожидания не представляла из себя ничего утешительного. Баррикада была действительно крепка, чтобы удержать зверя и продолжение нескольких минут на первых порах, но если его оставить всю ночь на свободе, то, конечно, ему нетрудно будет потом освободиться.

Единственным средством избавиться от скуки продолжительного ожидания было изобрести способ, чтобы вызвать Мишку из его неприступного убежища.

Изобретательный Иван тотчас же предложил устроить ракету и бросить ее в пещеру. Мысль казалась удачной. Во всяком случае ее легко было выполнить. Пушкин в ту же минуту насыпал полную горсть пороху, расктер его на камне и, смачивая водою из фляги, принялся месить тесто. В несколько минут мякоть была готова, и он скатал из нее нечто вроде большой сигары, которую и высушил у костра, разложенного в стороне. К одному концу ее приделали фитилек из трута.

Когда все было готово, ветеран стал как раз против отверстия пещеры, потрясая своею миниатюрною ракетю. Квенер принес головню, зажег фитиль, и все это вместе полетело в глубину пещеры. Пушкин немедленно занял свой пост с топором в руке.

Ожидание было непродолжительным: почти тотчас же пещера осветилась ярким светом, раздался свист, треск, послышались резкие крики, и прежде чем сгорела ракета, медведь выскочил и разбил остатки льдины, которая его недавно удерживала. Раздались два выстрела, но не остановили зверя; он ринулся на частокол, который затрещал и покачнулся. К счастью для наших охотников, колья были вбиты прочно, потому что зверь оскалил два ряда таких страшных зубов, каких они никогда не видели, и достаточно было двух ударов его когтей, чтоб раздробить самый крепкий череп в мире.

Иван выстрелил из другого ствола, заряженного крупной дробью, но это лишь усилило ярость зверя, который, ища выхода, ревел ужасающим образом.

Алексей бросил карабин, схватил ружье Пушкина,

просунул дуло между двух кольев и намеревался нанести смертельный удар, потому что положение охотников становилось крайне опасным. Он прицелился в сердце медведю и только хотел спустить курок, как вдруг его слуха коснулся глухой удар. В тот же момент медведь рухнул на землю.

Это Пушкин нанес зверю удар топором по голове и рассек ему череп. Как и предсказывал квенер, медведь высунул неосторожно голову в отверстие, возле которого стоял на посту старый гренадер.

Охотники разобрали частокол, вытащили зверя, подтянули его на дерево и бережно сняли с него пушистую шкуру. После этого они отправились в свою главную квартиру.

Убитый медведь, как обещал им проводник, был черный, хотя мех его и не совершенно походил на мех американского и черного индийского медведя. Напротив, шерсть его была у корней бурая и только на другом конце черная. Но он бесспорно принадлежал к той разновидности медведей, которую они искали. Стало быть, нашим охотникам оставалось только уложиться, попрощаться с холодной Скандинавией и направить свой путь в более теплые страны. На другой день они выехали в Пиренеи.

Глава 18

В ПИРЕНЕЯХ

Не имея недостатка в деньгах, наши путники ехали очень быстро, останавливаясь в столицах только для того, чтобы визировать свои паспорта, а иногда воспользоваться рекомендательным письмом, которое у них было от имени самого государя. Повсюду, где они предъявляли его, подпись императора производила магическое действие, и, зная, что так будет везде, они нисколько не заботились о дальнейшем путешествии.

Покинув страну, бывшую местом действия их первых охот, они спустились по реке Торнео до ее устья, оттуда на пароходе прибыли в Данциг. Из Данцига отправились через Берлин, Страсбург и Париж в маленький городок Баньер, известный своими купаниями. Здесь они очутились не только на виду, но у подножия и даже среди пер-

ных отрогов той горной цепи, которая, с точки зрения туристов, мало уступает самим Альпам, а для натуралистов даже бесконечно интереснее.

Пребывание наших путешественников в Баньере продолжалось недолго. Они оставались там ровно столько времени, сколько нужно, чтобы запастись свежими силами в его теплых и благодатных водах.

Нечего и говорить, что молодые русские были очарованы почти всем, что видели на юге Франции. Их дневник был наполнен восторженными описаниями. Особенно их поразил живописный костюм пиренейских крестьян, совершенно непохожий на неизменную синюю блузу, которую они видели на севере и в центре Франции. Здесь на каждом шагу встречается алый или белый берет, богатая коричневая куртка и красный пояс, составляющие обычный костюм беарнских крестьян, людей сильного и красивого сложения.

По дороге, по которой они ехали, рядом с ними двигались повозки, запряженные сильными и белыми, как сливки, быками. Справа и слева паслись стада баранов и овец под присмотром живописно одетых пастухов; их сопровождали несколько больших пиренейских собак, служба которых защищать порученных им животных.

У въезда в одну деревню они увидели такую картину: мужчины, стоя по колено в воде, мыли свиней, охотно дававших себя купать. Быть может, этому купанию в теплой минеральной воде и обязана байоннская ветчина своею славой.

Далее наши путешественники проехали мимо ванны для кур — бассейна, наполненного почти кипящей водой. Несмотря на это, несколько женщин окунали туда кур, — не мертвых кур, как это можно было бы предположить, чтобы потом легче их ощипывать, — а живых, чтобы очистить их, как говорили эти женщины, от беспокоящих их паразитов. Так как вода была достаточно горяча для того, чтобы сварить в ней бедных птиц, и так как женщины погружали их в нее по шею, то наши охотники позволил себе усомниться в приятности для птиц этой операции.

Немного далее путешественников поразили странные звуки, доносившиеся из маленькой долины около дороги. Приглядевшись, они заметили там группу в сорок или пятьдесят женщин, занятых расчесыванием льна. В Пиренеях эту работу выполняют женщины; вместо того,

чтобы заниматься ею дома, они собираются в тенистом месте, куда каждая приносит свой лен, и там, с шутками, смехом и пением, грубый сырой материал обращается в блестящие и шелковистые пряди.

Им пришлось наблюдать еще другой, довольно любопытный обычай; это было тогда, когда они уже покинули долину и поднимались в горы. Наблюдение это было сопряжено с большою опасностью для них, и оно обратилось в целое приключение, на котором стоит остановиться подробнее.

Все три путешественника ехали шагом на верховых животных: Алексей и Иван на сильных и живых лошадках знаменитой пиренейской породы; Пушкин же сидел на очень высоком французском муле, потому что бывшему гренадеру российской императорской гвардии требовалось четвероногое хорошего роста. Зато мул не отличался полнотою, а был худ и тощ, как пиренейский волк.

Вместе с ними, также на муле, ехал еще четвертый человек, нанятый для услуг, и на которого были возложены три обязанности. Во-первых, он должен был служить им проводником; во-вторых, по окончании экскурсии отвести верховых животных в деревню, где они были наняты, и, наконец, помогать им в охоте на медведя, которая и была целью предприятия. Поэтому они выбрали его среди самых искусных охотников.

Итак, четверо путников ехали по очень крутому откосу. Они оставили позади последний поселок и даже последний дом и поднимались на одну из скал, которые отделяются от главного горного хребта и выступают на равнину. Дорога, по которой они следовали, едва заслуживала этого названия: это была попросту узкая, едва доступная лошадям тропинка. Склон был настолько крут, что приходилось сделать дюжину зигзагов, чтобы достичь вершины.

У подножия горы они увидели людей, гораздо выше себя, очевидно занятых какою-то работой. Проводник сказал им, что эти люди связывают дрова, так как их ремесло состоит в снабжении топливом городов, расположенных в долине.

Тут еще не было ничего удивительного. Но что поразило наших путешественников, так это способ, каким эти дровосеки отправляли дрова к подножию горы. Проехав два или три поворота, образуемых тропинкой сбоку скалы, они были поражены шумом, подобным треску стал-

кивающих с камнями и ломающихся палок. Шум этот казалось, шел сверху, и, взглянув по этому направлению, они увидели довольно большое количество каких-то предметов, скатывающихся с величайшей скоростью. Эти предметы, круглой формы, оказались вязанками дров; они катились и спускались с такою быстротой, что если бы наши путники оказались на их пути, то им трудно было бы увернуться от этой «лавины».

Только что они поделились друг с другом этим соображением и благословили свою счастливую звезду, предохранившую их от такой беды, как сверху снова спустился целый поток дров, и на этот раз он, очевидно, катился прямо на них. Нельзя было угадать, в какую сторону спастись,—кинуться вперед или отступить назад; поэтому путники с молчаливым опасением ждали, чем все это кончится. К счастью, их ожидание продолжалось недолго: едва минула секунда — и бесформенная масса, подпрыгивая, с быстротой молнии и с грохотом прокатилась как раз мимо них, причем сила ее была такова, что если бы хоть одна из вязанок задела мула или лошадь, то неминуемо столкнула бы с горы и животное и его всадника.

Охотники продолжали свой путь, снова поздравляя себя с тем, что отделались одним страхом, но каков был их испуг, когда они в третий раз увидели себя в точно такой же опасности. Вот, снова мчится дровяная масса, а за нею с треском катятся и сталкиваются круглые бревна. Новый поток миновал их, как и два первых, по счастливой случайности никого не задев и на этот раз.

Таким образом, все четверо, здоровые и невредимые, достигли вершины горы, что не помешало Пушкину излить свой гнев на дровосеков, по счастью, ничего не понявших из его брани. Но его сторону принял проводник, который подвергался такой же опасности и потому был сердит не менее гренадера: он, с многоречивостью беарнца, прочел им целую проповедь, которую пересыпал проклятиями и кончил угрозой — подвергнуть их всей строгости закона.

Но так как дровосеки, несколько ошеломленные этим неожиданным вмешательством, слушали его молча и с полным добродушием, то он, наконец, успокоился, и вся кавалькада вновь пустилась в путь. Однако Пушкин не мог удалиться, не показав кулак неосторожным дровосекам и не пустив в их адрес хорошенького русского сло-

вечка, которое не подлежит переводу и трудно поддается ему.

Немного выше того места, где стояли путешественники, дорога углубляется в расщелину между двух гор, добравшись до нее, они некоторое время потеряли из виду долину. Дорога, по которой они ехали, была все еще тропинкой, годной лишь для вьючных животных и для пешеходов и совершенно недоступной экипажам, но она уже шла к одним из так называемых «ворот», ведущих в Испанию. Через эти ворота производится торговля между обеими странами, причем большинство транспортов переправляются с испанскими погонщиками мулов, которые переходят через горы с большим количеством этих животных, нагруженных ящиками и тюками с товарами.

Наши охотники могли вскоре сами судить о значительности этой торговли и о способе, каким она производится, так как на одном из поворотов им повстречалось множество мулов, наряженных в красное сукно и тисненую кожу и порядочно нагруженных. Караван остановился на одной из маленьких площадок, и проводники, которых было человек двенадцать, уселись на выступах скалы, немного впереди животных. На них были надеты плащи из коричневого сукна, излюбленного испанскими пиренейцами, что, в соединении с их бронзовыми лицами, лихими усами и странным костюмами, позволяет принять их иногда за шайку разбойников, или, по крайней мере, за контрабандистов.

Между тем это не были ни те, ни другие, а просто честные испанские погонщики мулов, направляющиеся на французский рынок с товарами, добытыми по ту сторону гор.

Наши путешественники, приблизившись к ним, застали их за завтраком, состоявшим только из черного хлеба с овечьим сыром, который они запивали легкою малагой, налитой в мех.

Это были веселые ребята; они пригласили вновь прибывших отведать их вина, и невежливо было бы им отказать. Иван и Алексей наполнили вином свои серебряные кубки, привешенные к поясам. Пушкин, не имея своей посуды под рукою, попробовал пить по способу погонщиков мулов, но так неловко поднял мех вверх и так сильно надавил его, что вино, вместо того, чтобы течь ему в рот тонкой и ровной струйкой, залило ему все лицо. Ничего не видя, захлебываясь, но, однако, не выпуская

из рук злополучного кожаного мешка, драгоценное содержимое которого текло по его носу и длинным усам, старый солдат состроил такую физиономию, что испанцы, при виде этого, расхохотались до слез. Их шумная веселость сопровождалась криками «браво!» и аплодисментами, как будто они присутствовали в театре при артистически разыгрываемом спектакле.

Пушкин принял это благодушно, и погонщики мулов просили его начать сызнова; но, не желая вторично подвергаться подобному злоключению, старый солдат взял кубок у одного из своих господ и смог вволю освежиться. Так как вино ему понравилось, а испанцы предлагали пить сколько угодно, то мех возвратился к владельцам значительно съезжившись.

Однако, если бы Пушкин был менее податлив на соблазн малаги, он, может быть, избег бы неприятности, почти тотчас же постигшей его.

Наши путешественники, обменявшись несколькими любезностями с погонщиками мулов, снова уселись на седла и решили продолжать путь. Пушкин, влезши на своего высокого мула, поехал впереди. Перед ним стояла группа навьюченных мулов, которые так загородили дорогу, что положительно приходилось проталкиваться среди них. Все эти животные казались довольно спокойными: некоторые из них ощипывали кустики, находившиеся поблизости, но большинство стояло неподвижно, лишь встряхивая по временам своими длинными ушами, или же переступая с ноги на ногу. Пушкин, с минуту поглядев на них, решил, что обойти их стороной нет возможности и что придется проехать через все стадо. Весьма возможно, что, если б он это сделал тихонько, животные остались бы спокойными и не обратили бы на него внимания; но, возбужденный выпитым вином, отставной гренадер, вместо того, чтобы мирно следовать своим путем, вонзил шпоры в бока мула и с громким криком бросился в середину стада.

Почуяли ли испанские мулы в незнакомом муле иностранца, которого приняла за француза, или же крики гренадера неприятно поразили их слух,— трудно сказать: но только все стадо разом бросилось на Пушкина, разинув пасти, с поднятыми ушами и хвостами. Он уже не слышал, как проводник и погонщики кричали ему: «Бегитесь!»

Да если б он их и слышал, то было уже поздно, пото-

му что прежде, чем он успел сообразить, в чем дело, он оказался окруженным, по меньшей мере, дюжиной разозленных животных, которые, пронзительно крича, начали кусать его и его мула со свирепостью голодных волков. Напрасно бедный мул изо всех сил лягался направо и налево, напрасно всадник пустил в ход свой кнут; испанские животные грозили ему не только зубами: несчастный Пушкин должен был еще защищаться и от ударов ногами — ударов, которые сыпались на него со всех сторон, и против которых его толстые сапоги и широкие панталоны, уже разорванные в нескольких местах, были плохой защитой.

Видя печальное положение старого солдата, проводники, каравана поспешили на помощь. Громко крича и щелкая бичами, как это умеют делать одни погонщики мулов, они старались разогнать нападающих; но, несмотря на все их старания и привычку их заставлять этих животных слушаться себя, Пушкину могло бы прийти еще хуже, если бы ему не удалось самому выйти из затруднения: ловко соскочив с седла, он одним прыжком очутился на большом камне. Оттуда он взобрался еще выше и вскоре уже был вне опасности.

Его мул продолжал защищаться против ожесточенно преследовавших его испанских мулов; но, избавившись от тяжести всадника, он, наконец, пробился сквозь стадо и галопом помчался по горной дороге. Остальные же мулы, будучи тяжело навьючены, не выказали ни малейшего желания следовать за ним, и драма благополучно закончилась.

Видя жалкую мину старого солдата, торчащего на скале, погонщики не могли удержаться от громкого смеха. Его молодые господа были слишком встревожены, чтобы последовать их примеру; но когда они убедились, что их верный Пушкин получил лишь несколько незначительных ушибов, — к счастью, мулы не были подкованы, — им тоже очень захотелось посмеяться над его злоключением. Алексей был даже того мнения, что их товарищ несколько злоупотребил винным мехом, а потому то, что с ним приключилось, было лишь справедливым возмездием за его невоздержанность.

Проводник пустился в погоню за своим сбежавшим мулом и не замедлил изловить его. Итак, все было приведено в порядок, и наши охотники продолжали свой путь.

Глава 19

ПИРЕНЕЙСКИЕ МЕДВЕДИ

Наши путешественники хорошо сделали, взяв проводником местного охотника, так как без него им долго пришлось бы отыскивать медведя. Эти животные, хотя и довольно многочисленны в Пиренеях, вот уже с полвека, как водятся лишь в самых пустынных и отдаленных их частях. Зимой пиренейский медведь ищет убежища в густых лесах, растущих на дне ущелий, между гор, где его слух никогда не тревожит топор дровосека. Летом же он бродит на большой высоте, в соседстве с вечными снегами и ледниками, где находит корни и луковицы множества горных растений, и даже лишай, которые очень любит. Иногда он пробирается в нижние, наименее обработанные долины, чтобы полакомиться маисом или картофелем. При этом он не менее парижского гастронома любит трюфели и имеет на них такое тонкое чутье, что в этом отношении далеко превосходит собак, специально дрессируемых для поисков этих ценных грибов. Он чудесно умеет вырыть их из-под корней больших деревьев, под которыми те растут.

Он «вегетарианец», так же, как и его сородственник, бурый медведь, и, подобно большинству остальных членов своего многочисленного семейства, любит сладкое. Он крадет у пчел мед каждый раз, как только ему удастся найти улей. Иногда он ест и мясо, и часто выбирает своих жертв в стадах, пасущихся летом на откосах высочайших гор; но пастухи заметили, что эти кровожадные наклонности встречаются лишь у немногих медведей, а вообще близость их не опасна для стад.

Проводник рассказывал, что его отец помнит то время, когда медведи были обычным явлением в нижних долинах. Тогда от их соседства страдали не только стада баранов и овец, но и крупный скот часто подвергался нападению этих прожорливых зверей, и жертвами их довольно часто делались даже люди.

В настоящее время подобные случаи редки, потому что медведи держатся в горах на такой высоте, куда стада почти никогда не выгоняются, а люди ходят очень редко. Проводник прибавил, что медведи очень ценятся такими охотниками, как он, потому что их шкуры продаются весьма дорого. «Но они сделались так редки,—

прибавил он в заключение,— что мне удалось убить всего лишь трех за весь этот сезон; но я знаю, где находится четвертый, очень красивый, и если вы расположены...»

Молодые люди поняли намек. Могущество денег везде одинаково, и в некоторых случаях золотая монета вернее укажет вам медведя в пещере среди Пиренеев, нежели нос самой чуткой собаки или глаза самого опытного охотника. Договор был тотчас же заключен. За шкуру медведя было обещано пятьдесят франков.

Сойдя с проторенной тропинки, наши охотники направились в гористое ущелье. Стены и дно этого ущелья были покрыты мелкими елями; но, по мере того, как охотники подвигались вперед, деревья становились крупнее. Наконец они очутились в высоком и великолепном лесу, по-видимому, таком же диком и первобытном, как если бы он рос на берегах Амазонки или в Кордильерах. Там не было видно следов иных живых существ, кроме нескольких тропинок, протоптанных дикими животными.

Проводник рассказывал, что он убивал в этом лесу рысей и что ему не захотелось бы остаться здесь одному на ночь, так как тут собираются многочисленные стаи черных волков. Но в компании он ничего не боялся, так как можно будет развести костры, чтобы держать хищников на приличном расстоянии.

Место, где они должны были встретить медведя, находилось более, чем в трех верстах отсюда. Проводник ручался за то, что они найдут его без труда. Он видел, как тот возвращался в свою берлогу несколько дней тому назад; но так как с ним тогда не было собак, то он ограничился лишь тем, что отметил это место, рассчитывая туда вернуться с товарищем, который помог бы ему. Кое-какие свои дела задержали его в Обонне до приезда иностранцев, и, узнав их намерения, он приберег для них эту добычу. Теперь с ним были две собаки из породы волкодавов, которые могли выгнать медведя из его берлоги; но это средство следовало употребить лишь в крайнем случае.

Лучшим способом действий, по мнению проводника, было дожидаться, пока медведь не выйдет на свою ночную прогулку, что он не замедлит сделать, и тогда бежать в его берлогу, перекрыть вход в нее и, устроив засаду, ожидать его возвращения. «Он не вернется до утра,— прибавил проводник,— а тогда будет достаточно

светло, чтобы целиться и стрелять в него с разных сторон».

Этот план получил одобрение, после чего наши путешественники решили остановиться там, где находились, и ожидать предполагаемого часа выхода медведя. Яркий огонь быстро разгорался под деревьями: ранец Пушкина развернули, и, благодаря его содержимому, все четверо принялись за ужин с таким аппетитом, который шаком только тем, кто имел случай проехать тридцать верст по горам.

Они довольно приятно провели время, благодаря прощоднику, рассказывавшему множество обычных среди горных крестьян историй, относящихся к охоте и промыслу контрабандистов. Он прибавил к ним порядочное количество анекдотов из испанской войны и из того времени когда французская и английская армии оспаривали друг у друга различные «ворота» в Пиренеях.

Но он с особою охотой возвращался к делам, касающимся его профессии, и говорил о них с настоящим энтузиазмом. Так незаметно протекло время для наших путешественников.

Наконец солнце село, и с наступлением темноты прощодник посоветовал им заснуть на несколько часов. Наипонски за медведем нечего было отправляться до тех пор, пока не наступит глубокая ночь, почти перед самым рассветом. Тогда можно будет надеяться, что медведь станет бродить по лесу; между тем, придя туда слишком рано, можно рисковать застать медведя в берлоге, а в таком случае нельзя быть уверенным, что собакам удастся выгнать его оттуда. Эта берлога могла оказаться просторной пещерой, куда зверь дал бы им проникнуть, чтобы вступить с ним в бой, и, как бы они не были велики и сильны, в конце-концов, справился бы с ними, ибо достаточно одного удара медвежьей лапы, чтобы принудить к вечному молчанию самую храбрую и опасную представительницу собачьей породы. «Собаки,— повторил охотник,— должны быть употреблены лишь как последнее средство».

Другой план имел гораздо больше шансов на успех. В самом деле, вернувшийся медведь, найдя свою берлогу шгороженной, будет принужден уйти в лес. Собаки пойдут по свежему следу, и если только зверю не удастся найти другую пещеру и спрятаться в нее, он не сможет ускользнуть от них. Пиренейский медведь нередко вле-

зает на дерево, когда его преследуют собаки и люди; но в таком случае успех охоты будет обеспечен, так как с дерева медведя легко сшибить пулями. Кроме того, им еще представлялась возможность всем одновременно стрелять в него, когда он вернется к своему жилищу, что, несомненно, сразу приведет дело к концу.

Итак, к берлоге следовало идти лишь под утро, чтобы загородить вход в нее и устроить засаду до наступления дня. Поэтому проводник повторил им свой совет поспать несколько часов и обещал вовремя разбудить их.

Этот совет был принят и исполнен с радостью. Пушкин тоже, будучи порядочно помят во время своего приключения с мулами, нуждался в отдыхе, и заснул, завернувшись в свой широкий плащ.

Глава 20

ЗАСАДА

Верный своему обещанию, проводник разбудил своих спутников примерно за час до зари; оседлав и взнуздав верховых животных, они продолжали путь. Под большими деревьями было очень темно, но проводник знал местность. Медленно, ощупью проехав около версты, они очутились у подножия крутой скалы; по ней путники поднимались в течение некоторого времени и, наконец, достигли того места, которое искали.

Несмотря на темноту, они могли различить на поверхности скалы темное пятно; это и был вход в пещеру. Он был невелик, и человек лишь с трудом проник бы в него, да и то нагнувшись; но проводник уверял, что этот низкий и узкий вход вел в обширную пещеру — таких пещер много в этой части Пиренеев. Если б он знал, что за входом углубление, достаточное лишь для того, чтобы в нем мог поместиться медведь, он принимал бы гораздо меньше предосторожностей. В этом случае, действительно, было бы возможно и даже легко заставить зверя выйти при помощи собак; но если, как предполагал проводник, пещера была достаточно просторна для того, чтобы медведь мог в ней свободно двигаться, то выманить его наружу не было никакой возможности. Зверь только заподозрив присутствие врага в окрестностях, мог бы даже

несколько дней оставаться в своей крепости, а это значит, что пришлось бы прибегнуть к настоящей осаде, продлившейся бы надолго, но и она могла ни к чему не привести.

Они с величайшей предосторожностью приблизились к пещере, боясь, как бы медведь, бродя по лесам, не услышал их и, всполошившись, не бросился бы к своей берлоге прежде, чем они успеют запереть в нее вход. Для большей верности, они оставили собак и верховых животных в некотором отдалении, привязав их к деревьям, и направились к пещере, стараясь как можно меньше шуметь и разговаривая лишь вполголоса.

Вслед за тем проводник начал приводить свой план в исполнение. Пока другие спали, он приготовил большой факел из сухих еловых веток: теперь он зажег его и поткнул в землю близ скалы. В ту минуту, как пламя разгорелось у входа в пещеру, все, с ружьями в руках, стали наготове. Они не были уверены в том, что медведь ушел; могло так случиться, что он еще лежал внутри убежища. В таком случае свет мог разбудить его и вызвать наружу; поэтому, следовало быть готовым ко всякому обороту дел.

Но так как никто не показывался, то проводник привел своих собак и спустил их. Едва очутившись на свободе, эти животные, отлично понимавшие то, что от них требуется, бросились прямо в пещеру. В течение нескольких минут они торопливо и сдержанно повизгивали, ясно показывая этим, что чуют медведя.

Проводник, как оказалось, угадал верно: узкий проход вел в пещеру больших размеров, как об этом можно было судить по расстоянию, с которого слышался лай собак. Было бы совершенно бесполезно пытаться выманить медведя из такого места, если бы он только сам не пожелал отдаться своим врагам. Поэтому наши охотники не без некоторой боязни прислушивались к голосу собак, который повторял эхо пещеры.

Ожидание их продолжалось недолго, так как самое большее через минуту обе собаки вышли с опущенными ушами и разочарованным видом, их поиски были тщетны.

Тем не менее их беспокойные и чуткие движения говорили, что след свежий, и что Михайла Иваныч покинул свою берлогу совсем недавно. Кроме того, их хозяин слышал, как они рылись в стеблях травы, составляю-

щих постель медведя — несомненное доказательство того, что жилище было пусто.

Это было именно то, чего желал охотник-проводник и его товарищи; тотчас же, сложив свои ружья на землю, они принялись вместе с ним заграждать вход в пещеру. Ничего не могло быть легче этого. Камни у них были под руками, и они сделали из них перед отверстием берлоги баррикаду, способную преградить проход любому зверю.

После этого они вздохнули свободнее. Они были теперь уверены в том, что отрезали медведю отступление, и могли вполне надеяться на то, что им удастся пустить в него пулю, конечно, если только он не заподозрит чего-нибудь и не решится подойти к своей берлоге.

Теперь оставалось только засесть в засаду и дожидаться его возвращения. Важно было лишь хорошенько спрятаться и оставаться невидимыми. В самом деле, они не знали, с какой стороны вернется медведь. Приближаясь, он мог их увидеть и удрать раньше, чем они успеют выстрелить. Нужно было непременно предотвратить такую неудачу.

Подходящий план живо пришел на ум опытного пиренейского охотника. Перед скалою росло несколько больших деревьев; если влезть на них и спрятаться в их листве, то медведь ни за что не догадается о присутствии неприятеля.

Эта мысль была тотчас же приведена в исполнение. Иван и Пушкин влезли на одно дерево; проводник и Алексей расположились на другом, и, поместившись так, чтобы, оставаясь невидимыми, самим видеть вход в пещеру, все принялись ждать возвращения медведя.

День проходил быстро. А что же медведь? Точно рассчитать момент его возвращения было невозможно, потому что многие обстоятельства могли ускорить или задержать его.

— Прежде часто видали медведей, бродящих днем, — сказал охотник, — но тогда они были многочисленны, и охотники меньше преследовали их. Теперь же они покидают свое убежище лишь по ночам. Что до того медведя, которого мы ждем, то, конечно, рано ли, поздно ли, но он вернется. Это зависит от того, много ли его преследовали за последнее время.

Вскоре они уже знали, что им думать на этот счет. Медведь сам позаботился вывести их из неизвестности, появившись у них под носом.

Они увидели его внезапно, когда он пробирался ко входу в пещеру. Он казался сильно возбужденным; можно было подумать, что его преследуют, или что он увидел в лесу какой-то неожиданный предмет, вызвавший у него тревогу. Быть может, он заметил лошадей, или открыл след охотников.

Во всяком случае, последним некогда было об этом задумывать, или, вернее говоря, медведь не дал им на это времени, так как, едва увидев вход в пещеру загроможденным, он излил свой гнев в ужасном вопле, резко повернулся назад и убежал так же быстро, как и появился.

Сразу раздалось четыре ружейных выстрела, и несколько клочков шерсти, сорванных с боков зверя, показали, что он был ранен. Он даже пошатнулся, и охотники испустили победный крик; но радость их была кратковременна, так как раньше, чем звук их голосов замер в скалах, медведь оправился и побежал во всю прыть.

Они видели, как он раз, два остановился и обернулся на деревья, как будто ища там своих врагов, и собирается броситься на них; но, почти тотчас же изменив намерение, прыжками бросился в лес и охотники вскоре потеряли его из виду.

Раздосадованные, они поспешно спустились со своих наблюдательных постов и, отвязав собак, побежали по следу. К их большому удивлению и не меньшему удовольствию, он привел их к тому месту, где они ставили своих верховых животных; они сразу же убедились, что медведь прошел здесь. Лошади и мулы брыкались, словно внезапно пораженные безумием. Их ржание и крики выражали испуг, и если бы они не были крепко привязаны, то, вероятно, сорвались бы и разбежались, после чего их было бы уже трудно поймать.

Наши путешественники в один миг отвязали их, вскочили в седла и помчались по тому же направлению, как и собаки, лай которых они слышали уже в отдалении.

— Пиренейский медведь, — говорил охотник-проводник, — когда его выгонят из берлоги, часто удирает очень далеко, прежде чем остановиться. Нередко можно видеть, что он покидает ущелье или склон горы, обыкновенно обитаемый им, чтобы в более безопасном месте подыскать себе новое убежище. Таким способом он часто сбивает охотников с толку. Он проходит по вершинам скал

или вдоль пропастей, по таким тропинкам, куда не могут отважиться забраться ни люди, ни собаки.

Этого-то именно и следовало опасаться, так как лес, в котором находились наши путешественники, был почти со всех сторон окружен отвесными скалами, и если бы медведь забрался в этот лабиринт крутых обрывов и пропастей, чтобы достичь горных вершин, они рисковали окончательно его потерять.

У охотника-проводника оставалась еще последняя надежда. Он, так же как и его товарищи, был уверен, что в медведя уже попало несколько ружейных зарядов, зверь должен быть довольно серьезно ранен, если так пошатнулся. Поэтому возможно было, что он станет искать приюта поблизости, может быть, на каком-нибудь дереве. Ободренные этою надеждой, все ехали вперед.

Проводник не ошибся. Едва проехав какую-нибудь версту, они услышали непрерывный лай собак, раздававшийся поблизости и все на одном и том же месте, из чего безошибочно заключили, что медведь либо влез на дерево, либо встретил пещеру, в которую и забрался, либо же, наконец, обернувшись назад и решив защищаться, держал собак на почтительном расстоянии. Хотелось, чтобы из этих трех предположений верным оказалось первое, и можно было надеяться, судя по лаю собак, что так оно и есть. Продвигаясь все время вперед, они вскоре увидели собак, которые прыгали вокруг огромного дерева, по временам кидались на его ствол и лаяли на какое-то животное, притаившееся в ветвях.

Это мог быть только их медведь, и, убежденные в этом, наши охотники приблизились к дереву, каждый держа ружье наготове.

Но, подойдя к подножию дерева, они тщетно смотрели на ветви: медведя там не было! Правда, на макушке виднелась какая-то черная масса, но она всего менее походила на медведя.

Дерево было необычайной высоты, больше всех виденных ими в этом лесу. Громадные ветви его простирались на несколько аршин во все стороны от ствола. В некоторых местах листва была настолько густа, что могла бы скрыть крупное животное, но все же не было ничего, кроме листьев и ветвей, и медведь не мог бы поместиться на нем так, чтобы не быть видимым снизу. А между тем там находился медведь, тот самый, за которым они охотились. В этом не могло быть сомнения, хотя не видно

было ни малейшей части его тела, ни даже кончика его хвоста или морды.

Можно было бы подумать, что медведь пролез в дупло дерева; но дупла не было. Впрочем, в этом исчезновении зверя не было ничего таинственного. Читатель помнит ту черную массу, которая лежала на верхних ветвях и вид которой поразил охотников, когда они подошли к дереву; очевидно, этот предмет и скрывал зверя от их взглядов.

Но что это могло быть?

Глава 21

МЕДВЕДЬ В ОРЛИНОМ ГНЕЗДЕ

Этот вопрос и задавали себе наши путешественники. Таинственный предмет больше всего походил на кучу хвороста, потому что он состоял из множества сучьев и веток, связанных вместе и прикрепленных к верхним разветвлениям дерева. Их было достаточно, чтобы нагрузить телегу, и все они были так плотно прижаты друг к дружке, что небо можно было видеть лишь у краев кучи.

В центре же ветви были так плотно переплетены, что образовывали сплошную массу, непроницаемую для света.

— Орлиное гнездо! — после минутного осмотра, вдруг воскликнул охотник-проводник. — Так и есть! Собаки правы, медведь спрятался в птичье гнездо.

Вскоре для всех стало очевидно, что медведь влез по дереву и удобно спрятался в большое орлиное гнездо, хотя снизу не было видно ни единого его волоска.

Если бы у них еще могло оставаться малейшее сомнение на этот счет, то его быстро бы рассеяла почти тотчас же разыгравшаяся сцена. Смотря вверх, они увидели двух больших птиц, быстро спускающихся из-за облачных высот. Это были, очевидно, хозяева захваченного гнезда. Вскоре стало ясно и то, что пришелец был для птиц не особенно желанным гостем, так как орлы начали описывать вокруг вершины дерева быстрые круги, бить крыльями над гнездом и издавать грозные крики, в которых слышалась ярость. Не присоединил ли медведь к нескромности своего нежданного визита еще какой-нибудь разбойничий подвиг, — не уничтожил ли он

у орлов их яиц или птенцов? Этого пока нельзя было сказать. Но если даже он это и сделал, то худшего приема он уже не мог ожидать, и птицы продолжали шумно изъяслять свое неудовольствие, пока выстрел не предупредил их о присутствии еще одного врага, которого следовало опасаться больше медведя. Только уж после этого расширили они радиус кругов, продолжая, однако, время от времени спускаться к гнезду с криками ярости и горя.

Наши охотники спешили и привязали поблизости верховых животных. Теперь они знали, что медведь был в гнезде, но хотя отступление и было ему отрезано, они не могли поручиться за то, что им удастся его захватить. Если бы он спрятался попросту в ветвях, то их пули могли бы попасть в него, и они легко довели бы дело до конца, так как, убитый или серьезно раненый, он должен был свалиться на землю; но теперь дело обстояло совсем иначе. Гнездо было не только достаточно вместительно для того, чтобы медведь мог свободно улечься в нем, но кроме того, оно образовывало под ним непроницаемую для пуль защиту.

Каким образом заставить зверя слезть оттуда? Вот вопрос, который они тотчас же себе поставили, как только удостоверились в присутствии медведя. Горец выстрелил не для того, чтобы заставить орлов удалиться, но в надежде, что испуганный медведь пошевелится, переменил положение и откроет часть своего тела.

Трое русских стояли с ружьями на плече, готовые воспользоваться этим случаем, если он представится. Пуля ударилась в гнездо, которое на минуту исчезло в туче пыли: но медведь, не пошевелился.

Еще две или три пули были выпущены с таким же результатом, и стало очевидно, что этим способом охотники ничего не добьются. Поэтому стрельба была пока прекращена, и они стали придумывать какой-нибудь иной план нападения.

Казалось, что нет никакого средства выманить зверя из воздушной крепости. Не попробовать ли добраться до него? Нечего было и думать лезть на дерево и нападать на зверя. Никто бы не пожелал схватиться в рукопашную с таким врагом даже и на твердой земле, а уж тем более на таком опасном месте, как гнездо из сухих ветвей, помещенное на огромной высоте. Впрочем, если бы им даже и пришла такая фантазия, они не могли бы

ее осуществить. Края гнезда далеко свешивались над ветвями, поддерживающими ее центр, и только обезьяна или медведь могли отважиться безнаказанно пролезть по ним. Для человека же такая попытка была невыполнима. Тут, несомненно, можно видеть доказательство мудрости инстинкта, руководящего орлами, как и всеми другими птицами, в постройке их гнезд. Итак, об этой опасной гимнастике нечего было и думать.

Что же делать? Срубить дерево? Охотники было подумали об этом, но дерево было нескольких футов в диаметре, а так как при них был лишь плохо отточенный топор, то работать им пришлось бы слишком долго. Быть может, понадобилось бы несколько дней, чтобы срубить это гигантское дерево, да и тогда было возможно, что медведь ускользнет от них среди суматохи, неизбежно последующей за падением подобного дерева.

И они отказались от этой затеи, подыскивая какой-нибудь другой, более простой и верный способ получить медвежью шкуру.

Довольно долго ломали они голову над этим, когда вдруг радостное восклицание проводника возвестило им, что наконец найден выход. Все взоры обратились к нему.

Глава 22

ПОДОЖЖЕННОЕ ГНЕЗДО

— У меня есть план,— сказал охотник,— план, благодаря которому я наверняка заставлю медведя спуститься, если он только не предпочтет быть зажаренным там наверху. Черт побери! Да, мне пришла великолепная мысль!

— Ну, говори скорее, какая! — торопил Иван, уже наполовну угадавший его намерение.

— Потерпите! Через минутку вы увидите, в чем дело.

Все трое путешественников окружили проводника и стали внимательно следить за его действиями.

Он насыпал себе на ладонь немного пороха, потом оторвал полоску от куска коленкора, который вытащил из своего ягдташа, помочил ее слюною и покрыл пороком. Затем горец начал все это слегка растирать в ладонях, до тех пор, пока почерневшая и пропитанная селитрой тряпка не сделалась совершенно сухой.

После этого горец разыскал на стволах окружающих деревьев мох, который он смешал с двумя пригоршнями сухой травы, и сделал из смеси неправильный комок. Наконец он вытащил из ягдташа коробку химических спичек, которую опять положил на место, убедившись, что она полна, и тогда начал объяснять своим товарищам цель этих приготовлений. Отчасти они уже угадали ее, и он только подтвердил их предположения, объявив, что намерен влезть на дерево и поджечь гнездо.

Излишне говорить, что этот проект был найден настолько же оригинальным, как смелым, и единогласно одобрен. Конечно, дело, которое собирался выполнить горец, требовало редкой неустрашимости. Добраться до гнезда было возможно, так как, несмотря на чрезвычайную высоту дерева, по нему удобно было вскарабкаться до самой макушки. Ветви росли вдоль всего ствола, и для сына Пиренейских гор было пустым делом влезть на него. Но пока он будет лезть вверх по дереву, медведю может прийти фантазия спуститься, а если бы он это сделал, жизнь предприимчивого охотника, разумеется, была бы в большой опасности.

Однако это опасение не могло его остановить и, предупредив своих товарищей, чтобы они приготовили ружья и держались настороже, он подошел к стволу и начал подниматься.

Сам медведь не влез бы проворнее бесстрашного горца, который перепрыгивал с одной ветви на другую, а там, где их не было, босые ноги ставил на узлы и неровности ствола.

Так он настолько приблизился к гнезду, что легко мог бы просунуть в него руку.

Но он ограничился тем, что отломил от него несколько сухих палок и сделал маленькое углубление в центре этой воздушной постройки. Он работал молча и с величайшими предосторожностями, тщательно избегая всего, что могло бы выдать его близкое присутствие и преждевременно потревожить медведя.

Вскоре он проделал среди ветвей достаточно большую дырку чтобы всунуть в нее свой клубок сухой травы, который он обернул коленкором, пропитанным пороком.

Это было делом одной минуты, затем еще минута понадобилась ему на то, чтобы зажечь спичку и поджечь длинный тряпичный фитиль, висевший под гнездом.

Сделав это, он спустился с дерева еще быстрее чем влез.

Едва очутился он на земле, как увидел, что трава загорелась, и, среди густого синего дыма, медленно поднимавшегося спиралями вокруг гнезда, показалось красное пламя.

Четверо охотников держались наготове, наблюдая за тем, как разгорался огонь и не сводя глаз с краев гнезда.

Развязка недолго заставила себя ждать. Дым уже привлек внимание медведя, а треск сухого горящего дерева вскоре заставил его понять опасность своего положения.

Огонь еще не дошел до него, а уже можно было видеть, как он высунул голову над краем гнезда, сначала с одной, потом с другой стороны, очевидно обеспокоенный и весьма озабоченный тем, что происходило. Два или три раза его враги уже готовы были пустить ему пулю в голову; но его движения мешали хорошо прицелиться, а главное — такая поспешность могла бы погубить весь план в ту минуту, когда его успех казался вполне обеспеченным: убитый зверь остался бы в гнезде и превратился бы в золу.

И так уже надо было опасаться, как бы его шкура не была серьезно попорчена в том случае, если он еще останется в гнезде. Зато Алексей и Иван радостно вскрикнули в один голос, увидев, что громадное четвероногое поднялось во весь рост, среди дыма, над очагом пожара. Оно тотчас же начало спускаться, пятясь задом, с ветки на ветку; но в ту же минуту в тело зверя разом вонзились четыре пули, и, по крайней мере, одна из его ран была смертельной, потому что видно было, как его передние лапы выпустили ветвь, весь он вытянулся и тяжело упал на землю, где и остался лежать без движения.

Тем временем огонь охватил гнездо, которое, спустя пять минут, все пылало. Сухие ветки, из которых оно было сложено, корбились и трещали; красные искры сверкали, как звезды, и сыпались на землю огненным дождем, между тем как вверху раздавались яростные крики орлов, присутствовавших при разрушении своего жилища.

Но охотники не обращали на все это никакого внимания. Их дело было закончено, или, во всяком случае, близко к концу. Оставалось только содрать с медведя

шкуру. Счастливо справившись с этой последней частью своей задачи, они сели на лошадей и поехали назад через горы.

В первой же встретившейся им на испанской территории деревне они простились со своим проводником, который покинул их, вполне довольный полученной за свои труды платой.

Глава 23

ЮЖНО-АМЕРИКАНСКИЕ МЕДВЕДИ

Не теряя времени, наши путешественники поехали на юг и добрались до Мадрида, где оставались ровно столько времени, чтобы успеть посмотреть на очень оживленное, но вовсе уж не такое приятное зрелище,— на бой быков. Оттуда они поехали в Лиссабон и сели на пароход, идущий в Пару, или Гран-Пару, бразильскую колонию у устья Амазонки, уже и теперь процветающую, а в недалеком будущем готовую сделаться большим городом.

Намерением наших охотников было подняться вверх по реке и достичь, по одному из ее многочисленных притоков, восточного склона Анд, где водятся так называемые очковые медведи.

Прибыв в Пару, они были приятно изумлены, узнав, что на Амазонке есть пароходы, и, значит, вместо того, чтобы подниматься до ее истоков в течение шести месяцев, как прежде, можно было проделать то же путешествие в двадцать дней. Эти пароходы принадлежат бразильскому правительству; последнее сумело использовать богатства страны лучше, чем любое из южно-американских государств, которым принадлежат области, орошаемые притоками великой Амазонской реки.

Наши молодые русские, разделяя весьма распространенное заблуждение, думали, что берега Амазонки совершенно дики и представляют собою почти совершенно неисследованную местность. Вскоре они убедились в том, что такое представление было ошибочным, и что, кроме большого города Пары при устье реки, по ее берегам до самого Перу попадаются значительные поселения. На некоторых ее притоках, например на Рио-Негро и Мадейре, находятся также довольно крупные селения и план-

тации. На первой из этих рек стоит Барра, город с 2000 жителей.

В той части территории, которая принадлежит Бразилии, население городов и деревень состоит из португальских негров и обращенных в христианство индейцев. В соседстве Кордильеров земля принадлежит различным южно-американским государствам, главным образом, Перу, и населена исключительно индейцами, среди которых живут немногочисленные европейцы. Там встречаются также поселки, называемые миссиями, население которых почти сплошь состоит из индейцев, управляемых испанскими священниками. Несколько лет тому назад некоторые из этих поселков находились в цветущем состоянии, но теперь пришли в полный упадок.

На бразильском пароходе, на котором они поднимались по реке, нашим путешественникам посчастливилось найти интересного спутника, который сообщил им ценные сведения об этой стране и ее богатствах. Это был старый португальский торговец, прошедший почти всю свою жизнь в путешествиях не только по этой реке, но и по нескольким ее главным притокам. Его торговля состояла в том, что он скупал у разных индейских племен естественные продукты лесов, почти непрерывно тянувшихся от Анд до Атлантического океана.

Главными предметами вывоза являются там сассапарель, хинная кора, различные красильные вещества, ваниль, бразильские орехи, пальмовые волокна и прочие продукты, без труда поставляемые здесь растительным царством, могущество и богатство которого кажутся неистощимыми. Оттуда вывозят также обезьян, попугаев, перцеядов и других птиц с блестящим оперением. Что же касается ввоза, то он состоит из мануфактурных товаров, способных понравиться дикарям, или же из оружия.

Португальский купец провел тридцать лет в этой торговле. Будучи человеком интеллигентным, он не только нажил на ней значительное состояние, но приобрел также географические познания, которыми не замедлили воспользоваться юные русские. Он был весьма сведущ в естественной истории леса, знал водящихся там животных и их привычки, так как наблюдал за ними в продолжение тридцати лет жизни, полной приключений. Таким образом, случай предоставил нашим охотникам за медведями обильный источник полезных и надежных сведений.

В объяснениях, даваемых их спутником, Алексей нашёл средство осветить некоторые, до сих пор остававшиеся в нем сомнения факты относительно южно-американских медведей. Таким образом, он узнал, что имеется две их совершенно различных разновидности: очковый медведь (*Ursus onychus*), названный так благодаря двум беловатым кругам вокруг глаз, похожим на очки,— и другой, глаза которого лишены этого украшения и которого один знаменитый немецкий натуралист назвал *Ursus frugilegus*.

Первая из этих разновидностей известна во всем Перу под именем хукумари, и хотя этот медведь и живет в Кордильерах, он никогда не поднимается до тех областей, где температура становится значительно холоднее. Он предпочитает теплый климат, и его нередко можно видеть бродящим среди полей, у подножия гор. *Ursus frugilegus*, главным образом, посещает густые леса, покрывающие восточный склон Анд; его также часто встречают в долинах, покрытых лесом, но в снежной области — никогда.

Обе разновидности черного цвета; но хукумари, кроме своих «очков», отличается еще белой полосой под горлом, белой грудью и рыжей мордой. Он смирнее своего собрата, меньше ростом и никогда не нападает на других животных.

Ursus frugilegus, напротив, не считает этого за грех; он часто опустошает стада баранов, нападает даже на быков и лошадей на фермах, или так называемых гацисадах, и вступает в бой с человеком, если тот преследует его и подходит слишком близко.

Обе описанные породы водятся не только в чилийских и перуанских Андах, но также в Боливии, в горах Новой Гренады и Венесуэлы, на обоих берегах озера Мараканбо и в горах Гвианы. Из всех полученных ими сведений наши охотники заключили, что встретят обе разновидности черного южно-американского медведя, и что лучшим путем для них будет подняться по р. Напо, берущей начало неподалеку от Квито, древней столицы Перу. В диких провинциях Киксос и Макас, лежащих к востоку от Квито, они в самом деле не могли не найти животных, которых искали.

Достигнув устья Напо, они наняли местное судно «периагуа» с индейским экипажем и продолжали свой путь, поднимаясь по этой реке.

Несмотря на долгое путешествие, наши путешественники не скучали на р. Напо. Тропическое богатство пейзажа, который постоянно был у них перед глазами, и маленькие приключения нарушали однообразие дней и поддерживали в них непрерывный интерес. На каждом повороте реки появлялся какой-нибудь новый или достойный восхищения предмет: прекрасное растение, или гигантское дерево, странное четвероногое, или птица, замечательная своим ярким оперением.

Тип судна, на котором они плыли, обыкновенно используется на притоках верхней Амазонки: это большой челн, выдолбленный из ствола исполинского дерева. На корме помещается что-то вроде шалаша, похожего на холщевое покрытие повозки; только, вместо полотна и деревянных обручей, употребляют бамбук и огромные листья, которыми туземцы обыкновенно кроют свои жилища.

Эта каюта называется «тольдо». Внутри она достаточно высока, чтобы человек мог в ней сидеть, но не стоять. В ней обыкновенно спят и укрываются от дождя. Путешественник, любящий свежий воздух, может также сесть или лечь на крышу, которая настолько прочна, что может выдержать тяжесть человека. Носовая часть судна ничем не закрыта; там сидят гребцы, и их движения несколько не мешают пассажирам.

Благодаря любезности своего приятеля-коммерсанта, наши путешественники нашли хорошее судно и отличный экипаж. Он состоял из индейцев, обращенных в христианство и принадлежащих к одной испанской миссии на р. Напо. На берегах реки, хотя и разделенные большими промежутками, встречались поселки лесных индейцев: и так как почти все племена в долине Амазонки более или менее знакомы с культурой и торговлей, то они могли возобновлять в этих селах свой запас всего необходимого. Их ружья также служили им для пополнения провизии. Они почти ежедневно сходили на землю и приносили какую-нибудь дичь; вместо хлеба они употребляли «фаринью», которой запаслись в Паре.

«Фаринья» — это мучнистое вещество, получаемое из высушенного корня маниока и являющееся главной пищей населения областей, орошаемых Амазонкой.

Для Алексея, как любителя-натуралиста, никогда не было лучшего поля для наблюдений. В этих местах тропический лес является во всей своей первобытной девст-

венности. Топор дровосека никогда не нарушал его дикой красоты, а во многих местах нога охотника еще ни разу не попирала там землю. Его обычные обитатели, четвероногие, четверорукие, птицы, пресмыкающиеся и насекомые, повинуются лишь инстинктам, подаренным ими природой и еще совершенно не изменившимся от присутствия человека.

С особым интересом наблюдали путешественники за постоянными боями пекари с ягуарами. Однажды они даже сами участвовали в такой схватке, причем жизнь двоих из них подвергалась серьезной опасности. В дневнике Алексея подробно повествуется об этом случае.

Они прибыли в местность, расположенную между двумя большими рукавами Напо и называемую Канелос, т. е. страной корицы. Это название дали ей испанцы, открывшие Перу, потому что они нашли там деревья, кора которых очень похожа на знаменитую пряность восточной Индии и которые они приняли за настоящие коричные деревья.

Пекари — местные дикие кабаны — очень любят цветы, а также семена этих деревьев; они умеют стряхивать их на землю, после чего и едят их вволю. Наши путешественники несколько раз были свидетелями такой трапезы.

Однажды, когда они проплывали в таком месте, где эти деревья густым лесом росли на обоих берегах, Алексею захотелось посмотреть на них поближе, и он сошел на землю. Иван последовал за ним, позаботившись захватить свое двухствольное ружье. В одном стволе находилась пуля, а в другом мелкая дробь, так что оружие было заготовлено на всякую дичь. С Алексеем, по обыкновению, был его карабин.

Они намеревались идти некоторое время по берегу. Между водой и деревьями тянулась песчаная полоса, по которой они могли продвигаться без затруднения. Такая прогулка во всех прочих местах встретила бы почти непреодолимые препятствия, так как вообще леса, пересекаемые реками этих областей, спускаются прямо к воде, и на берегу нет никаких тропинок.

Вид этой прекрасной песчаной линии, которая, казалось, тянулась на несколько верст, прельстил наших юных путешественников, уставших сидеть на тольдо. Поэтому они решили размять ноги и, велев гребцам все время подниматься по реке, чтобы принять их обратно не:

много выше, зашагали вдоль берега, время от времени проникая в лес, когда им попадался просвет в густой чаще его опушки, и рассматривая все, что привлекало их внимание.

Пушкина не было с ними: несколько дней перед тем с ним случилось приключение, лишившее его возможности, на время, ходить. Весьма стеснительные гости, называемые местными жителями «чигами», поселились между его пальцами на ногах, и, так как он не сумел во время избавиться от них, то результатом этого были опухоль и воспаление конечностей, сделавшие старого гренадера таким же беспомощным, как если бы ему оторвало ногу ядром. Поэтому ему пришлось неподвижно лежать на крыше тольдо, вместо того, чтобы сопровождать своих молодых господ в их экскурсии на землю.

Алексей и Иван уже прошли вдоль по берегу две или три версты и начали чувствовать усталость. Песок не был твердой поверхностью, по которой было бы удобно идти; напротив, он на каждом шагу проваливался под ногами. Но так как путники как раз в это время заметили на некотором расстоянии перед собой нечто вроде выступа, выдающегося почти на середину реки, то решили продолжить до него свою прогулку, потому что оконечность этого мыса казалась им подходящим местом для возвращения в лодку.

Лодка продолжала подниматься против течения и находилась уже почти против них. Поэтому им было удобно объяснить рулевому, к какому месту причалить. Затем они продолжали свой путь и почти уже оканчивали его, когда Ивану вдруг послышался шум в кустах, там были какие-то животные.

Для ружья Ивана годилась всякая дичь, и так как во время прогулки он не встретил дичи, заслуживающей выстрела, то ему очень хотелось убить какое-нибудь животное прежде, чем вернуться на пирогу. Алексей ничего не имел против того, чтобы он отошел на минуту, и обещал подождать его на берегу.

Если бы он знал, какого рода дичь собирался преследовать его брат и с какими животными придется ему иметь дело, он пошел бы с ним, или, что еще вероятнее, помешал бы ему. Но он вообразил, что дело идет просто о стае обезьян, так как их водится несколько пород в лесах по реке Напо, и некоторые из них умеют даже подражать крику других животных. Со стороны же обезьян

не могла грозить опасность, так как среди американских четвероруких нет способных успешно бороться с человеком.

Глава 24

ПЕКАРИ

Прошло не более пяти минут с тех пор, как Иван вошел в лес, когда среди деревьев послышался ружейный выстрел, за которым почти тотчас же последовал второй.

Алексей хотел уже идти посмотреть, в кого стрелял его брат, как вдруг услышал гул многих, пронзительных и неопределенных криков, между тем, как непрерывный треск ветвей и шум листьев выдавали присутствие в этих зарослях нескольких сотен живых существ. В ту же минуту послышался голос Ивана, испускавшего отчаянные крики. Затем юноша показался из лесу и во всю прыть побежал к брату; взгляд его был полон ужаса, как если бы за ним по пятам гнался страшный враг.

— Беги, беги! — закричал он. — Они меня преследуют, бегут по моим следам!

Некогда было спрашивать, кто его преследует. Бежать, очевидно, было необходимо, раз храбрый Иван испытывал такой сильный страх, и Алексей, не спрашивая, пустился бежать вместе с братом. Оба направились к мысу, надеясь, что успеют вовремя спастись в приближавшуюся лодку.

Они не пробежали по песку и дюжины шагов, как из куста, который они только что миновали, выскочило множество странных существ: в несколько секунд их появилось не менее двухсот!

Это были четвероногие с серовато-коричневою шкуркой, величиной не более полувзрослых свиней; в них нетрудно было узнать пекари. Все они мчались вперед с разинутой пастью, подняв хвосты вверх, щелкая челюстями, как кастаньетами, и притом испуская резкие, отрывистые крики, в значении которых нелья было ошибиться.

Как только Алексей их увидел, он понял опасность, которой подвергался вместе с братом. Он читал и, кроме того, слышал от португальского купца и индейцев-гребцов, насколько опасны нападения этих свирепых ма-

леньких животных, от которых многим охотникам удалось спастись лишь тем, что они влезали на дерево. Если бы было время раздумывать, молодые русские убежали бы в лес, вместо того, чтобы стремиться к реке. Но было слишком поздно; пекари отрезали им путь в сторону леса, и им ничего больше не оставалось, как положиться на быстроту своих ног, чтобы как можно скорее достичь лодки. Они и бросились по этому направлению, по пятам преследуемые своими врагами.

К несчастью, песок был неровен от множества ямок, вырытых черепахами для яиц, и беглецы, несмотря на страх, медленно продвигались вперед. Преследовавшие их животные тоже бежали не так скоро, как по твердой почве, но все же приближались и братья начинали бояться, что не успеют вовремя добежать до лодки.

Они находились от нее еще на расстоянии полутора-ста сажень. Индейцы видели положение своих спутников и понимали его опасность, понимали слишком даже хорошо, так что на их помощь нечего было рассчитывать. Что же касается Пушкина, то он не мог бы сделать и шагу, хотя дело и шло о жизни его молодых господ. Это была минута ужасной муки для старого солдата. Он схватил свое ружье и выпрямился, но больше сделать ничего не мог.

В эту минуту внимание Алексея привлек один предмет, который мог их спасти, или, по меньшей мере, временно защитить от опасности. Это было дерево, не стоячее и живое, а мертвое дерево, опрокинутое на песок, с оборванными листьями, корою и большинством ветвей; оно, без сомнения, было принесено сюда водою во время последних наводнений. Охотники были от него всего в ста шагах. Алексей надеялся, что до него они еще успеют добежать прежде, чем их настигнут пекари, и найти убежище на его стволе или среди ветвей. Самые толстые ветви уцелели и поднимались над песком на несколько аршин в большей своей части скрытые под кучами сухой травы, засевшей на них во время подъема воды. Впрочем, ничего другого и не оставалось делать. Наши два охотника находились в эту минуту в положении утопающего, который хватается за соломинку. Поэтому Алексей, быстро оглянувшись назад, чтобы судить о расстоянии, еще отделяющем их от врагов, крикнул Ивану следовать за ним по направлению к дереву.

При приближении к нему они могли лучше взвесить шансы спасения, представлявшиеся им, и убедились, что если они вовремя добегут до него, то еще ничто не потеряно. Итак, они удвоили усилия и, при помощи величайшего напряжения, достигли-таки спасительного дерева прежде, чем их самих настигли пекари.

Да и вовремя. Едва успели они сесть на ствол и поджать ноги, как свирепое стадо в несколько секунд окружило их со всех сторон. К счастью, дерево, на котором они спаслись, образовывало на песке нечто вроде довольно высокого барьера. Оно принадлежало к породе исполинских хлопчатников тропических лесов, и его ствол, имеющий в диаметре более двух аршин, целиком возвышался над почвой.

Однако они еще далеко не были вне всякой опасности. Пекари, продолжавшие ожесточенно преследовать их, начали скакать вдоль дерева, стараясь допрыгнуть до охотников. Время от времени самым прытким это почти удавалось; передние лапы царапали верх ствола, и если бы наши охотники не отгалкивали их прикладом ружья, то были бы захвачены на своей баррикаде. Каждый из них крепко ухватился за ствол своего оружия, то угрожая им нападающим, то ударяя по голове тех, которые подступали слишком близко. В течение всего этого времени пекари яростно ворочали и щелкали зубами; можно было подумать, что сразу взрываются сотни пегард.

Не переставая защищать свою позицию, оба брата постепенно подвигались к высоким ветвям, представлявшим для них более надежное убежище. Но по временам им приходилось останавливаться и рассыпать новые удары прикладом. Наконец им удалось достичь самых длинных ветвей, и каждый из них, выбрав себе достаточно голстую, чтобы она могла выдержать его, влез по ней на верхушку дерева. Здесь они могли не опасаться пекари, так как, хотя теперь эти животные и могли взобраться на главный ствол, что некоторые из них уже и сделали, но все усилия их подняться на ветви были напрасны, и те, которые попытались это сделать, скатились на песок.

Наши охотники, очутившись вне опасности, не могли удержаться от радостного возгласа, на который им отвечали криками с лодки; в этих криках легко было разоб-
рать громоподобный голос Пушкина.

Однако, окруженные со всех сторон, они еще долж-

ны были заставить осаждающих снять осаду; они об этом и раздумывали, когда их взгляд привлекли новые обстоятельства.

Глава 25

ЯГУАР

Их бегство на ветви привлекло в эту сторону часть их врагов, и, испустив свой радостный крик, охотники увидели, как вдруг заметались под ними пекари среди тех ветвей дерева, которые лежали на земле. Часть их была совершенно покрыта сухой травой, и там укрывался страшный зверь, вдруг представший пред взорами осажденных и осаждающих. Этим новым действующим лицом в разыгрывающейся драме было животное внушительного вида и роста, перед которым пекари казались толпой лиллипутов. То был их прирожденный враг — ягуар.

Был ли он разбужен криками наших юных охотников или потревожен в своем логовище пекари, или же его появление вызвали обе эти причины?

Как бы там ни было, зверь одним прыжком вскочил на ствол дерева и остановился на нем. Одну минуту он продержался неподвижно, поворачивая глаза то к ветвям, где прятались молодые люди, то в сторону леса. Казалось, он был в нерешимости, и это колебание, все время, пока оно продолжалось, не могло не пронести на наших героев самого неприятного впечатления. В самом деле, если ягуар нападет на них, их гибель можно считать неизбежной, ибо он разорвет их на ветвях; если же они свалятся на песок, то их растерзают пекари.

К счастью, эти последние, как только показался ягуар, бросились на него со всех сторон, и он, чтобы избавиться от них, вскочил на ствол дерева. Здесь наконец решился на что-то. Испуская ужасное рычание, он начал наносить удары когтями, и при каждом ударе один из его врагов катился на песок, воя и корчась в предсмертных муках.

Во время всех этих событий Алексей сохранял присутствие духа, что быть может положило конец драме и спасло жизнь ему и брату.

Его карабин был еще заряжен, так как он понял, на-

сколько бесполезно было стрелять в двести нападающих, с которыми они вначале имели дело. Он мог убить лишь двух или трех из них, чем, вместо того, чтобы напугать остальные, только удвоил бы их ожесточение. Поэтому он сохранил свой заряд. Теперь момент казался ему подходящим, чтобы воспользоваться им; он решил избавиться от ягуара, пустив в него пулю.

Вскинуть ружье на плечо и прицелиться было для него делом одной минуты. Раздался выстрел, и наши герои тотчас же с удовольствием увидели, как рыжее и пятнистое чудовище приникло к стволу, потом упало на песок, где в одну секунду было окружено стадом пекари, которые со всех сторон набросились на него, испуская бешеные крики.

Опять-таки к счастью, пуля Алексея только ранила ягуара. Если бы он был убит наповал, пекари принялись бы раздирать его на месте, на что им потребовалось бы всего несколько секунд. Но у него была лишь перебитая одна лапа; и он решил бежать на трех остальных в сторону леса. Свирепая стая свиней последовала за ним, перенеся на этого нового врага весь свой гнев и, казалось, совершенно забыла о своих первых противниках, которых оставила спокойно сидеть на ветвях хлопчатника.

Удалось ли пекари умертвить ягуара, или же лесной тиран, хотя и был ранен, смог избавиться от их страшного

нападения? Наши юные охотники не полюбобпытствовали пойти посмотреть на развязку этого странного боя. Равным образом они не позаботились и подобрать мертвых. Иван совершенно отказался от желания попробовать мясо пекари, и, как только их враги скрылись из вида, оба брата соскочили на землю и во всю прыть побежали к лодке. Они достигли ее без новых приключений, и гребцы, проворно действуя веслами, вскоре вывели лодку на середину реки, где можно было не опасаться ни ягуаров, ни пекари.

Через несколько дней путешествия, не лишённого интереса и различных приключений, наши охотники прибыли, наконец, в Арчидону, городок, от которого начинается судоходство по Напо и где обыкновенно садятся на пароход те, которые из окрестностей Квито едут в долину Амазонки.

До сих пор страна, которую они проезжали, была настоящей пустыней. Им попалось всего несколько мелких, поселков, называемых миссиями, где священник, принадлежащий к какому-нибудь религиозному ордену, живет среди двух или трех сотен индейцев-полухристиан, которыми управляет по своему усмотрению.

Из Арчидоны в Квито ездят обыкновенно верхом, на лошади или на муле; но наши путешественники непосредственно не направлялись в этот город. Между ними и древнею столицею Перу находилась восточная цепь Анд, а на ее склонах или в ее долинах они, вероятно, и встретят тех животных, за которыми ехали так далеко. Обыкновенно медведи водятся на самом Напо, выше Арчидоны, наподолеку от того места, где река, питаемая снегами великого вулкана Котопахи, стекает с горных высот; туда они и решили отправиться.

Достав себе мулов и проводника, они продолжали путь и, после трехдневного путешествия, в течение которого охотники в виду трудностей дороги сделали никак не более восьмидесяти верст, они очутились среди холмов образующих первые отроги Анд, у подножия Котопахи, конус которого, покрытый снегом, поднимался над их головами на недостижимую высоту.

Здесь они находились в настоящей медвежьей области; им оставалось только основаться временно в какой-нибудь деревне и приготовить к охоте.

Городок Напо, обязанный своим именем реке, близ которой расположен, и поднимающийся среди леса, впол-

не подходил к их планам. Итак, установив там свою временную резиденцию, они тотчас же принялись за поиски черного медведя Кордильерских гор.

По обыкновению, они взяли для услуг туземца, причем выбор их пал на метиса, единственным ремеслом которого служила охота. Он принадлежал к классу тигреро, то есть тигровых охотников, называемых так по имени животного, с которым они главным образом воюют. Во всей испанской Америке имя тигра неправильно присвоено ягуару по причине его пятнистой шкуре.

Однако, хотя профессией метиса и была охота на ягуаров, он не брезговал и медвежьими шкурами, когда какому-нибудь из этих животных случалось сменить высокие горы на более теплую область, где живут ягуары. Медведи не во всякое время года встречаются в этих долинах, так как, хотя *ursus frigulegus* и живет под тропиками, но не любит чересчур жаркого климата. Он также не живет на холодных плоскогорьях, тянувшихся по соседству с вечными снегами. Он предпочитает умеренную температуру и находит ее, как мы уже сказали, на возвышенностях, образующих первые отроги восточных Анд. Там находится его настоящая родина, можно сказать, его колыбель, и там же проводит он большую часть своей жизни. Тем не менее, во время года, соответствующее нашему лету, он спускается в нижние долины. Что он там делает? Алексей задал этот вопрос тигреро. Ответ был столь же курьезен, как лаконичен:

— Ест негрскую голову (*Come la cabeza del negro*).

— Ха-ха-ха! Есть негрские головы! — повторил Иван, недоверчиво смеясь.

— Да, сеньорито, да! — утверждал охотник, — именно это его и привлекает.

— О, кровожадный зверь! — воскликнул Иван, — неужели он убивает бедных чернокожих, чтобы съесть их головы?

— Нет, нет! — возразил тигреро, улыбаясь в свою очередь, — это не то.

— Что же это тогда означает? — нетерпеливо спросил юный русский. — Я слышал, что есть табак, называемый «негрской головою», уж не любит ли он этот табак?

— Карамба! Нет, сеньорито, — отвечал охотник за тиграми, тоже засмеявшись, — зверь любит вовсе не жвачку. Вы это сейчас увидите. К счастью, у нас теперь такое время года, когда он может удовлетворить свою

страсть, иначе было бы потерей времени искать здесь медведей. Нам пришлось бы тогда идти выше в горы, где их труднее открыть и выслеживать. Но нет сомнения в том, что мы спугнем одного из них, когда придем к негрским головам. Теперь их орехи полны тем сладким молочным тестом, до которого так лакомы медведи, и в одной версте отсюда есть целые леса этих деревьев. Я ружаюсь за то, что мы там найдем медведя.

Хотя это полуобъяснение далеко не удовлетворило любопытства юных охотников, они доверчиво последовали за тигреро.

Пройдя около версты, они очутились в плоской долине, или скорее на равнине, покрытой странною растительностью. Казалось, будто это лес из пальм, стволы которых ушли в землю и лишь верхушки остались над почвою. У некоторых из них был ствол от десяти до двадцати дюймов высоты, но большинство казались совершенно вкопанными в землю, кроме листвы, которая у всех развивалась одинаково мощно. Среди каждого такого большого пучка блестящих и продолговатых листьев виднелось известное количество крупных закругленных предметов, очевидно плодов этого растения, которые издали в самом деле походили на головы африканцев.

Это была попросту роща тагуа, как называют перуанцы растительную слоновую кость.

Эти странные деревья, принадлежащие к породе пальмовых, имеют две разновидности, отличающиеся одна от другой только размеров плодов. Перуанские индейцы употребляют листья и той и другой на покрытие своих хижин; но это дерево обязано своею известностью особенно плодам одной его крупной разновидности.

Эти плоды имеют треугольную, продолговатую форму и заключены по несколько штук в общую оболочку. Будучи еще неспелыми, они наполнены жидкостью, не имеющею никакого вкуса, но которую индейцы считают очень прохладительным напитком. Немного позже эта вода, сначала очень прозрачная, принимает цвет и густоту молока, затем обращается в белое тесто. Когда плод совершенно созревает, это тесто приобретает цвет и плотность слоновой кости. Эта растительная слоновая кость с незапамятных времен употреблялась индейцами на пуговицы, курительные трубки и множество иных мелких вещей. С некоторого времени ее обрабатывают на европейских фабриках, и так как она много дешевле, нежели

настоящая слоновая кость, и во многих предметах необходимости или роскоши может ее заменить, то торговля ею приняла довольно значительные размеры.

Глава 26

ТАГУА

Но как бы ни любили индейцы «негрскую голову» и как бы ни ценили европейские негодяи растительную слоновую кость, есть четвероногое, питающее не меньшее пристрастие к плодам тагуа: это черный медведь Андских гор (*ursus frigulegus*). Чтобы пользоваться ими, он, разумеется, не ждет, когда они обратятся в слоновую кость. Такой орех был бы слишком тверд даже и для его крепких челюстей. Он его любит в незрелом виде, когда корка плода еще не отвердела. Полуспелый орех служит для него таким лакомством, что в это время года можно быть уверенным, что встретишь черного медведя всюду, где только растут тагуа, и как только он примется смаковать «негрскую голову», он становится равнодушным ко всякой опасности и не всегда уходит прочь, даже при приближении человека.

Наши охотники вскоре убедились в этом, так как едва они вошли в рощу тагуа, как заметили следы медведя и почти в ту же минуту увидели само животное, занятое едой.

Алексей, Иван и Пушкин готовились пустить в него по пуле, когда они, к большому своему удивлению, увидели, что тигреро вскочил на свою проворную лошадку, пришпорил ее и галопом промчался мимо них, прямо к зверю. Они забыли предупредить своего проводника, что желают сами убить медведя, и потому ничего не сказали и остались простыми зрителями, предоставив ему действовать по своему усмотрению.

Очевидно, он собирался покончить с медведем особенным способом. Они не могли в этом сомневаться, видя у него в руке кожаный ремень с петлей на конце. Они узнали знаменитое оружие южных американцев «лассо», но никогда не видели, как оно употребляется, рады были представившемуся теперь случаю.

Когда всадник очутился шагах в двадцати от медведя, тот всполошился и начал удаляться, но медленно и с

таким видом, будто ему жаль было покинуть поле сражения. В этом месте тагуа находились на довольно большом расстоянии одна от другой, и большинство из них были слишком малы, чтобы скрыть медведя от глаз зрителей, которые таким образом не пропускали ни одной сцены из этой своеобразной охоты.

Она продолжалась недолго. Медведь, заметив, что всадник нагоняет его, вдруг обернулся и, сердито ворча, поднялся на задние лапы, как бы ожидая его в этой вызывающей позе. Однако при приближении охотника, он, по-видимому, струсил и снова грузно побежал между кустами. Но, едва успев сделать несколько шагов, он, раззадоренный криками своего врага, остановился и снова обернулся, опять поднявшись на задние лапы.

Именно этого и ждал охотник, и прежде чем медведь успел опуститься на четыре лапы, чтобы продолжать свое бегство, длинный ремень взвился в воздухе, и зверь почувствовал, как на плечи ему упала петля. Ошеломленный этим нападением, он попытался освободиться от лассо; но ремень был так тонок, что еще туже затянули ему петлю вокруг шеи.

Между тем, кинув лассо, охотник сделал полуоборот и, стиснув бока своей лошади, пустил ее галопом в противоположном направлении. Можно было предположить, что, спасаясь от нападения медведя, он старался от него ускакать. Ничуть не бывало. Лассо, один конец которого обвился вокруг шеи зверя, другим концом было крепко привязано к крюку, вделанному в деревянное седло. В ту минуту, как лошадь побежала, ремень натянулся, дернул медведя, и он опрокинувшись на землю, стал по ней волочиться, то подпрыгивая над землей, то с шумом продираясь через кусты.

Лошадь и медведь промчались таким образом по равнине около версты. Пушкин и молодые люди последовали за ними, чтобы быть свидетелями развязки, которая не представила ничего особенного. Когда, наконец, проводник остановился, и наши путешественники подъехали к нему, они увидели лишь какую-то косматую массу, настолько покрытую пылью, что она походила на кучу земли. Это был уже мертвый медведь; но, боясь, как бы он не пришел в себя, тигреро соскочил с лошади и всадил ему свой нож между ребрами.

Таков в его стране способ ловить медведей — объяснил тигреро. Но так как этот медведь был убит при ус-

долинах, не позволяющих юным Гродоновым включить его шкуру в свою коллекцию, то тигреро оставил ее себе. Однако они вскоре отыскали второго медведя среди тагуа, и этот, будучи убит наповал одновременными выстрелами Алексея и Пушкина, доставил им шкуру, добытую при условиях, вполне соответствующих предписаниям барона. Следовательно, их миссия была закончена, поскольку она касалась *ursus frigulegus*, и им больше нечего было делать в этой местности. Его большеглазый собрат, «хукумари» испано-американцев, живет в гораздо более возвышенных областях, и, чтобы его встретить, приходилось взобраться по крутым откосам Кордильер.

В самом деле, они настигли его в одной из возвышенных долин, известной у перуанцев под именем Сьерры. Животное занималось опустошением маисового поля, совсем подле того «тамбо» (род амбара), в котором путешественники провели ночь. Медведь был настолько поглощен этим занятием, что ничего не видел кругом, и наши охотники, осторожно приблизившись к нему, могли выстрелить в него почти в упор. Этот единственный выстрел распростер его на земле насмерть.

Путешественники, сняв с него шкуру, снова сели на своих мулов и направились к древней столице северного Перу.

Глава 27

НА СЕВЕР!

Отдохнув несколько дней в Квито, наши охотники отправились в маленький портовый город Барбакоас, где сели на пароход, шедший в Панаму. Затем они доехали по перешейку до Порто-Бельо и снова пустились оттуда по морю в Новый Орлеан, на р. Миссисипи. Их целью было приняться за поиски северо-американских медведей, в том числе и полярного медведя, живущего также на севере Азии, на которого им из-за их маршрута, удобнее было встретить на американском материке. Алексей знал, что черный медведь (*ursus americanus*) водится всюду на этом материке, от Гудзонова залива до Панамского перешейка и от Атлантических берегов до Тихого океана. Кроме того, этот медведь живет не только в горных цепях, — его встречают и на равнинах. Правда, в тех

местностях, где обосновался человек, медведь был оттеснен к горным областям, служащим ему убежищем против охотников. Но, когда ничто не стесняет его врожденных привычек, он настолько же любит и лесистые ущелья, и чувствует себя под тропиками так же хорошо, как в лесах Канады.

Поэтому нашим юным охотникам представлялась на этот раз полная свобода выбирать тот или иной путь; но так как нигде нет такого множества черных медведей, как в Луизиане, то они решили, что самое лучшее будет начать оттуда свою охоту. В самом деле, в обширных лесах, еще покрывающих большую часть этой области и главным образом, по берегам «байу», особого рода лагун, вокруг которых болотистая почва и многочисленные кипарисы, увешанные испанским мхом, препятствуют всяким культурным начинаниям,— еще свободно бродит медведь и его нетрудно там встретить.

В этой стране практикуется несколько способов охоты на медведей, при чем чаще всего используются ямы, куда они падают, после чего их и хватают. Но плантаторы забавляются также медвежьей охотой с собаками, и подобная охота редко бывает неудачной. Дело в том, что преследуемый медведь влезает обыкновенно на дерево, а в таком случае нет ничего легче, как сбить его оттуда ружейными выстрелами.

Наши путешественники остановились на этом роде охоты и вскоре нашли то, чего искали. Русский консул в Новом Орлеане дал им рекомендательное письмо к знакому плантатору, жившему около одной из «байу», внутри страны, и тот поспешил предоставить в распоряжение гостей себя, своих лошадей, собак и весь дом.

Глава 28

СЕВЕРНЫЕ ЛЕСА

Как только прибыли охотники, плантатор приступил к устройству большой охоты и разослал приглашения своим соседям. Каждый должен был привезти своих собак, чтобы иметь возможность занять значительное про-

странство леса. Это распространенный обычай среди южных плантаторов.

Обыкновенная дичь в южных штатах — американская лань, которая встречается в значительном количестве. Это единственная порода, водящаяся в Луизиане, потому что благородный олень или, как его ошибочно называют, лось, не заходит так далеко на юг. На берегах Тихого океана он, однако ж, встречается гораздо южнее нежели на берегах Атлантического.

Кроме лани, луизианский плантатор охотится за серую лисицу, за рысью или дикою кошкою, и по временам, но гораздо реже, за кугуаром, который от собак, если их много, спасается на деревьях.

Но самую крупную дичью считается медведь, и случай поохотиться за этим зверем тем более ценен, что не представляется ежедневно. Но чтоб открыть берлогу Мишки, иногда необходимо проникать в самые густые, непроходимые чащи леса, за несколько верст от плантаций. Но расстояние это не мешает старому медведю подходить к поселениям и лакомиться маисом и сахарным тростником, ибо он, как все его соплеменники, чрезвычайно любит сладкое.

В этом отношении он очень похож на бурого медведя, но во всем другом оба вида до такой степени различаются, что трудно понять, каким образом натуралисты могли считать их одной породой.

Они различаются не одним только цветом. В то время как мех бурого медведя, растущий пучками, походит на нечесанную шерсть, мех черного американского медведя очень гладок и блестящ. С этой точки зрения черный медведь больше похож на медведя азиатских островов, нежели *ursus arctos*, от которого он отличается и в других не менее существенных отношениях. Он меньше, морда у него длиннее и острее, профиль более согнутый, а сам он гораздо мягче нравом.

Так как охота не могла состояться раньше трех дней, то братья решили употребить это время на осмотр тропических лесов, которых они вблизи никогда еще не видели.

Плантатор отправился к соседям и друзьям с приглашениями, а братья Гродоновы в сопровождении одного только негра отправились в лес. Пушкин остался дома заняться починкою дорожных принадлежностей.

Глава 29

БАЙУ

Охотники скоро вышли из возделанной местности и вступили в темный и величественный лес. Они слышали об одной байу или пруде, лежавшем недалеко, который должен был быть весьма любопытен и направилась туда.

Когда они прибыли на берег пруда, они действительно увидели странное зрелище. Птицы и разных форм пресмыкающиеся, казалось, покрывали всю его поверхность. Здесь плавали сотни аллигаторов. По временам, подымая огромные хвосты, они били поверхность воды с шумом, раздававшимся по всему лесу. Блестящий предмет, в котором можно было узнать рыбу, вылетал при этом из воды и тотчас же попадал в пасть кому-нибудь из них. Множество водяных птиц разных видов занималось рыболовством. Пеликаны, стоя в воде, погружали в нее свои длинные клювы и вылавливали свою жертву. Были здесь цапли, журавли и даже большой луизианский журавль, хохлачи, чайки, секретари, но красивее всех — красный гусь или фламинго.

Другие птицы, не принадлежащие к числу водяных, также участвовали в этой странной сцене. Над озером летали черный коршун и ворон, а на сухом дереве сидел великолепный белоголовый орел. Пониже рыболов-орел следил за всеми движениями на воде и по временам схватывал на лету рыбу, взбрасываемую в воздухе хвостом аллигатора, похищая таким образом у пресмыкающихся добычу, которую отнимал у него иногда опасный сосед.

Сцена была шумная. Глухой рев аллигаторов, шум от ударов хвостами по воде, крик пеликанов и щелканье их челюстей, жалобные голоса цапель и журавлей, клекот орлов — из всего этого получался чрезвычайно оригинальный концерт.

Выстрел Ивана, сваливший великолепного орла, положил конец этой пустынной драме и возвестил о прибытии охотников на берега байу. Птицы разлетелись в разные стороны, а чудовищные пресмыкающиеся, которых охотники научили бояться соседства человека, поспешили скрыться в тростниках противоположного берега.

Подобрав убитого орла, братья продолжали путь по берегу. Вскоре они вступили в тенистую полосу, еще недавно покрытую водой; несмотря на действие солнечных лучей, земля была еще свежа. С первого же взгляда они замечали след, показавшийся им человеческим, но в котором они сейчас же узнали медвежий. Негр подтвердил что.

— Да, это медвежий след,— сказал он, вытаращив глаза.— След большого медведя. Сэм его знает. Ха, ха! Медведь также приходил на рыбную ловлю, ха, ха, ха!

И негр смеялся своей шутке, когорую считал остроумной.

Присматриваясь к следам, братья убедились, что они действительно были медвежьи, но гораздо меньше тех, какие они видели в Лапландии. Отпечатки казались так свежи и недавни, что охотники невольно начали осматриваться по сторонам.

Вероятно, медведь, перед самым их приходом был на берегу и ушел в лес, встревоженный выстрелом Ивана.

— Как жаль, что я не оставил орла в покое! — воскликнул Иван.— Мы могли бы стрелять по медведю. А теперь что нам делать? Не укрылся ли он за этими огромными штабелями поваленного леса?

И Иван показал на небольшой полуостров, вдававшийся в байу, шагах в тридцати от них. Он соединялся с берегом узким илистым перешейком, но его оконечность на несколько сажень была покрыта сухим лесом, наваленным во время наводнения.

— Это возможно,— отвечал Алексей,— место очень удобное.

— Пойдем, посмотрим. Если он там, то не уйдет от наших пуль, а я слышал, что американского медведя убить гораздо легче, чем нашего.

— Это смотря по обстоятельствам; и черный медведь иногда энергично защищается.

И братья подошли к перешейку.

— Как жаль,— сказал Иван,— что здесь лежит это бревно, а то мы могли бы видеть следы.

Иван говорил об огромном дереве, сваленном вдоль перешейка, и представлявшем из себя что-то вроде мостика. Но ведь зверь мог пройти и по бревну, и братья решились перебраться тем же путем на полуостров.

Вдруг Алексей, остановясь, наклонился

— Что ты там увидел? — спросил Иван.

— Следы медведя.

— Ты думаешь? Где же?

Алексей указал брату на кору дерева, на котором виднелись не медвежьи следы, но грязные пятна, свидетельствовавшие о недавнем проходе животного.

— Нет никакого сомнения. Это та черная грязь, на которой мы только что видели его следы.

— Я тоже так считаю.

Братья Гродоновы приготовили ружья и осторожно пошли по бревну на полуостров.

Глава 30

НЕГР ВЕРХОМ НА МЕДВЕДЕ

Как только охотники вступили на полуостров, а негр, следовавший за ними, шел еще по бревну, вдруг послышалось громкое ворчанье и из-за костра появилась черная масса. Узнав медведя, Иван и Алексей вскинули ружья. В тот момент медведь стоял на задних лапах, но потом принял горизонтальное положение, так что братья не имели возможности хорошенько прицелиться. Гродоновы опять прицелились, но медведь бросился с ревом и пробежал мимо них с такою быстротою, что пришлось выстрелить наудачу. Иван выстрелил, но безуспешно; пуля ударила в бревно позади медведя. Медведь и не думал нападать на них, а продолжал бежать, пытаясь скрыться в лесу. Негр, видя приближение страшного зверя, закричал от испуга и попробовал было задать стрелка.

Напрасно! Не успел он сделать нескольких шагов, как медведь, более опасаясь двух противников, следовавших за ним, нежели стоявшего впереди, кинулся вперед, и его морда, голова, и, наконец, шея очутились между ног у негра. Последний растерялся; он чувствовал, что подымается, и скоро действительно сидел верхом на медведе лицом к хвосту. Он мог бы далеко уехать подобным образом, но, не найдя удовольствия в таком путешествии, старался всеми силами отделаться от своего скакуна.

Потеряв равновесие, он свалился, увлек своим падением медведя, и оба погрузились в грязь. С минуту они возлились, медведь с ворчаньем, а испуганный негр ис-

пуская дикие крики. Наконец Мишка встал на лапы и побежал, что есть силы.

Алексей послал ему вдогонку заряд, но пуля ускорила только его бегство, и прежде чем негр вскочил на ноги, медведь уже скрылся из вида.

При виде негра, перепачканного в грязи, братья не могли удержаться от смеха. Но они все-таки зарядили ружья, с намерением погнаться за зверем.

Они не могли, однако, успеть за ним без помощи собак и хотели уже послать на плантацию, но вскоре убедились, что обойдутся и без их помощи. Жидкая грязь, которою напиталась шкура медведя, оставляла след везде, где он проходил, а потому братья решились идти покуда можно по этим указаниям. Не успели они сделать и трехсот шагов, как след оборвался у корня огромного дерева.

Осмотрев кору, они увидели и грязные пятна и большие царапины. Положим, царапины были старые, но две или три показались совершенно свежими, и, кроме того, на коре виднелись следы еще не высохшей грязи. Деревом была смоковница, следовательно, листва была не очень густа; но по ветвям висели длинные фестоны испанского мха, среди которых мог очень удобно укрыться медведь. Осмотревши смоковницу, охотники убедились, что медведь не мог скрываться между мхом, но что не-

пременно спрятался в дупло, отверстие которого между двумя толстыми ветвями могло быть видно только с одной стороны.

Глава 31

СМЕРТЬ МИХАЙЛЫ ИВАНЫЧА

Каким же образом заставить его выйти оттуда?

Охотники пробовали кричать, стучать о дерево, но все было безуспешно.

Осматривая потом внимательно грязные пятна, Алексей и Иван заметили в них следы крови и решили из этого, что зверь ранен и, следовательно, не было надежды заставить его выйти из убежища.

Раненый черный медведь забирается обыкновенно в первое дупло, где и остается до смерти, и Гродоновы, зная этот его обычай, решились срубить дерево.

Негр тотчас же был послан на плантацию и возвратился с полдюжиной товарищей с топорами, под предводительством Пушкина. На старую смоковницу посыпались дружные удары, и через час она с шумом повалилась на землю, сломив некоторые молодые деревца. Братья, рассчитывая, что зверь появится в ту же минуту, навели ружья на отверстие дупла, но, к величайшему их изумлению, медведь не подавал ни малейшего признака своего присутствия.

Пушкин опустил в дыру палку сперва осторожно, а потом начал пробовать изо всей силы, однако, медведь не шевелился.

Тогда решились перерубить дерево на том месте, где предполагали животное, и когда это сделали, увидели и медведя, который оказался мертвым. Пуля Алексея нанесла ему смертельную рану.

Здесь же Гродоновы узнали от негра странный факт: дупло дерева, куда часто уходит спать медведь, редко бывает много шире его туловища. В большинстве случаев оно бывает так узко, что он не может поворотиться. Значит, он должен спать стоя или скорчившись. Из этого можно заключить, что медведю все равно — стоять ли на двух лапах, или на четырех, или, наконец, лежать.

Медведь, убитый нашими охотниками, принадлежал к

числу самых крупных экземпляров своей породы, и мех его, обмытый и очищенный, оказался достойным занять место в их коллекции.

В этом отношении подвиг их был совершен, но они еще прогостили некоторое время у гостеприимного хозяина.

В честь их была устроена охота на ланей, на которой убили также кугуара — событие более редкое, нежели смерть медведя, так как кугуар встречается теперь весьма не часто в лесах Северной Америки.

Плантатор приготовил для своих гостей другое развлечение — барбекуе, род праздника, весьма распространенного у обитателей самых отдаленных американских лесов, и за свою оригинальность заслуживающий хотя бы краткого описания.

Глава 32

СКВАТТЕР

Как мы уже сказали, барбекуе — праздник, характерный для новых поселений, основанных в сердце американских лесов, хотя используется и в старых Штатах, где он нередко служит предлогом для больших политических собраний, разных избирательных движений. Заимствованные украшения и усовершенствования, которые придают ему в этих случаях, лишают его естественного характера.

Когда Алексей и Иван вышли рано утром на прогулку и забрели на поляну, избранную для деревенского праздника, они нашли там шумную толпу. На одном конце горел костер, достаточный не только чтоб зажарить быка, но и чтобы устроить целое жертвоприношение, и тут же рядом с полдюжины негров рыли яму, занимаясь болтовней. По окончании работы эта яма была футов четырнадцати в длину, семи в ширину и фута четыре в глубину. Ее обложили гладкими камнями. Когда сгоревший костер превратился лишь в массу горящих углей, все это сгребли лопатами в яму. Другие негры приготовили множество длинных жердей, из которых над ямой устроили огромную решетку. Бык, убитый накануне и составлявший главный предмет пира, был разрублен надвое и положен на решетку. Старший хозяйский повар, при помощи не-

скольких соседних поваров, распоряжался операцией. Временами он налаживал человек двадцать переворачивать бифштекс, между тем, как сам посыпал поджарившееся уже мясо смесью из перца, соли и разных трав.

Утро быстро прошло в этих приготовлениях, совершенно новых для наших путешественников. В полдень съехались гости с ближайших плантаций и соседних поселений. Самый старый, твердый бык не мог бы устоять против описанной нами жаровни, и тот бык, о котором мы выше упомянули, был зажарен превосходно. Гости уселись под тенью деревьев за накрытыми столами. После говядины, следовал картофель, печеный в золе, потом золотистый манс. Все это запивалось превосходным сидром, а к десерту подан был по стариинной моде пудинг вместе с сочными туземными плодами. За пиршеством господствовала безграничная свобода.

Потом следовали тосты и рассказы. Один из них произвел особенное впечатление на путешественников: во-первых, речь шла о медведях, а, во-вторых, описывалась одна из сторон жизни скваттера — так называются смелые пионеры, расчищающие девственные американские леса и обрабатывающие эти земли. Алексей записал этот рассказ в свой дневник.

Верстах в двенадцати или в пятнадцати от одного небольшого городка, поблизости друг от друга поселились два скваттера.

В окружающих лесах они нашли источник получения выгоды дополнительно к доходам, получаемым от земли. Каждый из них в свободное время поставлял в городок дрова. Таким образом между ними установилось соперничество по причине малого числа клиентов, и вскоре явились зависть и ненависть, которые неизвестно чем кончились бы, если бы не случилось одно любопытное происшествие.

У обоих было по паре волов, которые занимались попеременно то фермерскими работами, то перевозкой дров на рынок. В течение одной недели оба потеряли по одному волу, из которых один окошел от болезни, а другой был пришиблен упавшим деревом, так что пришлось его резать.

Так как одним волком невозможно было перевозить дрова в городок, то скваттеры прекратили эту торговлю, и оказались в чрезвычайно стесненных обстоятельствах

при работах на ферме. Вскоре они узнали о взаимном стеснении и обоим пришла одновременно мысль приобрести быка у соседа, чтоб иметь пару и деятельно заниматься хозяйством. Но как и следовало предполагать, оба скваттера, имея один и тот же замысел, не могли скоро разрешить дела, и время уходило в бесполезных переговорах.

И вот рано утром один из них отправился, наконец, к соседу, покончить с этим делом во что бы то ни стало. Обдумывая разные условия, он прошел лесом версты три, отделявшие его от соседа, и подходил уже к ферме, как мечтания его были прерваны шумом и ворчанием, раздавшимися сзади.

Поспешно оборотившись, он увидел медведя, вид которого не представлял ничего утешительного. Добежать до дома соседа было невозможно, пойти же на медведя — было чистейшим безумием, потому что, погруженный в свои мечтания, скваттер позабыл заpastись каким бы то ни было оружием.

В поле стояло несколько сухих деревьев; он подбежал к одному из них, надеясь продержаться, пока придут к нему на помощь. Он не ошибся. Бегая вокруг пня, он умело постоянно оставлял дерево между собою и медведем, и когда последний, поднявшись на задние лапы, с бешенством бросался на скваттера, то обнимал только пень, в кору которого глубоко вонзались его когти.

Внезапная мысль осенила скваттера, увидевшего с каким трудом медведь вытаскивал свои когти. Он схватил его передние лапы повыше когтей, и, обняв дерево с противоположной стороны, решился попытаться удержать его с вонзенными когтями, до тех пор, пока сосед не придет на помощь.

Последний услышал его крики, но вместо того, чтоб бежать, приближался медленным шагом, неся беззаботно топор на плече. Видя в каком положении находится его сосед, он подумал, что вопрос о быке разрешен, и когда несчастный кричал и просил у него помощи, он спокойно отвечал:

— С одним условием, сосед.

— С каким? — тоскливо бросил последний.

— Если я освобожу вас от медведя, вы отдадите мне своего быка.

Торговаться было некогда, и бедняк с глубоким вздо-

хом согласился... Но в момент, когда топор готов был опуститься на голову зверя, он сказал:

— Остановитесь. Этот ужасный медведь едва не заставил меня умереть от страха, и мне ничего так не хотелось бы, как убить его самому. Подержите ему лапы вместо меня, а я его прикончу.

Сосед, довольный, что достиг давно желанной цели, согласился без малейшего недоверия. Бросив топор, он осторожно схватил медведя за лапы, и приложил все усилия, чтобы удержать их в своих руках. Но, о ужас, он увидел как его коварный сосед, беззаботно вскинув топор на плечо, пошел от дерева.

— Эй! Что же вы не убиваете медведя?

— Потерпите, мне кажется, вам не очень противно постоять немного с этим медведем.

Это была обратная сторона медали. Неосмотрительный скваттер, попавший в собственную ловушку, должен был уступить соседу и не только отказался от своего недавнего требования, но еще и отдал ему своего собственного вола; тогда только медведь был убит торжествующим соседом.

Проведя еще несколько дней у гостеприимного плантатора, русские отправились в путь и поднялись вверх по Миссисипи, следуя на север.

Глава 33

ПОЛЯРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Через несколько недель после отъезда от луизианского плантатора, наши охотники уже пользовались гостеприимством совершенно другого хозяина — мехового торговца. Главная их квартира была в форте Черчилля, на западном берегу Гудзонова залива. Этот форт был некогда главным складом знаменитой компании, которая долго распоряжалась всею этою громадною территорией, называемую иногда землею принца Руперта, но более известною под именем Гудзонбайской территории.

Чтобы достигнуть форта Черчилля, они почти прямо шли на север, потом вверх по Миссисипи, потом по суше до Верхнего озера, через озеро прямо до одного из постов компании на северном берегу. Оттуда по системе речек и

омер, они прибыли в факторию Йорк и после в форт Черчилль. Тут они очутились в стране белого или полярного медведя (*ursus maritimus*), за которым должны были охотиться по условию с отцом.

Они могли бы встретить одно из этих животных в фактории Йорк и даже и южнее, так как *ursus maritimus* охотно селится вокруг Гудзонова залива. Пятьдесят пятый градус широты кажется его границею со стороны юга на американском континенте, или, по крайней мере, на берегах Лабрадора и Гудзонова залива, так как западнее этот медведь не спускается за Берингов пролив и его даже редко встречают на американском берегу пролива.

Излишне напоминать, что этот медведь живет исключительно в море, а, следовательно, и на его берегах. Его можно считать в числе морских жителей, потому что десять месяцев в году он проводит на морских льдах. В продолжение короткого северного лета, он заходит и на сушу, редко удаляясь от берегов верст на восемьдесят и никогда далее ста шестидесяти. Он придерживается течений реки и питается пресноводной рыбой.

Он пользуется также своими прогулками для поисков разнообразной пищи. Остальное время, когда замерзает не только земля, но и море на большом расстоянии, он держится в границах льда и живет рыболовством. Добычи его — разные породы рыб, тюлени, молодые моржи и даже порою детеныши кита. Он охотится за ними с таким проворством и такою ловкостью, что, кажется, здесь руководит им не один инстинкт, а как будто и обдуманная тактика.

Он плавает далеко и долго, не чувствуя усталости. Его видели в море, по крайней мере, верстах в тридцати от берега и от льдин. Его даже встречали и дальше от земли, но на огромных льдинах, и сомнительно, чтоб это средство передвижения не зависело от его выбора. Можно предполагать, что он плавает столько, сколько захочет, до тех пор, пока его не остановит голод или необходимость подкрепить силы. Он плавает, не обнаруживая ни малейшего усилия; он может даже прыгать на поверхности воды и продвигаться вперед скачками, подобно морским свиньям и другим китовидным.

Если какое-нибудь четвероногое и бывало у полюса,

то, конечно, это белый медведь, и весьма вероятно, что его владычество простирается до этой конечной точки земной поверхности. Предположить это вполне реально, если допустить, что у полюса есть свободные воды, и это можно доказать по аналогии. Отважный исследователь Парри находил белых медведей под 82°, и нет основания думать, что они не проходят по всей полярной области, как рыбы или птицы.

Самка белого медведя не имеет такой привязанности к морской жизни, как ее повелитель. Она остается на земле, если та не камениста и если при ней самой есть детеныши. Будучи беременна, медведица отходит от берега, выбирает себе берлогу и укладывается до весны. Она не ищет, подобно другим медведям, пещеры или дупла, так как в тех пустынных странах не встречается ни того ни другого. Она просто выжидает большого снега, о чем уведомляет ее инстинкт, и улегшись под камнем или в ложбинке, где снег, естественно, скапливается, лежит в ней до тех пор, пока не покроет ее белый саван. Очутясь на глубине нескольких футов, она проводит всю зиму без малейшего движения и находится в состоянии совершенной спячки. Теплота ее тела и дыхания растапливает вокруг нее снег, так что она покоится как бы в ледяной раковине.

Когда весеннее солнце начинает растапливать снаружи снег, медведица принесет пару детенышей, величиною с кролика. Она еще не может покинуть своего убежища и кормит медвежат, пока они не вырастут с лисицу и не начнут бегать. Тогда медведица взламывает замерзшую кору и отправляется к морю.

Иногда случается, что снег замерзает вокруг нее настолько крепко, что она, будучи ослаблена кормлением детенышей, не в состоянии разбить его. В таком случае она остается до тех пор, пока солнце сделает свое дело.

Северные индейцы и эскимосы ежегодно берут в берлогах сотни медведиц с медвежатами. Они открывают их различными способами, то с помощью собак, то по известным им приметам. Удостоверившись в месте нахождения животного, охотники разрывают снег и убивают медведицу копьями, или роют горизонтальный свод в снегу, накидывают зверю петлю на шею или на какую-нибудь лапу, и вытаскивают наверх.

ТРАВЛЯ СТАРОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Наши охотники уже несколько дней ходили на поиски белым медведем и сделали несколько безуспешных прогулок из форта к устьям реки Силя, впадающей в Гудзонов залив немного дальше к северу. Они отыскивали следы медведей и даже видели самих животных, но не могли приблизиться к ним на выстрел. Безлесая, совершенно ровная страна не позволяла охотникам подкрадываться незаметно. Здесь медведи попадаются редко, а больше медведицы, которые продвигаются по всей стране до опушки лесов. После четырехдневных бесполезных поисков охотники наши решились углубиться внутрь края.

Это было среди лета, когда старые медведи поднимаются вверх по течению реки, или за пресноводной рыбой, или за кореньями и ягодами, но в особенности, чтоб встретиться с самками, которые в это время робко направляются с детьми к морю навстречу прошлогодним друзьям.

На этот раз охотники наши были счастливее, потому что, не только видели целую семью, но и захватили ее всю, т. е. отца, мать и детенышей.

Поднявшись по реке Черчилля, они пошли по одному из ее протоков в нескольких верстах повыше форта. Они плыли в лодке из бересты, так как лошади почти неизвестны на Гудзонобайской территории, за исключением местностей, где имеются луга.

Во всем этом краю путешествуют в лодках и шлюпках, управляемых особыми специалистами-гребцами, известными под именем вояжеров. Все они почти всегда канадские уроженцы, по большей части смешанной крови и весьма искусны в плавании по рекам и озерам этой пустыни. Многие из них служат в Гудзонбайской компании, и в свободное время занимаются охотой для себя.

Два таких «вояжера» были предоставлены главным агентом компании в распоряжение Гродоновых, и служили им гребцами. Таким образом в лодке помещались теперь пять человек. В некоторых местах по берегам

росли густыми рядами ветлы, образуя иногда целые рощи. Вероятно охотники должны были встретить там белых медведей, особенно в такое время года. Гребцы уверяли, что на этих низменных лугах растет много луковичных кореньев, которыми эти животные лакомятся, не говоря уже о личинках разных насекомых, образующих на поверхности земли целые кучи; личинки эти медведи ищут, как самое изысканное блюдо.

Охотники наши оглядывали оба берега, то стоя в лодке, чтоб видеть поверх кустарников, то сидя, когда позволяла местность. В одном месте, где кусты росли довольно редко, им представилось зрелище, увидев которое нельзя было не покинуть лодки.

Алексей сначала не мог сообразить что же он увидел, до того была оригинальна эта сцена. Множество четвероногих различной масти, одни были почти белые, другие почти рыжие, а остальные совершенно черные. У всех, казалось, шерсть длинная, уши прямые, хвосты большие, пушистые. В движениях их также замечалось что-то странное: одни быстро бегали взад и вперед, другие прыгали, третьи, наконец, кружились около какого-то предмета, который нельзя было различить. На пространстве нескольких сажен их было от тридцати до сорока штук.

Легкий туман, висевший над лугом, мешал Алексею рассмотреть животных, которые сквозь тонкий пар казались величиною с быка; но прямые уши и длинные морды не позволяли принять их за быков, и Алексей объявил, что это, должно быть, волки. Различие цвета ничего не доказывало, потому что в этих северных странах встречаются многие разновидности волка от белого до черного. Действительно, это были волки, которым туман придавал громадные размеры.

Но Алексей скоро увидел, что волки не одни. Среди них находилось совершенно особое животное, гораздо больше, и которого молодой охотник не мог определить сразу.

При значительно большем росте оно было более самого белого волка, но с горбом на спине, и скорее представляло массу приподнятой белой шерсти, нежели четвероногое правильной формы. Между тем, это было животное, так как оно поворачивалось, и по временам делало шаг или два вперед, как бы стараясь пробиться к реке.

Очевидно, оно вело бой с волками, окружавшими его, чем и объяснялись странные движения последних, также, как и их свирепый вой, покрываемый по временам резким и жалобным криком.

— Медведь! — закричали оба гребца, — морской медведь!

Один из них приподнялся в лодке.

— Да, это старая медведица, окруженная волками, — сказал он. — Те хотят овладеть ее детенышами. Посмотрите, господа, у нее на спине один медвежонок. Однако старая ведьма держит волков в напряжении, она хочет пробиться к реке.

Охотники действительно увидели, что белый предмет среди волков — это белая медведица, и то, что они принимали за горб, оказывалось просто-напросто медвежонком, лежавшим на спине у матери и обхватившим ее шею передними лапами.

Очевидно, медведица старалась достигнуть реки, рассчитывая в воде найти убежище, куда волки не могли за нею последовать. Она даже успела сделать несколько шагов в этом направлении.

Несмотря на свою кровожадность, волки держали себя очень осторожно. У них было для этого основание, потому что трое или четверо из них уже лежали на земле без движения, а некоторые хромали и повесив голову оглашали окрестность жалобным воем.

Странно, что волки осмелились напасть на такое страшное животное. Один гребец, однако ж, объяснил в чем дело: он сказал, что медведица, без сомнения, недавно вышла из зимней берлоги, может быть, полуголодная, и наверное ослабевшая от кормления медвежат, и что волки, вероятно, гонялись за последними. Они старались отбить их от матери. Даже может быть, уже и съели одного из них, потому что другого не было видно, а у медведицы обыкновенно бывает пара детенышей.

Охотники наши не хотели долее оставаться простыми зрителями этой битвы, им захотелось овладеть медведицей и ее детенышем. С этою целью они велели грести и пристать к берегу. Братья Гродоновы и Пушкин выскочили из лодки и бросились к этому месту; гребцы остались в лодке.

ЗАХВАТ МЕДВЕЖЬЕЙ СЕМЬИ

Не успели охотники сделать и двенадцати шагов, как новое обстоятельство заставило их остановиться. Другой зверь, выскочив из кустарников, бросился к месту побоища. Это был белый медведь, гораздо больше медведицы, сражавшейся с волками, без сомнения, отец семейства, бродивший и заснувший в кустах, и не заметивший опасности, угрожавшей его самке и детям. Он спешил на помощь к своим.

Медведь мчался с быстротою лошади и через несколько секунд очутился на месте боя, которому его появление немедленно положило конец. Волки с разинутой пастью разбежались по всем направлениям. Раненые не могли уйти так скоро, и медведь по очереди убивал их ударом своей могучей лапы.

В одну минуту поле сражения очистилось, только оставались одни мертвые враги, и медведь подбежал к самке, которая обняла его за шею. Казалось, они поздравляли друг друга с благополучным исходом битвы. Только в этот момент охотники заметили, что при медведице было два медвежонка: один сидел на спине у матери, а другой держался у нее под брюхом, и она защищала также его от неприятелей.

Эти медвежата, величиною с лисицу, как только увидели себя вне опасности, которую, без сомнения, очень хорошо понимали, то сидевший на спине у матери соскочил на землю, другой вышел у ней из-под ног, и оба начали играть, катаясь по траве. Родители, казалось, любовались неуклюжими прыжками своих детей.

Несмотря на всем известную свирепость белых медведей, было что-то трогательное в этом зрелище, и охотники не решались идти дальше. В особенности Алексей, обладавший более мягким характером, нежели его товарищи, не мог не ощутить живейшего волнения при виде этой нежности, этих почти человеческих чувств. Сам Иван был тронут, и может быть, они оставили бы это семейство в покое, отправившись дальше искать нового случая для пополнения коллекции, если бы их не увлек Пушкин. Старый гренадер не поддавался этим нежным впечатлениям, и

прежде чем братья успели его остановить, выстрелил по медведю.

Неизвестно, ранен ли был зверь или нет, но едва только рассеялось облако дыма, как он, бросив самку, кинулся на Пушкина.

Ветеран колебался с минуту, что ему делать, и уже вытащил нож, приготовляясь к битве; но страшный вид противника, его громадный рост, дали ему понять на этот раз, что осторожность следовало предпочесть отваге. Гребцы кричали и звали охотников в лодку.

Алексей и Иван подождали Пушкина и когда последний присоединился к ним, они выстрелили в свою очередь. Медведь был ранен в морду, но это не остановило его бега.

Все три охотника бросились в лодку. Это было единственное убежище, так как если бы они надеялись только на быстроту своих ног, то зверь, без сомнения, очень скоро растерзал бы их.

Гребцы поспешили удалиться от берега на середину реки. Но разъяренный медведь не остановился на берегу; он смело кинулся в воду и поплыл прямо к лодке.

Охотники пустились вниз по реке и, благодаря течению и усилиям гребцов, лодка неслась с быстротою стрелы. Несмотря на все это, сделалось очевидно, что медведь выигрывает расстояние, так как с помощью лап он плыл с быстротой рыбы, делая в воде огромные прыжки. Лодочники, что называется, лезли из кожи вон, потому что знали, с кем имели дело.

Охотники начали заряжать ружья, но им было недостаточно времени, притом положение их в лодке не позволяло действовать быстрее, и прежде чем кто-нибудь успел зарядить, медведь был уже у кормы. У Ивана оставался один ствол, заряженный дробью. Он и выстрелил прямо в голову зверю, но это только усилило ярость животного.

Пушкин, бросив ружье, схватил топор, стал на колени на корме и ожидал неприятеля.

Медведь плыл от лодки не дальше, как на расстоянии одной сажени, и вдруг сделал сильный прыжок вперед. Его когти вонзились в берестовый борт лодки и оторвали от него несколько кусков. Если бы не уступила береста, лодка была бы наверное опрокинута. Зверь приготовился

к новому нападению, но в это время Пушкин изо всей силы ударил его топором по голове и разрубил ему череп.

Почти в тот же момент зверь перевернулся в воде, весь вытянулся, вздрогнул, и вскоре труп его поплыл по поверхности, словно масса белой пены.

Его сейчас же вытащили на берег и сняли с него шкуру.

Алексей и Иван охотно удовлетворились бы этою добычею и оставили бы в покое ненужных им самку и медвежат; но гребцы, не желая упускать трех шкур, предложили возвратиться и начать охоту. Предложение это было поддержано Пушкиным, который питал непримиримую ненависть ко всем медведям в мире.

Поход этот окончился быстрой смертью медведицы и взятием в плен живых медвежат, которые и были посажены на дно лодки.

Охотники наши пустились вниз по реке, но едва оставили место побоища, как стая волков вернулась сожрать не только мясо медведей, но и мертвых своих товарищей.

Глава 36

ОБНАЖЕННЫЕ ЗЕМЛИ*

Теперь Гродоновым предстояло отправиться на поиски медведя Обнаженных Земель; но для этого им пришлось совершить продолжительное и трудное путешествие. Часть Гудзонбайской территории, известная под именем Обнаженных Земель, простирается от берегов северного Ледовитого моря, по направлению к югу до реки Черчилля, между самым Гудзоновым заливом на восток и цепью озер на западе; из этих озер основные — Большое Невольничье и Атабаска.

Эта громадная территория почти еще не исследована. Сами гудзонбайские охотники знают ее лишь весьма поверхностно. Некоторые исследователи проходили по ее границе; но центр известен только четырем или пяти индийским племенам, живущим по соседству, да эскимо-

---

* Varen Grounds. Можно перевести также «Бесплодные Земли».

сам, которые по временам заходят на берега Арктического океана.

Медведь Обнаженных Земель известен не лучше своей территории. В разные времена он подвергался различной классификации. Занимавшийся им самый сведущий натуралист, сэр Джон Ричардсон, спутник несчастного Франклина, не знает к какой отнести его породе. Сначала, хотя и не без сомнения, он счел его разновидностью *ursus americanus* или американского черного медведя. Последующие наблюдения заставили его изменить это мнение и тогда он заявил, хотя и с осторожностью, характеризующей этого знаменитого, но скромного ученого, что медведь этот может быть разновидностью *ursus arctos*.

Мы возьмем на себя смелость утверждать, что это не разновидность, но совершенно отдельная порода.

Во-первых, он отличается от *ursus americanus* цветом, формой, ростом, профилем, физиономией, длиною ступни и хвоста. Во всех этих отношениях он имеет гораздо больше сходства с *ursus arctos* или даже со своим ближайшим соседом, страшным *ursus ferox*. Но от последних он отличается другим.

Он также свирепее черного медведя и опаснее для охотника. И он обитает в стране, в которой ни в каком случае не может жить черный медведь. Для существования последнего необходим лес. Если черный медведь не встречается на Обнаженных Землях, то не по причине широты или климата, но потому, что там нет лесов. Это подтверждается тем, что его встречают в странах близких к полюсу, где природа и почва благоприятны для растительности.

Есть и более важные различия. Черный медведь, в нормальном состоянии, безусловно плотояден; этот же питается мясом и рыбою. В продолжение лета он ест сурков и мышей, и в остальное время года держится на морских берегах и питается рыбой. Это две совершенно отдельные породы.

Если мы сравним теперь медведя Обнаженных Земель с *ursus arctos* (бурый европейский), то найдем, что он походит на него больше, не будь одинаковости цвета, их никогда не стали бы смешивать. Легко доказать, что это две отдельные породы. Привычки у них совершенно не одинаковы. *Ursus arctos* лазит по деревьям, а медведь

Обнаженных Земель этого не может. Тот предпочитает растительную пищу; этот любит рыбу, мясо и насекомых.

Но помимо разницы в привычках у обоих животных, в мехе американской породы есть желтоватый оттенок, не встречающийся у бурого европейского медведя, за исключением пиренейского.

Притом же решительно невозможно, чтоб европейский бурый медведь находился на Гудзонбайских Обнаженных Землях, стране уединенной, неизвестной и совершенно отличной от стран, в которых он обитает в Старом Свете. Каким образом, в самом деле, установить вероятную линию миграции медведя между этими двумя поверхностями земного шара? Ему бы пришлось пройти через Сибирь и русские американские владения, что может быть и возможно; ведь, хотя и говорят, что медведь Обнаженных Земель находится только в известных границах, т. е. в этой стране, но известно, что владычество его простирается дальше. Так, бурые медведи русско-американских владений и Алеутских островов кажутся одной породы, и некоторые натуралисты причисляют к ним и камчатского медведя. Любовь обоих к рыбе, по-видимому, подтверждает это мнение, но в то же время она отличает их от бурого скандинавского медведя.

Едва ли нужно доказывать, что медведь Обнаженных Земель — также и не *ursus ferox*, как часто путали их некоторые натуралисты. Они отличаются ростом и мастью; но самое существенное отличие заключается в исключительной свирепости последнего, когти которого и длиннее и кривее. Можно привести много других черт, которые делят их на две отдельные породы, не говоря уже о странах распространения, совершенно различных между собой.

Итак, медведь Обнаженных Земель столь же не *ursus ferox*, сколь и не *ursus americanus* или *arctos*. Не получил ли он от натуралистов какого-нибудь специфического названия, которое обозначало бы его как отдельную породу? Нет, еще. Алексей воспользовался этим и назвал его по имени человека, которому мы обязаны лучшим описанием родины этого медведя и его обычаев. Медведь Обнаженных Земель назван в его дневнике *Ursus Richardsonii*.

Глава 37

МИХАЙЛО ИВАНЫЧ ИЗВОЛИТ КУПАТЬСЯ

Для встречи с этою новою породою медведя, охотникам нашим надобно было добраться до большого Невольничьего озера, потому что, хотя Обнаженные Земли и простираются на несколько градусов южнее его, *ursus Richardsonii* редко спускается ниже, но они были уверены, что встретят его на берегах.

Время было избрано самое удобное. Флотилия лодок, принадлежавшая большому торговому обществу меховщиков, которая обыкновенно отправляется из фактории Порк в Норуэй-Гауз, на озере Виннипег, при чем часть лодок идет к станциям, лежащим севернее на озере Атабаске и на берегах реки Макензи, через Невольничье озеро, была готова к отъезду. Целью этой экспедиции было развозить по станциям товары и провизию, прибывшие из Англии на компанейских кораблях и выменивать меха, собранные в продолжение зимы.

Охотники наши присоединились к флотилии, и после долговременного плаванья прибыли в форт Революшен, на большом Невольничьем озере, у впадения в него реки того же имени. Они наняли лодку у одного из индейских рыбаков, живущих по берегам этого озера-моря, и пригласили отправиться вместе с ними и самого рыбака, который, само собой разумеется, был одновременно и охотником. С подобным проводником они легко могли странствовать по прибрежным землям и искать медведей там, где было больше шансов их встретить.

Однажды они плыли вдоль берега; вода была спокойна, словно в пруду, как вдруг на большом расстоянии индеец заметил, что поверхность озера слегка волнуется. Движение это не могло быть из-за ветра, потому что в воздухе стояла тишина, да оно и не похоже было на волны, а вода волновалась так, как это бывает после брошенного в глубину камня, или когда под поверхностью воды плавают какое-нибудь большое животное. Волнение шло из небольшого заливчика. Всмотревшись внимательнее, индеец объявил, что должно быть это шутки медведя. Он немедленно предложил охотникам выйти на

берег и действовать по его наставлениям. Предложение было принято.

Крепко привязав свою лодку, индеец выпрыгнул на землю, за ним последовали путешественники. Пройдя шагов триста или четыреста, он повернул влево и привел товарищей к заливчику в форме подковы. Пушкин обошел этот заливчик кругом и занял место на противоположном берегу, Иван стал напротив него, а Алексей устроился посередине, так что они расположились точно по оконечностям почти равноугольного треугольника.

Назначив каждому свой пост, индеец велел им спрятаться в кустарник, отделявший их от озера, и соблюдать тишину, пока он не подаст им сигнала, по которому они должны одновременно появиться на берегах заливчика. После этого индеец возвратился к своей лодке.

Наставления были исполнены в точности. Охотники наши, каждый со своей стороны, продвигались к озеру с величайшей осторожностью. Подойдя ближе к воде, они убедились, что индеец говорил правду. Перед ними был медведь!

Сначала они увидели только голову, но и этого было достаточно, чтоб не обмануться.

Зверь держался в воде и плавал, не выходя из заливчика, но с какой целью? Трудно было догадаться. К величайшему их удивлению, он плавал с раскрытой пастью, вытягивая по временам длинный язык, которым он словно подметал воду озера. Потом его пасть смыкалась на минуту и слышно было, как лязгали его страшные челюсти.

Можно было сначала подумать, что он купался, чтобы освежиться, потому что день был необыкновенно жарок, а в воздухе было множество комаров, которые тревожили охотников. А может быть, он погружался в воду чтобы избавиться от этих кровопийц? Так думал Пушкин и даже Иван; но ни тот, ни другой не угадали, что делало животное языком и челюстями. Алексей, наблюдавший за ним с большим вниманием, вскоре открыл настоящую причину этих движений. Он заметил на поверхности воды густой слой чего-то и убедился, что он состоит из мириадов насекомых. Они были двух видов, обе величиною с обыкновенного слепня, но существенно различавшиеся по цвету и по привычкам. Одни состояли из водяных жуков и плавали близ поверхности, другой из крылатых насекомых, которые иногда подымались в воздух, но чаще пла-

нали по воде или прыгали с места на место. Вся поверхность заливчика и даже часть озера на некотором расстоянии кишели этими насекомыми, и вот почему Мишка так быстро работал языком и челюстями. Действительно, это одно из его лакомых блюд, и он в изобилии находит его не только на берегах Невольничьего озера, но и в большей части других озер на Обнаженных Землях.

Едва Алексей успел сделать свои наблюдения, как раздался крик на воде, и почти в то же самое время показалась лодка индейца прямо у входа в заливчик.

По этому сигналу все три охотника бросились из засады и побежали к берегу с ружьями наготове. Увидев угрозу для себя, медведь оставил свое гастрономическое развлечение, но, не зная, в каком направлении найти верное убежище, он плавал то вперед, то назад. Наконец, появившись на поверхность озера и показав два ряда острых зубов, он страшно заревел и смело бросился к берегу.

Он шел прямо на Ивана, который, прицелившись хорошо, выстрелил.

Пуля ударила зверю в морду и заставила его развернуться вполоборота, но не остановила, и он с такою же быстротою бросился к противоположному берегу.

Наступила очередь Пушкина, и действительно через секунду раздался выстрел гренадера, но пуля только скользнула у зверя по ребрам и вспенила воду. Это, однако ж, заставило медведя еще раз переменить направление, и он поплыл на глубину.

Здесь стоял Алексей и, хладнокровно выждав зверя, всадил ему пулю ниже левого уха.

Глава 38

БОЛЬШОЙ СЕРЫЙ МЕДВЕДЬ

Следуя порядку нашим охотникам следовало теперь позаботиться о сером медведе (*ursus ferox*), самом свирепом и самом страшном из всего медвежьего рода.

Пояс, в котором обитает серый медведь, гораздо обширнее того, где живет предыдущий. Большая цепь Скалистых гор может считаться для него осью, так как эта

порода встречается на всем ее пространстве от Мексики до берегов Северного Ледовитого океана. Некоторые писатели утверждали, что серый медведь появляется только в этих горах, но это ошибка. Он встречается на западе во всех странах, расположенных между Скалистыми горами и берегом Тихого океана, если только находит себе там достаточно пищи, а на востоке далеко заходит в степи, но, однако ж, не в леса, растущие на линии Миссисипи, и где черный медведь является единственным представителем всего медвежьего семейства.

Леса не всегда составляют любимое убежище серого медведя. Хотя в молодом возрасте он и хорошо лазит по деревьям, но когда он достигает полного развития, его громадные когти мешают этой операции. Он предпочитает жить среди кустарников, в особенности, когда последние покрыты ягодами. Он часто посещает открытые равнины, где растет белое яблоко или индийская репа, одна из пород валерианы и лакомится корнем хмеля. Кроме того, большое количество плодов входит в список его блюд, который нужно еще дополнить стручками одной породы акации и шишками сосны.

Но не надобно полагать, что он питается исключительно плодами. Как большая часть других медведей, он плотояден и съест охотно лошадь или буйвола. Последний, несмотря на свою величину и силу, часто делается добычей старого медведя. Длинные и густые волосы, падающие на глаза, мешают ему видеть присутствие неприятеля, и если только он не почует врага обонянием, к нему легко приблизиться. Зная это, медведь старается подходить против ветра, и когда очутится близко от буйвола, бросается на него сзади, цепляется ему в спину или в шею огромными когтями и валит его на землю. Он даже достаточно силен, чтобы перенести труп жертвы на значительное расстояние и, спрятав в кустах, пожирает его потом на свободе.

Серый медведь, или grizzly, походит на европейского бурого, как ни на какую другую из медвежьих пород. Его длинная торчащая шерсть не представляет гладкой по поверхности, характеризующей мех черного медведя. Он обыкновенно темно-бурый, только кончики шерсти беловатые, особенно летом. Голова всегда серая, и поэтому он получил свое название. Порода, известная под именем черного медведя, заключает в себе многие разновидности — бурую, рыжую, гнедую и белогрудую, но индейцы

достаточно одного взгляда, чтоб отличить их от серого медведя. Если у всех этих разновидностей встречается белая шерсть, смешанная с другой мастью, то она белая до корня, в то время как у серого медведя она белая лишь на концах, и вот что придает ему сероватый цвет. Признак этот постоянен и достаточен, чтоб образовать особую породу; но животное это отличается еще другими, более важными чертами. Уши у серого медведя короче, более конической формы и более удалены одно от другого, чем у *ursus americanus* или *ursus arctos*. Когти у него белые, загнутые и гораздо длиннее и шире, нежели у других медведей. Впрочем, они широки лишь с одной стороны; внизу они срезаны косо, выступают далеко из шерсти и остры, как бритва. Мохнатые лапы его больше и толще, чем у других медведей, между тем, как хвост короче и едва виден. Последнее обстоятельство постоянно служит поводом к шутке у индейцев, которые не преминут никогда, убив серого медведя, предложить людям, незнакомым с этим, — взять зверя за хвост.

Невозможно спутать серого медведя с другим. Его очень легко узнать по виду и по росту; ошибка допускается только с молодыми.

Свирепостью и кровожадностью это чудовище Скалистых гор, по-видимому, превосходит всех других медведей, даже морского, и ни один из них не обладает такими страшными средствами для осуществления этих гнусных инстинктов. Охотники нападают на него не иначе, как в большом количестве, да и то встреча с ним может принести гибель одному или многим. Часто они бывают обязаны спасением лишь быстроте своих лошадей, которых, к счастью, серый медведь не может догнать, хотя и опередить самого быстрого на бегу человека.

Молодые медвежата еще бегут иногда от охотника, но взрослый *ursus ferox* не боится целой толпы осаждающих, перебегает от одного к другому и бьется до последней капли крови.

Количество белых, или индейцев, убитых или искалеченных серыми медведями, почти невероятно. Когда он изберет жертву, единственное средство, если нет лошади, избавиться от этого ужасного врага, — влезть на дерево. Это одно только убежище для всех, кого преследует серый медведь. Нашим охотникам вскоре пришлось лично удостовериться в этом.

ФАКТОРИЯ МЕХОВЩИКОВ

Путешественники наши спустились по реке Макензи до форта Симпсона. Оттуда они поднялись вверх по большому притоку, известному под названием Горной реки, которая течет с самых высоких местностей Скалистых гор, представляет любопытное зрелище. Она проходит перпендикулярно, через горную цепь, что, впрочем, встречается и в южно-американских Андах. Компания Гудзона залива имеет несколько постов на Горной реке, именно форты: Симпсон, Лейард и Хокет. Последний лежит в глубине гор. Дальше за горной цепью, на западном склоне, у нее есть для торговли другие станции, из которых важнейшая находится на берегах р. Пелли при слиянии Льюса и Пелли, двух рек, впадающих в море недалеко от горы св. Ильи, которая давно известна мореплавателям, посещающим север Тихого океана. С помощью Даза, притока Горной реки, форт Гокетт сообщается со станцией Пелли, откуда легко проехать в Ситху.

Этим путем наши путешественники надеялись добраться в Ситху, а потом переехать на Камчатку, в Азию. С другой стороны, проходя через Скалистые горы, они были уверены, что встретят серого медведя, а в странах, лежащих у Тихого океана, имели шанс найти разновидность *ursus americanus*, известную под именем коричневого медведя, который встречается чаще на западе от большой цепи — в Калифорнии, Орегоне, английской Колумбии и Русской Америке*.

Караван меховых торговцев и охотников как раз отправлялся из форта Симпсона на станции Лейард и Хокет, и наши путешественники примкнули к нему.

В Хокете они остановились поохотиться на страшного «грizzли».

Недолго им пришлось дожидаться случая, потому что там этот страшный горный гость не составляет редкости. Действительно, в той местности, где обитают серые медведи, последние многочисленнее других четвероногих; они встречаются иногда по полдюжине и больше. Они не

---

* Когда автор писал эту повесть, русские владения в Америке еще не были уступлены Соединенным Штатам, что, как известно, произошло в 1867 г.

живут стадами, но, будучи многочисленны, нередко собираются случайно. Чаще всего их встречают группами по четыре, и в таком случае это просто члены одной семьи: самец, самка, два детеныша. В этом отношении серая медведица походит на самку *ursus maritimus* и приносит пару медвежат в то время, как черная и бурая рожают трех детенышей.

Есть основания предполагать, что бояться исчезновения породы серых медведей не стоит. Во-первых, его мясо крайне невкусно; сами индейцы не едят его, между тем, как лакомятся черным медведем. Во-вторых, мех не имеет почти никакой цены и с трудом находит себе покупателей. Наконец, — и это важнее всего, — охотники не очень заботятся вступать с этим зверем в битву, которая всегда почти угрожает окончиться смертью и не представляет никакой выгоды. Вот почему старик Ефрем, как называют его в крае, может спокойно жить в своей области.

В форте Хокет было чрезвычайно много работы, так что охотники наши не могли найти проводника и должны были одни отправиться на промысел.

Так как форт Хокет лежит в совершенно дикой местности и удален от всякого населения, то путешественникам нашим и не предстояло большого труда встретиться с серым медведем. Первый поход их был, однако ж, очень неудачен и они возвратились в форт, не увидав ни одного следа grizzly, как называют его американцы.

Впрочем, день этот нельзя было назвать потерянными. Они убили одно из редких в Америке животных — козу Скалистых гор, водящуюся только в известной части этого огромного горного хребта. Это животное, замечательное по длине своей шелковистой белоснежной шерсти, — настоящая дикая коза и единственный представитель рода, принадлежащего собственно американской фауне. Коза эта почти величиною с домашнюю и с такими же рогами; но шерсть у нее так длинна, что ниспадает до ног, отчего сама она кажется толще, а ноги ее короче, нежели на самом деле. Она водится лишь на самых высоких, недоступных местностях, и ее редко добывают даже самые искусные охотники. Значит, наши путешественники не считали этот день потерянными...

На утро они снова отправились на поиски серого медведя.

ВСТРЕЧА СО СТАРИКОМ ЕФРЕМОМ

Отойдя на версту от форта, охотники осторожно пробирались по гористой местности, на которой там и сям группами росли деревья и кустарники, что напоминало вид парка. Долины Скалистых гор часто имеют такой вид и в самой северной части эти рощицы состоят, главным образом, из ягодных кустарников и фруктовых деревьев, как дикая смородина, вишня, слива и т. п. Серый медведь чрезвычайно падок до всех этих плодов, а так как наши охотники встретили на дороге огромное их изобилие, то не сомневались встретить хоть одного «грizzly», пустившегося на поиски любимых лакомств. Ветви некоторых вишен были совершенно пригнуты к земле, а иные просто изломаны и даже недавно, что свидетельствовало о том, что здесь только что побывал серый Мишка или, как его здесь называют, старик Ефрем.

Наши охотники отправились пешком, и это было крайне неблагоприятно. Трапперы предостерегали их, но русские охотники оставались глухи к их предостережениям, потому что как братья Гродоновы, так и сам Пушкин имели лишь самое поверхностное представление об угрожающей им опасности. Они слышали и читали, что серый медведь свирепее всех своих собратьев но, победив столько медведей, воображали, что легко справятся и с этим. Между тем, старик Ефрем был страшен даже для самых искусных и отважных туземцев.

Гродоновы не замедлили убедиться в этом. Они вышли на обширную поляну, где местами росли одинокие деревья, под которыми не было ни кустарников, ни высокой травы и они могли видеть хорошо по всем направлениям, до самой опушки окружающих лесов. Вдруг страшный шум, раздавшийся сзади, коснулся их слуха и заставил остановиться и оглянуться. Это было какое-то тяжелое сопение.

Пара серых медведей, по-видимому, самец и самка, появились из леса, откуда только что вышли наши путешественники. Звери стояли на задних лапах, и по их сопению, резкому ворчанью и движениям можно было убедиться, что они не только видели наших героев, но и

готовились к нападению. И, действительно, они бросились вперед с быстротою лошади.

Раздались три выстрела, и один из медведей, меньший ростом и бывший впереди, повалился убитый наповал. Не сговорившись, охотники выстрелили по одному и тому же зверю — обстоятельство печальное, так как если бы хоть один из них целил в другого, то мог бы, по крайней мере, тяжело ранить его.

Смерть самки не только не испугала самца, а, напротив, придала ему ярости. Он остановился, однако ж, над трупом и обнюхал его, как бы желая удостовериться в смерти своей подруги. Это продолжалось недолго, но и короткий промежуток дал возможность нашим охотникам взобраться на ближайшие деревья. Алексей и Иван, как молодые люди, влезли проворно, но Пушкин карабкался очень медленно. Схватившись за ветвь, он с трудом подымал свои длинные ноги, которым мешали огромные тяжелые сапоги. Не успел он вскарабкаться повыше, как медведь уже подбежал к дереву и поднялся на лапы, чтоб схватить ветерана.

Иван и Алексей одновременно вскрикнули от ужаса. Они видели как мохнатые лапы страшного зверя ухватились за ногу их верного слуги, и им казалось, что Пушкин вот-вот будет сброшен на землю. Но их удивление и радость не имели границ, когда молодые люди увидели, что, напротив, медведь тяжело упал навзничь, держа в лапах один из сапог экс-гренадера, тогда как последний влезал уже на вершину дерева.

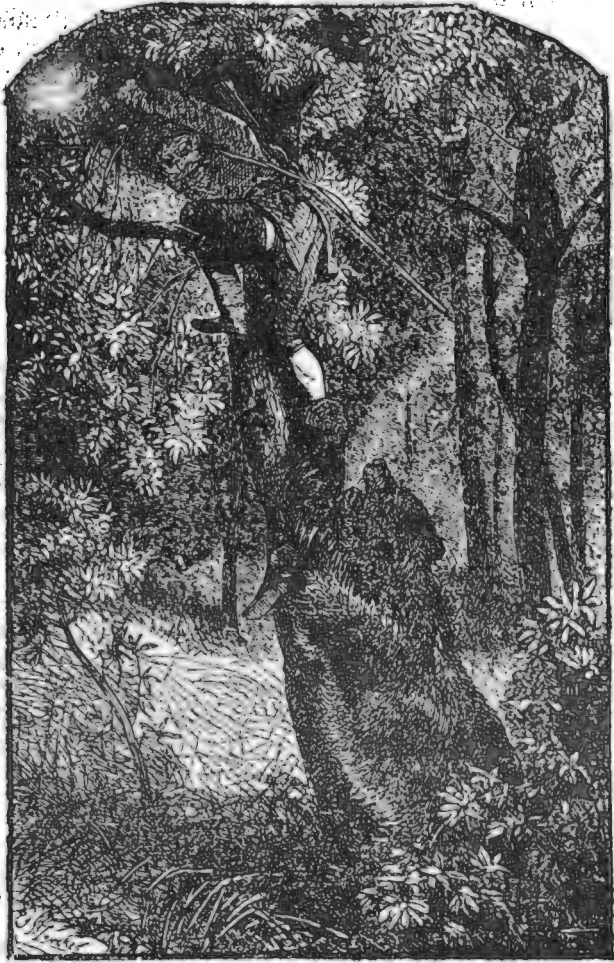
Все трое поспешили зарядить ружья.

Смущенный медведь поспешил излить свою месть на сапог, и в несколько мгновений, превратил его в лоскутки. Потом он снова бросился к дереву, на котором скрывался Пушкин. Он знал, что ему туда не влезть, а потому и не пытался, но обхватив дерево, начал шатать его по всем направлениям, как бы желая вырвать с корнем.

Некоторое время, охотники не могли отрешиться от страха. Дерево было не толстое, а медведь шатал его так сильно, что слышно было как трещали корни.

Сидя на верхних ветвях, Пушкин качался из стороны в сторону с такою силою, что не только не имел возможности зарядить ружье, но и сам еле удерживался. Будь он один, положение его сделалось бы наверно критиче-

ским — медведь, конечно, выворотил бы с корнями дерево. Но Иван и Алексей, успели зарядить ружья, и выстрелили в зверя. Бедовый старик Ефрем выпустил из лап дерево, лег на землю и как будто заснул. В то же время черная кровь, полившаяся из пасти, дала понять, что сон его был беспробуден.

Охотники быстро спустились с деревьев, но фигура Пушкина с одною ногою в чулке, а с другою в высоком сапоге была так комична, что братья не могли не расхохотаться.

Сняв шкуры с медведей, путешественники с этими трофеями возвратились в форт, к величайшему удивлению старых местных охотников. Они едва согласились поверить, что молодые иностранцы могли так легко справиться с двумя серыми медведями.

Караван выступал на другой день в форт Пелли. Гродоновы воспользовались этим случаем для продолжения путешествия.

Переход совершился благополучно, а из Пелли в обществе нескольких меховых торговцев они достигли Ситхи, где были радушно приняты соотечественниками.

Братьям удалось убить по дороге коричневого и белогрудого медведей. Алексей убедился, что тот и другой были простыми разновидностями *ursus americanus*. Они встречаются иногда и на восточной стороне Скалистых гор, но больше распространены по берегам Тихого океана и в особенности в Русской Америке, где коричневый медведь обыкновенно называется красным. Он встречается еще на Алеутских островах и, вероятно, также в Японии и на Камчатке, где водится множество медведей, очевидно различных пород, но плохо описанных и мало известных.

Глава 41

КАМЧАТКА

Теперь нашим путешественникам нужна была шкура камчатского медведя, и для этого они направились на Камчатку. Путешествие это, впрочем, не представляло таких затруднений, как это могло казаться с первого ра-

за: место, на котором они находились, имеет прямое сообщение с этим азиатским полуостровом. Ситха служит сборным пунктом для кораблей росейско-американской компании, отправляющихся ежегодно вдоль северо-западных берегов Америки и на соседние острова за мехами.

На одном из этих кораблей наши путешественники прибыли в Петропавловск. Давно уже была весна, но к городу еще не подходили корабли по причине не растаявшего льда в заливе, и Гродоновы переправились на берег в санях, запряженных собаками.

Здесь все для них было крайне любопытно. Дома трех родов — *избы*, построенные из дерева и похожие на хижины американских скваттеров. Это лучшие местные дома и принадлежат купцам и чиновникам.

У туземцев два рода жилищ — летнее — *балаган* и зимнее — *юрта*. Балаган построен из кольев и покрыт соломой, на высокой платформе, куда всходят с помощью бревна, на котором вытесаны ступеньки. В кровле проделано отверстие для дыма. Под платформу помещается сушеная рыба, составляющая главную пищу местных жителей. Там же хранятся сани, сбруя и живут собаки, которых у каждого хозяина имеется порядочное количество.

Юрта строится совершенно иначе. Вырывается яма, глубиною сажени в полторы; стены обставляются деревом, а крыша утверждается на земле и кажется издали куполом. Отверстие, проделанное в стене, служит трубою и дверью. В него спускаются с помощью бревна, такого же, какое служит для подъема в балаган.

Странна одежда, которую шьют себе из зверных шкур камчадалы; их бело-желтоватые собаки, худощавые, вроде померанских; сани, в которые они запрягают этих животных, наконец, странные обычаи — все это представляло чрезвычайный интерес для наших путешественников, дневник которых в течение нескольких дней обогатился многочисленными заметками. Камчадалы мало занимаются земледелием, так как климат их родины неудобен для культуры хлебных растений. В некоторых местностях, впрочем, возделывают ячмень и рожь, но в весьма небольшом количестве. Скот там редок, а если и есть, то только у русских. Лошадей мало,

и они почти все принадлежат чиновникам. Туземцы преимущественно живут рыбою, в изобилии водящейся в озерах и реках. Летом они сушат ее на зиму. Дикие животные также служат им пищей, и их мехами, в особенности куньими, камчадалы уплачивают подати правительству.

Полуостров богат пушными зверями, и некоторые из доставляемых ими мехов, по своей красоте, весьма ценятся в торговле. Камчатская куница превосходна, также как многие разновидности лисицы, водящейся в изобилии. Кроме того, там встречаются: волк, горноста́й, сурок, полярный заяц, аргали или дикий баран, северный олень и многие другие мелкие животные, шкурки которых имеют торговую ценность. Морская выдра весьма обыкновенна на камчатских берегах, но главным и наиболее благородным зверем считается медведь. Встретить его не трудно, так как нет, может быть, в мире еще такой страны, где бы он водился в таком большом количестве, как на Камчатке.

Глава 42

МЕДВЕДИ-РЫБОЛОВЫ

Перед отправлением на охоту, братья постарались собрать сведения как о привычках Мишки, так и о местах, которые он посещает.

Им сказали, что туземным охотникам известны две разновидности. Наиболее обыкновенная — бурый медведь, весьма похожий на *ursus arctos*; другая — тоже бурая, но отличающаяся белую полосою, которая окружает шею и плечи в виде воротника. Последняя порода и есть, без сомнения, та самая, которая известна под именем сибирского медведя (*ursus collaris*) и водится в изобилии в большей части стран северной Азии. Привычки у тех и других медведей почти одни и те же. На зиму они засыпают, выбирая пещеры и расщелины скал или какую-нибудь кучу поваленного леса, который может служить убежищем.

Один признак существенно их отличает от *ursus arctos*, с которым их вообще смешивают. Они рыболовы и живут исключительно почти рыбою. Во время зимней

спячки, конечно, они не едят ничего, но весной, едва только покинут свои берлоги, бегут на берега рек и озер, которых много в крае, и бродя по берегу или даже входя в воду, которая везде не глубока, находят множество форели и лосося. Рыба здесь водится в таком количестве, что медведь, сделавшись лакомкой из-за этого изобилия, ест лишь самые вкусные куски, голову, а хвост и большую часть туловища оставляет другим животным, более жадным, может быть, но неспособным к рыболовству.

Животное это — камчатская собака, не дикая, как можно было бы предположить, но домашняя, запрягаемая в сани. Собаки эти, не принося хозяину никакой пользы летом, не получают от него никакого продовольствия и предоставлены собственной находчивости. Они охотно довольствуются до заморозков объедками медведя. И странно, что с наступлением зимы, они сами возвращаются к своим хозяевам, людям черствым и жестоким, которые мало того, что работают на своих собаках целую зиму, но дают им самую скудную пищу. В этом добровольном возврате к дурному хозяину иные видели доказательство инстинкта дисциплины и природной верности камчатских собак, чем вообще отличается эта порода; но причина такого поведения их совсем другая. Их просто приводит в юрту инстинкт самосохранения.

Действительно, эти животные знают, что зимою озера и реки покрыты толстым льдом, а медведь засыпает, и что им пришлось бы умереть на свободе с голоду. Несчастные подачки рыбьих голов и внутренностей, которые бросает им хозяин, все же лучше голодной смерти. Камчатские охотники разными способами ловят медведей. В начале зимы они выслеживают его по снегу и убивают из ружья или копьями. Позже, когда Мишка забирается в берлогу, они отыскивают его при помощи собак или по приметам, которыми руководятся в подобных случаях лопари, северо-американские индейцы и эскимосы.

Летом охотники забираются в засаду с винтовками и стараются убить зверя сразу, а в противном случае подвергаются большой опасности. Поэтому камчатский охотник стреляет чрезвычайно осмотрительно. Он носит с собой для этого раздвоенную палку, на которую и кладет

дуло ружья для более верного прицела. На случай неудачи у него есть копьё и нож, которыми он бьется с Мишкой, как умеет.

Бывают времена в году, когда сибирский Михайло Иванович чрезвычайно опасен. Например, время течки к концу лета. Когда зима бывает продолжительна, а реки и озера еще не очистились от льда, когда медведь покидает берлогу,— встреча с ним грозит опасностью. Страшно голодный, он рыщет тогда всюду, смело приближается к поселкам и ищет пищи. Горе человеку, который попадется ему в это время на дороге. Медведь не ждет от него нападения, а сам бросается на охотника.

Весна сильно запоздала во время прибытия наших путешественников в Петропавловск. Только и было речи, что об облавах на медведей, и каждый день местные охотники приходили со шкурами.

Гродоновы взяли себе в проводники одного из туземных охотников. Земля еще была покрыта снегом, и естественно, они ехали в саних; у каждого были особые сани, запряженные пятью собаками по местному обычаю: по паре собак в ряд и по одной впереди. Упряжь обыкновенно состоит из кожаного хомута и двух ремней, служащих вожжами. Санки не более двух аршин длиною, они сделаны из березы, дерева очень легкого, а собаки свободно могут везти одного человека.

Длинный шест, с железным наконечником и погремучками, служит вместо кнута, и собаки бегут очень быстро. В этих легких санках ездят по горам, долинам, речкам, озерам, не заботясь о проложенной дороге, и если собаки хорошо приучены, то можно в один день проехать большое расстояние.

Не больше чем через час после отъезда из Петропавловска охотники наши приехали в дикую местность. Там не было видно никакого жилья, никакого поселка, и они могли ожидать каждую минуту появления Мишки.

Проводник повел их к реке, верстах в пятнадцати — двадцати от города, где он рассчитывал непременно истретить медведя, зная одно место, свободное от льда. Это происходило от того, что повыше находились теплые источники,— феномен довольно частый на Камчатском полуострове.

Проехав несколько верст, они очутились в узкой долине между двумя рядами крутых холмов, и проводник сказал, что знакомое ему место недалеко. Дальше нельзя уже было продолжать поездку. Оставив собак у подошвы холмов и приказав им знаком оставаться на месте, что они поняли отлично, охотники полезли на скалы. Здесь не было деревьев, а торчали кустарники, полузанесенные снегом. Приблизившись к реке, Гродоновы осторожно выглянули из кустов. Действительно, при устье реки озеро не было покрыто льдом на значительном пространстве.

Глава 43

СТАДО МЕДВЕДЕЙ

Проводник предсказывал, что на этом месте можно встретить одного, а пожалуй, и нескольких медведей; но он и не воображал, что их окажется двенадцать, а между тем, как раз такое число, к величайшему удивлению охотников, они увидели возле озера.

Двенадцать медведей на пространстве каких-нибудь двенадцати сажень! Одни стояли на четвереньках, другие на задних лапах, третьи сидели, словно исполинские белки, а некоторые до половины находились в воде; двое или трое плавали, гоняясь за рыбою.

Наши охотники никогда не видели подобного собрания медведей, и Камчатка, вероятно, единственная страна, где можно их увидеть в таком количестве вместе. Но в начале весны там нередко они собираются шtuk по двадцати в одно стадо.

Такое изобилие смутило немного Гродоновых. К счастью, они были скрыты от медведей кустарниками и находились под ветром, а иначе медведи, обладающие тонким обонянием, почувяли бы их присутствие. В описываемую минуту все звери были слишком заняты рыболовством, так как чувствовали страшный голод. Их тощие бока, взъерошенная шерсть, исхудалые тела — все это говорило о продолжительном посте и делало их скорее похожими на коров, умирающих с голоду.

Что было делать? Проводник придерживался того мнения, что следует уйти и оставить медведей в покое.

— Потревожить их,— говорил он,— было бы очень опасно, когда звери собрались в таком большом количестве и находятся в таком возбужденном состоянии. Он знал, что в таком случае медведи часто нападали на несколько человек и преследовали их; это легко могло случиться и теперь, если охотники не поберегутся.

Не отказываясь верить его рассказам, наши трое русских в тоже время мало доверяли храбрости своего проводника. К тому же, им жаль было отказаться от такого ирреального случая, не попытавшись воспользоваться им. Поэтому они жаждали испытать судьбу.

Несколько медведей были совсем близко от них. Можно ли было уйти, не сделав даже ни одного выстрела? Если охотники пропустят этот случай, то он, может быть, не скоро представится им снова; пребывание же в Петропавловске и проживание там в довольно жалком домишке вовсе не представляло такого удовольствия, чтобы его стоило продолжать. Кроме того, они уже несколько месяцев странствовали по покрытым снегом странам, и им не терпелось скорее попасть на тропические острова, соблазнительные и очаровательные, эти острова должны были быть следующим этапом в их кругосветном путешествии. Все эти соображения заставили их решиться на нападение.

Проводник, видя их решимость, согласился действовать с ними заодно, и из кустов сразу раздались четыре выстрела.

Два медведя упали и бились на снегу. Но как только дым рассеялся, наши охотники увидели, что десять остальных бегут к ним со всех сторон. Их свирепый рев и быстрый бег достаточно ясно указывали на их намерения: звери собирались напасть на охотников.

Оставалось одно: бежать. Но куда? Вокруг совершенно не было деревьев; да если бы даже они и имелись, то искать на них убежище было бы не лучше, чем среди крутых скал, поднимающихся по обоим берегам реки ниже озера. Влезть и на те, и на другие для медведей пустая забава.

Русские начинали сожалеть о своей оплошности и не знали, что делать. Проводник был готов к тому, что произошло, и заранее придумал план спасения. Он бросился вниз и побежал к саням, крича спутникам, чтобы они сделали то же самое.

Его совету немедленно последовали. Каждый кинулся к своим саням, схватил вожжи и погнал собак по дороге.

Если бы собаки не были так хорошо дрессированы, а люди не так ловко управляли санями, то охотники подвергались бы величайшей опасности. Нельзя было терять ни секунды. Медведи уже галопом спускались с откоса, и когда отъехали последние сани, в которых сидел Пушкин, зверь, бежавший впереди других, был от них не более, чем в шести шагах.

Началась гонка между медведями и собаками, потому что последние знали, что им грозила не меньшая опасность, нежели их хозяевам, и не было надобности понукать их ни криками, ни палкой. Они бежали по льду со всем проворством, каким только наделила их природа. Медведи, хотя и более тяжелые на ходу, долго следовали за беглецами довольно близко, но, под конец, отстали, и, видя, что враг ускользает, один за другим вернулись к озеру, медленно и с видимым сожалением.

Отъехав таким образом от своих врагов на добрую версту, наши охотники остановились, чтобы дать передохнуть собакам, а затем вернулись в город.

Однако они не намерены были совершенно отказаться от этой охоты и обратились к городским жителям за подмогой; едва только узнали там, что случилось с приезжими, как все местные мужчины — казаки, охотники и крестьяне, собрались на охоту и направились к озеру, с местным исправником во главе.

Медведи были все на том же месте, живые и мертвые, так как оказалось, что двое из них пали под пулями охотников. Против них была открыта общая ружейная пальба, убившая пятерых. Кроме того, некоторых преследовали до их берлог и там убили.

В течение всей следующей недели в Петропавловске ели очень мало рыбы, и население его давно уже не видывало подобной масленицы.

Наши молодые русские, разумеется, получили свою долю в трофеях этой победы. Они выбрали шкуру одного из тех медведей, которых убили сами, и оставили ее исправнику с тем, чтобы тот послал ее в Петербург.

Через несколько дней то же самое судно компании мехоторговцев, которое привезло сюда наших охотников, отвозило их в Кантон, где они без труда нашли китайский корабль, на котором переправились на остров Борнео.

Глава 44

МЕДВЕДИ НА ОСТРОВЕ БОРНЕО

В разных местах острова Борнео существуют колонии китайцев, главное занятие которых — разработка золотых рудников и добывание антимония. Эти поселения, как и много других расположенных на соседних островах, состоят под покровительством и управлением большой коммерческой компании — Кунг-Ли, похожей с английской компанией Восточной Индии. На острове Борнео главным пунктом этого обширного торгового общества служит порт и река Самбас, на западном берегу. В Самбасе есть также фактория голландской компании Восточной Индии, которая, кроме того, имеет на острове еще две конторы. На Борнео не существует более никаких европейских заведений, исключая британского агентства, на маленьком острове Лабуане и небольшой колонии, составленной в Сараваке одним англичанином-авантюристом, присвоившим себе титул «раджи Брука».

Этот новоиспеченный раджа основывает свои права на громкий титул и на владение областью Саравака на соизволении султана острова Борнео, будто бы наградившего его за оказанные услуги при избавлении от пиратов-даяков, наводнявших страну. По крайней мере это обетоятельство так было представлено в Англии; но более внимательный взгляд на это дело изменит существенное мнение; и кажется, что вместо того, чтобы совместно притеснять пиратство в водах Борнео, первым делом филантропа-джентльмена было помочь малайскому султану привести в рабство несколько племен безобидных даяков и принудить их работать бесплатно в рудниках, в которых добывается сурьма.

Вот, по всему вероятно, те услуги, за которые Брук получил права на владение землями Саравака. Далеким от того, чтобы воевать с пиратами, новый раджа сделался их сообщником, соединясь с султаном, их негласным покровителем.

Хотя уже несколько веков, как европейцы поселились на островах Индийского океана, и почти там всемогущи, но нам очень мало известен большой остров Борнео. Были описаны одни берега и то не достаточно. Голландцы предпринимали одну или две экспедиции внутрь острова, но эти торговцы ничего не хотели рассказывать

нашим путешественникам. В продолжение двух веков они пользовались своим влиянием на востоке только для того, чтобы сеять раздор, где было возможно, и уничтожали до последней искры свободу и достоинство у племен, которые имели несчастье быть с ними в сношениях.

На деле выходит, что Борнео и теперь не более известен, чем сто лет назад, а между тем, где найти предмет для изучения прекраснее этого великолепного острова, который еще ждет монографии, подобной той, какую Марсден посвятил Суматре, Тенна — Цейлону, а сэръ Страмфорд Рафльз — Яве.

Тропическая жизнь представляется здесь в своем самом пышном виде. Фауна и флора этой страны так богаты, что ее можно сравнить только с большим зоологическим и ботаническим садом, и на всей поверхности земного шара не найдется другого уголка земли, где натуралист мог бы надеяться собрать, в награду за труды, такую изобильную и разнообразную жатву.

Наши молодые путешественники были поражены при виде чудес этой тропической природы. Растения были так высоки, что были похожи на то, что они видели на берегах Амазонской реки, а фауна, в особенности в отношении четвероногих и четвероруких, была гораздо богаче.

Едва ли нужно говорить, что между четвероногими их внимание наиболее привлек медведь, самый красивый, безусловно, из семейства медведей. Он меньше их всех; он не равняется ростом даже со своим соседом, малайским медведем, на которого, впрочем, очень похож. Шерсть его черна, как смоль; нос оранжевый, а на груди кружок более темного оранжевого цвета, имеющий некоторое сходство с формой сердца. Шерсть густая и гладкая на всем теле: это также один из характерных признаков черного медведя Северной Америки и двух пород Америки Южной, и делает борнейского медведя похожим на его родственника-малайца, на островах соседних с Явой и Суматрой. Его даже часто смешивают с последним, но это заблуждение. Не только медведь из Борнео меньше, но темно-оранжевый знак отличает его совершенно достаточно. Малайский медведь тоже имеет пятно на груди, но оно в форме полумесяца и беловатого цвета; морда у него бурая, а не желтая, и он далеко не так красив, как медведь с острова Борнео.

Таким образом, этот последний, так же как и темный медведь европейский, черный северо-американский и медведи кордильерские, к которым, впрочем, он очень подходит по своим привычкам, потому что питается плодами, как и те,— является представителем совершенно особой большой медвежьей семьи. При этом, как и все медведи, он очень любит сладкое. В особенности он любит мед, в чем наши охотники вскоре удостоверились.

Глава 45

БОЛЬШОЙ ТАПАНГ

По прибытии в Самбас они по обыкновению избрали себе проводника для своих прогулок. Это был даяк, занимавшийся охотой на пчел, и который по самой натуре своего ремесла почти также часто находился в столкновении с медведями, как и с пчелами. Они решились осмотреть сперва, недалеко от города, цепь лесистых холмов, где медведь водится в большом числе и где его можно встретить почти во всякое время.

Проходя по лесам, они заметили один род деревьев, который среди стольких новых и необыкновенных пород, и особенности привлек их внимание. Эти деревья растут на далеком расстоянии друг от друга; иногда их бывает два или три вместе, но вообще они стоят обособленно среди других пород, которых превышают своей гигантской вершиной. Что в них необыкновенного, так это их ствол, совершенно гладкий: не отделяется ни одной веточки до высоты пятнадцати метров над волнующейся поверхностью леса, в котором они царствуют. Их не видно снизу, но только с какой-нибудь высоты, преобладающей над местностью, и тогда покажется лес над другим лесом. Этот феномен казался нашим путешественникам тем более необыкновенным, что нижний лес состоял из деревьев, имеющих большею частью от двадцати до тридцати метров высоты. Те деревья, которые сначала так сильно возбудили внимание путешественников, были тонки сравнительно с высотой, вследствие чего казались еще выше. Мы сказали, что у них не было ветвей до 35-40 метров от земли. Начиная с этого расстояния, их появляется много,— и тенистые ветви расположенные симмет-

рически вокруг ствола, покрытые мелкими листьями и немного наклоненные, составляют красивую, закругленную вершину.

Кора у них белая; проколов ее ножом, наши охотники узнали, что она очень нежна и содержит в себе молоко. Само дерево, до некоторой глубины, так ноздревато, что обыкновенное лезвие проникает в него так же легко, как в кочан капусты. Далее оно приобретает некоторую твердость, и если бы наши охотники могли проникнуть до сердцевины дерева, то нашли бы его совершенно твердым и темно-шоколадного цвета. На воздухе это дерево делается таким же черным, как и настоящее черное дерево; даяки и малайцы выделывают из него браслеты и другие украшения.

Проводник сказал, что это дерево называется тапангом. Это название было знакомо нашим молодым русским, хотя они не знали к какому роду принадлежит этот великан тропических лесов. Вскоре Алексей, проходя под одним из этих тапангов, увидел на земле цветы, упавшие с него, и рассмотрев один цветок, объяснил, что это один из видов фигового дерева, которое вообще очень распространено на островах Индийского архипелага.

Если наши путешественники были удивлены при первом взгляде на это красивое дерево, то их удивление не замедлило в дальнейшем еще увеличиться. Подойдя к одному из тапангов, они были поражены видом одной стороны ствола, от земли до самых ветвей. Можно было сказать, что эта длинная лестница, идущая вдоль всего ствола, одна сторона которой срослась с корой самого дерева. Когда они присмотрелись, все объяснилось. Это была действительно лестница, но совершенно особенного устройства, и которую невозможно было бы отнять от дерева, не ломая кусками. Она состояла из бамбуковых колышков, вбитых в ствол тапанга на расстоянии 60 сантиметров один от другого. Эти колышки были 30 сантиметров длины и скреплены прочно стволом тоже бамбуковым, к которому были привязаны камышом. Лестница эта, как мы сказали, шла от корня дерева к ветвям.

Очевидно, она была устроена для того, чтобы подняться до вершины тапанга; но с какой целью? Никто лучше проводника не мог объяснить им этого, потому что он сам и устроил ее. Делать такие лестницы и всходить по ним было существенною частью профессии охотника за пчелами.

ми. Большая муха, похожая на осу, называемая lanuch, строит свое гнездо на вершине тапангов. Это гнездо состоит из некоторого количества светло-желтого воска и мухи устраивают его под большими ветвями, чтобы оно было защищено от дождя. Лестница из бамбука сделана с целью достать эти гнезда, и не столько для меда, сколько для воска. Муха lanuch скорее принадлежит к семейству ос, чем к семейству пчел, и производит очень мало меда, да и то низшего сорта; но воск ее считается драгоценным предметом, и каждое гнездо может дать его на несколько долларов.

Деньги эти очень трудно и очень тяжело заработать, и даже непонятно, как это может бедный даяк избирать себе такую профессию, когда всякий другой труд дал бы ему с меньшей тяжестью такой же заработок.

Ему, действительно, никогда не случалось снять гнезда без того, чтобы его не искушали жестоко эти насекомые; но хотя они жалят так же больно, как и осы, привычка сделала даяка почти нечувствительным к этому. Он бесстрашно всходит по хрупкой лестнице, неся в одной руке зажженный факел, а на спине тростниковую корзину. С помощью факела он выгоняет мух из их воздушного жилища, и отламывая соты кладет их в корзину.

В то же время разъяренные насекомые жужжат, жалят ему лоб, лицо, шею, руки, которые у него бывают обнажены; но он не обращает на это внимания, и, окончив свое дело, спускается вниз, часто с головой вдвое распухшей.

Грустно ремесло пчелопромышленника на острове Борнео!

Глава 46

БРУАНГ

Продолжая свой путь, путешественники видели много других тапангов с лестницами, и у одного из самых больших проводник остановился.

Бросив на землю свой «крисс» — туземный охотничий нож — и топор, он начал всходить по лестнице на тапанг. С какой целью? Очевидно, не за воском или медом.

Даяк объяснил, что он просто хотел взглянуть на лес, а для этого не было другого способа.

Невозможно было без ужаса смотреть на этого человека, когда он поднимался на такую высоту и вверял себя такой ненадежной воздушной опоре.

Даяк скоро взошел на верх лестницы и постоял там минут десять, поворачиваясь и осматривая лес со всех сторон. Наконец он застыл неподвижно, а взор, казалось, устремился в одну точку. Он был слишком высоко, чтобы можно было судить о выражении его лица, но поза означала, что он сделал какое-то открытие.

Немедленно он сошел вниз и сказал только эти слова: «Бруанг, я его видел!».

Охотники знали, что бруанг — малайское название медведя.

Вслед за этим они пошли вперед и, пройдя быстро несколько минут, даяк начал продвигаться с большею осторожностью, внимательно осматривая ствол каждого тапанга.

Вдруг он остановился перед одним из деревьев и взглянул вверх. Охотники заметили на коре царапины, по всей вероятности, оставленные когтями какого-нибудь животного.

Едва они успели сделать это замечание, как и само животное представилось их глазам.

Высоко, на вершине тапанга, т. е. там, где первые ветви отделяются от ствола, можно было заметить черное тело. На таком расстоянии оно казалось не больше белки; но это было не что иное как борнейский медведь, настоящий бруанг. Близ его морды висела на ветвях как будто беловатая масса. Это было гнездо пчел, а легкое облако, видневшееся над нею, вероятно, были пчелы в отчаянной битве с грабителем.

Медведь был слишком занят своим угощением, чтобы взглянуть вниз, и в продолжение нескольких минут наши охотники могли свободно рассматривать его, не делая, впрочем, никаких движений.

Налюбовавшись, они готовились стрелять, как были остановлены проводником, сделавшим знак немного отступить и стоять спокойно. Когда они отошли настолько, что медведь не мог их видеть, даяк довольно справедливо заметил им, что на такой высоте они могут промах-

нуться, и что если бы даже они и попали в медведя, то невероятно, чтобы пуля могла его свалить. В том или другом случае медведь взобрался бы выше, и, защищенный листьями и ветвями, мог не бояться их выстрела. Он мог сидеть там, пока голод не принудил бы его спуститься; и так как в настоящее время он успел перекусить, то, по всей вероятности, продолжал бы свое пребывание на дереве довольно долго для того, чтобы вывести их из терпения.

В таком случае можно было бы дерево срубить. У них был топор, а так как дерево нежное, то это и нетрудно было бы сделать; но даяк заметил им, что в подобном случае бруанг почти всегда находит способ спастись. Тапанг редко падает сразу на землю; он задерживается на вершинах окружающих деревьев, и так как медведь острова Борнео взбирается и держится на деревьях как обезьяна, то значит он тем более не упадет; он прыгает с ветки на ветку, прячется в густой листве и спускается на землю только тогда, когда его бегству по земле не грозит опасность.

Поэтому проводник советовал тихо ожидать, спрятавшись за деревьями, пока медведь кончит свой обед и вздумает сойти на землю. Он будет спускаться по лестнице спиной, и если они поступят осторожно, то могут стрелять в него почти в упор.

Вся эта осторожность, вся медленность не согласовались с нетерпением Ивана, но увлеченный, если не убежденный мнением брата, он сдался.

Все трое стали тогда за деревья, которые составляли что-то вроде треугольника, центр которого занимал тапанг, а проводник, не имевший ружья, стоял возле дерева со своим криссом в руке, готовый нанести медведю последний удар, в случае если бы тот был только ранен.

Для охотников, впрочем, не было никакой опасности. Небольшой медведь на Борнео опасен только для пчел, белых муравьев и других насекомых, которых он собирает языком. Он, однако же, царапается и кусается, если слишком приблизиться к нему; но в сущности он так же безопасен как робкая лань.

Все произошло совершенно так, как объяснил даяк. Медведь, окончив свой обед, спустился вниз спиной, и, без сомнения, сошел бы на землю, — но, прежде чем он

был на половине дороги, Иван, не в силах удержать своего нетерпения, выстрелил и промахнулся. Он повторил выстрел дробью и также неудачно.

Естественным следствием его выстрелов был испуг медведя; при первом он начал снова подниматься, что он делал почти так же ловко, как кошка, и на одну минуту казалось, что он скроется. Но Алексей, подстерегавший движения брата, был наготове, и когда медведь остановился, он выстрелил в свою очередь, целясь в голову. Вероятно, пуля достигла цели, потому что животное вместо того, чтобы подняться выше, осталось на ветке и, казалось, с трудом держалось на ней.

В эту минуту раздался выстрел Пушкина и вдруг медведь, выпустив ветку, свалился безжизненной массой к ногам охотников. Случись это на несколько сантиметров ближе, Пушкину бы не устоять. К счастью, как ни было мало расстояние, оно спасло жизнь старого гренадера.

Если бы тело животного упало на гренадера с такой высоты, оно убило бы его, и смерть солдата была бы такой же мгновенной, как и смерть медведя.

Потому, оценив опасность, от которой он только что избавился, бедный Пушкин не мог победить волнения и взгляд его на минуту затуманился, но скоро к нему опять возвратилось хорошее расположение духа.

Глава 47

КАПУСТОЕД

Наши путешественники, считая свое дело конченным на Борнео, готовились отправиться на Суматру, где живет, как на Яве и на полуострове Малакке, медведь, известный под именем *ursus malayanus*; но перед выездом из Самбаса их уверили, что он находится также и на Борнео.

Этот вид медведя встречается реже, чем с оранжевой грудью; но туземцы, которые вообще отличные проводники, но весьма неважные анатомы, когда дело идет о классификации и породах — утверждали, что оба вида существуют на их острове, а дайак, которого Гробо-

новы щедро наградили за услуги, обещал, что если они пожелают за ним пойти до одного известного ему места, то он покажет им бруанга крупной породы. По сделанному проводником описанию Алексей легко узнал *ursus malayanus*; тот, которого он убил, был *ursus eurypilus*.

Раз можно было найти этого медведя там, где они были, зачем же отправляться за ним на Суматру? Нашим молодым людям и без этого еще оставалось путешествовать довольно много, и они начинали уже утомляться. И, притом, было вполне естественно, что после такого долгого отсутствия, перенесши такую усталость и вытерпев столько опасностей, им хотелось поскорее домой — насладиться всеми удовольствиями комфортабельной жизни, в своем красивом дворце на берегах Невы. Потому они решились последовать за проводником в эту новую экспедицию.

Они шли целый день и к вечеру прибыли на то место, где даяк надеялся встретить больших бруангов. Раньше следующего дня они не могли начать охоты. Они остановились и устроили свой лагерь. Менее чем за час проводник смастерил шалаш из бамбука и покрыл его большими банановыми листьями. Они находились среди рощи или, лучше сказать, среди пальмового леса, — из той породы пальм, которая называется у туземцев *нибон* и принадлежит к виду *аренгов*.

Аренг принадлежит к семейству капустных пальм, называемых так потому, что тамошние жители едят ее молодые листья, как европейцы едят капусту. Листья ее чрезвычайной белизны и имеют вкус орехов; любители ставят их гораздо выше листьев кокоса и даже выше капустной пальмы Западной Индии. Жители Борнео и других островов Индийского архипелага употребляют *нибон* для изготовления многих предметов. Ее круглый ствол идет на бревна для их домов. Распиленная на доски, она употребляется для пола. Из оболочки, в которой есть цветы, получают сладкий сок, из которого делают сахар, — от чего произошло название ее *аренда сасша-сифа*, — и который после брожения превращается в опьяняющую жидкость. Ствол содержит в изобилии саго. Наконец, из жилок, которые находятся в листьях, делают перья для письма и стрелы для духовых ружей.

Вид этого прекрасного дерева заинтересовал Алек-

ся; но было уже слишком поздно, чтобы рассмотреть его. Оставшиеся им полчаса дня были употреблены на постройку шалаша, в которой все помогали даяку.

На другой день, рано утром, Алексей, мучимый любопытством по поводу нибона, решился пройтись по лесу, надеясь увидеть одно из этих деревьев в цвету; его брат, Пушкин и проводник остались в шалаше приготовить завтрак.

Алексей довольно далеко углубился в лес, не встречая того, чего искал. Но так как он шел наудачу, всматриваясь в листья пальм, то заметил одну пальму, ствол которой очень заметно качался. Он остановился послушать и услышал что кто-то срывает листья с дерева, и в особенности с того, движение которого его поразило. Но он видел только ствол, а причина шума и движения дерева, казалось, была на вершине, в листьях.

Алексей пожалел, что не взял своего ружья, но не от страха, так как на вершине пальмы не могло быть ни слона, ни носорога, а это единственные страшные четвероногие в лесах Борнео, потому что королевский тигр, хотя довольно распространен на Яве и Суматре, не водится на этом счастливом острове.

Итак, не из страха наш молодой русский пожалел, что кроме ножа, с ним не было другого оружия, но от мысли, что он теряет случай застрелить редкой породы зверя, который, судя по движению дерева, должен быть очень крупных размеров.

Нельзя выразить словами как увеличилось сожаление охотника, когда, приблизившись к дереву и взглянув вверх, он увидел, среди ветвей, медведя, настоящего *ursus malayanus*. Это был он: его черная масса, его желтоватая морда и белый полумесяц на груди. Он лакомился листьями аренга и крохи от его стола покрывали землю у подножия пальмы.

Алексей вспомнил тогда, что такова обычная манера малайского медведя, любимую пищу которого составляет пальмовая капуста, и который часто нападает на кокосовые плантации, где истребляет сотни деревьев прежде, чем могут его убить. Этот аренговый лес доставляет ему столько капусты, сколько он мог пожелать, и был местом, где всегда можно его найти; Алексей понял тогда, для чего даяк привел их туда.

Он, кроме того, знал, что эта порода встречается реже другой, по крайней мере, на этом острове, и еще больше огорчился, не имея с собою ружья. Нападать на животное с одним ножом было бы так же нелепо, как и опасно, потому что малайский медведь противник более страшный, чем медведь острова Борнео.

Бруанг давно уже заметил неприятеля у подножия дерева. Он прервал свой обед, и, испуская жалобные крики, застыл в оборонительной позе. Принятое им положение ясно доказывало, что он не имел никакого намерения спуститься на землю, пока охотник будет там. Алексей несколько раз ударил палкой по дереву и сделал еще несколько движений, чтобы его испугать, но без малейшего успеха.

Первой мыслью охотника было как-то известить товарищей. Если бы он мог это сделать, они подошли бы к нему с ружьями. Это был самый простой и лучший план, и Алексей поспешил исполнить его, закричав со всех сил. Он звал их в продолжение десяти минут и ждал почти столько же, но не получил ответа, и никто не пришел к нему.

Что делать? Идти за ними, значит — дать медведю время спуститься и уйти. Тогда он непременно спасется, потому что невероятно было бы отыскать в лесу его след. С другой стороны, Алексей не мог оставаться и ждать, пока медведь спустится на землю. Да и даже в этом случае он не был уверен, удастся ли ему убить медведя или хотя бы одолеть.

Вдруг у него блеснула счастливая мысль. Он отступил на два шага и скрылся за широкими листьями дикого банана, где животное не могло его увидеть. Так как утро было свежее, то на нем был плащ. Он его снял и нацепил, как мог искуснее на палку, которой стучал по дереву. Сверху он надел на палку свою шляпу и таким образом сделал род чучела, имеющего форму человека.

Затем он осторожно приблизился, скрываясь под банановыми листьями. Чучело, напротив, было помещено так, чтобы медведь его видел; потом, надеясь на свою хитрость, достойную Ганибала, Алексей скрылся без малейшего шума. Отойдя настолько далеко, что его не могли услышать, он ускорил шаг и возвратился в лагерь.

Вооружиться и отправиться для него и товарищей было делом одной минуты, а через двадцать минут они

все четверо стояли возле пальмы, где увидели, что хитрость Алексея вполне удалась.

Медведь все сидел между листьями нибона; четыре пули, отправленные в белое пятно на его груди, свалили его с дерева мертвым.

Даяк был очень обижен тем, что на этот раз не он сам отыскал медведя; но узнав, что все равно ему выдают всю обещанную награду, скоро утешился.

Ободренные этим счастливым началом, наши герои решились воспользоваться целым днем после завтрака и продолжить охоту, результатом которой были не только другой бруанг, но еще и *gimau dahap* или волнистый тигр, самое красивое животное из всей кошачьей породы, шкура которого должна была блистательно занять свое место среди собранных трофеев в музее Гродоновских палат.

Этой охотой закончились похождения молодых Гродоновых на Восточном архипелаге, и из Самбаса они направились через Малакский пролив в Бенгальский залив в крупнейший южно-азиатский центр — в город Калькутту.

Глава 48

КОНЬ В БЕДЕ

Итак, наши охотники направлялись к великой горной цепи Гималаев.

Там они рассчитывали найти три породы медведей, различающихся по росту, виду, некоторым привычкам и даже по месту жительства, так как, хотя все три и водятся в Гималайских горах, но каждая живет почти исключительно в своей особой зоне. Эти три следующих породы: большегубый медведь, тибетский медведь и желтый медведь, или снеговой.

Первый получил свое название из-за привычки вытягивать губы, особенно нижнюю, чтобы схватить пищу. Густые пряди шерсти, покрывающие шею и почти все тело, так же как длинные серповидные когти, придают ему сходство с животным, называемым ленивцем.

Этот медведь меньше европейского, но его наиболее крупные экземпляры приближаются к последнему по размерам. Его шерсть длиннее, чем у кого бы то ни было из его собратьев, на верхней же стороне шеи она даже бы-

ваает в фут длины и более. На затылке она разделяется надвое поперечным пробором так, что передние волосы падают медведю на глаза, придавая ему неуклюжий и глупый вид, задние же в виде гривы откинута к спине.

Большегубый медведь бывает обыкновенно черного цвета с несколькими коричневыми пятнами. На груди выделяется белое треугольное пятно; морда грязно-белого, переходящего в желтый, цвета. Любопытна его способность вытягивать губы дюйма на три вперед, складывая их трубочкой, чтобы удобнее было сосать. Этой особенностью природа наградила его, очевидно, для того, чтобы питаться термитами, его главной пищей. Длинные загнутые когти помогают ему расковыривать тот род цемента, из которого эти насекомые строят свои необыкновенные жилища. Он ест также фрукты и сочные овощи; едва ли нужно прибавлять, что он страстно любит мед и обворывает ульи.

Несмотря на комические роли, которым обучают ручных большегубых медведей фокусники, он иногда разыгрывает и трагедии, особенно когда находится среди дикой природы. Он не нападает на человека без причины, и если его оставить в покое, проходит мимо; но, будучи ранен или раздражен, дерется с таким же упорством, как черный американский медведь. Индусы боятся его, но, главным образом, из-за опустошений, которые он производит на плантациях сахарного тростника.

Ленивый или большегубый медведь живет не только в Гималайских горах. Эти горы являются лишь северной границей его обширного царства.

Он водится на всем Индостанском полуострове и даже на Цейлоне, встречается также в Декане, в горах, окружающих Бенгальскую провинцию, и в Непале, но дальше этого к северу он не поднимается, что доказывает его любовь к жаркому климату, несмотря на густую шерсть.

Вместо того, чтобы прятаться в уединении, вдали от жилищ, он скорее ищет общества человека, не из любви к нему, а просто, чтобы воспользоваться его трудами. Он всегда устраивает себе жилище по соседству с какою-нибудь деревней, чтобы вволю опустошать поля. Он живет и в лесах, но предпочитает им кустарниковую поросль и джунгли, выбирая себе под логовище природное углуб-

ление или яму, вырытую каким-нибудь другим животным.

Из Калькутты наши путешественники направились на северо-запад, к горам. Они намеревались проникнуть в Гималаи через княжество Сикким или Непальское королевство, и, зная, что большегубый медведь очень распространен в этих странах, все время держались на чеку.

В самом деле, они во многих местах были свидетелями опустошений, произведенных этим животным на обработанных полях, и видели по дороге много его следов.

Но, несмотря на многочисленные доказательства присутствия большегубого медведя во всей Бенгальской провинции, наши охотники встретили его лишь у подошвы Гималайских гор, в Тераи. Это название носит полоса земли, покрытая лесом и джунглями, шириною приблизительно в тридцать верст, тянущаяся параллельно южному склону Гималайской цепи во всю ее дину, от Афганистана до Китая.

Во всей этой области настолько нездоровый климат, что она остается почти необитаемой; местные уроженцы, с детства привыкшие к этому воздуху, насыщенному миазмами, еще переносят его, но горе европейцу, замешкавшемуся в Тераи: он может быть уверен, что найдет там свою могилу...

Несмотря на такой вредный климат, самые крупные четвероногие: слон, носорог, лев, тигр, олень, пантера и леопард, — питают, по-видимому, особое пристрастие к этому месту. Большегубый медведь бродит там по лесам и по прогалинам, где в изобилии находит термитов. Наши охотники не могли не встретить его там.

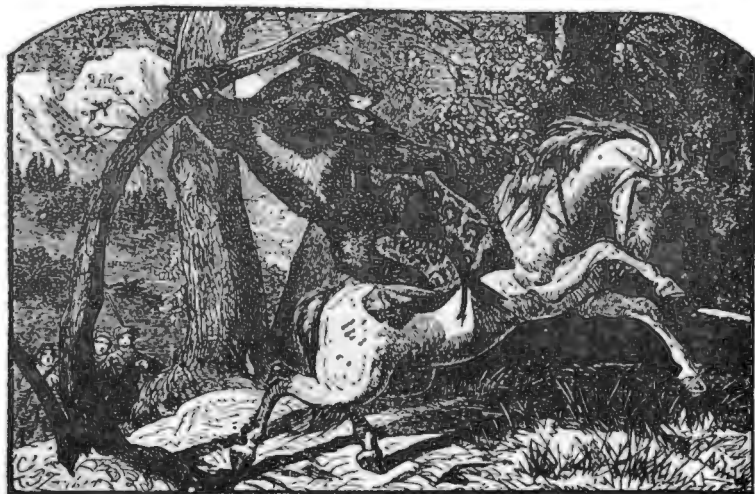
Они вошли в лес, в котором росли дубы, кедры и другие деревья, покрывающие покатную возвышенность, у подошвы которой находилась маленькая деревня, где они расположили свою главную квартиру.

Достигнув возвышенности, они сошли с лошадей, чтобы лучше осматривать вершины деревьев, где надеялись найти свою дичь, и привязали лошадей к ветвям большого кедра.

В тот день у них не было удачи. Они везде видели многочисленные следы присутствия медведей, но не встретили ни одного из этих животных.

Был уже полдень, и так как им сказали, что вечер —

самое благоприятное время для охоты, то они решились возвратиться к своим лошадям и ждать захода солнца. Движение разбудило в них аппетит, а завтрак и несколько часов отдыха под большим кедром должны были возобновить их силы и приготовить к охоте, с большей надеждой на успех при наступлении ночи.

Но, приближаясь к месту, где они оставили лошадей, они услышали ржание, и, что их удивило, глухой звук и непрерывный топот. Удивление их еще более усилилось, когда, подойдя к кедру, они увидели своих трех лошадей, прыгающих и старающихся оторвать поводя. Они были привязаны каждая к отдельной ветке, на расстоянии нескольких метров одна от другой, и все три страшно ржали, казалось, без видимой причины.

Алексею и его брату было известно, что в Гималайских горах, есть один род овода, которого боятся не только животные, но и человек: они уже испытали это на себе. Но эти насекомые водятся только в низинах и было невероятно опасаться их в этих лесах, поднявшихся на 3000 метров выше уровня моря.

Не были ли это пчелы?

Может быть, рой их находился по соседству, или даже на ветвях этого самого кедра, и присутствие их вызвало тревогу, в которой они застали своих лошадей?

Они готовы были уже поверить этому объяснению, когда внимание их было привлечено предметом, разрешившим задачу совсем иным образом.

Одна из лошадей казалась более испуганной, и в то время как она рвалась и прыгала, глаза ее были устремлены вверх. Охотники взглянули по тому же направлению и, между листьями кедра увидели огромную черную массу, длинной формы, простертую на одной из внутренних ветвей, как раз над местом, где привязана была лошадь.

Едва они успели узнать ту самую дичь, которую отыскивали целое утро, как медведь, словно кошка, бросился на спину лошади. Конь страшно заржал; ужас как будто удвоил его силы; он сломил ветвь, удерживавшую его, и пустился в лес с медведем, уцепившимся за его спину.

Деревья, растущие вокруг, были почти все молодые и тонкие; но так как они росли часто, то конь со своим необыкновенным всадником мог продвигаться с трудом, и, ослепленный ужасом, спотыкался почти на каждом шагу. Вдруг он остановился как бы удержанный магической силой. Зрители, удивленные этой сценой, не могли объяснить ее себе; но так как они были недалеко, то скоро и узнали причину остановки. Медведь одною из своих толстых лап схватился за дерево, а другою крепко держался за седло. Таким образом он некоторое время удерживал коня, но скоро началась борьба, продолжавшаяся несколько секунд. Конь делал страшные усилия вырваться, медведь энергично тянул седло к себе и всеми силами держался за дерево. К счастью для коня, седло было довольно подержанное. Подпруга лопнула; седло осталось в когтях медведя, а конь, освободившись, воспользовался этим счастливым случаем. Он радостно заржал и бросился в лес; теперь он был в безопасности. А медведь,—напротив: его бедствия только начинались.

В то время, как, придерживая лошадь одною лапою, он другою уцепился за дерево, это была молодая сосна, оно наклонилось до того, что вершина его стала касаться седла. Когда подпруга лопнула, упругий ствол выпрямился с такою силою, что не только выскользнул из лапы медведя, но и отбросил его на несколько шагов на землю, где он лежал оглушенный, или, по крайней мере, до того

удивленный, что его на минуту можно было считать мертвым.

Эта минута не была потеряна нашими охотниками. Они подбежали на расстояние десяти шагов к животному и выстрелили все трое одновременно, что помешало ему встать. На лапы он встал лишь по прибытии его шкуры в Петербург, где из нее сделали чучело и поместили в музей при Гродоновских палатах.

Глава 49

СНЕГОВОЙ МЕДВЕДЬ

На гораздо большей высоте в Гималайских горах обитает снеговой медведь. Порода эта получила от натуралистов странное название солового медведя (*ursus isabellinus*). Масть его разнообразится от белой до темно-бурой. Гималайские охотники знают его под названиями бурого, красного, желтого, белого, серо-белого, серебристого и белоснежного — что доказывает не только сколько мастей попадает в одной породе, но и как последовательно изменяются оттенки у одного и того же индивидуума, сообразно с временем года или с возрастом животного.

Из всех названий наиболее подходящим представляется — снеговой медведь. Приняв его, можно избежать путаницы названий, так как некоторые из них даны уже разновидностям *ursus americanus* и *ursus ferox*. Скажем более, оно как нельзя лучше применимо к гималайскому медведю, ибо он по преимуществу обитает в поясе, поросшем травой, без деревьев, между линией вечных снегов и лесистыми скатами, на которые заходит лишь в извечное время года.

Для отличия его от других пород следует не особенно полагаться на его цвет. Весною шерсть у него длинная, пушистая, меняющаяся между желтым и рыжим, но чаще между серым и серебристым. Летом эта длинная шерсть вылезает и заменяется более короткой и более темной, которая становится длиннее в свою очередь и принимает гораздо более светлый оттенок. Самки темнее самцов, а у медвежат вокруг шеи имеется белое кольцо, которое исчезает с возрастом.

Снеговой медведь подвержен спячке. С наступлением

холодов он забирается в какую-нибудь пещеру, откуда выходит только тогда, когда солнце прогреет землю, и на опушках лесов покажется молоденькая травка. Там он бродит целое лето, питаясь травой и кореньями, а также пресмыкающимися и насекомыми, которых может поймать. Осенью он ходит по лесам, отыскивая ягоды и орехи, и в это время года, подобно своему собрату, черному медведю, проникает на возделанные земли и даже в сады полакомиться плодами и молодыми колосьями, из которых рисовые составляют его любимое блюдо.

Будучи от природы плодоядным, он ест однако ж иногда и мясо и нередко опустошает козьи и овечьи стада, пасущиеся на горных высотах. В этих случаях он не боится человека и нападает на пастухов, которые вздумают защищать свое стадо.

Среди более или менее странных продуктов, составляющих пищу снегового медведя, можно поместить на первом плане червей и скорпионов. Он иногда довольно долго их ищет, роя землю и переворачивая камни. Иногда он перемещает такие глыбы, какие человеку не поднять.

Однажды за таким занятием охотники наши увидели снегового медведя. Они уже встречали многих и ранили двоих, но последние успели скрыться. На этот раз они были счастливее.

Они с трудом взбирались по узкому ущелью, которое, несмотря на то, что уже была осень, загромождалось снегом, оставшимся от зимы. Снег был твердый, так что приходилось прорубать ступеньки. Целью этого трудного восхождения было отыскать медведя, который несколько минут назад прошел по этой самой дороге и следы которого отчетливо отпечатались на снегу.

Ступая со всевозможною осторожностью, они подошли к самому верху ущелья. Взглянув из-за утеса, они увидели небольшую площадку, покрытую травой. Везде торчали большие камни, очевидно оторванные от горы, продолжавшей подниматься за площадкою.

Но они обрадовались больше всего, когда увидели медведя, по всем вероятностям того самого, за которым они следили. Он был от них не более как в десяти саженях и в чрезвычайно странной позе. Он в передних лапах держал камень громадной величины и очевидно хотел его переложить на другое место. Все трое прицелились и дали залп. Пули попали в зверя; он бросил камень, а

сам не упал, но, оборотясь, с диким ревом бросился на неприятелей.

Охотникам некогда было заряжать ружья, а оставалось только бежать по ущелью, по которому они только что прошли, так как появиться на площадке — значило идти навстречу медведю. Но спускаться было делом не легким. Не успели они сделать несколько шагов, как убедились в невозможности держаться на гладком снегу. Не было у них и времени прорубить новые ступеньки или искать старых. Единственное средство спасения было — сесть на снег и спускаться в этом положении. Не успела им придти в голову эта мысль, как уже была приведена в исполнение; они сидя спустились по крутому скату, умеряя ружьями быстроту спуска, и таким образом достигли равнины.

Очутившись внизу, они обернулись. Медведь стоял наверху и, по-видимому, колебался, спускаться ли ему в свою очередь или оставить преследование. Но он так стоял, что охотники намеревались дать по нему новый залп, как, вдруг, к своему сожалению заметили, что стволы их ружей были наполнены снегом.

В то время, как они считали медведя потерянным для себя, он продвинулся вперед, словно задумав спуститься, но вместо обыкновенного способа он катился кубарем, повинувшись скорее посторонней силе, нежели собственной воле. Действительно, обессилев от потери крови, он упал в ущелье и покатился, не будучи в состоянии остановиться.

Через минуту он лежал без движения у ног охотников, которые, однако, из предосторожности все-таки еще и закололи его.

Глава 50

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Не имея больше на кого охотиться в Гималайских горах, наши путешественники спустились с гор в равнины Индостана и прошли через полуостров до Бомбея. Оттуда по Индийскому океану и Персидскому заливу прибыли в порт Бассору на Ефрате. Поднявшись потом по одному из притоков этой реки, Тигру, они посетили знаменитый Багдад. Целью их было добраться до снежных вершин Ливана, где они надеялись встретить сирийского медве-

ля Выехав из Багдада с турецким караваном, они достигли Дамаска, где оставались очень недолго для необходимых расспросов и прямо направились в Ливан.

В этой горной цепи живет сирийский медведь (*ursus syriacus*), открытый, впрочем, очень недавно. Все натуралисты сомневались в существовании медведя в Сирии, подобно тому, как они отрицают до сих пор его присутствие в Африке. Будучи вынуждены сознаться в ошибке, иные хотят видеть в сирийском медведе только разновидность *ursus arctos*; но это мнение не выдерживает критики. По форме, цвету и большей части своих привычек сирийский медведь существенно отличается от бурого северного. Он живет не в лесах, а на открытых местах или в скалах, и подобно гималайскому держится преимущественно возле линии вечных снегов.

Цвет его разнообразится между серо-пепельным и бурорыжим, но изменяется сообразно с временем года. Шерсть у него низкая, отчего он кажется тоньше и меньше многих из своих собратьев.

Признак, по которому его легко узнать,— это полоса прямой шерсти, похожая на спинную гриву обезьяны и идущая во всю длину позвоночника. Сирийский медведь, впрочем, заметно отличается от других медведей, и считать его просто разновидностью *ursus arctos* значит делать шаг назад к старой системе, по которой все медведи составляют одну и ту же породу.

Сирийский медведь обитает не на всей Ливанской цепи. Его встречают лишь на самых высоких вершинах, в особенности на горе Макмель, и он обыкновенно живет на границе снегов. Он однако ж спускается иногда и ниже и забирается в сады, которые опустошает. Он убивает порою овец, коз, и даже больших животных и, будучи вызван на бой, не боится вступать в битву с человеком. Его в особенности следует опасаться ночью, когда он по большей части совершает набеги. Пастухи и охотники нередко бывают жертвами его свирепости; это доказывает, что он сохранил дикий характер, приписываемый ему Библией, где сказано, что два таких медведя растерзали сорок двух детей, оскорбивших пророка Елисея.

Свирепость его также подтвердилась и во время крестовых походов, потому что, как говорят, Годфрид Буль-

онский убил одного из медведей, напавших на бедного антиохийского дровосека, и что это считалось великим подвигом у храбрых крестоносцев.

Охотники наши могли убедиться на собственном опыте, что сирийский медведь столь же дик и свиреп, как и в прежнее время.

Это видно из последнего их приключения, — из последнего, по крайней мере, по дневнику Алексея.

Они основали свою главную квартиру в Бишерре, небольшой деревушке на горе Макмель, возле снеговой линии и как раз в тех местах, где водится множество медведей на соседних высотах. Из Бишерры они отправлялись пешком в свою экспедицию; они даже убили пару медведей, но только очень молодых, так что шкуры их не годились для коллекции. Им необходим был хороший экземпляр сирийской породы.

Однажды они выследили медведя до склона ущелья, шириною не более двух сажен, которое спускалось чрезвычайно круто, и, судя по круглым камням, служившее ложем пересохшему горному потоку.

Они вступили в это ущелье в надежде, что медведь скрылся в какой-нибудь пещере или расселине, внимательно осматривая по обеим сторонам и рассчитывая увидеть где-нибудь Михайлу Иваныча.

Пройдя до половины ущелья, и наконец услышав шум, похожий на сопение кузнечного меха они обернулись и увидели медведя. Сначала показалась его морда саженях в трех от дна, а потом и вся голова. Можно было подумать, что медведья голова приделана к утесу. Очевидно, там была пещера, куда укрылось животное.

Бросив взгляд на тех, кто потревожил его, медведь спрятал голову так быстро, что охотники не успели выстрелить. Для более верного прицела они сделали несколько шагов вперед, чтобы стать повыше пещеры и видеть вход, и молча ожидали появления головы или, по крайней мере, морды.

Ждать пришлось недолго. Из простого ли любопытства и желания посмотреть скрылись ли люди, или с намерением на них напасть, медведь снова высунул голову из пещеры. Не желая, чтоб он опять скрылся, все три охотника выстрелили с такою поспешностью, что двое промахнулись. Один только Алексей попал зверю в челюсть и раздробил ее.

Когда рассеялся дым, охотники увидели, что весь медведь показался на камне перед входом в пещеру. Раздался вой бешенства и боли, он прыгнул, но вместо того, чтоб спускаться, как они ожидали, бросился прямо на них.

На этот раз у них тоже не было выбора. Предстояло бежать, подымаясь на гору. Спускаться — значило самим кинуться в когти разъяренного зверя, и потому все трое полезли вверх как могли, надеясь ускользнуть от неприятеля. Но скат постепенно становился круче, а камни, выкатываясь из-под ног, затрудняли восхождение. Вскоре они выбились из сил и не могли ступить больше ни шагу.

Наконец они остановились и, повернувшись лицом к врагу, вынули ножи. Медведь все приближался с ревом и воем. Он шел быстрее их между камнями и, конечно, догнал бы их, если бы они продолжали бегство, потому что находился уже только в шести шагах, когда они оборотились.

Битва не могла не представлять опасности. В изнеможении, едва дыша, они были не в состоянии выдержать натиск такого страшного врага. Бесполезно и говорить, что у них не было времени перезарядить ружья. Решив защищаться ножами во что бы то ни стало, они вероятно исполнили бы это с честью, если бы завязалась борьба.

Но прежде чем медведь подошел к ним, Пушкину пришла счастливая мысль. Он быстро наклонился, бросил нож, схватил огромный камень и изо всей силы бросил им в зверя. Получив удар в грудь, зверь упал, словно пораженный громом, и откатился шагов на десять.

Зарядив поспешно ружья, охотники бросились к медведю, который лежал между камнями мертвый. Сняв с него шкуру, они возвратились в Бишерру, и на другой день, уложив свои вещи, пустились в путь, имея в виду через ущелья Ливана добраться до берегов Средиземного моря.

С тех пор они повторяли только: «Домой! Домой!» Это слово приятно ласкало их слух. Их медвежья охота была кончена. Они исполнили возложенную на них обязанность, не пропустив ни одного из условий программы.

Естественно они ожидали себе по возвращении доброго приема, и не ошиблись. В течение нескольких дней в

залах Гродоновских палат гремели непрерывные пиршества. Молодые охотники нашли в отцовском музее своих старых знакомых из всех частей света. Чучела были набиты великолепно. Недоставало только сирийского медведя, шкуру которого братья Гродоновы привезли с собой сами, между тем как другие пересылались из разных мест. Через несколько дней поставлен был на место и *ursus syriacus*, дополнив таким образом коллекцию.

Пропавшая сестра

Роман

Из собрания И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Эванса

Глава 1

СЕМЕЙНАЯ ОБСТАНОВКА

Первое важное событие в моей жизни произошло 22 мая 1831 года. Я в этот день родился.

Шесть недель спустя произошло другое событие, которое, без сомнения, имело влияние на мою судьбу: меня окрестили и назвали Роландом Соуном.

Род мой, насколько это видно из древней истории и из Ветхого Завета, очень древний. В числе моих предков числится, между прочим, Ной, построивший знаменитый корабль-ковчег, которого он был сам и капитаном. Но отец мой не принадлежал к знати и добывал кусок хлеба честной и тяжелой работой. Он был седельным и шорным мастером, и мастерская его помещалась на одной из темных улиц города Дублина. Имя моего отца было Вильям Стоун. Когда я вспоминаю о своем отце, я чувствую в душе большую гордость, потому что он был честным, трудолюбивым и трудолюбивым человеком и очень нежно обращался с моей матерью и нами, детьми. Я был бы благодарным сыном, если бы не вспоминал с гордостью о таком отце!

В характере моей матери не было ничего замечательного. Я был маленьким буяном и, без сомнения, причинил ей много огорчений. Я склонен теперь думать, что она была ко мне довольно ласкова и относилась вообще лучше, чем я того заслуживал. За мою постоянную склонность убежать из дома и из школы и пропадать по целым дням неизвестно, где меня прозвали Роллинг Стоуном, что значит катящийся камень.

Мой отец умер, когда мне было около 13 лет; после его смерти в нашем доме завелись нужда и горе. Нам осталось четверо: моя мать, я, брат Вильям, на полтора

года моложе меня, и сестра Марта, на три с половиной года моложе меня.

После смерти отца заведывание мастерской и работу в ней принял на себя седельный мастер Мэтью Лири, который больше года работал с моим отцом перед его смертью.

Меня взяли из школы и поместили в мастерскую, где Лири постепенно приучал меня к шорному делу. Я должен признаться, что этот человек обнаружил замечательное терпение в попытке научить меня мастерству.

Он также помогал моей матери своими советами и казалось, что он руководствуется искренними заботами о наших интересах. Дела мастерской он вел превосходно и весь доход аккуратно вручал моей матери. Большинство наших соседей отзывались о нем с величайшей похвалой; часто я слышал от своей матери, что она не знает, что было бы с нами, если бы не этот человек.

В то же время Лири обращался со мною очень ласково. Я не имел никакой причины не любить его. Между тем и его просто ненавидел!

Я сознавал всю несправедливость моей необъяснимой антипатии, но ничего не мог поделать с собою. Я не только с большим трудом переносил его присутствие, но мне даже казалось, что я никогда не видел более гнусного лица.

Я даже в присутствии его не мог скрыть своей антипатии к нему, но он как будто не замечал этого и относился ко мне по-прежнему ласково. Все его попытки снизить мое расположение были тщетны и только увеличили мою ненависть к нему.

Время шло. С каждым днем увеличивалось влияние Лири на наши дела и на мою мать, и в той же мере увеличивалась к нему моя ненависть.

Моя мать старалась победить эту ненависть, напоминая мне об его доброте к нашему семейству, об его заботах выучить меня ремеслу, об его несомненной доброй нравственности и хороших привычках.

Я ничего не мог возразить на эти аргументы, но моя антипатия не зависела от рассуждений: она была инстинктивна.

Вскоре для меня стало ясно, что Лири хочет в ближайшем будущем сделаться членом нашего семейства. Мать была глубоко уверена, что он необходим для нашего существования.

Моей матери было около 33 лет, и она не казалась старше своих лет. Она была видная и красивая женщина и считалась владелицей дома и мастерской. У Лири не было за душой ничего. Он был просто седельный мастер, но когда сделалось очевидным, что он намерен воспользоваться случаем и жениться на моей матери, то все поняли, что он делается хозяином и дома и мастерской.

Было очевидно, что никакие мои усилия не смогут помешать совершиться этому; по мнению моей матери, Лири был вполне достоин заменить ей ее первого мужа.

Я пытался ее отговорить, но не мог привести никаких аргументов против этого брака, кроме своего личного предубеждения.

Мое противодействие вторичному выходу замуж матери в результате вызвало с ее стороны только охлаждение ко мне. Когда я окончательно убедился в твердости ее намерения сделаться женой Лири, я решил побороть свои предубеждения против мистера Лири, потому что знал о той власти, какую он будет иметь надо мною, когда делается моим отчимом.

Но попытка моя не удалась. Я не мог победить своей ненависти к нему. И никогда я не предполагал, чтобы с человеком могла случиться такая большая и внезапная перемена, какая произошла с мистером Лири после его женитьбы на моей матери.

Он больше уже не был прежним скромным работником. Он сразу перестал обращаться со мною ласково, а заговорил таким повелительным и властным тоном, каким даже мой покойный отец никогда не говорил со мною.

Мистер Лири был до сих пор прилежным работником, но теперь он бросил сам работать и нанял другого человека для работы в мастерской, который и работал в ней вместе со мною. Сам же мистер Лири всем своим поведением доказывал, что его дело заключается только в получении денег, которые мы должны зарабатывать.

Все время он проводил в кругу своих новых знакомых, людей невоздержанных; домой являлся почти постоянно пьяным и обращался с моей матерью грубо и жестоко. И все это началось, когда не прошло еще и трех недель после свадьбы.

Я не скрывал от мистера Лири своего мнения о нем

и об его поведении, и это вскоре привело к тому, что дольше оставаться в своей семье я не мог.

Наши разногласия и столкновения с каждым днем увеличивались, пока мистер Лири не объявил, что я неблагодарный негодяй, не оценивший его забот обо мне, что он ничего не может сделать со мною, и чтобы я не оставался больше в его доме!

Он долго совещался с моей матерью, что сделать со мною, и результатом этих совещаний было решение отправить меня в море.

Я не знаю, какие он употребил аргументы, но только они подействовали на мою мать, и она согласилась с его планами. Вскоре после этого я был определен учеником на парусное судно «Надежда», совершавшее рейсы между Дублином и Новым Орлеаном. Капитаном этого судна был Джон Браннон.

— Море — настоящее для тебя место, — сказал мистер Лири, после того как представил меня капитану Браннону. — На корабле ты научишься вести себя и обращаться со старшими с уважением.

Мистер Лири думал, посылая меня в море, отомстить мне за мое дурное отношение к нему, но он ошибался. Если бы он знал, что этим он доставил мне только удовольствие, то, наверное, постарался бы немного подольше оставить меня дома в мастерской.

Так как я уже и сам решил оставить дом, то я только обрадовался, что меня отсылают. Мне только тяжело было и жалко оставлять мою мать, брата и маленькую сестру в жестоких руках мистера Лири.

Но что же я мог сделать? Мне не было еще и 14 лет, и я, конечно, не мог бы взять их от него и содержать. Ненависть у нас с мистером Лири была обоюдная, и когда он не будет больше замечать моего присутствия, то, может быть, станет лучше обращаться с моими близкими. Только эта мысль и утешала меня, когда я расставался с ними.

Моя мать хотела проводить меня до корабля, но этому воспрепятствовал мистер Лири, сказав, что он сам проводит меня.

С мистером Лири мы расстались на корабле, и когда он уходил, я крикнул ему: «Мистер Лири! Если вы в мое отсутствие будете дурно обращаться с моей матерью, братом или сестрою, то я вас убью, когда возвращусь назад». Он ничего не ответил.

Глава 2

БУРНЫЙ ДЖЕК

На корабле «Надежда» я оказался в очень печальном положении. Я был там самым последним человеком. Весь экипаж пользовался мною для своих личных услуг. Только один человек, боцман, прозванный своими товарищами Сторми-Джеком, что значит Бурный Джек, за вспыльчивый характер, относился ко мне ласково и защищал меня от своих товарищей. Благодаря заступничеству «Бурного», мое положение на корабле значительно улучшилось.

После одной ссоры с корабельным плотником, виновником которой был последний, Бурного избили, связали и заперли в трюме. Такое несправедливое наказание страшно возмутило Бурного, и он решил по прибытии в Новый Орлеан дезертировать.

За несколько дней до прихода в Новый Орлеан Бурного освободили, но мысль о бегстве не покидала его.

Мне удалось, хотя и с большим трудом, убедить Бурного не покидать меня на корабле, а взять с собою.

Через два дня после нашего прибытия в Новый Орлеан, он попросил разрешения сойти на берег, а также, чтобы и мне позволено было сопровождать его. Капитан разрешил, полагая, что Бурного удержит от побега недополученное жалованье. Мысль о том, чтобы мальчик, подобный мне, решился покинуть корабль, не могла прийти капитану в голову.

Мы оставили корабль, чтобы больше на него не возвращаться.

Мы сосчитали наши деньги. У Бурного было 12 шиллингов, у меня же только полкроны. Бурный чувствовал большое искушение зайти в кабачок, но, в конце концов, вышел победителем из этой тяжелой для него борьбы. Сознание ответственности не только за себя, но и за меня удержало его от этого искушения.

Мы решили первое время избегать мест, посещаемых обыкновенно моряками, чтобы не быть пойманными и водворенными снова на «Надежду».

Через несколько дней Бурный нашел себе занятие. Мне же он предложил пока заняться продажей газет. Я, конечно, с радостью принял это предложение.

На следующий день, рано утром, Бурный отправился

на работу, а я в редакцию за газетами. Мой первый дебют был необыкновенно удачен. Я распродал к вечеру все газеты и получил 100 центов чистой прибыли. В этот день я был самым счастливым человеком на свете. Я спешил домой, чтобы поскорее увидеть Бурного и сообщить ему о своих успехах.

Когда я пришел домой, Бурного еще не было. Проходит час за часом и, наконец, наступает ночь, но Бурного все нет. На другой день он тоже не пришел. Я пробродил весь день по городу, надеясь где-нибудь его встретить, но поиски мои были напрасны.

Прошло три дня, а Бурный не показывался. Моя квартирная хозяйка забрала все мои деньги и через несколько дней вежливо простилась со мною, пожелала мне всяких благ и довольно ясно намекнула мне, чтобы я не трудился возвращаться к ней.

Итак, я был брошен! Один, без знакомых, без денег, без крова, в чужом, незнакомом городе! Я бродил по улицам со своими мрачными мыслями, пока не почувствовал страшной усталости. Я сел на ступеньках крыльца одного ресторана, чтобы немного отдохнуть. Над дверью бакалейной лавки, находившейся на противоположной стороне улицы, я прочел имя и фамилию: «Джон Салливэн». При виде этой знакомой фамилии во мне пробудилась надежда.

Около четырех лет тому назад один бакалейный торговец, с которым мои родители имели дела, эмигрировал в Америку. Звали его Джон Салливэн. Разве не могло быть, что эта лавка принадлежит именно тому человеку?

Я встал и перешел через улицу. Войдя в лавку, я спросил молодого человека, находившегося за прилавком, дома ли мистер Салливэн.

— Он наверно, — сказал юноша. — Вы желаете повидаться с ним?

Я ответил утвердительно, и мистера Салливэна позвали вниз.

Джон Салливэн, которого я знал в Дублине, был массивного роста с рыжеватыми волосами, но тот, который вошел в лавку, был человеком около шести футов, с темными волосами и длинной черной бородой.

Салливэн, который эмигрировал из Дублина в Америку, и Салливэн, который стоял передо мной, были два совершенно различных человека.

— Ну, мой милый, чего вы хотите от меня? — спросил собственник лавки, бросив на меня любопытствующий взгляд.

— Ничего,— пробормотал я в ответ, сильно сконфузившись.

— Тогда зачем же вы меня звали? — спросил он.

После мучительного колебания я объяснил ему, что, прочитав его имя на вывеске, я надеялся найти человека, которого зовут так же, как и его, с которым я был знаком в Ирландии и который эмигрировал в Америку.

— Ага! — сказал он, проницательно улыбаясь.— Мой прапрадедушка приехал в Америку около 250 лет тому назад. Его звали Джоном Салливэном. Может быть, вы его подразумевали?

Я ничего не ответил на этот вопрос и повернулся, чтобы оставить лавку.

— Пойдите, мой милый! — крикнул лавочник.— Я не хочу, чтобы меня беспокоили и заставляли спускаться вниз из-за пустяков. Предположим, что я тот самый Джон Салливэн, которого вы знали; чего же вы бы от него хотели?

— Я бы посоветовался с ним, что мне делать,— ответил я.— Я здесь чужой, не имею ни квартиры, ни друзей, ни денег!

В ответ на это лавочник стал меня подробно расспрашивать обо всем, подвергая меня самому строгому допросу и видимо желая удостовериться, правду ли я говорю или нет.

Выслушав все, он посоветовал мне вернуться на «Надежду», с которой я бежал.

Я сказал, что такой совет не могу исполнить, и что, кроме того, уже около трех дней ничего не ел.

Мой ответ сразу изменил его отношение ко мне.

— Вильям! — сказал он,— не можете ли вы найти какое-нибудь дело для этого мальчика на несколько дней?

Вильям ответил, что может.

Мистер Салливэн ушел наверх, а я, решив, что дело относительно меня покончено, повесил на гвоздь свою шляпу.

Семейство лавочника помещалось в комнатах, расположенных над лавкой, и состояло из его жены и двух детей, из которых старшей девочке было около четырех лет.

Я обедал за одним столом вместе с семейством лавоч-

ника и скоро близко сошелся с ними и полюбил их. Ко мне тоже относились все хорошо, по-родственному, как к члену семейства. Маленькая девочка была существом эксцентричным, даже для ребенка; говорила она редко и мало. Когда же ей приходилось говорить, то она к каждой своей фразе прибавляла слова: «Господи, помоги нам!» Этому выражению она выучилась от слуги-ирландца, и никакие наказания не могли отучить маленькую Сару от этой привычки.

— Сара, если ты скажешь еще раз эту фразу, то я посажу тебя в темный погреб,— угрожала ей мать.

— Господи, помоги нам,— отвечала Сара на эту угрозу.

— Опять!..— вскрикивала мать, и давала девочке два или три шлепка по спине.

— О мама, мама! Господи, помоги нам! — вскрикивала, плача, маленькая Сара, снова бессознательно совершая свое «преступление».

Прошло уже около пяти недель, как я жил у мистера Салливэна. Однажды, протирая в лавке оконные стекла, я нечаянно разбил большое и дорогое витринное стекло. Тотчас же почувствовал такой испуг, какого не испытывал никогда в жизни. Мистер Салливэн относился ко мне всегда с такой добротой, и вот как я отплатил ему за все его благодеяния! Мое душевное состояние было такое угнетенное, что я ничего не мог сообразить. Единственная мысль овладела мною — это немедленно бежать, чтобы не встретиться с мистером Салливэном, который в это время был наверху. Я схватил свою шляпу и ушел, чтобы не возвращаться. «Господи, помоги нам», — услышал я, уходя, обычную фразу маленькой Сары, присутствовавшей при этом.

Глава 3

ОПЯТЬ НА МОРЕ

Я не разлюбил морской жизни, а только был неудовлетворен тем положением, которое я занимал на «Надежде», благодаря мистеру Лири.

Убежав от мистера Салливэна, я твердо решил поступить опять на какой-нибудь корабль и поэтому направился к порту.

Я заметил один корабль, приготовлявшийся в скором времени к отплытию, и взошел на него. Корабль назывался «Леонора». Осмотревшись, я заметил человека, которого принял за капитана, и обратился к нему с просьбой дать мне какую-нибудь работу. Но этот человек не обратил никакого внимания на мою просьбу и не дал никакого ответа. Я твердо решил не уходить с корабля без ответа. Когда пробило девять часов, я незаметно забрался под шлюпку и проспал там до утра.

Рано утром я опять вышел на палубу. Капитан, наконец, обратил на меня внимание и спросил, кто я и что мне нужно.

Я сказал, что меня зовут *Роллинг Стоун*.

— «Катящийся камень!» — воскликнул капитан. — Для чего же и откуда вы сюда изволили прикатиться, сэр?

Капитан показался мне человеком, заслуживающим доверия, и я подробно и вполне искренно пересказал ему все мои приключения. В результате меня приняли на корабль.

Корабль шел в Ливерпуль с грузом хлопка и принадлежал капитану, фамилия которого была Хайленд.

Нигде со мной лучше не обходились, как на этом корабле.

У меня не было определенного дела или занятия, но капитан Хайленд постепенно посвящал меня во все тайны морского дела. Я был почти постоянно при нем, и он всегда заботливо охранял меня от дурного влияния.

Приучать меня к работе капитан Хайленд поручил старому парусному мастеру. Этот мастер относился ко мне хорошо, как и все остальные, за исключением только одного человека, — старшего капитанского помощника, мистера Эдуарда Адкинса. С первого же дня моего вступления на корабль Адкинс возненавидел меня, и эту ненависть я сразу инстинктивно угадал, хотя она и не проявлялась открыто.

По приходе «Леоноры» в Ливерпуль капитан Хайленд на все время стоянки корабля пригласил меня к себе в дом. Семейство капитана Хайленда состояло из жены и дочери, которой в это время было около девяти лет от роду.

Я думал, что ничего в целом свете не было прекрасней этой девочке. Может быть, я и ошибался, но таково было мое мнение.

Наша стоянка в Ливерпуле продолжалась шесть недель, и в продолжение всего этого времени я находился в доме капитана и был постоянным товарищем его маленькой дочери Леоноры, в честь которой назывался так и корабль капитана Хайленда.

Во время стоянки мой добрый покровитель спрашивал, не желаю ли я съездить на несколько дней в Дублин, чтобы повидаться с матерью. Я сказал, что в Дублине, вероятно, в настоящее время находится «Надежда» и я могу легко попасть в руки капитана Браннона.

За время моего пребывания в доме у Хайлендов Леонора привыкла называть меня своим братом, и когда я расставался с нею на корабле, она была очень опечалена нашей разлукой, и это доставило мне большое утешение.

Я не буду очень долго останавливаться на своих отроческих годах, чтобы не утомить читателя.

В продолжение трех лет я плавал на корабле «Леонора», под командой капитана Хайленда, между Ливерпулем и Новым Орлеаном.

Всякий раз, когда мы приходили в Ливерпуль и пока стояли там, дом капитана Хайленда был моим домом. С каждым посещением моя дружба с миссис Хайленд и ее прелестной дочерью Леонорою, моей названной сестрой, становилась все теснее и теснее. На меня стали смотреть, как на одного из членов семьи.

Во время пребывания в Ливерпуле было много случаев съездить в Дублин и повидаться с моей матерью. Но меня удерживала боязнь попасть в руки мистера Лири и, кроме того, я ничего теперь не мог бы сделать ни для матери, ни для брата, ни для сестры. Я с надеждой думал о том времени, когда достигну такого положения, что смогу вырвать из ужасных рук мистера Лири дорогу мою мать, брата и сестру.

Прошло уже почти три года со дня моего поступления на «Леонору». Мы прибыли в Новый Орлеан. После прибытия капитан сейчас же сошел на берег и остановился в одном из отелей. В продолжение нескольких дней я его не видел.

Однажды на корабль прибыл посыльный и сказал, что капитан Хайленд болен и немедленно зовет меня к себе.

Время было летнее, и в Новом Орлеане свирепствовала желтая лихорадка, унесшая в короткое время в могилу много народа. Я быстро собрался и отправился в гостиницу, в которой остановился капитан Хайленд.

Я нашел его больным желтой лихорадкой. Когда я вошел, он на минуту пришел в сознание, посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом, пожал мне руку и через несколько мгновений умер.

Горе, которое я испытал при потере этого дорогого мне человека, было не меньше, чем когда я потерял отца.

Тотчас же после смерти капитана Хайленда мистер Адкинс принял команду над «Леонорой». Я уже говорил о той ненависти, которую он питал ко мне. При жизни капитана Хайленда он не смел ее обнаруживать. После же смерти капитана мистер Адкинс сразу проявил свое отношение ко мне. Мой ящик с вещами был выброшен на берег, и мне немедленно было приказано убираться с «Леоноры».

Опять передо мной грозно встал вопрос, что же мне делать.

Возвращаться на родину не имело смысла, потому что я не имел ни денег ни положения. Мне больше всего хотелось увидеть Леонору, которую я очень любил. Но с чем я приеду к ним? Только с печальным известием об их незаменимой потере. В конце концов я решил остаться в Америке и добиться какого-нибудь положения, а затем уже явиться на родину.

Глава 4

ЭПИЗОД ИЗ СОЛДАТСКОЙ ЖИЗНИ

В Новом Орлеане в это время было большое оживление. Соединенные Штаты объявили войну Мексике и производили набор волонтеров. Вместе с другими празднующимися записался в волонтеры и я, и был назначен в кавалерийский полк, который в скором времени по сформировании и выступил в поход.

В сущности, это был с моей стороны довольно глупый поступок. Помню как нам, вновь поступающим, выдавали лошадей. Собрали нас и привели к месту, где стояли предназначенные нам кони, которых было тут столько же, сколько и нас, волонтеров. Нам было сказано:

— Пусть каждый сам выбирает себе по вкусу и по силам.

Я в лошадях смыслил очень мало, по правде сказать. Мне приглянулся вороной конь, без отметин, с красивой

гривой и густым хвостом трубой. Я вскочил на него, но он проявил большой норв, и я долго не мог его укротить. Только с помощью товарищей мне удалось это сделать. Таким же точно образом выбирали себе коней и мои товарищи. Кому какого коня удалось себе захватить и объездить, тот с тем конем и оставался.

В полку я близко сошелся с одним молодым человеком из штата Огайо по имени Дэйтон. Мы с ним вместе провели всю кампанию.

Я не особенно много чего видел на этой войне и в настоящем бою был только два раза: в сражениях при Буэна-Виста и при Церро-Гордо.

Во время одной схватки под Дэйтоном была убита лошадь. Он упал вместе с нею. Я не мог остановиться и узнать, что случилось с моим другом, так как находился в строю и своей остановкой мог расстроить ряды. По окончании преследования мексиканцев я вернулся к тому месту, где в последний раз видел Дэйтона. После продолжительных розысков я, наконец, нашел его. Убитая лошадь при падении сломала ему ногу и всей своей тяжестью лежала на больной ноге. В таком положении Дэйтон находился почти три часа. Освободив его с невероятными трудностями из-под трупа убитой лошади и устроив более или менее удобно, я отправился в лагерь за помощью. Вернувшись обратно с несколькими товарищами, мы перенесли Дэйтона в лагерь, а через несколько дней он был отправлен в госпиталь. Это было наше последнее свидание во время мексиканского похода

да

После этой стычки мне не пришлось больше участвовать ни в одном боевом действии, да и вообще война уже кончалась, и наш полк охранял сообщенне между Вера-Круцем и столицей Мексики.

В скором времени мы получили приказ возвратиться в Новый Орлеан, где нам уплатили вознаграждение за нашу службу, и кроме того, каждому участнику войны отвели 160 акров земли.

В Новом Орлеане было много спекулянтов, которые скупали нарезанные волонтерам земельные участки. Одному из таких спекулянтов я продал свой участок за 200 долларов. Кроме того, от полученного жалованья у меня осталось около 50 долларов. Меня потянуло на родину, и я решил ехать в Дублин повидаться с матерью.

Глава 5

ХОЛОДНЫЙ ПРИЕМ

По приезде в Дублин я немедленно направился к нашему дому.

Но меня ждало страшное разочарование: никого из своих я не нашел. Моя мать уехала уже более пяти лет тому назад. От соседей я узнал следующее: после моего отъезда мистер Лири все больше и больше предавался пьянству. Работу он совершенно забросил. Сначала он пропивал доход, получаемый с мастерской, а потом стал постепенно пропивать и все обзаведение. Когда нечего уже было больше пропивать, он исчез, оставив в страшной нужде мою мать с детьми.

Вместо того, чтобы радоваться, что, наконец, она избавилась от негодя, мать моя стала тосковать о нем и решила продать остатки имущества и отправиться на розыски своего бежавшего мужа.

Выручив около 90 фунтов стерлингов от продажи дома и мастерской, она вместе с детьми отправилась в Ливерпуль, рассчитывая найти там мистера Лири, так как Ливерпуль был его родиной, и по слухам он бежал туда. Вот все, что я узнал от соседей.

Я немедленно собрался и отправился в Ливерпуль. Кроме розысков матери, я сильно хотел повидаться с миссис Хайленд и ее красавицей-дочерью Леонорой, которые тоже жили в Ливерпуле, и которых я не видел около трех лет.

Первое, что я сделал по приезде в Ливерпуль,— собрал адреса седельных и шорных мастеров, которым я написал письма с просьбой сообщить мне все то, что им известно о мистере Лири.

Затем я отправился к миссис Хайленд. Тут меня ждал страшный удар. Я рассчитывал на родственную, сердечную встречу, но принят был более, чем холодно, и миссис Хайленд всем своим поведением давала мне понять, что крайне удивлена моим посещением. Леонора, которой было 16 лет и которая из девочки, какую я ее оставил, превратилась во взрослую девушку удивительной красоты, тоже приняла меня очень сухо и холодно.

Я до того был ошеломлен таким приемом, что совершенно растерялся и по уходе от миссис Хайленд долго мог придти в себя.

Мало-помалу я привел в порядок свои мысли и стал более хладнокровно обсуждать свое положение. Первая мысль, которая пришла мне в голову, была, что я кем-нибудь оклеветан перед миссис Хайленд и своей названной сестрой. Это мог сделать только мистер Адкинс, который был единственным человеком из всего экипажа «Леоноры», относившимся ко мне с ненавистью. Я окончательно остановился на этой мысли и решил на следующий же день снова отправиться к миссис Хайленд и объяснить с ней и Леонорой.

Когда на следующее утро я приближался к дому миссис Хайленд, то увидел, что она стоит у окна. Я позвонил. Открывшая мне дверь служанка на мой вопрос ответила, что ни миссис Хайленд, ни Леоноры нет дома. Я оттолкнул от двери изумленную служанку и прошел в гостиную.

Служанка последовала за мной; я обернулся к ней и приказал:

— Скажите миссис Хайленд, что мистер Роланд Стоун здесь и не уйдет, пока не поговорит с нею.

Служанка ушла, и вскоре после этого в гостиную вошла миссис Хайленд. Она ничего не сказала, а ждала, что я ей скажу.

— Миссис Хайленд,— начал я,— я слишком близко знаком с вами и слишком глубоко уважаю вас, поэтому мне не верится, чтобы вы без достаточных причин могли так со мной обойтись. Сознание, что я ничего дурного не сделал ни вам, ни вашей семье, заставило меня вернуться и просить вас объяснить мне причины такой перемены по отношению ко мне. Ведь вы прежде принимали меня здесь, как родного сына! Что я сделал такого, чтобы потратить вашу дружбу?

— Если вам ничего не говорит по этому поводу ваша собственная совесть,— ответила она,— то нет никакой надобности и мне давать вам объяснения; вы все равно ничего не поймете. Но одно, я надеюсь, вы поймете, что ваши посещения более нежелательны.

— Я это и понял вчера,— сказал я,— сегодня же и пришел для объяснений. Ваши собственные слова показывают, что прежде вы смотрели на меня совсем другими глазами, и я желаю знать, какие причины заставили вас так изменить свое мнение обо мне.

— Причина заключается в том, что вы несколько не ценили и не дорожили нашей дружбой. Другого объяснения я не могу вам дать, кроме того, что вы оказались ви-

повным в неблагодарности и в нечестном отношении к тем, которые были вашими лучшими друзьями. Ваших же оправданий я выслушивать не желаю.

— Один только вопрос! — вскричал я, стараясь, насколько мог, сдерживать свои чувства. — Во имя справедливости я спрашиваю вас, в чем же меня обвиняют? Я не уйду, пока не узнаю этого.

Миссис Хайленд, возмущенная, по-видимому, моим тоном, повернулась ко мне спиною и вышла из комнаты.

Я взял газету и стал читать, или пытался читать.

Около двух часов я продолжал это занятие. Потом я встал и позвонил.

— Скажите мисс Леоноре, — сказал я вошедшей служанке, — что я желаю ее видеть, и что вся ливерпульская полиция не заставит меня удалиться из этого дома, пока я не увижу ее.

Служанка скрылась за дверью, и вскоре после этого в комнату вошла Леонора с легкой улыбкой на своем прекрасном лице.

— Леонора, — сказал я, когда она вошла, — в вас я надеюсь еще найти друга, несмотря на ваш холодный прием. Я прошу вас объяснить мне все это.

— Единственное, что могу вам сказать, — сказала она, — что мама и я, вероятно, обмануты. Вас обвиняет один человек в неблагодарности и других преступлениях, может быть, еще более ужасных.

— Адкинс! — вскричал я. — Это Адкинс, старший подкипер «Леоноры»! Больше никому!

— Да, это он вас и обвиняет и, к несчастью, ваше поведение делало довольно правдоподобной ту историю, которую он рассказал нам. О, Роланд! Тяжело было верить, что вы виноваты в неблагодарности и в других преступлениях, но ваше продолжительное, необъяснимое для нас отсутствие служило доказательством справедливости обвинений. Вы даже ни разу не написали нам. Из этого вышло то, что вам теперь почти невозможно восстановить доброе мнение о себе в глазах моей матери.

— И в ваших. Леонора?

Она опустила свою голову, не давая ответа.

— Скажите, в чем же меня обвиняют? — спросил я.

— Я хочу, — ответила она, — Роланд, прежде чем услышу от вас первое слово оправдания, сказать вам, что я никогда не верила, чтобы вы были так виновны. Я слыш-

ком хорошо вас знала, чтобы поверить, что вы могли совершить такие поступки и при таких обстоятельствах, как вас обвиняют. Это не в вашем характере.

— Благодарю вас, Леонора! — сказал я. Вы теперь такая же, какую были и раньше: то есть, самая прекрасная и самая благородная девушка во всем свете.

— Не говорите этого, Роланд! Ничто кроме ваших собственных слов не могло бы изменить мое мнение о вас, которое составлялось в продолжение многих лет, когда мы оба были еще детьми. Я скажу вам, почему моя мать так относится теперь к вам. Когда мой отец умер в Новом Орлеане, мистер Адкинс привел обратно корабль, и вы не возвратились на нем. Мы были этим очень удивлены и спросили мистера Адкинса о причине, почему он не привез вас домой. Он сначала не мог дать удовлетворительного объяснения, но когда мы стали настаивать, он объяснил. Он сказал нам, что вы не только пренебрегли своими обязанностями и доставляли много горя моему отцу, когда он находился на смертном одре, но, узнав, что нет никакой надежды на его выздоровление, вы стали обращаться с ним, как с человеком, не имеющим уже для вас никакой цены. Он рассказал, что вы еще прежде смерти моего отца убежали с корабля, и никакие его просьбы не могли убедить вас остаться с ним. Это не могло быть правдой, я знала, что вы не могли этого сделать. Но моя мать думает, что в обвинениях, возводимых на вас мистером Адкинсом, есть частица правды, и она вам этого никогда не простит. Ваш обвинитель утверждает также, что, когда вы оставили корабль, то захватили и часть чужих вещей, но это он сказал несколько месяцев спустя, когда и самая мысль о вашем возвращении сюда стала казаться невозможной.

— Где же теперь мистер Адкинс? — спросил я.

— Он в настоящее время в плавании, на пути из Нового Орлеана, на «Леоноре». Он овладел доверием моей матери и служит у нас капитаном «Леоноры». Недавно он сделался мне окончательно противен, когда объяснился мне в любви. Это было уже слишком! Моя мать, я боюсь, слишком уж доверяет всему, что он говорит. Она очень благодарна ему за его внимание к моему отцу перед его смертью и за те заботы, которые он проявляет о нашем благополучии. В последнее время его обращение сильно изменилось. Он держит себя так, как будто он уже член нашей семьи и собственник корабля. Я думаю,

что он в самом непродолжительном времени, через несколько дней, прибудет в Ливерпуль.

— Я хотел бы, чтобы он был в Ливерпуле теперь,— сказал я.— Когда он приедет, я заставлю его признаться, что он лжец, Леонора! Никто никогда не относился ко мне с большей добротой, чем ваш отец и ваша мать. И не в моем характере платить им за это неблагодарностью и подлостью! Корабль вашего отца был моим домом; я не оставил этого дома без достаточных причин. Меня прогнал с корабля сам этот негодяй, который меня же и обвинил. Я останусь в Ливерпуле до его возвращения и когда я обличу его и докажу, насколько я ценил вашу дружбу, я снова уйду с чистым сердцем и полным сознанием своей правоты!

Расставаясь, я просил Леонору передать матери, что не тревожу ее больше своим посещением до приезда мистера Адкинса и тогда только явлюсь, чтобы доказать, что я не был виновным в тех преступлениях, которые возводит на меня этот человек.

На этом моя беседа с Леонорой закончилась.

Глава 6

ВСТРЕЧА С ТРУСОМ

Вскоре я получил ответ от двух шорных мастеров, которые знали мистера Лири. Мне сообщили, что Лири действительно жил в Ливерпуле, но года три или четыре тому назад уехал в Австралию. Я отправился по адресам и лично расспросил обо всем шорников, чтобы найти какие-нибудь следы моей матери.

Мистер Лири уехал в Австралию один, но в скором времени в Ливерпуль приехала какая-то женщина, по видимому, его жена, и все о нем разузнала. Без сомнения, это была моя мать. Но где она теперь и как жила в продолжение этих пяти лет? Все это было покрыто мраком, рассеять который мне не удалось, несмотря на все мои старания. Я остановился на самом вероятном предположении, что она вслед за мистером Лири отправилась в Австралию, и, следовательно, для розысков мне придется, в конце концов, ехать в Австралию самому.

Пока же я решил остаться в Ливерпуле и дожидаться приезда мистера Адкинса. Надо было разоблачить этого

негодяя. Я слишком дорожил дружбою миссис Хайленд и, должен сознаться, сильно и страстно полюбил Леонору, свою названную сестру.

Прошло уже около трех недель после моего посещения миссис Хайленд и ее дочери. Просматривая «Корабельный указатель», я прочитал о прибытии из Нового Орлеана «Леоноры», под командой капитана Адкинса.

Я отправился тотчас же на док и нашел «Леонору», но мистера Адкинса на корабле уже не было. По прибытии он сошел на берег и отправился в гостиницу, в которой обыкновенно останавливался, когда бывал в Ливерпуле.

В гостинице я его уже не застал. Мне сообщили, что, позавтракав, он утром ушел из дому.

Из гостиницы я в сильном волнении поспешил к дому миссис Хайленд. Как я и предполагал, мистер Адкинс был у миссис Хайленд. Когда я подошел к двери, Адкинс как раз выходил оттуда.

— Здравствуйте, мистер Адкинс! — сказал я, сдерживая, насколько возможно, душивший меня гнев. — Мы опять встречаемся, и уверяю вас, с моей стороны, с глубоким удовольствием.

Он хотел пройти не отвечая, но я загородил ему дорогу.

— Кто вы такой и что вам от меня нужно? — спросил он задорным тоном и с тем вызывающим видом, какой он любил принимать и прежде.

— Я Роланд Стоун, — ответил я, — и желаю вас видеть по чрезвычайно важному делу.

— Ну вот, вы видите меня! Что это за важное дело?

— Я могу сообщить это вам только в присутствии миссис Хайленд и ее дочери.

— Миссис Хайленд не желает вас видеть, — сказал Адкинс, — а еще менее ее дочь, я думаю. За себя скажу, что я не желаю иметь с вами никаких дел.

— Я могу поверить только последней части вашего сообщения, — ответил я, — но бывает такая необходимость, когда делаешь и то, что не особенно нравится. Если в вас есть хоть искра мужества, то вернемся в дом и вы повторите миссис Хайленд в моем присутствии то, что вы сказали за моей спиной.

— Я опять повторяю, что я не желаю говорить с вами. Дайте мне дорогу!

Сказав это, Адкинс сделал жест, как бы намереваясь отстранить меня с дороги.

— Я дам тебе дорогу, негодяй, когда ты исполнишь мое приказание,— и, схватив его за шиворот, я повернул его к дому.

Он сопротивлялся этой попытке и ударил меня. Я возвратил ему удар с таким процентом, что сам остался на ногах, а он покачнувшись упал на порог.

Теперь я потерял всякое самообладание. Я позвонил и схватил Адкинса за волосы с целью втащить его в дом, но в это время подоспели трое полицейских.

После продолжительной борьбы с полицейскими, которым помогал Адкинс и какой-то случайный прохожий, я, наконец, был побежден, и мне на руки надели железные наручники.

Когда меня повели, я заметил, что миссис Хайленд и Леонора были у окна и, без сомнения, были свидетельницами всего происшествия. Меня привели в участок и заперли в камеру.

На следующее утро меня привели к судье. Адкинс обвинял, а три полицейских и прохожий, принявший участие в борьбе со мной, были свидетелями. Я был приговорен к двум неделям тюрьмы.

На восьмой день моего заключения я был очень удивлен, когда мне объявили, что меня желают видеть два посетителя.

Оказалось, что это были мои старые приятели. Один был Вильтон, второй подшкипер капитана Хайленда, а другой — плотник Мейсен, тоже с «Леоноры».

Когда я был на «Леоноре», оба эти человека относились ко мне очень хорошо, и я очень обрадовался их приходу, но я еще больше обрадовался, когда узнал причину их посещения. Мейсен сказал мне, что он до сих пор плотник на «Леоноре». Недавно мисс Хайленд приходила к нему на борт, чтобы узнать всю правду об отношениях между Адкинсом и мною и о причинах, заставивших меня покинуть «Леонору» после смерти капитана Хайленда.

— Я был очень рад, когда узнал что вы вернулись, Роланд,— сказал Мейсен.— но в то же время был огорчен, узнав о ваших теперешних злключениях. Я решил вывести вас из того затруднительного положения, в котором вы находитесь, хотя я могу за это потерять свое место. Я рассказал ей всю правду, сказал, что Адкинс че-

ловек дурной, и что я докажу это. Я обещал ей также посетить вас. Вильтон теперь служит шкипером на другом судне, и я взял его с собой, зная, что он тоже может помочь вам.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия, как увидеть Адкинса потерявшим место командира «Леоноры»,— сказал Вильтон,— потому что я знаю, что он нечестный человек и что он обкрадывает вдову. Мы должны доказать миссис Хайленд, что она доверяет негодяю.

Вильтон и Мейсен пробыли со мною почти час; мы решили не предпринимать ничего до моего освобождения. Когда же я выйду из тюрьмы, мы узнаем время, в которое можно будет застать Адкинса и миссис Хайленд вместе, и явемся все трое, чтобы окончательно изобличить его.

Освободившись, я в тот же день повидался с Вильтоном и Мейсеном. Тут я узнал, что Леонора сама обещала известить нас, когда Адкинс будет у ее матери.

Глава 7

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Леонора не обманула меня. Через два дня после выхода из тюрьмы я получил от нее известие, что Адкинс будет у ее матери на следующий день, и чтобы я со своими приятелями явился около половины десятого.

Получив это известие, я немедленно уведомил Мейсена и Вильтона, и мы назначили друг другу свидание на следующее утро. Утром я встретил своих приятелей в назначенном месте, и около девяти часов мы направились к дому миссис Хайленд.

Когда мы подходили к дому, я увидел Леонору у окна. Она заметила нас и встала со своего места. Я позвонил, и дверь отперла сама Леонора. Без колебания она ввела нас всех троих в гостиную, где мы увидели Адкинса и миссис Хайленд.

— Что нужно этим людям? — вскричала, увидев нас, миссис Хайленд голосом, выражавшим не столько недоверие, сколько тревогу.

— Эти джентльмены желают видеть вас по делу, мама,— сказала Леонора.— Опасаться их нечего. Они наши друзья.

Сказав это, Леонора пригласила нас сесть.

Адкинс ничего не сказал, но я видел по выражению его лица, что он считает игру проигранной, а себя погибшим человеком.

— Миссис Хайленд,— сказал Вильтон после короткого молчания.— я пришел сюда по чувству долга, который мне следовало выполнить давно. Я был другом вашего мужа, с которым я проплавал вместе около 9 лет. Я был на «Леоноре», когда капитан Хайленд умер в Новом Орлеане: я услышал о том, что рассказал вам мистер Адкинс про этого молодого человека. Все это — ложь. Когда в Новом Орлеане заболел ваш муж и затем умер, мистер Адкинс все это время пьянствовал и пренебрегал своими обязанностями. Роланд не убежал с корабля и не бросал капитана Хайленда, но один только из всей команды был с ним и заботился о нем до самой смерти. Мистер Адкинс никогда не любил Роланда. Когда Адкинс сделался командиром, он не пустил Роланда на корабль, мало того, он не дал ему даже вернуться на родину. Я сделал с Адкинсом только одно плавание после смерти капитана Хайленда и увидел, что оставаться с ним не могу, если не хочу сделаться таким же негодяем, как он. Вот причина, почему я оставил «Леонору». Миссис Хайленд,— продолжал Вильтон, в упор смотря на Адкинса,— я в присутствии мистера Адкинса, не колеблясь, говорю, что он дурной человек, что он обокрал вас и продолжает обкрадывать.

— Эти люди составили заговор, чтобы погубить меня! — вскричал Адкинс, вскакивая на ноги.— Я подозреваю, что они подкуплены. Трое мужчин и одна женщина — это слишком много, чтобы я мог состязаться с ними!

Миссис Хайленд не обратила никакого внимания на это замечание, но, обернувшись к Мейсену, сказала:

— Я знаю вас давно, мистер Мейсен. Что вы можете сказать?

— Я подтверждаю справедливость того, что сказал вам сейчас мистер Вильтон,— отвечал Мейсен.— Роланд на моих глазах не сделал ничего такого, за что стоило бы его лишать вашей дружбы. Я давно знаю, что капитан Адкинс негодяй, и меня удерживала высказать вам все это только боязнь лишиться места и подвергнуть свою семью нищете. Услышав, что, благодаря этому разбойнику Роланд лишился не только вашей дружбы, но и посажен под арест, я не стал больше колебаться и решил

открыть вам все. Адкинс бесчестный, злой человек и я могу доказать это.

— Продолжайте! Продолжайте! — вскричал Адкинс, — ваша цель теперь ясна. Конечно, мое слово ничего уже не значит.

— Он сказал единственный раз в жизни правду. — сказал Мейсен миссис Хайленд. — Действительно, его слово не имеет никакой цены для тех, кто его знает.

— Теперь, Роланд, — сказала миссис Хайленд, — что скажете вы?

— Очень немного, — отвечал я. — Я бы не хотел, чтобы вы думали дурно обо мне. Мучительна была мысль, что вы меня считали неблагодарным. Ваше прежнее ласковое отношение ко мне побуждает меня доказать вам, что я не был неблагодарным. Вы теперь видите, насколько справедливы обвинения Адкинса. После этого объяснения я не буду больше беспокоить вас. Я не хочу настаивать на возобновлении дружбы, которую я по вашему мнению поколебал. Я только желал, чтобы вы знали, что я не был ее недостоин.

— Теперь, джентльмены, — сказал Адкинс, — вы достаточно утешились всем сказанным обо мне, и я могу себе позволить оставить вас, — и, обратившись к миссис Хайленд, прибавил: — Я снова увижусь с вами, сударыня, когда вы совершенно освободитесь от этой компании.

Он встал и направился к выходу.

— Стоп! — сказал Мейсен, загоразивая ему выход. — Миссис Хайленд, я знаю достаточно об этом человеке и об его бесчестных делах. Справедливо будет отдать его в руки полиции. Угодно ли вам послать за нею?

Миссис Хайленд молчала. Я посмотрел на Адкинса и увидел, что мой триумф над ним был полный. Его собственный вид обвинял его. Дополнила мою победу Леонора, которая с величайшим интересом отнеслась ко всему происшедшему перед ее глазами и не скрывала своего удовольствия при виде полного поражения Адкинса.

На предложение Мейсена отдать Адкинса в руки полиции, как мошенника, она ответила:

— Отпустите его, мама, с тем, чтобы он никогда и близко к нам не подходил.

— Да, отпустите его, — повторила миссис Хайленд. Мне нужно подумать, прежде чем что-нибудь предпринять.

Мейсен отворил дверь, и Адкинс с опущенной головой вышел.

После его ухода миссис Хайленд заговорила первая. Она сказала:

— О вас, мистер Вильтон, и о вас, мистер Мейсен, я часто слышала от моего покойного мужа самые лучшие отзывы, и я не имею причин не верить этим отзывам. С вами, Роланд,— продолжала она, посмотрев на меня взглядом, напомнившим мне нашу старую дружбу,— с вами я знакома много лет. Главная причина моего сомнения относительно вашей честности и благодарности была следующая. Я думала, что благодаря нашему отношению к вам, которое было вам хорошо известно, вы должны были после смерти моего мужа вернуться к нам. Вы этого не сделали, и факты, как вы видите, были сильно против вас. Я теперь имею много оснований поверить, что кругом была обманута Адкинсом, но тогда я не знала правды. Кроме того, я не знала отношений Адкинса к вам и не могла себе представить причины, для чего ему необходимо клеветать на вас. Об Адкинсе я не знала ничего дурного. Он пользовался полным доверием моего покойного мужа, который отзывался об Адкинсе всегда хорошо.

Вильтон и Мейсен уверили миссис Хайленд, что оба они действовали под влиянием чувства долга и воодушевленные добрыми воспоминаниями о ее муже.

Мы скоро после того ушли. Прощаясь, миссис Хайленд первый раз по возвращении моем подала мне руку и пригласила меня придти на следующий день. Леонора ничего не сказала, но я видел по ее прелестному лицу, что мой приход будет ей приятен.

Адкинс после всех разоблачений скрылся, опасаясь, что все его мошенничества раскрыты и не желая подвергаться за это законной ответственности. Наша старая дружба с миссис Хайленд и Леонорой возобновилась. Я каждый день посещал их дом и с каждым разом все более и более влюблялся в Леонору. Но на что я мог надеяться? Я не имел ни состояния, ни положения в обществе. Я был бездомным бродягой. Кроме того, меня терзала мысль о матери, брате и сестре. Я до сих пор ничего не сделал, чтобы освободить их от мистера Лири. Даже больше того, я потерял их совершенно из виду и не знал, где они находятся. Меня мучили угрызения совести. Но расстаться сразу с Ливерпулем я не мог. Одна мысль

о том, что я не буду видеть Леоноры, делала меня несчастным. Но, увы, мой кошелек истощался, и я, наконец, принял решение отправиться в Америку, составить себе там состояние и найти своих близких. В один прекрасный день я сообщил Леоноре о своем решении.

— Я не буду пытаться удерживать вас, Роланд,— ответила она мне,— но не покндайте нас навсегда. Возвращайтесь к нам. Вы найдете здесь всегда людей, которые вас любят. Я буду молиться, чтобы с вами не случилось никакой беды, и чтобы вы поскорее вернулись к нам.

Через несколько дней я уехал. Воспоминание о последних словах Леоноры вливало в мою душу надежду и вносило свет в мрачные часы моей последующей жизни.

Глава 8

НЕУДАЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Я снова поплыл в Новый Орлеан — опять, как три года тому назад, почти без копейки денег. По дороге в Америку и в Новом Орлеане я видел множество людей, устремляющихся в Калифорнию искать золото. Множество примеров быстрого обогащения искателей золота подействовало на меня возбуждающим образом. Я решил также попытать счастья и отправиться в Калифорнию. Но у меня не было денег даже на дорогу. В это время набирались волонтеры для охраны поселенцев в Калифорнии от набегов индейцев. Я опять поступил в волонтеры. Наш отряд был назначен в пограничный форт Ливенворс. Но на этот раз я недолго пробыл на военной службе. В одну темную ночь, будучи послан проверить сторожевые посты, обратно в отряд не возвратился — дезертировал. Дорогой я встретился с семейством переселенца Джонсона, подружился с ним, и мы с его сыном, молодым Джонсоном, отправились в Калифорнию.

Мы пошли по направлению к Юбе. Прибыв туда и осмотревшись день или два, мы вступили в товарищество с двумя другими золотоискателями и начали разрабатывать прииск, находящийся на берегу реки.

Мы прибыли в удачное время — летом 1849 года, когда каждый диггер зарабатывал хорошо. Наше товарищество, проработав 4 недели, имело уже порядочно золота. Никогда мое будущее не казалось мне таким блестя-

щим. Никогда Леонора не казалась мне такой близкой.

Зимой работа на Юбе прекращалась, так как вода подымалась слишком высоко, и работать было невозможно. К нам присоединилось еще трое человек, и мы решили, не бросая наших приисков на Юбе, искать новые, чтобы можно было работать целый год.

Один из наших новых товарищей сказал нам, что он знает такие прииски в 40 милях от Юбы и обещал указать их. Он побывал там раньше во время одной охотничьей экспедиции.

Предложение было принято, и меня выбрали сопровождать его в новой экспедиции в те места. Мы запаслись провизией, взяли с собой необходимые инструменты и тронулись в путь. Караван наш состоял из трех мулов. На одном из них был сложен багаж, а на двух других мы ехали сами.

О своем спутнике я знал только, что его зовут Хирам. Я вскоре должен был придти к убеждению, что более неприятного компаньона мне не приходилось встречать. Он был крайне малообщителен, по целым часам не произносил ни одного слова. Когда же я обращался к нему с каким-нибудь вопросом, то он отвечал мне таким тоном, что пропадала всякая охота пытаться с ним разговаривать.

Дорога была очень трудна, и мы продвигались вперед очень медленно, а так как нам приходилось постоянно уклоняться от прямого направления, то путь наш значительно увеличивался. В первые два дня мы прошли не более 15 миль. На третий день, вечером, нам пришлось переходить вброд поток. При переходе мул, несший наш багаж, запутался в ветвях упавшего дерева. Пытаясь освободить мула, Хирам упал в воду между ветвями дерева и получил довольно серьезные ушибы. На ночь мы расположились недалеко от места нашего перехода через поток. Проснувшись перед рассветом, я пошел к своему мулу и хотел отвести его в другое место на свежую траву. Вдруг животное внезапно чего-то испугалось и бросилось бежать, вырвав из моих рук лассо с такою силою, что не только была сорвана кожа с моих пальцев, но на одном или двух даже мясо было сорвано до самой кости.

Мул, почувствовал себя на свободе, бежал во всю свою прыть. Два остальных мула, увидев своего товарища на свободе, также оборвали привязи и последовали за ним. Со своими больными руками я один ничего не

мог сделать и, вернувшись, сообщил Хираму о случившемся.

— Глупое сообщение,— сказал он,— потому что вы знаете — я не глухой.

Такой ответ не особенно успокоительно подействовал на меня, но я решил, насколько возможно, оставаться в хороших отношениях со своим спутником и ответил ему спокойно, что серый медведь или бродящие вокруг индейцы могут лишить нас мулов.

— Конечно, могут,— сказал Хирам тоном, еще более суровым, чем раньше.

Я ничего больше не сказал, но, посмотрев на свои окровавленные пальцы, лег и попытался немного заснуть. Встав, я перевязал израненные пальцы, развел огонь и сварил кофе.

— Вставайте, Хирам,— сказал я приветливо.— Мы должны разыскать наших мулов.

— Сами ищите,— ответил он.— Я их не терял.

Мне стоило большого труда сдерживать себя и не ответить Хираму какой-нибудь резкостью. Избегая дальнейших разговоров с ним, чтобы не произошло столкновения, я вернулся к огню и принялся за свой завтрак. Кончив завтракать, я отправился разыскивать мулов. После шестичасового поиска мне не удалось напасть на их след, и я вернулся к стоянке. Я застал Хирама в том же положении, в каком его оставил. Он спал или казался спящим. Меня это очень удивило, и я подумал, не болен ли он. Я подошел к нему, дотронулся рукой до лба. Он был весь в жару! Он был болен, и этим объясняется все его поведение. А я так небрежно к нему отнесся и бросил его одного, больного, беспомощного!

Вскоре Хирам проснулся.

— Хирам,— сказал я,— вы больны? Простите меня. Я боюсь, что мое поведение причинило вам много огорчений.

Он ничего мне не ответил. У него была сильная лихорадка. Он метался и просил пить. Я принес ему целую чашку воды. Он выпил с жадностью. Потом он сказал мне, что очень рад моему возвращению, так как хочет попросить меня взять его золото и переслать его жене и детям, если он сам не будет в состоянии написать им. Он говорил с большим трудом и скоро потребовал опять воды. Я ему приносил ее еще несколько раз, но, казалось, что жажда его только увеличивалась. Я знал, что при

подобном состоянии столько пить представляло большую опасность и убеждал его потерпеть немного.

— Принесите мне теперь воды! Принесите! Вы не хотите больше принести мне воды? — кричал он.

Но я решительно отказался.

— Принесите мне хоть немного воды! — воскликнул он с большей энергией, напоминая его прежнюю манеру обращения со мной.

Я ответил отрицательным покачиванием головы.

— Безжалостный злодей! — вскричал он диким голосом — Вы отказываетесь? Отказываетесь принести умирающему человеку кружку воды!

Я пытался убедить его, что в таком положении очень опасно пить так много воды, тем более, что надежда на выздоровление не потеряна. Он с большими усилиями приподнялся и осыпал меня такими проклятиями и ругательствами, каких я никогда не слышал от умирающего человека.

Через несколько минут он опять упал и замолчал, а вскоре предо мной уже лежал холодный труп.

Остаток дня я провел в поисках убежавших мулов, но без всякого успеха. Тогда я решил вернуться обратно на Юбу пешком, рассказать обо всем случившемся своим товарищам и прийти сюда опять с двумя товарищами, чтобы предать тело Хирама христианскому погребению. Я пытался, но безуспешно, вырыть своими больными руками ему могилу один.

Обратный путь на Юбу потребовал несколько дней, и я прибыл туда больной и разбитый как от усталости, так и от всего пережитого. Предсмертного желания Хирама — отослать его золото жене и детям, исполнить не удалось. Он не успел сообщить своего адреса, а из товарищей его никто не знал, откуда он, да и самое имя его было, кажется, не настоящее.

Глава 9

РИЧАРД ГАЙНЕН

Наш прииск на Юбе почти совсем истощился. Мы ликвидировали товарищество и намеревались действовать в другом месте, но на этот раз уже не все сообща, а каждый на свой собственный риск. Молодой Джонсон

решил возвратиться домой. Я вместе с двумя другими диггерами тронулся на юг к реке Маколему. Там мы образовали новое товарищество и в продолжение зимы работали на Ред-Гэлче и притом довольно успешно.

Когда и этот наш прииск окончательно истощился, мои компаньоны вернулись домой, в Нью-Йорк. Оставшись один, я решил проследовать к реке Туолеме и летом попытать там счастья.

Дорогой я встретился с одним человеком по имени Ричард Гайнен, который только что выехал из Сан-Франциско. Он также направлялся к Туолеме, и мы условились продолжать наш путь вместе. Он уже второй раз пытался искать счастья в качестве диггера. Я нашел в нем очень симпатичного спутника и предложил ему вступить со мною в компанию. Мое предложение было принято с условием, что мы сначала остановимся и сделаем розыски на реке Станиславе, о золотоносности которой мой спутник был очень высокого мнения.

Я против этого ничего не возражал, и, прибыв на реку Станислав, мы избрали местом стоянки северный берег.

Когда мы познакомились несколько ближе, Гайнен рассказал мне печальную историю своей жизни. По его собственным словам я едва ли мог рассчитывать на особенное счастье в сотрудничестве с ним, так как судьба преследует его всю жизнь, и ни одно из затеянных им предприятий не удалось, и ни одна надежда в его жизни не исполнилась. Он постоянно оказывался жертвой несчастного стечения обстоятельств.

Ричард Гайнен был уроженцем штата Нью-Йорк, и отец его умер, когда Ричарду не было еще и девяти лет, оставив жену и трех детей, из которых Ричард был самым старшим.

Злой рок рано начал преследовать Ричарда. Когда ему исполнилось четырнадцать лет он имел уже репутацию величайшего вора и злодея в своей родной деревне. Всякая шалость, всякое нераскрытое преступление приписывались Ричарду, хотя на самом деле он был одним из честнейших мальчиков в этих местах. Ближе дома, где он жил вместе со своею матерью, находился дом богатой вдовы миссис Мильн, жившей вместе со своею красавицей дочерью Амандой. Единственным светлым пятном на мрачном фоне его детской грустной жизни была дружба с Амандой, перешедшая с его стороны в страстную любовь. Но и тут судьба подстерегла его,

Аманда как-то связала кошелек и подарила его Ричарду. Ее мать, желая похвастаться перед гостями работой своей дочери, сказала Аманде, чтобы она показала связанный ею кошелек. Аманда не решилась сказать, что подарила кошелек Ричарду, и сказала, что она его потеряла. Кошелек видели потом в руках Ричарда, и все решили, что он его украл.

Как-то, проходя по своей деревне, он увидел лошадь, скачущую без всадника. Он поймал ее и поехал на ней верхом, желая доставить лошадь владельцу. Но история эта кончилась для него еще печальнее. Его обвинили в краже лошади. После этого все решили, что Ричард величайший, неисправимый злодей и позор своей родной деревне. Его бойкотировали все. Дом вдовы Мильн для него закрылся, и Аманде запретили иметь с ним какие-либо сношения. Даже родную его мать убедили в испорченности Ричарда. Жизнь его в родном селении сделалась невозможной, и он решил уйти. Он отправился в Калифорнию, и судьба как будто улыбнулась ему: он нашел богатые россыпи и добыл большое количество золота. Он строил уже различные планы относительно своей будущей жизни, но во время громадного пожара в Сан-Франциско погибло все его имущество, и теперь ему вновь приходилось начинать все сначала.

Глава 10

НЕУДАВШИЙСЯ ГРАБЕЖ

В продолжение целых трех недель мы усиленно трудились на реке Станиславе, но без всякого успеха. Мы не добыли ни одного золотника золота.

— Для вас лучше отказаться от такого товарища, как я, — сказал мне как-то вечером Гайнен. — Вы не будете иметь никакого успеха до тех пор, пока находитесь в компании со мною.

Я внутренне соглашался с ним, но мысль оставить человека, потому что его преследуют несчастья, возмутила мою совесть.

— Ваша судьба не может долго бороться с моею, — отвечал я. — Я один из счастливейших людей на свете. Если мы будем продолжать работать вместе, со вре-

менем мое счастье победит ваше несчастье. Оставайтесь, и будем продолжать работать.

Гайнен согласился, с тем только условием, чтобы во главе предприятия стоял я, а он будет во всем следовать за мною.

Мы оставили реку Станислав и направились дальше на юг, к Соноре.

Близ Соноры мы остановились в месте, называемом Драй-Брук (сухой ручей), где и решили начать свою работу.

По вечерам, в свободное от работы время, мы часто ходили в Сонору, заходили в игорные дома, гостиницы и присматривались к приисковой жизни.

Однажды вечером мы увидели в игорном доме какого совершенно пьяного диггера. Он пошатывался и с трудом подымал ноги. По временам он громко заявлял, что намерен идти домой. Но дело кончалось тем, что он подходил к буфету и пил опять водку. Наконец, он решился уйти, вынул свой кошелек, в котором было около ста унций золота, расплатился и пошатываясь вышел.

Меня что-то заинтересовало в этом человеке. Я вспомнил, что где-то видел его прежде, но где, припомнить не мог. Мысли моего товарища не блуждали, подобно моим, и поэтому он мог наблюдать и замечать, что делается вокруг нас. После ухода заинтересовавшего меня человека Гайнен близко подошел ко мне и шепнул:

— Этого человека хотят ограбить. Когда он вынул свой кошелек с золотом, чтобы расплатиться, я заметил двух подозрительных субъектов, которые следили за ним и после его ухода пошли за ним. Они хотят ограбить его. Неужели мы дадим им это сделать?

— Конечно, нет! — ответил я. — Мне этот человек понравился, и я не думаю, чтобы он заслуживал того, чтобы его грабили.

— В таком случае идем за ним, — сказал Гайнен, и мы оба быстро вышли на улицу. Мы сначала пошли не по той дороге, по какой было нужно, и, пройдя около сотни шагов и не видя никого перед собою, вернулись назад и пошли в противоположном направлении. Мы вскоре увидели пьяного золотискателя с двумя незнакомцами по бокам, которые поддерживали его и разыгрывали роль друзей, пытающихся отвести пьяного товарища домой. Мы не вмешивались, так как не могли найти ни какого предлога, чтобы устранить этих ложных приятелей.

лей, но держались вблизи и хорошо слышали восклицания пьяного.

— Довольно, товарищи! Я могу дальше сам обойтись. Черт возьми! Прочь руки! А, вы хотели вытащить у меня золото. Вот я проучу вас, мошенников!..

— Бурный Джек! — воскликнул я, узнавая пьяного диггера и бросаясь вперед — Вы ли это? Не нужно ли вам помочь?

— Очевидно даже нужно, — ответил Джек, — проучите-ка за меня вот этих молодцов. Мои ноги слишком ненадежны, и сам я поэтому не могу проучить негодяев.

Два человека молча отошли и моментально скрылись.

— Цело ли ваше золото? — спросил я.

— Да, оно цело. Один из этих молодцов пытался вытащить его, но я ему не дал. Не настолько я пьян. Пьяны только мои ноги, а руки и голова совершенно трезвы.

Ноги Бурного Джека были действительно так пьяны, что я и Гайнен с большим трудом вели его. После значительных усилий мы привели его в знакомую гостиницу, уложили и дали хозяину инструкцию не выпускать его, пока один из нас не придет сюда опять.

На следующее утро я отправился в гостиницу повидаться с Бурным и нашел его уже вставшим и ожидающим меня.

— В прошлую ночь вы оказали мне большую услугу, — сказал он, — и я не забуду этого, как забыл вас самих.

— Почему вы думаете, что забыли меня? — спросил я.

— Потому что в прошлую ночь вы назвали меня Бурным Джеком и, значит, знали меня прежде, так как этим именем я не зовусь уже много лет. Нет, не говорите мне, кто вы: я сам постараюсь найти вас в своей памяти.

— Вы, стало быть, вчера были еще не особенно пьяны, иначе не вспомнили бы, как я вас называл, — сказал я.

— Да, вы правы, — ответил Бурный, — я был только слегка пьян. Иногда бывает пьяна моя голова, иногда — ноги. Редко случается у меня, чтобы и голова и ноги мои были вместе пьяны. Вчера были пьяны ноги, а голова трезва. Это было лет шесть или семь тому назад, когда я назывался Бурным Джеком, следовательно, вы были тогда мальчиком 12 или 13 лет, — вспомнил вслух Бурный. — А, теперь я узнал вас! Вы — Роллинг Стоун!

С этими словами Бурный бросился вперед, схватил

мою руку и так крепко сжал ее своими сильными пальцами, что чуть не раздавил ее.

— Роланд, мой мальчик! — сказал он. — Я знал, что мы встретимся снова. Я думал о вас, как думал бы о своем собственном сыне, если бы он у меня был. Я искал вас по всему свету.

Бурный Джек рассказал мне всю свою историю, начиная с той нашей разлуки в Новом Орлеане. Оказывается, он и не думал меня бросать. Он шел с работы домой и встретил своего старого знакомого, с которым и зашел в кабачок выпить стакан-другой бренди. Выйдя из кабачка он встретил своего врага, плотника с корабля «Надежда», которого и начал учить «манерам». В результате Бурный попал в полицию, а на следующий день был приговорен судьей к двухмесячному тюремному заключению. Вернувшись из тюрьмы он искал меня повсюду и предположил, что я уехал к себе на родину.

Мы решили больше не расставаться и, когда окончится разработка прииска, принадлежавшего товариществу, в котором участвовал Бурный, стать компаньонами.

Глава 11

СТРОГОЕ НАКАЗАНИЕ ЗА ОШИБКУ

Покидая Сан-Франциско, Гайнен намеревался направиться к реке Станислав и оставил своим знакомым свой будущий адрес.

Однажды, в субботу утром, он попросил у одного из диггеров одолжить ему мула, чтобы съездить на почтовую станцию за письмами.

Диггер, который был в это время очень занят, указал Гайнену, где находится мул, и попросил его самого сходиться за ним на пастбище, которое находилось на расстоянии полумили от наших палаток. При этом собственник мула указал и на особые приметы мула, по которым было легко отыскать животное.

Гайнен нашел мула и, простившись со мною, уехал.

Я ожидал его возвращения в тот же день вечером, но он не вернулся. Я не особенно беспокоился, что он не вернулся. Следующий день был воскресенье, и на приисках никаких работ не производилось; я подумал, что он решил остаться в городе на воскресенье, чтобы повесе-

литься. Настал вечер воскресенья, а Гайнена все не было. Это меня начало беспокоить, и я решил на следующее утро, если к этому времени не вернется Дик, сам отправиться в город и узнать, не случилось ли с ним чего-нибудь. Настало утро, Гайнена не было, и я отправился его искать.

Проехав около пяти миль, я встретил его и, к немалому удивлению, увидел, что он идет пешком, а мула с ним нет.

Когда я подъехал ближе, я удивился еще больше. Никогда в моей жизни мне не приходилось видеть такой перемены с человеком в такой короткий срок. За эти два дня приятель мой, казалось, постарел на десять лет. Его лицо было бледно и истощено, и выражение глаз было такое дикое и злое, что страшно было смотреть. Я никогда не предполагал, чтобы глаза Ричарда Гайнена были способны принять такое выражение.

Его платье было разорвано в клочки и испачкано грязью и запекшейся кровью.

— Что с вами случилось? — спросил я.

— Я не могу говорить теперь, — сказал он, с большим трудом выговаривая слова. — Мне необходимо напиться.

Я повернул назад, и мы поехали по направлению к нашим палаткам. По дороге мы заехали в кофейню, в которой Гайнен утолил жажду, позавтракал и затем вымылся в реке. Все это он делал с величайшей поспешностью. Наконец мы пошли к себе.

Он быстро шел вперед.

— Подойдите скорее ко мне! — вскричал он. — Я не могу останавливаться для разговоров. Я скажу вам несколько слов. Я хочу отомстить. Смотрите сюда!

Он остановился, когда я подъехал, и откинул свои длинные, темные волосы с боков. Я взглянул и ужаснулся — ушей не было, они были отрезаны.

— Поможете ли вы мне отомстить? — спросил он.

— Да, — ответил я, — вы можете вполне располагать мною.

— Я знал, что вы поможете! — воскликнул он. — Скорее, мы не должны терять времени!

Дорогою он рассказал об ужасном несчастии, которое произошло с ним.

В субботу утром, когда он ехал в город, на расстоянии миль от места, где мы с ним встретились, его догнала группа мексиканцев, состоявшая из четырех человек,

Прежде чем он успел вообразить, что гонятся именно за ним, вокруг его плеч со свистом обвилось лассо, и он был стащен на землю.

Знаками дали ему понять, что требуют мула, на котором он ехал.

Гайнен по-испански знал только несколько слов и потому никак не мог объяснить, как у него очутился мул. После непродолжительного совещания между собою мексиканцы подошли к нему и отобрали у него револьвер, а затем трое из них держали его, а четвертый отрезал ему уши. Затем они вскочили на лошадей и ускакали, взяв с собою мула, которого Гайнен взял у золотонскателя.

Отъехав на расстояние около трехсот ярдов, они бросили седло, уздечку и револьвер, который принадлежал Гайнену, и поехали дальше.

Единственное, что можно было предположить, что Гайнен по ошибке взял мула, принадлежащего мексиканцам, а они, без сомнения, были уверены, что он украл мула и наказали его, как вора.

Гайнен преследовал их, пылая мщением и негодованием, до тех пор, пока не упал от слабости и истощения. Он лежал несколько часов в бессознательном состоянии. Ночью он пришел в себя и пытался добраться до дому, но заблудился и только к утру вышел на верную дорогу, где я его и встретил.

Я сказал: «пришел в себя». Но это выражение едва ли будет правильным. Одна мысль овладела им, загипнотизировала его настолько, что не дала ему еще возможности почувствовать весь ужас своего положения и всех последствий бесчеловечного поступка мексиканцев.

Эта мысль была мщение.

— Взглянув на то место, — сказал он, — где я потерял свои уши, я привел свои чувства в порядок и все мысли теперь направил только на один предмет, который сделался целью моей жизни. Это — жить, чтобы отомстить. Я еще молод и найду их. Скорее! Скорее! Как вы медленно идете!

Мы шагали с такою быстротою, что казались убегающими от кого-нибудь.

Прибыв домой, мы узнали, что, действительно, Гайнен ошибся. Он взял не того мула. Диггер, описывая мула, не счел нужным описать тавро. Он не предполагал, что

по соседству мог быть другой мул, до того похожий на его собственного, что их можно было перепутать.

От других диггеров мы узнали, что мексиканцы целую ночь искали своего мула, пасшегося близ того места, откуда Гайнен его взял.

Поэтому неудивительно, что они предположили, что Гайнен украл их мула.

Мы узнали также, что мексиканцы отправились домой в одну из северных провинций Мексики, так что мы должны были догнать их прежде, чем они переедут границу Калифорнии.

Мы не теряли времени в приготовлениях и на следующее утро на хороших лошадях отправились в погоню за мексиканцами.

Глава 12

САМОУБИЙСТВО НЕУДАЧНИКА

Свои розыски мы стали вести на юге Калифорнии, по дороге к северным провинциям Мексики; в каждом местечке, через которое нам довелось следовать, мы расспрашивали о четырех проехавших мексиканцах, и ответы, которые мы получали, вполне подтверждали правильность взятого нами направления и давали нам надежду догнать мексиканцев.

В продолжение первых двух дней нам говорили, в ответ на наши расспросы, что мексиканцы находятся на расстоянии 48 часов впереди нас.

На третий день расстояние между нами было около 40 часов. По словам одного хуторянина, мексиканцы ехали быстро, остановки делали короткие, и производили впечатление людей, боящихся преследования. Вместе с ними был и мул, по описанию которого мы узнали, что это были именно те мексиканцы, за которыми мы гонимся.

Несмотря на то, что мы ехали очень быстро и заметно догоняли мексиканцев, Гайнен находил нашу езду очень медленной и пребывал в нетерпении. Он говорил редко. Если же заговаривал, то единственно только для побуждения к большей быстроте и, если бы я не сдерживал его нетерпения, то, в конце концов, наши лошади

пали бы от слишком быстрой езды, и мы должны были бы, конечно, прекратить нашу погоню.

Вскоре мы получили сведения от хуторянина, что мексиканцы повернули к морю, вместо того, чтобы ехать в глубь страны.

Вечером того же дня мы узнали, что они поехали по направлению к городу Сан-Льюис-Обиспо. Расстояние между нами было только шесть часов. Необходимо было дать отдохнуть замученным лошадям, так что в Сан-Льюис-Обиспо мы рассчитывали приехать только на следующий день.

— Завтра,— сказал Дик,— завтра я отомщу или умру!

Мы приехали в этот город в полдень. Новое разочарование ожидало моего товарища.

Сан-Льюис был морским портом. Утром небольшое судно отправилось из этого порта в Мазатлан, и мексиканцы были на его борту.

Мы опоздали только на один час. Всякая мысль о дальнейшем преследовании была бы чистым безумием. Пока мы прибыли бы в Мазатлан, они могли уехать на целые тысячи миль во внутренние земли Мексики. Никогда я не был свидетелем такого отчаяния, какое проявил в этот момент Гайнен. Казалось, что все шансы настичь мексиканцев, поступивших с ним так бесчеловечно, были на нашей стороне, и эта надежда поддерживала его. Когда же мы были совсем у цели, на него обрушилось новое несчастье.

— Было бы безумием преследовать их дальше,— сказал он.— Я знал, что догнать их было бы уже большою милостью со стороны судьбы по отношению ко мне. Она зло подшутила надо мною, заставив испытать наибольшее разочарование в своих надеждах, какое я когда-либо испытал в жизни. Я был безумцем, рассчитывая на успех.

Я употребил все усилия, чтобы отвлечь его мысли на какой-нибудь другой предмет, но он, казалось, ничего не слышал, что я ему говорил.

Вдруг он вышел из своей задумчивости и с энергией воскликнул:

— Нет! Я буду бороться с судьбою до тех пор, пока Бог не призовет меня к себе. Все проклятия судьбы не заставят меня уступить! Все могущество ада не покорит меня! Я буду жить и бороться со всем этим!

Его дух, после долгого угнетенного состояния, восторжествовал, и теперь, казалось, он снова готов вступить в борьбу с судьбою.

Прибыв на реку Станислав, я навестил Бурного Джэка. Гайнен был все время со мною. А потом мы с Гайненом отправились в город, где он получил с родины письмо. Мы зашли в таверну, и Гайнен начал его читать.

Во время чтения им овладело странное беспокойство. — Вы были моим товарищем, — сказал он, быстро повернувшись ко мне. — Я вам рассказывал кое-что из своей жизни. Прочитайте это письмо и вы узнаете больше. Это письмо от Аманды Мильн.

Я взял письмо и прочитал следующее: «Я поняла, какой вы честный и мужественный человек! Из-за меня с вами поступили несправедливо. У меня не хватило смелости рассказать правду, как к вам попал кошелек, который я вам подарила. Ричард! Я люблю вас и любила еще тогда, когда сама была ребенком».

Гайнен волнуясь комкал письмо между пальцами, не будучи в состоянии больше читать. Я видел, как он внезапно поднял свои руки к тому месту, где были уши и с глубоким волнением прошептал: «Слишком поздно! Слишком поздно!»

В следующий момент он поспешно вышел из таверны и сейчас же за тем грянул выстрел. Я бросился вперед, повторяя невольно слова товарища: «слишком поздно!» Передо мною лежал бездыханный уже труп.

Мы с Бурным Джэком похоронили тело моего несчастного товарища-неудачника. С ним в гроб мы положили шелковый кошелек и письмо Аманды.

Глава 13

БОЙ БЫКА С МЕДВЕДЕМ

Как-то в воскресенье днем я гулял в Соноре и, следуя за толпой, вышел на «Plaza de los Toros», то есть на площадь, где происходили бои быков.

Антрепренер придумал на этот день совершенно новое развлечение, о котором извещали огромные афиши. В результате больших трудов и издержек был пойман в окрестных лесах серый медведь и в крепкой клетке на колесах привезен в город. Медведь обошелся антрепрене-

ру больше тысячи долларов, так как для того, чтобы его привезти, приходилось строить специальные мосты через пропасти, овраги и реки.

Для представления на этот день было заготовлено несколько диких быков, но гвоздем спектакля предполагался бой быка с медведем.

Я раза три видел бой быков и после третьего раза решил никогда больше на это зрелище не ходить, но в этот день решил пойти — не ради боя быков, а чтобы посмотреть на несравненно более редкий и интересный спектакль — на сражение быка с медведем.

Заплатив два доллара, я вошел в полукруг и занял место на одной из скамей. Спектакль открылся боем быков. Быстро был убит первый бык. Второй бык оказался интереснее и, прежде чем его убили, свалил и долго таскал по арене торреадора, который тоже оказался мертвым.

Наконец настала очередь медведя и быка.

Клетку с медведем выкатили на арену, на которую вывели вслед за тем одного из быков. Быка хозяин цирка выбрал довольно мелкого и тощего. В этом было видно явное желание, чтобы победителем оказался не бык, а медведь. Тут был простой расчет: бык стоил, самое большое, двадцать пять долларов, а медведь обошелся в тысячу. Если медведь уцелеет, его можно будет использовать еще раз для другого представления.

Наружность быка вызвала в публике большое разочарование. Послышалось даже кое-где шиканье. Клетку с медведем отворили, освободив его лапу от цепи и толкнув его в спину, чтобы он вышел из клетки.

Бык, увидав перед собой медведя, так как его уже раньше успели раздражить, пришел в ярость. Нагнув голову и выставив вперед рога, он кинулся на медведя. Тот встретил быка очень оригинально: лег на землю и весь свернулся, точно еж, подставляя быку наименее уязвимые части своего тела. Бык со всего размаха ударил его рогами; тогда медведь, разом вскочив, повернулся и обеими своими могучими лапами ухватил быка за шею. Бык очутился как в железных тисках и, несмотря на все усилия, не мог из них освободиться, не мог даже двинуться ни туда ни сюда. Ему оставалось только громко мычать, что он и делал.

Антрепренер, желая выручить быка, приказал одному служителю разлить противников водою. Служитель

подбежал с ведром и вылил из него всю воду на медведя. Медведь выпустил быка, кинулся на служителя, моментально подмял его под себя и принялся его рвать и терзать лапами и клыками.

Из мест для публики загремели пистолетные выстрелы. Тучи пуль летели в медведя, вся шкура его была в один миг превращена в решето, но смертельной оказалась только одна пуля, попавшая зверю в глаз и проникшая в мозг.

Служителя не задела ни одна пуля. Он был тяжело изранен лапами и клыками косолапого актера, но остался жив.

При этом я заметил одну особенность: ни гибель торреадора, ни изувечение служителя, ни громовые залпы из револьверов, сопровождавшиеся громадными облаками дыма, не вызвали никакой особой сенсации среди дамской половины зрителей. Синьоры и синьориты преспокойно сидели на своих местах и, как ни в чем не бывало, покуривали пахитосы, словно перед ними было не кровавое зрелище, а исполнялось какое-нибудь веселое фанданго.

Глава 14

АВТОБИОГРАФИЯ БУРНОГО ДЖЕКА

Бурный Джек сыграл очень большую роль в моей жизни, поэтому я нахожу нужным передать читателям его биографию в том виде, как он мне ее сам рассказал во время наших совместных прогулок.

— Первые мои детские воспоминания далеко не радостны,— так говоорил мне Бурный.— Мой отец часто напивался и в таком состоянии не мог, бывало, двинуться с места. Мать моя была его тогда чем попало, в результате чего лицо отца было всегда покрыто царапинами и синяками. Со мной мать обращался не лучше; наше терпение удивляло соседей. Когда мне было около тринадцати лет, мои родители пришли к убеждению, что они не могут более прокормить самих себя, а уж меня и подавно. При помощи друзей они, в конце концов, попали в работный дом, куда вместе с ними был взят и я. Отец и мать побыли в работном доме недолго: через год оба

умерли. Я был отдан в ученики в пекарню, или, правильнее сказать, просто-напросто продан пекарю.

В пекарне у меня было ужасно много дела. По ночам я не мог спать: я должен был помогать в пекарне рабочим, а затем каждое утро, в продолжение двух или трех часов, с тяжелой корзиной хлебов на голове обойти городских покупателей и заказчиков. При такой тяжелой работе я был почти всегда голоден. Только во время разноски товара по покупателям я отчасти утолял свой голод, отламывая по маленькому кусочку от каждого хлеба с таким расчетом, чтобы при осмотре хлеба нельзя было этого заметить. Я еще не сказал вам, что моя родина Лондон, и, если бы вы знали кое-что об этом городе, вы могли бы себе ясно представить, что такое там жизнь ребенка с несчастными, бедными пьяницами родителями.

Пекарь и его жена обращались со мной прескверно. Не лучше обращались они с маленькой девочкой, прислуживавшей у них в доме. Эта маленькая невольница была взята из того же работного дома, из которого привели и меня. Мы подружились, и лучшими минутами нашей жизни были те редкие случаи, когда мы оставались одни и свободно выражали свое мнение о хозяине и хозяйке, одинаково нам ненавистных. Хозяйка была еще хуже и злее хозяина. Мы все-таки не теряли надежды и верили в лучшее будущее.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я почувствовал себя настолько взрослым, что не мог дольше переносить такое обращение пекаря и его жены со мною и решил бежать. Мне не хотелось оставлять свою маленькую подругу одну в подобной обстановке, но я подумал, что через несколько недель судьба мне улыбнется, и я буду в состоянии взять ее у пекаря и пристроить куда-нибудь получше. Я переговорил с ней об этом и мы решили на время расстаться.

В одно утро я попрощался со своей маленькой подругой и пошел разносить хлеб покупателям. Назад я уже не вернулся. Я прямо пошел на док, чтобы поискать там какой-нибудь работы. Счастье мне улыбнулось, и я в тот же день нашел себе работу. Я поступил на угольное судно, хозяин которого занимался торговлей углем и перевозкой его между Лондоном и Нью-Касслом. Хозяин со своей семьей жил на судне. Ко мне там относились ласково, и я всеми силами старался заслужить такое обра-

шение и выразить усердной работой благодарность хозяину.

Мы съездили в Нью-Касл и вернулись обратно в Лондон. Хозяин разрешил мне сойти на берег и подарил мне на расходы полсоверена. Я никогда не был собственником такой большой суммы денег и полагал, что могу теперь взять от злого пекаря мою маленькую подругу. Я рассказал угольщику о моих планах. Тот поговорил со своей женой и затем объявил мне, что я могу привести к нему свою маленькую подругу, что она будет присматривать за его маленькими детьми, и что он постарается сделать для нее все, что возможно.

Я с радостью помчался выполнять это поручение. Близко подходить к дому пекаря я боялся, чтобы меня не увидели и не задержали. Я был ему продан на известное количество лет в ученики и, следовательно, он мог силой заставить меня вернуться обратно в пекарню. Я зашел в одну таверну и решил в ней дожидаться Анну (так звали мою подругу). В эту таверну ее посылали каждый вечер за пивом.

Через полчаса она вошла, взяла пиво и, не заметив меня, пошла обратно. Я кинулся за ней вслед.

— Постой, Анна! — крикнул я. — Постой! Оставь кувшин и иди за мной!

Я подошел к ней. От неожиданности и удивления она выронила кувшин, который разбился.

— Пойдем со мной, — сказал я, — я нашел для тебя другой дом.

Она бросила взгляд на черепки разбитого кувшина и пролитое пиво. Затем, подумав о том, как встретит ее хозяйка, когда она придет без пива, Анна решила идти за мной. Она взяла меня за руку, и мы пошли.

Я не буду останавливаться на подробностях. Скажу только, что в продолжение девяти лет я работал и жил исключительно для Анны. Вскоре я стал зарабатывать хорошо; я был уже вторым помощником на бриге, который плавал между Чарльстоном и Лондоном. Все свои деньги я тратил на содержание и воспитание Анны, которую поместил в хорошем доме, где ее учили читать и писать и умению держать себя, как подобает благовоспитанной девушке.

Отказывать себе во всем, чтобы сберечь деньги для Анны, доставляло мне величайшее удовольствие. Я часто переплывал Атлантический океан, не имея приличного

платья, для того чтобы Анна могла жить без всякой нужды во время моего отсутствия. В продолжение этих девяти лет я совершенно ничего не пил.

Во время моих путешествий через Атлантический океан я учился у своих товарищей читать и писать. Я трудился над этим очень усердно, когда удавалось найти свободное от работы время. У меня было два побуждения выучиться читать и писать: во-первых, я сознавал необходимость этого для себя самого, и во-вторых,— я не хотел, чтобы, когда я женюсь на Анне, у нее был муж, не умеющий даже подписать своей фамилии.

Когда мне исполнилось 25 лет, я начал думать о женитьбе. Я зарабатывал хорошо и собрал достаточно денег для устройства маленького хозяйства. В это время я начал замечать, что Анна стала относиться ко мне холоднее. Я так берег свои деньги, что всегда ходил очень плохо одетым, и сначала думал, что ей не нравится такая неряшливость, и что она стыдится за меня. Я не мог себе представить, чтобы она не любила меня после всех тех жертв, которые я принес для нее.

Вы можете себе представить, как я был поражен, когда, вернувшись из своей продолжительной поездки, я был встречен ею холоднее обыкновенного, и эта холодность усиливалась с каждым днем. Казалось, будто она тяготится моим присутствием и с нетерпением ждет моего отъезда.

Я решил во что бы то ни стало выведать причину такой перемены.

Однажды, когда корабль должен был уходить в Чарльстон, я отказался от службы, рассчитался с капитаном и сошел на берег. Анна ничего этого не знала. Она была уверена, что я отправился снова в Чарльстон. Но она ошиблась. Я стал за нею следить. За несколько месяцев перед этим я дал ей возможность войти в компанию с одной вдовой и открыть маленькую галантерейную лавочку для того, чтобы Анна не скучала без дела. Она находилась постоянно в лавочке, и я избрал такой пункт, откуда мог удобно наблюдать за всем, что делается в лавочке, не будучи сам замечен. Мне недолго пришлось разыгрывать роль шпиона, я скоро открыл причину перемены, происшедшей с Анной.

Почти каждый день в лавочку к ним приходил молодой человек фатоватой наружности и оставался с Анной подолгу. По вечерам они вместе ходили в театр, в тан-

цевальные залы или в другие увеселительные места. Я проследил его и узнал, что у него две квартиры. Он служил где-то клерком. Из того, что я узнал, ясно было, что он обманывает Анну и никогда на ней не женится.

Я не знал, что мне делать. Если открыться, идти к Анне и сказать, что этот молодой человек обманывает ее, то она все равно не поверит.

Это открытие разбило всю мою жизнь. Я почувствовал к Анне сильнейшую ненависть. Все мои жертвы, все мои десятилетние труды и заботы о ней она не ставила ни во что и променяла меня на какого-то пустоголового франта. Она оказалась неблагодарной, и я почувствовал себя страшно оскорбленным. Я решил оставить ее и отправиться в новое плавание. Может быть я поступил и неправильно, но в то время я иначе поступить не мог.

Я отправился в Индию, и на этот раз мое плавание было очень продолжительным. Я был в отсутствии четырнадцать месяцев.

Я не забыл Анны и продолжал любить ее, хотя хорошо знал, что никогда уже она не может быть моею женою.

Когда я вернулся из Индии, я пошел в маленькую лавочку, но Анны уже там не было. Я нашел ее в рабочем доме, в том самом, из которого она была взята ребенком. Она была матерью семимесячного ребенка. Негодяй, как я и думал, обманул ее и не женился на ней. Он ее бросил.

Я взял ее из рабочего дома и поместил в более или менее комфортабельную обстановку. Теперь она сразу почувствовала разницу между моим отношением и поведением того негодяя, который ее обманул. Она на коленях, рыдая, просила меня ее простить. Называла себя безумною за то, что не могла оценить раньше моей любви к ней.

— Я прощаю вас, Анна,— сказал я,— иначе я не вернулся бы к вам.

— И вы полюбите меня так же, как и раньше? — спросила она.

— Вероятно, полюблю.

— Джек,— сказала она,— вы самый благородный человек на всем свете; я только теперь узнала вам истинную цену. О! Как я была глупа, что раньше не старалась понять этого!

Я прожил в Лондоне на этот раз довольно долго. Я ходил каждый день к Анне и видел, что раскаяние ее было искренне, и что она теперь на самом деле полюбила меня. Бедная девочка! Она рассчитывала еще быть счастливой, но ошибалась.

Когда я израсходовал все деньги, то решил оставить ее. Жениться на ней, по крайней мере, теперь — я не мог. Я чувствовал, что буду самым несчастным человеком, если женюсь, да и ей не дам счастья. И, кроме того, я думал, что это послужит ей хорошим уроком. Но это ее окончательно погубило.

Я отправился снова в Индию и пробыл там четырнадцать месяцев.

Вернувшись в Лондон, я стал разыскивать Анну, но было поздно. Она умерла в том же работном доме, где была раньше.

С этих пор я сделался тем Бурным Джеком, каким вы меня знаете.

Глава 15

ПЫЛАЮЩИЙ МЕДВЕДЬ

После смерти Гайнена я покинул Сонору и отправился на реку Туолуму. Бурный обещал вскоре последовать за мною, как только покончит свои дела по товариществу. Я поселился близ маленького города Джексонвилля, где и начал свои работы. На этот раз моя работа пошла так успешно, что я нанял несколько человек рабочих, а сам поселился в самом городке, устроившись там довольно комфортабельно.

Однажды я получил из Соноры от Бурного записку, которую разбирал почти целый день; только после усиленных трудов мне удалось понять, что пишет старый моряк. На следующий день в Соноре рудокопы собирались учить «манерам» одного разбойника, повесив его на дереве. Он убил свою жену, и рудокопы после короткого следствия признали его виновным и решили расправиться с ним судом Линча.

«Мне кажется,— писал старый моряк,— что этого человека я видел несколько лет тому назад, и что вы тоже узнаете его, когда увидите, хотя, конечно, я могу и ошибиться. Приезжайте и посмотрите на него сами.

Я жду вас завтра к одиннадцати часам утра в моей палатке».

Хотя фамилия разбойника была совершенно неизвестна Бурному, но это не имело никакого значения.

Письмо Бурного сильно меня взволновало. Кем мог быть разбойник, которого я знал и которого также знал много лет тому назад Бурный? Как молния, меня пронзила страшная мысль, что разбойник был Лири, что его несчастная жертва — моя мать.

Сонора находилась от Джексонавиля в тридцати милях. Я вышел из дому еще до зари и пошел пешком, так как все равно пришел бы на несколько часов раньше назначенного времени. Пройдя около мили, я свернул с большой дороги на тропинку, которая значительно сокращала расстояние. Я преодолел уже более половины пути и проходил вблизи густой лесной чащи. Вдруг из-за кустов выскочил большой старый медведь, так называемый «грizzly», и бросился на меня.

На мое счастье поблизости рос большой дуб с низкими, горизонтально распростертыми ветвями. Я едва успел схватиться за ветку и быстро взобраться наверх. Промедли я еще хоть одну секунду, я очутился бы в объятиях медведя. Хорошо еще и то, что это был не бурый медведь, а серый, который не умеет лазать по деревьям. Я знал это, и потому чувствовал себя в безопасности. Мой враг — медведица крупных размеров — расположилась под деревом, на котором я сидел, вместе со своими двумя медвежатами и стала с ними играть. Я сначала с большим любопытством смотрел на их возню, но вскоре мысль о моем положении настолько заняла меня, что игра медвежат уже не доставляла мне никакого удовольствия. Со мной не было ни кинжала, ни револьвера. Я очутился в осаде, снятие которой зависело только от медведя.

Я видел, что медведица ничуть не намерена уходить от дерева, пока ее медвежата находятся здесь. Было мало вероятно, чтобы кто-нибудь пришел и выручил меня. Тропинка была глухая и мало кому известная. Осада предстояла продолжительная.

Я закурил сигару, глотнул бренди из фляжки и стал придумывать всевозможные способы выбраться из труднительного положения.

Время от времени медведица делала попытки стряхнуть меня с дерева, но я видел, что ее попытки тщетны.

Больше всего меня беспокоило то обстоятельство, что я могу опоздать в Сонору. Кроме того, так как я вышел из дому без завтрака, то начал ощущать голод и жажду. Сигара только отчасти помогала мне заглушать муки голода.

День был жаркий. Солнце так и пекло. Жажда моя сделалась просто нестерпимой. Моя фляжка не только не утоляла ее, но еще больше возбуждала. Я начал приходить в отчаяние и решил, что спущусь с дерева и вступлю в борьбу с медведицей, имея в качестве оружия только небольшой складной нож. Мой план был безумием; это значило идти на верную смерть, но другого выхода мне не представлялось.

Я вынул новую сигару, закурил ее и решил, что как только докурю, то сейчас же спущусь с дерева. Вдруг мне пришла в голову счастливая мысль. Ветви дерева, на котором я сидел, были обвиты одним из растений-паразитов. Это был испанский мох или «борода старика», как называют его за сходство его нитей с длинной седой бородой. Растение давно уже погибло, и его нити были совершенно высохшими. Я осторожно собрал эти сухие нити с ветки, на которой сидел, и с соседних ветвей. У меня образовался из них целый большой пук. Затем я открыл свою фляжку с бренди и вылил содержимое на спину медведицы, которая все время находилась под деревом, а оставшейся жидкостью смочил собранный мною мох; затем осторожно зажег мох и бросил его вниз на спину медведицы. В одно мгновение медведица была охвачена огнем.

Эффект получился необычайный. Раздался страшный рев, и медведица, вся охваченная огнем и ставшая похожей на движущийся огненный куст, в диком ужасе помчалась прочь от дерева. На ее рев издали донесся рев другого гризли, но я не стал дожидаться его и, быстро спустившись с дерева, поспешил в Сонору. Я шел с такою быстротой, что пришел еще за два часа до назначенного времени.

Глава 16

СУД ЛИНЧА НАД ЛИРИ

Было около девяти часов, когда я вошел в палатку Бурного. Он меня уже поджидал. Я хотел сразу же направиться вместе с Бурным туда, где содержался пре-

ступник. Меня всего охватило нетерпение как можно скорее его увидеть.

— Пойдемте, Бурный,— сказал я, как только вошел,— пойдемте! Мы можем идти и говорить в одно и то же время.

Бурный, ни слова не говоря, встал и последовал за мною.

— Бурный,— обратился я к старому моряку,— скажите мне все, что вы знаете.

— Я знаю очень мало,— ответил он,— боюсь, что сделал большую глупость, вызвав вас сюда. Я вчера видел того человека, которого сегодня повесят. Мне показалось, что это тот самый человек, который приходил с вами на борт корабля «Надежда» в Дублине, когда вы в первый раз выходили в море. Вы мне сказали тогда, что это был ваш отчим. Теперь мне кажется, что это ошибка моего воображения. Ведь это случилось уже очень давно, трудно хорошо запомнить. Но я все-таки счел необходимым, чтобы вы сами в этом убедились.

Я сказал Бурному, что он поступил совершенно правильно, одновременно выразив надежду, что скорее всего моряк ошибся.

Бурный, без сомнения, хотел меня немного успокоить. Я был слишком голоден, и мы зашли в первую встреченную нами гостиницу позавтракать. Утолив голод, мы отправились к тому месту, где преступник содержался под стражей.

Его посадили в одну из гостиниц, вокруг которой стояла громадная толпа народа, собравшаяся посмотреть на казнь. Я хотел сейчас же пойти взглянуть на преступника, но охрана меня не пустила, и я должен был дожидаться, пока его выведут.

Ждать приходилось долго. Я был очень расстроен и встревожен и решил немедленно отправиться посмотреть на жертву преступника. Дом, где лежала убитая женщина, находился недалеко от гостиницы, в которой содержался преступник.

Сопровождаемый Бурным, я пошел к дому и вошел в квартиру, в которой лежало тело несчастной. Меня охватило необычайное волнение, когда я подходил к трупу убитой женщины. Я боялся увидеть тело моей матери. Но первый же брошенный взгляд на убитую успокоил

меня. Это была совсем молодая женщина лет девятнадцати-двадцати. Она была очень красива.

Мы вышли из дома, в котором лежала убитая, и пошли обратно к гостинице. Когда мы подошли, то увидели, что толпа сильно увеличилась и с каждой минутой продолжала прибывать, так как приближался час казни преступника. Наконец назначенное время настало, и преступника в сопровождении стражи вывели. Мое сердце сильно забилося.

Бурный оказался прав. Разбойник был Лирн.

Преступника повели за город. В полутора милях, на высоком холме, рос большой дуб. Здесь и должна была совершиться казнь. Под дубом же была вырыта и могила.

Разбойник не выказывал никакого волнения. Он шел бодро вперед. Сзади ехала телега, в которой помещались четыре или пять джентльменов, игравших, по-видимому, большую роль в происходящем. Когда мы приблизились к месту казни, один из джентльменов, сидевших в телеге, встал и попросил внимания. Когда водворилась тишина, он обратился к толпе со следующей речью:

«Джентльмены! Перед началом казни я считаю необходимым изложить вам обстоятельства этого дела и те мотивы, которые привели нас к убеждению в справедливости присужденного наказания. Преступник, стоящий перед вами, Джон Метьюс, осужден судом присяжных из двенадцати человек и признан виновным в убийстве своей жены, или женщины, считавшейся его женою. Его защищал опытный адвокат, и судебное следствие велось с соблюдением всех формальностей, необходимых в таком важном деле. Против преступника следующие улики. Он — записной пьяница и деньги на пьянство получал от своей жены, которая своею работою — она была прачкой — поддерживала как свое существование, так и жизнь своего ребенка и мужа-преступника. Сам же преступник ничего не делал, и все время шлялся по кабакам и другим увеселительным заведениям. В день убийства преступник пришел домой совершенно пьяный и потребовал от жены денег. Жена сказала, что в доме всего только три доллара, которые необходимы для ребенка, и отказала ему в выдаче этих денег. Преступник настойчиво требовал денег, но жена также настойчиво отказывала ему. После тщетных попыток получить деньги угрозой он вынул револьвер и попытался выстрелить.»

женщину, но безуспешно, так как револьвер не был заряжен. Тогда он нанес жене рукояткой револьвера два сильных удара по голове. Эти удары и были причиной смерти, последовавшей через два часа. Человек, который совершил это преступление, стоит перед вами. Теперь я ставлю вопрос, что мы сделаем с ним?

После этой речи говорил судья с целью убедить толпу выдать преступника властям. Но его речь не имела никакого успеха, и громадным большинством было решено повесить убийцу немедленно.

На шею преступника была уже накинута петля.

— Подождите,— вскричал я,— только одну минуту! Пускай этот человек перед смертью ответит мне на один вопрос.

Толпа приостановилась. Лири удивленно обернулся ко мне.

— Я — Роллинг Стоун,— обратился я к нему.— Скажите мне, где теперь моя мать?

Разбойник улыбнулся, и какой улыбкой! Это была такая же жестокая усмешка, которая была у него, когда мы расставались в Дублине.

— Скажите мне, где я могу найти свою мать? — снова спросил я его, почти не помня себя от бешенства.

В ответ на мой повторный вопрос злое выражение его лица сделалось еще более злобным и ненавистным.

— Довольно! — вскричал я, не помня себя от бешенства.— Вешайте его!

В следующий момент Лири повис на дубе, и через несколько минут был уже мертв.

Недалеко от места казни стоял ящик с надписью: «Для сироты». Многие рудокопы подходили к этому ящику, вынимали свои кошельки и клали в ящик золото. Их примеру последовал и Бурный, и когда он отошел от ящика, его кошелек стал на три или на четыре унции легче.

Глава 17

СИРОТА

После казни мы с Бурным отправились посмотреть на ребенка, потерявшего теперь отца и мать. Мы нашли его у одной молодой супружеской четы, недавно

приехавшей из Австралии. Они были знакомы с несчастной матерью ребенка и рассказали нам, что убитая женщина была дочерью одного уважаемого торговца в Сиднее. Она бежала из дому с мистером Метьюсом (фамилия, под которой Лири проживал в Австралии). Она была единственной дочерью, и родители были совершенно убиты ее поступком. Относительно Лири я от них почти ничего не узнал. Они совсем не знали его в Австралии; знали только, что там он прослыл за большого пьяницу и бездельника.

Нам показали ребенка. Это был прелестный голубоглазый мальчик, около года, замечательно похожий на свою мать.

— Я предполагаю отправить ребенка к бабушке и бабушке,— сказала молодая женщина.— Они остались совершенно одни, и, может быть, этот ребенок хоть как-то заменит им погибшую дочь.

Перед нашим уходом пришли три человека и передали собранное для ребенка золото. Всего было собрано около пятидесяти унций, или, считая на деньги, более двухсот фунтов стерлингов.

Деньги эти решено было отправить в Сан-Франциско одному австралийскому купцу, который в скором времени собирался поехать в Сидней. Ему же предполагали поручить отвезти туда и ребенка.

Я взял адрес этого купца, надеясь узнать от него что-нибудь еще о Лири и о моей матерн.

Вскоре после моего возвращения в Джексонвилль ко мне прибыл Бурный. Он окончательно покончил со своим товариществом, и мы решили больше не расставаться. Работы у нас в это время было очень мало, так что оставалось много свободного времени.

В маленьком городке Джексонвилле единственными развлечениями диггеров были пьянство и игра. Бурный не играл, но зато был большой любитель выпить. Чтобы избавиться от своей дурной привычки, он пробовал заняться чем-нибудь, но это мало помогало.

В это время в Джексонвилле поселился человек, известный под кличкой «Рыжий Нед». Его прозвали так за рыжеватый цвет бороды. Он прибыл всего несколько дней тому назад, и мне еще не приходилось с ним встречаться, так как он все время проводил в кабаке, где жил почти без просыпа.

Я слышал только, что Нед опасный человек. Такой

эпитет не дается даром. В своих скитаниях по свету мне приходилось много раз встречаться с подобными людьми. Они при каждом случае пускали в ход нож или револьвер, и, действительно, были опасными людьми. К несчастью, моему старому другу Бурному пришлось столкнуться с этим человеком. Меня в это время с ним не было. Я находился в нескольких милях от Джексонавиля на работе.

Рыжий Нед встретился с Бурным в таверне. Надо прибавить, что первый был уже очень пьян и решил позабавиться над Бурным. Он стал задевать моего Джека. Последний в пьяном виде был неводержан на язык, и сказал несколько резкостей. Услышав это, Нед бросился на Бурного и ударил старого моряка. Бурный, конечно, возвратил удар и стал защищаться. Тогда Нед вытащил нож и ударил Бурного в бок. Бурный упал, обливаясь кровью.

Драма кончилась, и раненого моряка отнесли на его квартиру.

Глава 18

РЫЖИЙ НЕД

Меня сейчас же уведомили о происшествии, и я немедленно отправился к Бурному. Я его нашел в постели, рядом с ним находился доктор.

— Роланд, мой мальчик, пришел мой смертный час, — сказал он. — Это сказал мне сам доктор, и на сей раз, впервые в моей жизни, я ему верю.

— Бурный! Бурный! Мой дорогой друг, что же такое с вами случилось? — спросил я, едва удерживаясь от слез при мысли о предстоящей потере старого друга.

Доктор сказал, что больному необходим покой, и увел меня в другую комнату. Там он сообщил мне, что рана безусловно смертельна, и мой друг больше двух дней не проживет.

подавив в себе волнение, я возвратился к постели своего друга и стал его успокаивать.

Немного погодя пришли несколько дятгеров навещать Бурного. Я оставил его на их попечение, а сам отправился в таверну, где произошло роковое событие. Когда я вошел в таверну, там было около сорока чело-

век. В течение некоторого времени я внимательно прислушивался к разговорам, которые велись вокруг меня. Темой разговора было сегодняшнее происшествие. Некоторые не придавали никакого значения событию и смотрели на происшедшее, как на обыкновенную драку.

Я не согласился с таким мнением, вступил в разговор и громко заявил, что человек, который заколол Бурного, совершил преступление, и что он ни больше, ни меньше, как разбойник и убийца.

Около дюжины человек вступили со мною в спор. Мне сказали, что, назвав в публичном месте оскорбительным именем человека, я должен буду взять на себя и последствия этого. Тогда я заявил, что ничуть не думаю уклоняться от последствий своих слов и что, если бы человек, совершивший это преступление, находился тут, я сказал бы ему это самое в глаза.

Тут-то я и узнал в первый раз, что человека, который ранил Бурного, звали «Рыжий Нед». Я решил отомстить за Бурного, но пока вернулся к постели смертельно раненого и провел с ним целую ночь.

Когда стало светать, Бурный обратился ко мне со следующими словами: «Роланд, я знаю что следующей ночи не переживу, и потому вы должны исполнить то, что я вам сейчас скажу. У меня около 180 унций золота, и это я оставляю вам, мой дорогой мальчик. У меня нет никого родных, и вы для меня ближе и дороже всех. Я теперь умру с приятным сознанием, что кое-что сделал для вас. Я вас полюбил сразу, как только увидел вас в первый раз».

Бурный потребовал, чтобы я сейчас же пригласил нескольких честных товарищей-золотоискателей. Когда они пришли, Джек в присутствии их передал мне свое золото.

— Возьмите его, Роланд,— сказал он,— в свою полную собственность. Это золото приобретено честным путем. Поезжайте в Ливерпуль и женитесь на девушке, о которой вы мне говорили. Я думаю, что вы будете счастливы.

Мучения Бурного были ужасны. Невыносимо тяжело было смотреть на его продолжительную агонию. Я оставил Бурного на попечение товарищей и отправился разыскивать «Рыжего Неда».

МЕСТЬ ЗА ДРУГА

Я пошел по направлению к таверне, зная, что Нед часто посещает это место и, что, если я не найду его в таверне, то, по крайней мере, узнаю, где его можно найти.

Когда я вошел в таверну, то увидел высокого, тощего человека с рыжей бородой.

— Пускай он поостережется называть меня разбойником,— говорил рыжебородый,— иначе я отправлю его туда, куда уходит его товарищ. Разбойник! А! Как он меня назвал! Ведь было больше дюжины человек, которые слышали, как в продолжение десяти минут моряк ругал меня. Мог ли я допустить, чтобы он продолжал в этом духе дальше? Тот, кто назвал меня злодеем, пусть поскорее застрахует свою жизнь.

Как только я услышал голос, показавшийся мне знакомым, я стал рассматривать лицо незнакомца и узнал своего старого знакомого. Это был Эдуард Адкинс, старший помощник капитана, а затем капитан «Леоноры»,— человек, который прогнал меня с корабля после смерти капитана Хайленда,— человек, который обвинил меня в неблагодарности и воровстве! Да, это был Адкинс, мой старый враг. Я знал, что он трус самого презренного сорта и храбрится только на словах.

Адкинс, называвшийся теперь Рыжим Недом, закончил свою речь следующим вопросом:

— Какая цена человеку, который не сможет защитить своей чести?

— У вас нет никакой чести, чтобы защищать ее,— сказал я, выступив вперед,— и вам нечего терять. Вы — бессовестный злодей. Вы нарочно вызвали ссору с беззащитным человеком и предательски закололи его ножом, несмотря на то, что отлично видели, что он пьян и совершенно беспомощен.

— Тысячу проклятий! Вы это ко мне обращаетесь? — спросил Адкинс, повернув свое лицо ко мне.

— Да! Я вам это говорю,— сказал я,— и желаю, чтобы все присутствующие слышали мои слова. Вы бессовестный негодяй, разбойник и даже хуже. Вы убили беспомощного, невинного человека, неспособного защитить себя. Вы говорили о своей чести и репутации, а я теперь

публично, при всех, объявил, какова ваша честь и чего стоит ваша репутация.

Будь нас только двое, очень может быть, что Адкинс и не подумал бы отвечать на мои слова или защищаться. Но при этой сцене присутствовало два десятка человек, которые слышали каждое слово. Он был поставлен в необходимость защищать созданную им самим же репутацию отчаянного человека.

— Теперь,— воскликнул я,— вы слышали, что я сказал! Джентльмены, вы все слышали мои слова?

— Джентльмены,— сказал Адкинс, обращаясь к толпе, окружившей нас,— что я должен делать? Вчера я вынужден был прибегнуть к таким действиям, о последствиях которых я сожалею; теперь вот опять появляется другой человек и завязывает со мной ссору, желая, очевидно, последовать за своим товарищем. Вот вам мой совет,— сказал он, обратясь ко мне,— оставьте этот дом, пока из него не вынесли вашего тела. Не дайте моей крови взволноваться.

— Волнение вашей крови не представляет для меня ни малейшей опасности,— сказал я.— у вас уже сейчас от страха душа ушла в пятки. Если бы я был настолько пьян, что не держался бы на ногах, тогда, без сомнения, вы показали бы свою храбрость и напали бы на меня. Но теперь, в данную минуту, вы этого не сделаете!

Величайший на свете трус был поставлен теперь в необходимость выказать свою храбрость, хотя бы и мнимую.

— Черт возьми! Если вы желаете этого, то вы получите свое!

С этими словами он нагнулся. Я видел, что он достал из-за голенища нож, и в тот же миг ударом кулака повалил его на пол. Нож выпал из рук Адкинса и, прежде чем он успел подняться, я встал между ним и тем местом, куда упало лезвие. Я вытащил из кармана свой нож и бросил его рядом с ножом Адкинса. Когда Адкинс встал на ноги, он набросился на меня. Но я снова ударом кулака повалил его на пол. Затем я схватил его, высоко приподнял и бросил на пол с такою силою, что он больше уже не встал: у него был сломан позвоночник.

Когда я выходил из таверны, Адкинс был уже мертв, а Бурный отомщен.

Вернувшись к Бурному, я нашел его в очень плохом состоянии. Часы его жизни были сочтены.

— Бурный,— сказал я,— что желали бы вы сделать с человеком, который вас предательски заколол?

— Ничего,— ответил он,— он дурной человек, но только вы его оставьте в покое. Обещайте мне, что вы не будете пытаться мстить за меня. Пускай уж это делает за нас Бог.

— Хорошо, товарищ,— сказал я,— ваше желание я исполню. Да и не могу больше вредить этому негодяю. Его уже нет.

— Я очень этому рад,— сказал умирающий моряк.— Очевидно, он понял, что поступил несправедливо, и ушел отсюда.

— Он не ушел,— сказал я,— а умер. Я зашел в тот самый дом, где вчера произошло это печальное событие — его встреча с вами. Я застал его там, но перед моим уходом он был уже мертв.

При этом известии лицо Бурного осветилось особенной, свойственной ему улыбкой. Он, очевидно, был очень доволен, и если не желал, чтобы я мстил за него, то только из опасения за мою жизнь.

К вечеру того же дня, в который был убит мною разбойник, не стало и Бурного.

Похоронив своего старого товарища, я решил разыскать свою мать, а затем вернуться на родину.

Перед отъездом из Соноры я навестил молодую чету, приютившую у себя сироту мистера Лири.

Ребенка у них уже не было. Они поручили отвезти малыша к родителям его покойной матери, в Сидней, знакомому купцу, возвращавшемуся в Австралию. Они дали мне адрес хозяина одной гостиницы в Сан-Франциско, по фамилии Вильсон, от которого я мог получить более подробные сведения о мистере Лири. Вильсон знал Лири еще в Австралии. С этим адресом я отправился в столицу Калifornии.

Вильсона я очень скоро разыскал в Сан-Франциско. По его словам, мистер Лири прибыл в Сидней несколько лет тому назад. Через год после его приезда в Сидней приехала из Дублина жена Лири, с которой он прожил несколько недель, а затем бросил ее. Потом Лири бежал в Америку вместе с дочерью сиднейского купца. Больше Вильсон ничего не знал и не мог сообщить о дальнейшей судьбе моей матери.

Я решил отправиться в Австралию, где у меня была

единственная надежда получить какие-нибудь сведения о моей матери, брате и сестре и о сиднейском купце, отце несчастной девушки, погибшей от руки Лири.

Глава 20

ОПЕКУНЫ СИРОТЫ

В Сидней я прибыл после продолжительного плаванья. Сразу же, как только я сошел с корабля на берег, я принялся за розыски мистера Дэвиса, отца несчастной убитой девушки.

Мистер Дэвис был довольно крупный бакалейный торговец в Сиднее и пользовался большим уважением, так что найти его не представляло никакой трудности.

На следующий же день я отправился к мистеру Дэвису. Это был джентльмен лет пятидесяти, с симпатичным честным лицом. Я сказал ему, что только что приехал из Калифорнии, где слышал о нем, и что дело чрезвычайной важности заставило меня обратиться к нему.

Мистер Дэвис попросил сообщить, какого свойства мое дело. По тону его голоса видно было, что он уже догадывается.

— Если я не ошибаюсь,— сказал я,— у вас находится ребенок, которого вам привезли из Калифорнии?

— Да,— ответил он,— его доставили мне приблизительно четыре месяца тому назад. Мне сказали, что это мой внук, и в качестве такового я его принял к себе в дом.

— Деньги, посланные для ребенка, вы тоже получили?

— Да, получил и деньги.

Тогда я откровенно и подробно рассказал ему обо всем, сообщив что причина моего приезда в Сидней узнать что-нибудь относительно матери.

— Лучшего вы не могли ничего придумать, чтобы собрать необходимые для вас сведения,— сказал он.— Женщина, называющая себя миссис Лири и считающая себя женою человека, который в наших краях был известен под фамилией Метьюса, здесь. Если это ваша мать, то не трудно разыскать ее. Она бывает у нас каждый день. Она портниха. Моя жена может указать вам ее адрес.

Моя задача оказалась гораздо легче, чем я предполагал. Я теперь сгорал от сильного нетерпения узнать скорее адрес моей матери и поспешить к ней.

— Не спешите так,— сказал мистер Дэвис.— Вам необходимо предварительно кое-что узнать. Позвольте мне задать вам два или три вопроса. Знаете ли вы, как умер Метьюс?

— Да, я присутствовал при его смерти.

— Известны ли вам причины его смерти?

— Да,— ответил я.— А вам?

— Увы, мне они даже слишком хорошо известны! — с глубоким душевным волнением произнес мистер Дэвис.— Но погодите. Я вам кое-что скажу, прежде чем вы увидите свою мать. Она не знает, что Метьюс умер. Я не желаю, чтобы было известно, что моя дочь убита, и что сделал это человек, который с нею бежал и который за это убийство повешен. Довольно и того, что наши знакомые знают, что моя дочь убежала из дома. Они думают, что наша дочь умерла естественной смертью, а ребенка прислал к нам Метьюс после смерти его матери по нашей просьбе. Женщина, в которой вы думаете признать свою мать, тоже полагает, что Метьюс жив и вернется к ней. Она любит этого человека больше своей собственной жизни. Я сообщаю вам об этом, чтобы вы знали, как надо действовать. Она приходит сюда очень часто посмотреть на ребенка, потому что ее муж — отец этого ребенка. Она странная женщина; мне кажется, что она любит это маленькое создание, как свое собственное дитя.

Я познакомился с миссис Дэвис и зашел посмотреть на ребенка. Это был очень интересный мальчик. Черты его лица ничуть не напоминали отца. Ребенок был поразительно похож на свою несчастную мать, и я сказал это бабушке ребенка. В ответ на это старая леди сказала, что миссис Лири совершенно другого мнения, чем и Миссис Лири находит, что ребенок вылитый портрет отца.

— Слава Богу! — сказал мистер Дэвис.— Я думаю, как и вы, что ребенок несколько не похож на своего преступного отца. Я счастлив, что черты лица напоминают его мать — моего собственного несчастного ребенка. Может быть, этот ребенок послан для утешения несчастным родителям, потерявшим свою дорогую дочь!

Простившись со стариками и узнав от миссис Дэвис точный и подробный адрес моей матери, я ушел.

ВСТРЕЧА СЫНА С МАТЕРЬЮ ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Я пошел по указанному адресу искать квартиру моей матери. Пройдя несколько улиц, я подошел к дому, где над небольшим, но чистеньким магазином была прибитая вывеска: «Миссис Лири, моды и платья». Я находился у квартиры моей матери, с которой столько лет не виделся. Необычайное волнение охватило меня. Я подошел к дому и постучал в дверь.

Дверь открыла молодая девушка, лет девятнадцати.

Я никогда не узнал бы, кто эта девушка, если бы не ожидал встретить моих родных; девушка была очень красива, и я догадался, что это моя сестра Марта.

Я решил пока не говорить кто я, и на вопросительный взгляд девушки сказал, что мне необходимо повидаться по делу с миссис Лири. Молодая девушка, не подзревая, кто посетитель, ввела меня в комнату и пошла за матерью.

Через несколько минут ко мне вышла мать в сопровождении молодой девушки. Я увидел женщину, которая была моей матерью! Она сильно постарела, но все черты лица ее были те самые, что с любовью хранил я в своей памяти.

Невозможно описать те чувства, которые охватили меня при виде моей несчастной матери. Боясь, что сильное волнение может оказаться вредным для ее слабого здоровья, я решил не сразу говорить, кто я, а подготовить ее к этому постепенно.

Я пытался говорить, но не мог. Язык не мог высказать тех чувств, которые в эту минуту волновали меня.

Дважды вопрошала она, что мне нужно, но я не мог ничего сказать.

Наконец, когда вопрос прозвучал в третий раз, мне удалось вымолвить:

— Я пришел посмотреть на вас!

— Если ваше дело заключается только в этом,— сказала мать,— то теперь, когда вы посмотрели на меня, можете уходить.

Я наслаждался звуками милого, дорогого для меня голоса, которого не слышал столько лет.

Я с таким видом рассматривал свою мать и сестру, что это, наконец, встревожило их.

— Вы слышите меня? — сказала мать. — Если у вас нет никакого дела, то почему же вы не уходите?

Это было сказано суровым тоном, но я все еще продолжал молчать.

— Марта! — обратилась мать к моей сестре, — сходи и приведи полисмена.

Молодая девушка пристально и внимательно всматривалась в мое лицо и не торопилась исполнять приказание матери.

— Мама, — сказала она после продолжительного молчания, — мы где-то видели этого молодого человека раньше. Я в этом уверена.

— Скажите мне, не жили ли вы прежде в Дублине? — спросила она, обращаясь ко мне.

— Да, я там жил, когда был мальчиком.

— В таком случае, хотя я могу и ошибаться, но мне кажется, что я видела вас именно там.

Мать тоже стала пристально рассматривать мое лицо; сильно волнуясь, она подошла ко мне и спросила:

— Скажите мне, кто вы такой?

Я весь дрожал от волнения.

— Скажите мне, кто вы? Скажите мне как вас зовут! — повторила в сильном волнении моя мать.

Больше я не мог сдерживаться и в ответ воскликнул:

— Я — Роллинг Стоун!

Последовала сцена, которую я не стану описывать...

Когда мы все несколько успокоились и привели свои чувства и мысли в порядок, я спросил где мой брат Вильям.

— Я отдала его учеником в одну шорную мастерскую в Ливерпуле, — ответила мне мать.

— Но где он теперь? — спросил я. — Ведь это было давно.

Моя мать заплакала. Марта ответила за нее:

— Вильям убежал от своего хозяина, и мы больше никогда ничего о нем не слышали.

Я спросил, делались ли какие-нибудь попытки его разыскать. Мне ответили, что мать два или три раза писала мастеру и от него получила известие, что он сделал все, чтобы разыскать своего бежавшего ученика, но без всяких результатов. Вильям пропал без вести.

Мне показалось, что матери слишком тяжело гово-

рять о Вильяме. Вероятно, в ней подымалось тяжелое чувство при мысли, что она не взяла его с собой, а оставила одного в Ливерпуле.

Я стал утешать ее; сказал, что заработал много денег, и что Вильям или сам вернется к нам или мы его разыщем. Мы снова тогда заживем все вместе счастливо, как в старое время.

Никогда я не чувствовал себя таким счастливым. Будущее представлялось мне полным самых радужных надежд.

А самой дорогой для меня мечтой было — в ближайшем будущем разыскать Леонору и соединиться с ней.

Глава 22

СУМАСШЕСТВИЕ И СМЕРТЬ МОЕЙ БЕДНОЙ МАТЕРИ

На следующий день я имел продолжительную беседу с матерью относительно наших будущих планов. Я настаивал на том, чтобы немедленно вернуться в Ливерпуль.

— Нет! Нет! — протестовала моя мать с жаром, чрезвычайно меня удивившим. — Я не могу и думать об этом. Я должна ждать возвращения моего мужа.

— Вашего мужа?

— Ну да, мистера Лири. Он уехал в Калифорнию, у меня большая уверенность, что он скоро вернется назад.

— И это после всего того, что рассказывали вы сами о нем, — сказал я, — после того, как он вас бросил?

— Он всегда был ласков со мною, — ответила она, — очень ласков. Он уехал за золотом в Калифорнию. Там, я в этом не сомневаюсь, он много добудет и вернется обратно с большими деньгами.

— Но вы только что сказали мне, что он вас бросил. Где же его нежность к вам?

— Это правда, он оставил меня, но дела наши были очень плохи и он ничем не мог бы помочь нам. Я не сомневаюсь, что, оставляя меня, он очень горевал.

— Но ведь в Калифорнию он бежал с другой женщиной. Это правда?

— Он уехал в Калифорнию,— ответила моя безумная мать,— и я подозреваю, что мисс Дэвис уехала с ним. Только я обвиняю ее больше, чем его. Я не хочу дурно говорить о ней, тем более, что я слышала, что она умерла; бедная девочка!

— Зная, что он дважды бросал вас и убегал от вас, вы все-таки думаете, что он вернется к вам опять?

— Потому как я знаю, что он меня любит! Он всегда обращался со мною с такою нежностью и любовью! Женщина, которая убежала с ним, теперь не может уже удерживать его, и я знаю, что он вернется назад ко мне.

— Моя бедная, несчастная, безумная мать!

Я эти слова произнес тихо, она их не слышала.

— Теперь, кстати,— продолжала она,— открыли золото и в Австралии. Значит, не надо ездить за золотом за океан. Много диггеров вернулось обратно домой. Многие собираются вернуться. Я уверена, что вместе с ними скоро вернется и мистер Лири. Это правда, он сделал маленькую ошибку для своих лет, но он в этом не так виноват. Он вернется к своей жене, и мы будем еще счастливее, чем раньше.

— Мать! Я вижу, что вы отказываетесь ехать со мною в Англию?

— Роланд, мой сын,— сказала она нежным и ласковым голосом, с глубоким волнением,— как ты можешь убеждать меня уехать отсюда, когда я каждый день ожидаю возвращения своего мужа? Подожди немного, пока он придет, и тогда мы все вместе поедem в Англию.

Разубеждать ее дальше было бы безумием. На нее не действовали никакие резоны, никакие факты. Она слепо верила в мистера Лири. Сообщить же ей о печальном конце последнего я не решался.

Марта рассказала мне много про безумную любовь матери к мистеру Лири. Для чего она готова была пожертвовать своею жизнью и даже счастьем своих детей. Когда она отыскала Лири в Сиднее, тот согласился жить с нею, когда узнал, что у нее есть деньги, вырученные от продажи дома. Он оставался до тех пор, пока не пропил все эти деньги до последнего шиллинга.

— Сколько дней приходилось нам сидеть впроголодь,— говорила Марта,— потому только, что нужно было беречь деньги для мистера Лири! О! Я надеюсь, что мы никогда больше не увидим его.

— Вы никогда больше не увидите его,— сказал я,—

он ушел туда, куда наша бедная мать не может больше следовать за ним: он умер.

Марта была здоровой, непосредственной натурой. Услышав это известие, она воскликнула:

— Вот слава-то Богу! Нет! Нет! — продолжала она, как бы раскаиваясь в том, что сказала. — Я думала сказать не это; только, если он умер, то это будет хорошо для матери: он уже не будет больше мучить ее.

Я рассказал сестре подробно все о смерти мистера Лири. Она согласилась, что если рассказать все это матери, то ее бедный ум не выдержит такого потрясения.

— Я никогда не слыхивала, — сказала Марта, — чтобы какая-нибудь женщина в мире любила человека так, как наша мать любит мистера Лири. Я убеждена, Роланд, что ее убьет то, что ты передал мне о смерти Лири, если она об этом узнает.

Тогда мы с сестрою решили постепенно подготавливать мать к известию о том, что Лири нет больше на свете. Конечно же, то, какой смертью он умер, мы решили от нее скрыть.

Но увы! Случилась непредвиденная вещь, которая полностью разбила все наши планы.

В «Сиднейской газете», которую ежедневно читала мать, появилась корреспонденция из Калифорнии, где обстоятельно описывался суд над Лири, а затем его казнь. Эту корреспонденцию прочитала мать. Бедный ее рассудок не выдержал: она сошла с ума. Организм ее тоже был совершенно расшатан. Она недолго прохворала, и через несколько дней умерла.

Ее смерть, помимо глубокого горя, навела меня на мрачные мысли. Я вспомнил о печальном конце Ричарда Гайнена. Мой старый друг Бурный Джек также погиб жестокой смертью вскоре после нашей встречи. А теперь, после того, как я нашел мою бедную мать, я потерял навсегда и ее... Как это все странно и как это тяжело.

Глава 23

ИЗВЕСТИЯ О ЛЕОНОРЕ

Похоронив мать, мы с Мартой стали рассуждать о том, как быть дальше. Я желал вернуться в Ливерпуль и, конечно, взять с собою мою сестру. Я предполагал сделать это в самом непродолжительном времени.

— Я очень огорчена, что тебе не нравится в Австралии,— сказала мне Марта.— Я уверена, что если ты проживешь здесь немного подольше, то сам не захочешь уехать.

— Не думай этого,— ответил я,— я приехал сюда только с намерением разыскать вас и затем отправиться на родину. Теперь нас больше здесь ничего не удерживает.

— Роланд, милый брат,— сказала Марта и заплакала.— Зачем ты хочешь бросить меня?

— Я вовсе не желаю бросать тебя, Марта,— сказал я.— Напротив, я желаю уехать вместе с тобой. Я теперь не бездомный авантюрист. Если бы я не мог устроиться более или менее прилично и доставить тебе безбедное существование, я не предлагал бы тебе ехать со мною.

— Роланд, Роланд,— воскликнула она,— не оставляй меня. Ты, может быть, единственный близкий мне человек на всем свете. Ты не оставишь меня!

— Успокойся, Марта,— сказал я.— Объясни, как мне понимать тебя? Я приглашаю тебя ехать вместе со мною в Ливерпуль, и в ответ на это приглашение ты начинаешь плакать и просишь не покидать тебя. Скажи, наконец, желаешь ты ехать со мною в Ливерпуль? Если не желаешь, то объясни мне причины.

— Я не желаю ехать в Ливерпуль,— ответила она.— Я не желаю покидать Сидней. Я прожила здесь несколько лет. Это моя вторая родина, и я не хочу и не могу оставить ее, Роланд!

Несмотря на все мои попытки, я не мог добиться откровенного объяснения, почему Марта не желает покинуть Сидней, и начал подозревать, что у моей сестры такие же препятствия, какие были и у моей бедной умершей матери.

Я решил пока подождать и посмотреть, что будет дальше. Оставлять же в Австралии сестру я не хотел, несмотря на страстное желание поскорее увидиться с Леонорой, которую огделял от меня океан.

Я очень часто ходил на пристань, когда приходили из Англии корабли, надеясь встретить кого-нибудь из старых знакомых.

Однажды я был приятно удивлен. Я встретил Мейсена, который служил на «Леоноре» у капитана Хайленда. Мейсен, как помнит читатель, помог мне разоблачить мистера Адкинса.

Мейсен, со своей стороны, тоже очень обрадовался мне. Мы зашли в гостиницу и принялись вспоминать старину и пересказывать друг другу события, случившиеся с нами после нашего последнего свидания.

— Вы помните миссис Хайленд и ее дочь? — неожиданно спросил Мейсен во время своего рассказа. — Впрочем, что же я спрашиваю? Конечно, помните, ведь дом капитана Хайленда был вашим родным домом.

— Конечно, — ответил я. — Я никогда не забуду их. После этого я, естественно, попросил рассказать все, что он знает о них.

— Миссис Хайленд теперь живет в Лондоне, — продолжал моряк. — Она живет у своей дочери, которая вышла замуж.

— Что? Леонора Хайленд вышла замуж! — вскричал я.

— Да. Разве вы не слышали об этом? Она вышла замуж за капитана корабля, торгующего с Австралией. После свадьбы они поселились в Лондоне.

— Правда ли это? Не ошибаетесь ли вы? — спросил я дрожащим голосом.

— Да, это правда, — ответил Мейсен. — Но что с вами? Вам, кажется, неприятно продолжать разговор об этом?

— О, ничего, ничего. Только почему вы так уверены, что она вышла замуж? — спросил я, пытаюсь казаться хладнокровным.

— Я сам слышал это. Кроме того, я видел ее в доме капитана в Лондоне, куда я заходил по делу.

— Но уверены ли вы, что та особа, которую вы видели, есть Леонора, дочь капитана Хайленда?

— Конечно. Как я мог ошибиться? Вы знаете, что я бывал в доме капитана Хайленда много раз, не говори уже о той сцене, когда мы были вместе с вами и разоблачали клевету Адкинса. Я не мог ошибиться; я говорил с нею в то время, когда был в ее доме в Лондоне. Она вышла замуж около двух лет тому назад за капитана австралийского корабля. Он человек довольно пожилой и скорее годился бы ей в отцы.

Теперь не оставалось более уже никаких сомнений. Как мрачен для меня сделался свет!

Я оставил все свои мечты о возвращении в Ливерпуль. Я ничего не сказал моей сестре о перемене моих планов. Горе мое было слишком велико. Я решил отпри-

виться опять на золотые прииски, надеясь, что тяжелый труд и наполненная различными опасностями жизнь рудокопа хоть отчасти заглушат те страдания, которые невыносимо терзали мое сердце. Я бросил намерение отправиться в Америку, а решил остаться в Австралии, чтобы не очень отдаляться от моей сестры.

Простившись с сестрою, которая сильно была опечалена разлукой со мной, я через двадцать четыре часа после разговора с Мейсеном выехал из Сиднея в Мельбурн.

Глава 24

НА БЕРЕГАХ ЗОЛОТОНОСНЫХ РЕК

В Мельбурне я пробыл очень короткое время, запасся там всем необходимым и отправился на прииски. Условия работы на приисках в Австралии оказались гораздо тяжелее, чем в Калифорнии. Чтобы добывать золотую руду, приходилось рыть очень глубокие шахты. Золотая руда обыкновенно находилась на так называемых криках. Крик — высохший глубокий ручей. В период дождей крики быстро наполнялись водой и обращались в целые реки, но потом также быстро и высыхали.

Я работал на различных приисках и зарабатывал очень хорошо. В Каллао, городке, лежащем близ приисков, я познакомился с двумя джентльменами — Вэном и Канноном, которые убедили меня принять участие вместе с ними в охотничьей экспедиции на Ярру-Ярру, к одному знакомому скваттеру.

Мы были уже недалеко от цели нашего путешествия, как во время одной ночной стоянки пропал наш выючный мул с багажом. Вэн и Каннон отправились на розыски пропавшего мула, а я остался их ждать. Но проходил час за часом, а мои спутники все не возвращались. Я теперь уже расканвался, что остался их ждать. Дело в том, что дом скваттера должен был находиться не более, как в пяти милях от нашей стоянки. Очень возможно, что мои спутники были уже там и ждали меня. От скуки и досады я пошел немного прогуляться.

Я вышел на какую-то тропинку, которая привела меня на берег реки. Это была Ярра-Ярра. Весь ее берег был покрыт богатой растительностью. День был очень

жаркий, и я почувствовал большое облегчение, когда укрылся в тени от жарких лучей солнца.

Я не желал приходить к скваттеру один, без Каннона, так как не был с ним знаком.

На берегу реки я почувствовал себя необыкновенно приятно. Передо мной протекали серебристые струи Ярры-Ярры. Мягкий ветер время от времени нежно обвеивал мое лицо. Я задумался.

Противный ослиный крик вывел меня из задумчивости. Животное было недалеко, и, следовательно, я был очень близко от жилья скваттера. Я медленно стал пробираться вперед через кустарники. Вдруг пронзительный женский голос заставил меня вздрогнуть. Голос раздавался с берега реки, из-за кустов. Я быстро пошел вперед, пробираясь через кусты, и вышел на открытый берег реки.

Я увидел молодую девушку, готовившуюся броситься в реку. Мое внезапное появление заставило ее переменить намерение. Обернувшись ко мне и указывая на реку, она тем же отчаянным голосом крикнула:

— Спасите eel O, спасите eel!

Взглянув по указанному направлению, я увидел маленькую девочку, барахтавшуюся на поверхности воды. Ее быстро уносило течением. В следующий же миг я был в воде и держал ребенка на руках.

Берег реки на довольно значительном расстоянии был высок и крут. После двух или трех неудачных попыток выбраться на берег, я решил спуститься вниз по течению и там уже выйти на твердую землю.

Молодая девушка, видя мои неудачные попытки, несколько раз пыталась броситься в воду, чтобы помочь мне. Но так как помощи она никакой оказать не могла, а, напротив, мне же пришлось бы еще заняться спасением двоих вместо одной, то я строгим голосом крикнул ей, чтобы она не бросалась в воду. Спустившись вниз по течению, я, наконец, выбрался на берег и передал спасенного ребенка девушке.

В продолжение некоторого времени все внимание девушки было обращено на спасенного ребенка. Она проявила столько нежности и трогательной любви к маленькому существу, что я невольно вспомнил Леонору. Девушке было на вид лет шестнадцать. У нее были золотые волосы и необыкновенно изящная и грациозная фигурка.

Немного успокоившись, она принялась в трогательных словах выражать свою благодарность мне «за то, что я спас жизнь ее сестре».

Я остановил ее и предложил проводить ее до дому. Ребенок после испытанного потрясения едва был способен стоять на ногах, и я предложил донести его до дому на руках. Мое предложение было принято, и мы отправились вдоль берега реки.

За нами шла большая собака из породы догов, и молодая девушка обратила мое внимание на это четвероногое.

— Роза побежала впереди меня,— начала она рассказывать,— и играла с догом. Она подбежала к реке, дог за нею и неосторожно толкнул ее, так что она упала в реку. Я боюсь, что наша мать не станет больше пускать нас гулять на Ярру-Ярру, а я так люблю эту реку! Нам теперь идти недалеко,— прибавила она,— дом сейчас же за этим холмом. Вы сейчас его увидите. Он не больше мили отсюда.

Прежде чем мы дошли до дому, я узнал всю простую историю ее жизни. Она была дочерью того самого скваттера, к которому мы с Канноном и Вэном направлялись.

Я узнал, что ее зовут Джесси. Жизнь скваттера и его семьи была очень однообразная, и появление нового лица было для них необыкновенным событием. Джесси сказала также, что они ждут посещения друга отца с двумя своими приятелями.

— Этот друг — мистер Каннон? — спросил я.

— Да, и вы один из его приятелей, который должен был приехать с ним? — сказала она весело, женским чутьем сразу определив причину моего появления. — Мы будем очень счастливы видеть вас у себя.

Еще до прихода в дом мы сделались с Джесси большими приятелями. Когда мы вошли в дом, последовала трогательная сцена, виновницей которой была маленькая Роза. Джесси, казалось, решила выставить меня настоящим героем и описала событие такими красками, что я сразу попал в знаменитости и сделался центром всеобщего внимания.

Маленькая Роза была общей любимицей семьи. В доме скваттера я застал своих товарищей по путешествию, которые прибыли за час до меня.

Скваттер занимался скотоводством и специально разводил овец для шерсти. Дело у него было поставлено на

широкую ногу, и он получал большие барыши от своих предприятий. Он был прямодушный человек, лет пятидесяти; колонистом в Австралии он был уже более двадцати лет.

Нас всех приняли с большим радушием и старались время нашего пребывания разнообразить различными доступными удовольствиями, чтобы мы не почувствовали скуки. На следующий же день по прибытии была устроена охота на кенгуру. Во время охоты я очень удивил своих спутников, Вэна и Каннона, умением прекрасно ездить верхом на лошади. Они знали, что я моряк, а моряки редко умеют ездить верхом. Но я ведь недаром служил в американской кавалерии. Им, впрочем, это обстоятельство не было известно.

Глава 25

ДЖЕССИ

Возвращаясь домой, мы каждый вечер проводили в обществе красавицы Джесси.

Редко случалось встретить такую благовоспитанную девушку, хотя ее единственным воспитателем была природа. Она умела поддерживать беседу с каждым из нас на самые разнообразные темы, и в этих беседах проявляла много ума и такта.

Вэн влюбился в Джесси с первого же взгляда, но его любовь не встретила никакого сочувствия со стороны девушки. Я кое-что понимал в любовных делах и видел, что Вэн не может рассчитывать на ответное чувство.

Я стал замечать, что она почувствовала особенную склонность ко мне. Без сомнения, тут сыграло известную роль и мое первое внезапное появление в роли спасителя маленькой Розы.

Леонора была для меня потеряна. Я стал размышлять, не постараться ли мне полюбить эту молодую, красивую, милую девушку, относившуюся ко мне с таким обожанием. Но после долгого размышления и тщательного разбора своих чувств, я понял, что полюбить Джесси не могу, что я все еще продолжаю любить одну только Леонору, несмотря на всю безнадежность моей любви. Придя к такому заключению, я осознал, что дальнейшее мое пребывание у скваттера будет неудобно, и что мне

THE
WALK

1861

1861

необходимо как можно скорее уехать ради полюбившей меня Джесси.

— Мисс Джесси,— сказал я,— я должен вас покинуть.

— Вы нас покидаете! — воскликнула она, и голос ее дрогнул.

— Да, я должен вернуться в Мельбурн завтра утром.

В продолжение нескольких минут она молчала; я видел, что Джесси побледнела.

— Очень жаль,— тихо сказала она,— очень жаль слышать это.

— Очень жаль! — повторил я, не зная, что сказать.— Почему это вас огорчает? — Я не желал задавать подобного вопроса и сразу почувствовал, что сделал большую ошибку, задав его.

Я увидел на глазах ее слезы и почувствовал, что эта девушка сильно меня любит.

— Мисс Джесси,— сказал я,— можно ли так волноваться при отъезде просто хорошего знакомого?

— Ах,— ответила она,— я думаю о вас, как о друге, но только о таком, какого раньше у меня никогда не было. Моя жизнь очень замкнута. Мы здесь, как вам известно, отделены от всего света. Друзей у нас очень мало. Ваша дружба внесла неведомую прежде радость в мою жизнь. Вы постоянно в моих мыслях, с тех пор, как я в первый раз увидела вас.

— Вы должны постараться забыть меня, забыть, что мы когда-либо встречались. Я буду помнить вас только, как друга.

Она положила свою руку на мое плечо и дрожащим голосом спросила:

— Вы любите другую?

— Да, я люблю другую, хотя безнадежно. Она ни когда не может быть моею, и я, вероятно, никогда ее уже не увижу. Мы выросли вместе. Я воображал, что она меня любит. Но я ошибался. Она не любила меня. Она вышла замуж за другого.

— Как это странно! Для меня это было бы невозможно!

Вся ее невинность и чистота души сказались в этом восклицании.

— И несмотря на то, что она с вами так поступила, вы все еще продолжаете ее любить? — продолжала она

— Увы! Такая уж моя несчастная судьба!

— О, сэр, если бы вы знали только, какое сердце вы отталкиваете от себя, какую преданность и постоянство, вы никогда не покинули бы меня, остались бы здесь и были бы счастливы. Вы научились бы меня любить. Вы не найдете ни одной женщины, которая бы полюбила вас так, как я. И это уже будет до конца моей жизни!

Я ничего не мог ответить, так как, несмотря на безнадёжность моего чувства, все-таки любил Леонору.

Мы пришли домой. Вечером я объявил всем, что завтра утром уезжаю в Мельбурн. Несмотря на все уговоры, я твердо стоял на своем и с рассветом уехал.

Глава 26

ФАРРЕЛЬ И ЕГО РОМАН

В сущности с Вэном и Канноном у меня было очень мало общего. Я им совсем не подходил. Оба они любили прожигать жизнь и были охотниками до легкой наживы, оба были совершенно неспособны к труду. Поэтому, когда они вслед за мною прибыли в Мельбурн, я решил как можно скорее от них отделаться и уехать из Мельбурна.

Я направился к золотым приискам, находившимся близ Балларата. Первым, кого я там встретил по прибытии на место, был мой старый знакомый по Калифорнии, Фаррель, которого я в последний раз видел в Сан-Франциско. Само собою разумеется, что мы отправились в ближайшую гостиницу и потребовали бутылку виски.

— Я думаю,— сказал Фаррель,— что вы знаете, чем окончился мой маленький роман, о котором я вам рассказывал в Сан-Франциско.

— Даже и не представляю себе,— ответил я,— хотя и был очень опечален случившимся. Сознаюсь, что я был тронут вашей откровенностью со мной. Наиболее интересная часть вашего романа, как вы его назвали, мне неизвестна. Я буду очень рад, если вы расскажите.

— Хорошо,— ответил Фаррель,— я вам расскажу. Как я говорил вам, мой друг Фостер и жена моя бежали в Калифорнию, и я рассчитывал их встретить в Сан-Франциско. Но они скрывались так удачно, что я не мог

найти и следов их в этом городе, хотя они, как я потом узнал, уже жили в Сан-Франциско девять дней. Наконец следы беглецов были найдены. Фостер снял на Сакраментской улице квартиру, обставил ее хорошо и накопил большой запас различных напитков. Он намеревался открыть большой ресторан, и открытне как раз должно было произойти в то время, когда я их нашел.

Как только я узнал его адрес, я немедленно отправился к нему. Фостера и моей жены я не застал. Они отправились за покупками — тратить остатки моих денег. В помещении я застал молодого человека, нанятого в качестве управляющего.

Я немедленно вступил во владение всем делом и молодого человека нанял уже на службу к себе. Я оставался в этом доме около девяти недель и вел дело, которым намеревался воспользоваться Фостер, а затем продал все это дело за пять тысяч долларов.

Ни Фостер, ни моя жена, хотя они находились все это время поблизости, не показывались. Они, конечно, знали, что я вступил во владение всем делом, а затем продал его, но с их стороны никакого протеста не последовало.

Продав дело, я почувствовал опять желание отомстить преступной паре, и осведомился относительно их местопребывания. Я узнал, что они уехали в город Сакраменто, где оба поступили в услужение в гостиницу. Денег у них уже не было и, следовательно, самостоятельного дела открыть они не могли.

Я решил поймать их, и отправился в Сакраменто.

Но они, вероятно, тоже через кого-нибудь следили за мною. Когда я приехал в Сакраменто, то узнал, что они уехали из города только два часа тому назад. Гнев мой постепенно испарялся, и у меня уже не было особого желания преследовать их.

Я вернулся в Сан-Франциско и в скором времени уехал в Мельбурн.

Мой гнев, теперь почти окончательно растаял. И при том я убедился, что они не могут быть счастливы. Вечная мысль о том, что каждое мгновение могу появиться я, должна была отравлять им жизнь и делать их очень несчастными. Всякое преступление в себе самом имеет наказание. Вот, к каким выводам я пришел.

Так закончился рассказ Фарреля.

НЕПРИЯТНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

На прииске Эврика я по необходимости вступил в компанию, которая мне совершенно не нравилась. Но выбора у меня никакого не было, так как все лучшие места уже были заняты.

Все мои новые товарищи казались мне неподходящими работниками. Ни один из них не был похож на человека, привыкшего к тяжелой работе диггера. Они были бы больше на своем месте за конторкой или прилавком. Когда мы принялись за работу, я увидел, что никакого толку с моими новыми товарищами у меня не выйдет. Каждый из них старался возможно меньше работать и возможно больше времени проводить в разных увеселительных заведениях.

У меня уже не единожды являлась мысль продать свой пай и выйти из этого товарищества.

Во время этого кризиса в нашу компанию вступил еще один новый человек, но совершенно другого типа, чем остальные мои товарищи. Этот был настоящим работником.

У нас еще оставался один пай. Я его выкупил, чтобы он не достался человеку вроде моих товарищей.

Передать этот пай я предполагал одному молодому человеку, с которым я недавно познакомился. Этот молодой человек, по имени Джон Окс, несмотря на все свои старания, работал несчастливо.

По профессии он был моряком. Прежде чем предложить Оксу свой пай, я поближе с ним познакомился и, только хорошенько узнав его, предложил ему вступить восьмым компаньоном в наше товарищество.

— Для меня ничего лучшего не может быть в настоящее время, — сказал Окс, — как войти в товарищество вместе с вами. Вам всегда везет. Но, к несчастью, я не могу принять вашего предложения, так как не имею денег для покупки пая.

— Не думайте об этом, — возразил я, — вы заплатите мне, когда выработаете достаточно золота. Прииск очень хорош, так что вы скоро отработаете стоимость пая.

— В таком случае я принимаю ваше предложение, — сказал Окс, — и принимаю с глубочайшей благодарностью. Я ведь раньше не был в таком безвыходном поло-

жении, как теперь. Я заработал порядочное количество золота, только меня потом ограбили. Я вам не рассказывал об этом?

— Не помню; кажется, нет, не рассказывали.

— В таком случае я вам расскажу теперь. Я работал на приисках по реке Гилли, где вступил в компанию с двумя другими диггерами. Мы добыли около сорока восьми фунтов золота. Золото мы сдавали на хранение в сберегательную кассу. Когда мы полностью окончили разработку нашего прииска, мы все вместе отправились в кассу и взяли наше золото. Мои два товарища жили в одной палатке и предложили мне отправиться к ним и там произвести дележ. По дороге мы зашли в таверну, с хозяином которой мои товарищи были хорошо знакомы; они попросили у него весы и гири. Купили они также и бутылку бренди — для бодрости, как они выразились, — чтобы приятнее и успешнее разрешить нашу задачу. Потом мы пошли домой. Когда мы вошли в палатку, то заперли дверь и занавесили окно, чтобы никто не помешал нам. Прежде чем приступить к дележке, каждый из моих товарищей выпил по доброму стакану бренди; мне не хотелось пить, но, не желая ссориться со своими товарищами на прощанье, я взял стакан и тоже выпил. Сейчас же вслед за этим я потерял сознание и не помню, что происходило вокруг меня. Я пришел в себя только на следующее утро. Мои товарищи исчезли, и в палатке никого не было кроме меня. Они взяли все золото, в том числе мою долю, и скрылись. Больше я никогда не встречал никого из них. Это событие послужило для меня хорошим уроком. Я теперь всегда стараюсь избегать работать с людьми подозрительными и пьющими. Вы теперь вполне понимаете, что мне хотелось бы знать, какого сорта товарищи будут в вашей компании.

— На этот счет я ничего утешительного сказать вам не могу, — ответил я. — Для нашей работы они люди неподходящие. Один из них старый бездельник, другой в том же роде. Третий еще хуже первых двух. Двое остальных — пьяницы. Только один, который недавно пошел в наше товарищество, может быть назван настоящим работником.

— Это просто беда, — сказал Окс, — но, к сожалению, у меня в настоящее время нет никаких видов на будущее. Я выйду на работу завтра утром вместе с вами. Может быть, когда наш прииск будет приносить хоро

ший доход, эти люди сделаются более трудолюбивыми.

На следующее утро в семь часов Окс был уже на работе. Джордж, один из наших товарищей, пришел немного позже. А еще позже пришел мистер Джон Дарби. Последний считал себя истинным джентльменом и презирал всякий труд. Только крайняя необходимость заставила его взяться за суровый труд рудокопа. При таких условиях работа его была, разумеется, ничтожна по своим результатам. К тому же и физически он был слаб для такой работы.

Когда Окс и Дарби встретились, они оказались старыми знакомыми. Дарби сейчас же начал свою болтовню, как будто для этого только и пришел. Но так как еще не было налицо двух товарищей, которых мы ждали с нетерпением, чтобы приступить к работе, то мы и не прерывали болтуна.

Я обратился к членам нашего товарищества с предложением приступить к более энергичной работе, а теперь дожидаться остальных двух и с ними также поговорить об этом.

Наконец, показались давно ожидаемые товарищи. Но как только они подошли немного ближе, случилось нечто совершенно неожиданное. Увидев нового товарища, оба они быстро повернули обратно и пустились бежать с невероятной быстротой. В течение нескольких секунд Окс стоял в недоумении, но затем их поведение, очевидно, для него сделалось понятным, и, крикнув мне идти за ним, он побежал преследовать убегающих.

Но оба беглеца с такою быстротою удирали от нас, что скоро скрылись из виду. Дальнейшее преследование было бесполезно. Когда мы остановились, Окс пояснил мне, что эти люди и есть те самые товарищи, которых его ограбили.

Мы отправились в полицию и сделали заявление о случившемся. Затем мы поспешили к палатке беглецов. Само собой разумеется, нам осталось только констатировать факт, что «птички улетели». Так мы их потом и не нашли.

Когда Окс и я вернулись назад после преследования воров, то выяснилось, что за время нашего отсутствия случилось другое событие. Мистер Дарби успел в это время продать свой пай другому человеку, который вместо Дарби и явился на работу. Такая перемена была нам на руку. Вместо бесполезного и ленивого члена товари-

щества мы приобрели настоящего трудолюбивого работника.

Работа наша шла теперь очень успешно. Когда наш прииск был окончательно разработан и мы поделили добытое золото, ко мне пришел Окс и отдал мне за купленный у меня пай пятьдесят фунтов стерлингов.

— Вы устроили мое счастье,— сказал он,— и я завтра уезжаю. Я добыл то, что мне было необходимо. Я теперь могу сказать вам, что я намерен сделать с деньгами, которые заработал. У меня старик отец вот уже семь лет сидит в тюрьме за долги. Вся сумма его долгов — сто пятьдесят фунтов стерлингов. Шесть лет тому назад я ушел из дому и сделался моряком. Я задался целью заработать эти сто пятьдесят фунтов, чтобы взять отца из тюрьмы. Для молодого юноши эта сумма была очень велика. Проплавав немного, я увидел, что, оставаясь моряком, я никогда не заработаю нужной мне суммы. В это время в Австралии открыли золото. Я поехал в Мельбурн, а оттуда отправился на прииски. Я вступил в компанию с двумя диггерами. Счастье мне благоприятствовало. Казалось, что уже скоро наступит день, когда я обниму своего дорогого отца. Но когда я уже был у цели, мои компаньоны меня обокрали. Вы себе и представить не можете мое отчаяние. Я был близок к самоубийству. В это время вы сделали мне предложение вступить с вами в компанию. Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня.

Прощаясь Окс обещал написать мне из Мельбурна и известить, на каком корабле он уедет.

Свое обещание он исполнил. Через неделю я получил от него письмо, в котором он извещал, что уезжает в Лондон на корабле «Кент».

Я мысленно пожелал ему попутного ветра.

Глава 28

ФАРРЕЛЬ И ЕГО ЖЕНА

Вскоре после отъезда Окса я перебрался на другой прииск, Кресвикский, в тридцати милях от Балларати.

Я вступил в компанию с двумя другими золотонскими телями. Мы заняли прииск и начали работу. Почва была камениста, и наши кирки не годились для работы ни

такой почве. Необходимо было приобрести лом. Мы искали во всех приисковых лавках, но ни в одной из них лома не оказалось.

Тогда, с согласия товарищей, я отправился за покупкой лома в город. На обратном пути я свернул с дороги, чтобы не проходить через деревню чернокожих, и пошел лесом.

Я уже подходил к дому, как вдруг увидел дикаря, шедшего мне навстречу и размахивавшего большой дубиной. Я хотел уклониться от встречи с ним и повернул в другую сторону. Но он последовал за мной, проявляя враждебные намерения. Хотя, по-видимому, он был пьян, но это нисколько не мешало свободе его действий. Я пытался бежать, но он сделал невозможным для меня отступление. Я понял, что единственная надежда на спасение — остановиться и защищаться.

Дикарь дважды делал на меня нападение. Но я, хотя и с большим трудом, успел увернуться от него и отразить удар его страшной дубины купленным ломом.

Наконец он сделал третью попытку, и хотя я и увернулся, но получил все-таки сильный удар дубиной.

Рассерженный, я не мог уже больше сдерживаться. Я поднял обеими руками лом, нацелился прямо в голову дикаря и опустил лом быстрым и сильным движением руки. Дикарь упал, как подкошенный. Я не могу и теперь хладнокровно вспоминать звук треснувшего черепа дикаря. После этого я постоянно избегал ходить этим местом. Слишком было тяжело.

Вскоре я опять встретился со своим калифорнийским знакомым Фареллем. Он очень обрадовался мне и на мой вопрос, что слышно о беглецах, рассказал следующее:

— Я видел Фостера и мою жену. Оказывается, что я в продолжение четырех месяцев жил вблизи них и не догадывался об этом.

— Что же вы с ними сделали?

— Ничего. Судьба отомстила им за меня. Скажу лишь, что Фостер — самый несчастный человек, какого я только встречал на этом свете. Он уже в продолжение шести недель лежит в ужаснейшей лихорадке и еще не скоро окончательно поправится. Я расскажу вам, как я с ним встретился.

Я был в своей палатке, когда услышал голос женщины, разговаривавшей с моим компаньоном перед па-

латкой. Женщина просила отдавать ей в стирку белье. Она говорила, что ее муж уже давно болен, и она не имеет ни копейки денег, чтобы купить хлеба. Голос показался мне очень знакомым. Я встал, осторожно выглянул из палатки и увидел свою беглую жену! Я дождался, пока она закончила разговаривать с товарищем и пошла домой. Я тоже, стараясь быть незамеченным, шел за нею до ее собственной палатки. Она вошла в нее, не заметив меня. Я вошел вслед за нею и совершенно неожиданно предстал перед преступной парочкой.

Моя жена сделалась бледною, как мел. Фостер же весь задрожал от страха. Они каждую минуту ожидали, что я их убью. «Не бойтесь,— сказал я,— я не трону вас. Сама судьба позаботилась отомстить за меня. Вам придется испытать еще более тяжелые бедствия, и я пальцем о палец не ударю, чтобы хоть немного облегчить вашу участь».

Затем я обратился к своей жене и поблагодарил ее за то, что она была так добра, что оставила меня. Сказав им «прощайте», я ушел, оставив их размышлять о случившемся.

На следующий день я опять посетил их. Бедность их была прямо поражающая. В палатке не было ни крошки хлеба, и в продолжение нескольких дней они голодали. Я не почувствовал на этот раз никакого удовольствия при виде их ужасной бедности. Мне даже стало жаль их. Потрясенный до глубины души их несчастьем, я ушел. И больше не рассчитывал встречаться с ними.

Когда я вышел из их палатки, жена моя последовала за мною. Она стала передо мною на колени и просила меня помочь ей вернуться к ее родителям. Она сказала, что узнала мне настоящую цену, когда лишилась меня, что она теперь любит меня больше всех на свете. Она сознает свою вину и не просит меня взять ее обратно. Единственно, о чем она просит, как о милости, это дать ей немного денег на дорогу к ее родителям.

Мне стало ее жаль, и я отправил ее домой. Я еще продолжаю любить ее и думаю, что этот урок послужит ей на пользу. Я тоже скоро уезжаю на родину и надеюсь еще быть счастливым.

Фостеру, которого подтачивал злой недуг, я также оставил немного денег, чтобы он не умер с голоду и скорее поправился.

Так окончился «роман» Фарреля, как он это называл. Вскоре после этого он уехал в Нью-Йорк, и о дальнейшей жизни его я ничего не слышал.

Глава 29

ИСПОВЕДЬ КАТОРЖНИКА

Прошло еще несколько времени. Я работал на присках около Авоки. Моим компаньоном был на этот раз «бывший преступник». Таких людей было в то время очень много в Австралии, особенно в Новом Южном Уэльсе. После отбытия каторги все эти люди устремлялись на золотые приски, рассчитывая на быстрое обогащение.

Мой новый товарищ был человек скромный, задумчивый. Как-то мы с ним разговорились, и я выразил желание узнать историю его жизни.

— Вы хотите узнать мою прошлую жизнь, — сказал он, — извольте, я доставлю вам это удовольствие. В моей жизни нет ничего такого, о чем бы мне стыдно было рассказывать. Я никогда не сделал ничего дурного, то есть никого не ограбил, никого не обворовал, никого не обманул. Я уроженец Бирмингема и в этом городе жил до двадцати лет. Мой отец был форменный пьяница, и те несчастные деньги, которые зарабатывал, он сейчас же относил в кабак. Его самого и четырех маленьких детей содержали мы втроем — моя мать, я и мой брат, который был на один год моложе меня. В Бирмингеме не было детей, которые любили бы своих родителей больше, чем я и мой брат. Мы с необычайной нежностью относились к нашим маленьким братьям и сестрам. Всеми силами мы старались, насколько возможно, помогать нашей матери в ее трудах. Однажды вечером мой младший брат и я возвращались с работы. На улице, на небольшом расстоянии от нас, мы увидели нашего отца. Он был совершенно пьян. Его окружали три полисмена — двое из них держали его под руки. В пьяном виде мой отец был очень задорен. Полицейские старались успокоить его своими кулаками. Один из них ударил его палкой по голове с такой силой, что по лицу потекла кровь. Мой брат и я подбежали и попросили позволить нам отвести его спокойно домой. Но в это время мой

отец набросился на полицейских и стал рвать на них одежду. Они отказались отпустить его с нами домой и решили доставить его на полицейский пост. Мы просили, чтобы они поручили это сделать нам, и я, взяв отца за руку, стал уговаривать его идти спокойно вместе с нами. Полицейский грубо оттолкнул меня в сторону и схватил отца за шиворот. Он пытался потащить его вперед силой, подталкивая кулаками. Еще раз мы вмешались и обратились к полицейским с просьбой не бить отца и отпустить его с нами.

В это мгновение один из полицейских крикнул: «А, вы отбивать», и все трое набросились на меня и на моего брата. Один из них схватил меня за горло и ударил меня несколько раз палкой по голове. Я вступил с ним в борьбу, и скоро мы оба лежали на земле. Пытаясь подняться, я повернул голову и увидел своего брата лежащим на мостовой; все лицо его было залито кровью. Полицейский, который упал вместе со мною, снова схватил меня за горло и начал бить меня палкой, как только мы оба встали на ноги. На мостовой лежал камень, фунтов девяти весу. Я, не помня себя, схватил этот камень и бросил его в голову моего противника. Полицейский упал, точно подкошенный. Когда я оглянулся вокруг, то увидел, что мой брат, который был очень силен, справился с двумя остальными полицейскими. Он скоро пришел в себя и помог мне поднять и отнести упавшего полицейского в ближайшую гостиницу. Там раненный мною человек умер несколько часов спустя после схватки.

Меня судили и приговорили к каторжным работам на девять лет. Вскоре меня отправили в Новый Южный Уэльс. Я не буду вам рассказывать о тех мучениях, которые мне пришлось испытать в остроге. Скажу только, что по моим наблюдениям люди, попадавшие на каторгу за сравнительно легкие проступки, всегда выходили из острога вконец испорченными и преступными.

По отбытии срока наказания я вышел на свободу. Я искал работы и нанялся работником к одному скваттеру на ферму. При расчете он меня обманул. Я жаловался, но разве судья поверит бывшему каторжнику! Вскоре этот скваттер погорел. И хотя я в этом пожаре был совершенно невиновен, меня все-таки судили по обвинению в поджоге, и, несмотря на то, что против меня не было никаких улик, я был приговорен к тюремному заключению на пять лет.

Я отбыл и этот срок. И вот теперь я опять на свободе. Но мои лучшие годы, лучшие силы погибли в тюрьме! Куда мне теперь идти? На родину возвратиться я не могу. Там, по всей вероятности, даже самые близкие люди отвернутся от меня, как от бывшего каторжника.

Глава 30

ПОПАЛСЯ В СОБСТВЕННУЮ ЛОВУШКУ

Рядом с нашим прииском, на котором я работал вместе со своим товарищем, находился другой, гораздо богаче нашего. Прииск этот принадлежал компании из трех человек. Двое из них были еще молодыми людьми и производили впечатление симпатичных, благовоспитанных джентльменов. Они постоянно были вместе и жили в одной палатке. Третьим товарищем их был старик, бывший каторжник. Именно он сначала занял прииск, но когда увидел, что один не в состоянии справиться, то принял в долю еще двух человек.

Молодым людям не нравилась компания старого каторжника, но они ничего не могли найти лучше и поневоле должны были вступить с ним в компанию.

Стою я раз у своей шахты или claim'a, по приисковой терминологии. Товарищ мой был в это время в шахте и работал там. Вдруг с соседнего «клейма» прибегает встревоженный молодой джентльмен и взволнованным голосом говорит:

— Берите вашего товарища и приходите вместе к нам! Я должен сообщить вам страшную вещь!

Я позвал товарища и помог ему выбраться из шахты. Когда мы пришли на указанное место, там уже собралось человек пять или шесть рудокопов из соседних «клеймов». Их также пригласил молодой человек.

Мы обступили юношу, который сообщил нам следующее:

-- Я вам расскажу страшную историю,— начал он.— Мой пригель убит; человек, который совершил это преступление, находится теперь внизу, в шахте. Я попрошу кого-нибудь сходить за полицией. Я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу убийцу под стражей или мертвым.

Это известие с необыкновенной быстротой распрост-

ранилось по всему прииску, и скоро вокруг нас собралась большая толпа рудокопов.

Два или три человека отправились за полицейскими.

Пока мы ожидали их возвращения, молодой человек рассказывал нам подробности этого ужасного происшествия.

— Я сегодня вышел из шахты около половины восьмого,— сказал он,— и, придя домой, стал готовить обед для себя и для моего приятеля. Я оставил его с другим нашим товарищем — убийцей, который теперь там, внизу. Он хотел окончить свою работу, и я ожидал, что он придет, самое позднее, часа через полтора после меня. Я ждал его еще больше, но он все не приходил. Тогда и пообедал один и пошел обратно на работу.

Когда я подошел к шахте, то не увидел никого. Я позвал их, думая, что они оба находятся внизу, но никто не отзывался.

Не получив никакого ответа, я по канату спустился в шахту, намереваясь приступить к работе. Я подозревал, что мой товарищ зашел в таверну, где пообедал в компании с приятелями, и там засиделся. Это бывало уже прежде, и потому я мог вполне сделать такое предположение.

Спустившись вниз, я зажег свечу. Мне бросилось в глаза, что работа осталась в том же состоянии, в каком она была, когда я уходил, а между тем товарищ мой хотел непременно ее кончить. Я стал осматриваться, и первая вещь, которая бросилась мне в глаза, был носок сапога, торчащий из глины. Я стал раскапывать глину, и, к своему ужасу, отрыл сначала ноги, а потом и все тело моего приятеля. Он был уже мертв!

Я не сомневаюсь, что этот носок сапога, торчавший из глины, спас и мою собственную жизнь, потому что человек, убивший моего приятеля, отправил бы и меня вслед за ним на тот свет. Мы оба были бы погребены в шахте, и никто так и не узнал бы, что с нами случилось.

Я только что собрался подняться наверх, как увидел, что человек, находящийся теперь внизу, собирается спуститься в шахту. Я позвал его и самым спокойным тоном сказал ему, что хочу выйти на несколько минут наверх, чтобы выпить рюмку водки. Мой естественный тон очевидно, успокоил его, и он помог мне подняться. И тогда спросил его, что случилось с Биллом — так

моего приятеля. «Он не приходил домой обедать, и его нет внизу»,— озабоченно сказал я.

«Когда мы возвращались домой обедать,— ответил он,— Билл встретился с каким-то человеком, поздоровался с ним, и затем они отправились куда-то вместе».

Я сказал, что мы сегодня должны поработать немного подольше и, как только я выпью рюмку водки, то ей-час же вернусь обратно, чтобы работать вместе. Это, по-видимому, доставило удовольствие моему компаньону, и он попросил меня помочь ему спуститься в шахту. Я исполнил его просьбу, сказав, что скоро последую за ним. Потом я убрал канат, чтобы убийца не мог сам подняться наверх.

Убийца и его жертва находятся теперь оба в шахте. Я полагаю, что он замыслил убить нас обоих, чтобы одному завладеть всем золотом, которое мы добыли вместе. Я уверен, что он имел это ввиду уже тогда, когда приглашал нас к себе в компанию.

Вскоре прибыли и полицейские, которым немедленно сообщили суть дела.

Вниз в шахту бросили канат, и один из полисменов крикнул туда преступнику, приказывая ему «именем королевы» подняться по канату наверх.

— Вы наш арестант,— сказал полисмен,— убежать вы все равно никуда не можете, и самое лучшее для нас — сдаться.

На это не последовало никакого ответа.

Один из полицейских решил спуститься вниз сам. Он приказал спустить себя в шахту.

— Стой! — крикнул убийца.— Если вы спуститесь, то в ту же минуту я вас заколю.

Но полицейский был человек храбрый. Он не побоялся угрозы преступника и продолжал спускаться, вынув револьвер и взведя курок. Приблизившись ко дну шахты, он крикнул убийце:

— Бросьте вашу кирку! Вы не спасетесь, а только ухудшите свою участь!

С этими словами он соскочил на дно шахты с поднятым револьвером.

Разбойник увидел, что дальнейшее сопротивление было бы безумием с его стороны, и бросил в сторону свою кирку. Тело убитого извлекли из шахты и при осмотре его оказалось, что несчастный был убит предательски сзади.

Убийцу арестовали и отправили в Мельбурн.

На следующий день после похорон несчастной жертвы ко мне в палатку зашел товарищ убитого. У нас вышел с ним продолжительный разговор.

— Если бы мне пришлось думать только о самом себе,— говорил он,— я ни за что не стал бы больше работать на этом прииске. Слишком это для меня теперь тяжело после случившегося! Надо вам сказать, что этот убитый молодой человек был моим товарищем еще с детства и всегдашним спутником с тех пор, как мы вместе оставили нашу родину. На мне лежит тяжелая обязанность сообщить отцу, матери и сестрам убитого об его трагическом конце. Его родители люди очень бедные, и он берег каждую копейку, которую зарабатывал на приисках, чтобы по возвращении домой улучшить жизнь своих родных. Мой долг по отношению к нему и его памяти — продолжать работать на этом прииске. Как бы ни была мучительна эта задача, я должен ее исполнить. Я до конца буду разрабатывать наш прииск, и каждую крупницу, которая принадлежала бы моему товарищу, если бы он не был убит, я буду откладывать для его родителей. Я знаю, что они возмужают и увидят его самого не променяли бы на все золото Австралии.

Впоследствии он выполнил все то, что считал своим долгом, и уехал с прииска. В Мельбурне ему предстояло дать в суде показание в качестве свидетеля по делу об убийстве его товарища.

Спустя некоторое время я прочел в газетах, что строго каторжника признали виновным в умышленном убийстве, и он окончил свое земное существование на виселице.

Глава 31

С ПРИИСКА НА ПРИИСК

Используя до конца свой прииск на Авоке, я поехал в Балларат, где немного отдохнул, а затем отпирвился на прииски, расположенные у Маунт-Блэквуд; остановился и раскинул свою палатку на приисках, известных под именем Ред Хилл.

Маунт-Блэквуд считался наиболее возвышенной местностью в Виктории. Поверхность была очень неровная.

скалиста. Почва, покрывающая скалы, была очень неглубока. Было трудно найти достаточной величины горизонтальное пространство даже для того, чтобы поставить палатку рудокопа. Было удивительно видеть огромные деревья, растущие по крутым склонам на такой неглубокой почве.

Слух о богатых золотых россыпях привлек к Маунт-Блэквуд тысячи людей, хотя впоследствии оказалось, что богатства этих россыпей были сильно преувеличены молвой.

Через три недели после моего прибытия в Маунт-Блэквуд над местностью пронесся ночью страшнейший ураган.

Буря вырывала с корнем сотни громадных деревьев и сбрасывала вниз. Ночь была очень темной, и невозможно было узнать, с какой стороны падают деревья. Везде слышался страшный треск.

Впоследствии выяснилось, что не менее тринадцати человек было убито падавшими деревьями, и гораздо большее число получило более или менее тяжелые ушибы и ранения.

Когда наступило утро и кончилась буря, лагерь рудокопов представлял из себя ужасную картину разрушения. Все пространство вокруг горы было буквально покрыто стволами сваленных деревьев.

На Маунт-Блэквуд я работал в компании с тремя другими диггерами. Работа наша давала нам на этот раз очень небольшой доход.

Однажды мне пришлось работать в тоннеле нашей шахты. Потолок тоннеля не был укреплен деревянными подпорками, и, несмотря на опасность, я не позаботился поставить эти подпорки, хотя видно было, что потолок непрочен. При одном сильном ударе киркой вдруг произошел обвал. Я был весь засыпан землею. Я не мог даже пошевелиться, так как громадная тяжесть свалившейся земли парализовала все мои члены. Я пытался кричать. Товарищи, работавшие неподалеку, услышали шум обвала и прибежали на помощь. В конце концов меня откопали, но на это потребовалось несколько часов упорного труда. Меня настолько помяло обвалом, что я не в состоянии был сам двигаться, и товарищи на руках отнесли меня в мою палатку. Только через несколько дней я был в состоянии подняться с постели.

Этот случай возбудил во мне такое отвращение к

Маунт-Блэквуд, что я не мог больше здесь работать и, спешно ликвидировав свои дела, уехал в Балларат.

В Балларате я познакомился с двумя молодыми людьми, которые оба мне очень понравились. Очень скоро я с ними близко сошелся, мы образовали товарищество и отправились на Грэвель-Питские прииски. Один из молодых людей получил, как видно, очень приличное, вполне светское воспитание. Фамилия его была Александр Олифант. Но он был известен больше под именем «Элефанта», то есть слона. Это прозвище было ему дано за громадный рост и необыкновенную физическую силу. Он был уроженцем колонии Новый Южный Уэльс.

Из разговоров с ним можно было убедиться, что он получил прекрасное образование и побывал в Лондоне, Париже и других крупных городах Европы. В жизни этого человека была какая-то тайна, но я не старался и неее проникнуть. На приисках не принято любопытствовать относительно прошлого своих товарищей. Бывает очень часто, что люди работают вместе несколько лет и не только не знают прошлого своих товарищей, но очень редко бывает, чтобы они знали настоящие фамилии друг друга. Молодой человек, работавший вместе со мною, был известен у нас просто под именем «Билла-Матроса». К этому прозвищу он ничего не прибавлял. Мы знали, что он был моряком и считался всеми честным и благородным товарищем. Он работал с Элефантом вместе более года. Хотя они казались близкими друзьями — и действительно были друзьями, — однако ни тот ни другой не знали друг про друга ничего.

Как только мы окончили разработку нашего прииска на Грэвель-Питс, Элефант и Билл заявили о своем намерении уехать в Мельбурн и не возвращаться больше на прииски. Оба, как они сами сказали, заработали достаточное количество золота для осуществления своих планов.

Глава 32

АВТОБИОГРАФИЯ ОЛИФАНТА

Я в то время также собирался бросить жизнь искателя, хотя у меня и не было надежды на будущее. Личное мое счастье было разбито: Леонора была на

всегда потеряна для меня. Полюбить другую девушку и забыть Леонору я не мог. Меня теперь заботила только судьба моей сестры и розыски моего пропавшего брата. Для той и другой цели я имел более, чем достаточное количество золота.

Перед отъездом с приска я со своими компаньонами устроил маленький прощальный обед нашим друзьям диггерам. После обеда один из рудокопов, по фамилии Неттон, предложил, чтобы каждый раесказал историю своей жизни. Предложение было принято и все принялись излагать свои автобиографии. Когда дошла очередь до Олифанта, мы услышали следующее:

«Мой отец — скваттер из Нового Южного Уэльса, где и родился, — начал свою автобиографию «Слон». — Семнадцати лет от роду меня отправили в Англию заканчивать свое образование. Я был снабжен деньгами в достаточном количестве, и мои родители желали, чтобы я себе ни в чем не отказывал. Во время своей студенческой жизни я особенно увлекся спортом. Никто из студентов не мог состязаться со мною в силе и ловкости. Я был первым игроком в мяч и первым гребцом. Любил и также хорошо одеваться. Во время своих поездок по Европе я щеголял своими костюмами и изяществом манер.

У моего отца была сестра, жившая в Лондоне, богатая вдова, имевшая только одну дочь. Я был у своей тетки раза два или три, так как совсем отделаться от этих посещений не мог. Муж моей тетки умер за несколько лет до моего приезда в Англию. Он происходил из аристократической титулованной фамилии и после смерти оставил своей вдове около пятидесяти тысяч фунтов стерлингов.

Мой отец считал свою сестру очень важной особой в свете и очень аккуратно и регулярно поддерживал с нею переписку.

Когда мне исполнилось двадцать два года, я получил от отца письмо, в котором он приказывал мне немедленно жениться на моей кузине! Оказалось, что они с теткой давно решили этот вопрос, но со мной не сочли даже нужным посоветоваться. Мой отец прельстился планом сделать из меня важную в сем мире особу. Только я-то никак не мог смотреть на дело с такой точки зрения.

Моя кузина не только не являлась хоть сколько-нибудь благообразной, но была положительно некрасива, а для меня так даже просто противна. К тому же она была на шесть лет старше меня.

Я побывал у моих родственников. Там, оказывается, делались уже все приготовления к свадебному торжеству.

Я сел на корабль и отправился на родину. По возвращении домой я объявил отцу, что никогда не женюсь ни своей богатой кузине. Мой отец страшно рассердился и сказал, что в таком случае он не будет считать меня своим сыном. Я пытался убедить отца в своей правоте, но никакого толку из этого не вышло. В конце концов он сказал мне, чтобы я убирался из его дома и сам себе зарабатывал пропитание, как знаю.

Я ушел из родительского дома. Первое время пришлось сильно голодать, пока я не нашел себе занятия. Я сделался кучером наемного экипажа, то есть, другими словами, нанялся в кэбмэны или извозчики, и в продолжение некоторого времени разъезжал по улицам Сиднея. Мой отец, увидя, что я способен прожить самостоятельно, без его помощи, начал проявлять интерес к моим делам. Он старался открыть причину, почему я с таким отвращением отношусь к его проекту женить меня на богатой кузине.

Вскоре он узнал, что я полюбил бедную девушку, которая жила вместе со своей матерью, добывая тяжелым трудом свое пропитание, работая по четырнадцать часов в сутки. Факт, что я отказался жениться на кузине с пятьюдесятью тысячами фунтов и с положением в высшем обществе и влюбился в бедную, безродную девушку, на которой хочу жениться, показался моему отцу настоящим безумием. Он стал считать меня форменным идиотом и совершенно прекратил со мною всякие сношения. Он известил, чтобы я забыл о том, что у меня есть отец.

Когда в Австралии открыли золото, я решил отправиться на прииски попытать счастья. Мне повезло. Я заработал довольно много денег и завтра уезжаю в Сидней. Там я найду свою любимую девушку и женюсь на ней. У меня теперь порядочно состояние, и я могу отлично устроить свою домашнюю жизнь».

ИСТОРИЯ БИЛЛА-МАТРОСА

После Олифанта наступила очередь Билла-Матроса.

«Когда я был маленьким мальчиком,— начал он,— меня все называли уличным мальчишкой. И, действительно, я целыми днями шлялся по улицам и докам Ливерпуля. Почти ребенком меня отдали в ученье к одному ремесленнику. Ремесло мне не понравилось, но еще более того я невзлюбил своего хозяина. В конце концов я до того его возненавидел, что однажды убежал и сделался форменным уличным бродягой.

Конечно, жизнь в таком качестве была не настолько хороша, чтобы позволить мне привыкнуть к подобному существованию; это было вечно полуголодное, бездомное существование. Однако я вел такой образ жизни в продолжение целого года.

Раз, в один солнечный день, я лежал на куче мусора. Проходивший мимо какой-то господин запутался в тряпье, которое составляло мой костюм, и упал в мусор. Он сейчас же вскочил, схватил меня за шиворот и начал трясти до тех пор, пока сам не почувствовал полного изнеможения и усталости от этого странного занятия.

Пока он производил надо мною этот опыт, я не оставался в бездействии. Ногтями и зубами я сопротивлялся неизвестному человеку. Я его царапал, кусал и бил своими ногами. Мое отчаянное сопротивление, по-видимому, оказало благоприятное действие на него; он вскоре оставил свое занятие и объявил, что я — «знаменитый маленький злодей», «храбрый маленький бродяга», и наградил меня еще целым рядом подобного рода эпитетов. Потом он взял меня под руку, потащил рядом с собою, задавая мне в то же время целый ряд вопросов о моем доме и о моих родителях.

Несмотря на суровые слова, общее выражение лица этого человека внушало доверие и было так благодушно, что я без всякого сопротивления позволил незнакомцу вести меня, куда ему было угодно. В конце концов он привел меня на борт корабля и поручил заботам одного из старых матросов. В первый раз за последние три года я был одет в чистый и приличный костюм. Человек, который привел меня на корабль, был добродушный и

эксцентричный старый холостяк, лет пятидесяти. Он был собственником и капитаном корабля, делавшего рейсы между Ливерпулем и Кингстоном, на острове Ямайке.

С этим человеком я пробыл на корабле семь лет. Если бы я был его собственным сыном, то он не мог бы с большим рвением и старанием заниматься моим образованием и умственным развитием. Всеми своими знаниями и воспитанием я обязан исключительно этому благородному человеку.

Мне было около двадцати одного года, и я был уже старшим офицером на корабле. Мы возвращались из Кингстона с большим грузом, как вдруг поднялся сильный ветер. Уйти от приближающейся бури нам не удалось. Буря разразилась ужасная и с каждой минутой все более и более усиливалась. Мы начали уже терять всякую надежду на спасение и стали готовиться к смерти. Громадная волна хлынула вдруг на корму и унесла с собою капитана и двух матросов. О спасении их нечего было и думать. Все трое погибли. После этого буря стала утихать, и корабль был спасен. Но я лишился своего покровителя, которого любил не меньше, чем отца. Я опять остался один на белом свете.

Я принял команду над кораблем и благополучно привел его в Ливерпуль. Корабль достался дальнему родственнику погибшего капитана, богатому ливерпульскому купцу. Благодаря одному приятелю нового собственника корабля, я был рассчитан и получил несколько фунтов стерлингов причитавшегося мне жалованья.

В это время в Австралии открыли золотые россыпи. Масса народа устремила туда в погоне за богатством. Я решил тоже попытать счастья и нанялся на один бриг, отправлявшийся в Мельбурн, в качестве второго помощника. На бриге было более сотни пассажиров. Среди них был один обанкротившийся лондонский купец. Он направлялся в страну золота с громадным запасом гордости и с очень небольшим запасом денег. Его сопровождала жена и прелестная дочь. Для меня эта юная мисс была самым прекрасным, самым очаровательным существом на свете. Я безумно в нее влюбился. Я находил тысячу поводов, чтобы поговорить с нею, когда она бывала на палубе, и провел много счастливейших минут в беседе с нею. Моя страсть все сильнее и сильнее разгоралась. Я был совершенно счастлив, когда узнал, что

у меня нет соперников, и что моя любовь находит отголосок в ее сердце.

Вскоре я увидел, что мои постоянные беседы с молодой девушкой стали очень неприятны ее гордому отцу. Он приказал своей дочери отбить у меня раз и навсегда желание сблизиться с нею. Я решился переговорить с ее отцом. При встрече с гордым англичанином я попросил его объяснить причины такого отношения ко мне. Но он счел излишним вступать со мной в какие-либо объяснения, а заявил просто, что его дочь мне не пара, что я всего лишь матрос!

В тот же вечер, когда произошло это тяжелое для меня объяснение, случилось другое событие. Капитан нашего брига был человеком грубым, невоспитанным. Он обратился ко мне в присутствии пассажиров, в числе которых была и моя любовь, с грубым замечанием, оскорбляющим мое достоинство. Я не мог это перенести и ответил ему резко и колко. Капитан пришел в ярость и ударил меня по лицу. Я не помню, что произошло дальше. Знаю только, что капитан лежал почти без сознания. Его с трудом вырвали из моих рук. Я же очутился законным в кандалы в трюме.

По прибытии в Вильямстон, нашу первую остановку, меня судили и приговорили к двум месяцам тюремного заключения. Я сделал неудачную попытку бежать, за что мне прибавили еще два месяца. Получив свободу, я поспешил в Мельбурн. Там я разузнал адрес купца, надеясь найти случай повидаться и побеседовать с его прекрасной дочерью. Мне посчастливилось застать молодую девушку вместе с ее матерью. К моему удивлению, ее мать встретила меня самым сердечным образом. Оказалось, что старый купец умер через месяц после прибытия в Мельбурн. Его вдова и дочь остались без всяких средств и принуждены были зарабатывать себе пропитание личным трудом.

Молодая девушка любила меня. Препятствием к нашему браку был только недостаток средств. Я отправился на прински. Теперь я возвращаюсь с достаточным количеством золота, так что могу обеспечить безбедное существование моей будущей жене и ее матери. Мы вернемся на родину в Англию, и на корабль эта барышня вступит уже в качестве моей жены».

Такова была история Билла-Матроса.

Глава 34

МОЙ БРАТ ВИЛЬЯМ

На следующее утро я встал очень рано и отправился в ялалтку Олифанта, чтобы попрощаться с ним и его товарищем Биллом.

Мы все трое пошли в гостиницу распить на прощанье бутылочку винца.

— Один вопрос,— сказал Билл, обращаясь ко мне,— я его давно хотел задать вам. Я слышал, что вас зовут Роландом. Вы извините мое любопытство, но у меня на то есть серьезные причины. Скажите, как ваша фамилия?

Этот вопрос вдруг произвел могущественное действие на мои мысли. Внезапно у меня явилось предчувствие, почти уверенность, что я нашел своего брата! В этом чувстве было что-то инстинктивное.

— Моя фамилия,— сказал я в ответ на его вопрос,— такая же, как и ваша. Ведь ваша — Стоун?

— Да,— ответил он,— я — Вильям Стоун.

— Тогда мы братья.

— Вы — Роланд Стоун! — воскликнул Билл, заключая меня в объятия.— Как странно, что я не задал этого вопроса, когда в первый раз услышал, что тебя зовут Роландом!

«Слон» был поражен не меньше нашего таким открытием. Бесконечное изумление выражалось на его добродушном лице.

Мы решили ехать все вместе в Мельбурн. Времени осталось немного. Мы успели только взять билеты и сесть в дилижанс.

Мой брат и я всю дорогу до Мельбурна говорили без умолку. Я спросил его, известно ли ему, что наша мать последовала за мистером Лири в Австралию?

— Да,— сказал он,— я знал, когда меня бросили в Ливерпуле, что она повсюду будет следовать за этим зверем. Я предполагал, что она так и сделает.

— И ты никогда не старался разыскать ее, когда был в Сиднее?

— Нет,— сказал мой брат горжественным тоном. Когда она меня бросила в Ливерпуле, чтобы следовать за этим злодеем, я понял, что потерял мать. И решил, что с тех пор для меня совсем не существует матери.

— Но, порешив так, не попытался ли ты разыскать

хотя бы сестру Марту? Неужели же ты оставил бы колонию, не сделав никакой попытки что-нибудь узнать о сестре?

— Бедная маленькая Марта! — воскликнул Вильям. — она была прелестным ребенком. Я желал бы, действительно, увидеть ее опять. Попытаемся оба найти ее. Я уверен, что, если мы ее найдем, нам не придется стыдиться за нее. В детстве она была маленьким ангелом, и я убежден, что она такой осталась и до сих пор. О, как бы мне хотелось увидеть снова Марту! Но только скажу тебе по правде, Роланд, я нисколько не стремлюсь снова увидеть нашу мать.

Тогда я сообщил моему брату последние события и рассказал ему историю нашего семейства, насколько сам был с нею знаком.

За все время нашего путешествия мы едва успели перекинуться словечком с нашим товарищем «Слоном» и несколько раз извинялись перед ним.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказал великодушный Олифант, — я так же счастлив, как и вы. Я вас обоих считаю за своих друзей и теперь радуюсь вашему счастью.

Прибыв в Мельбурн, мы все трое остановились в одной гостинице и тотчас же отправились в магазин готового платья, чтобы нам можно было показаться в приличных костюмах на улицах города. Особенно спешил и волновался Вильям, и на это у него были свои причины. Он намеревался провести этот вечер в обществе своей будущей жены и ее матери. Сейчас же после обеда он от нас ушел.

На следующий день брат пригласил меня пойти с ним вместе к его будущей жене и ее матери. Они жили в маленьком домике. Когда мы пришли, дверь нам открыла прелестная молодая девушка, которая, встретив моего брата приятной улыбкой, сейчас же скрылась. Мы вошли в гостиную, и мой брат представил меня миссис Морелль.

Вскоре вошла в гостиную и молодая леди — будущая жена брата. Сара Морелль была прелестная девушка. Красотой она, конечно, уступала моей потерянной Леоноре, но была так же мила, как моя сестра Марта.

Возвратившись домой, мы застали Олифанта в весьма скверном настроении. Дело в том, что дела его затянулись в Мельбурне несколько дольше, чем он этого хо-

тел, и выехать в Сидней он мог только на третий день. Мы посоветовались с братом и решили, что я поеду в Сидней вместе с Олифантом. Там я разыщу Марту и вернусь обратно в Мельбурн вместе с нею.

С тех пор, как Вильям узнал о смерти матери, он стал гораздо больше интересоваться судьбою Марты.

— Мы не можем быть счастливы, — сказал он, — если вернемся в Англию, оставив в колонии свою сестру одну.

Я обещал употребить все усилия, чтобы исполнить его желание, так как оно совпадало и с моим собственным желанием.

Мисс Морелль, услышав, что у ее жениха есть сестра в Сиднее, настояла на том, чтобы свадьба была отложена до приезда сестры.

— Я желаю, чтобы свадьба была в тот день, когда придет ваша сестра, — сказала она и прибавила с очаровательной улыбкой, — я жду с большим нетерпением того дня, когда увижу ее.

Это обстоятельство еще более усилило желание Вильяма скорее увидеться с сестрою. «Слон», узнав, что я еду в Сидней, очень обрадовался предстоящему вновь совместному путешествию.

Глава 35

УПРЯМСТВО МОЕЙ СЕСТРЫ

Прибыв в Сидней утром, я после завтрака расстался с Олифантом. Каждый из нас отправился по своим делам: он к своей невесте, а я разыскивать свою сестру Марту. Я направился к тому дому, где оставил сестру два года тому назад. И к великому изумлению не нашел ее там. В доме также не было больше швейной мастерской.

Я стал упрекать себя за то, что в продолжение двух лет ни разу не писал своей сестре и поэтому опять потерял ее из вида.

Я вспомнил, что моя сестра работала в компании миссис Грин, которая жила в Сиднее около десяти лет. Мне удалось найти мастерскую Грин, но самой миссис Грин уже более года не было в Сиднее. Она обанкротилась и переехала в Мельбурн. На мое счастье у новой хозяйки мастерской работала моя сестра. Я сказал, что

я брат Марты, и попросил дать мне адрес моей сестры. Мне его сообщили. Я сейчас же пошел туда. С большим волнением подошел я к квартире моей сестры, и в следующую минуту она была в моих объятиях.

Я осмотрел комнату сестры и увидел, что она жила в большой бедности. Сознаюсь, это не вызвало во мне никакого сожаления. Напротив, я даже был этому рад. По обстановке я уже видел, что она сохранила свою добродетель и честь.

Я узнал от нее несложную историю ее жизни после того, как мы с нею расстались. Когда миссис Грин разорилась, сестра моя попробовала работать в двух или трех мастерских. При этом она пояснила мне, краснея, что у нее были достаточные причины бросить работать в этих мастерских.

Она стала брать на дом работу от той хозяйки мастерской, у которой я узнал ее адрес.

— О, Роланд! — сказала Марта, — я не встречала женщины хуже, чем эта хозяйка. Она платит за работу такую ничтожную цену, что еле-еле хватает на хлеб, чтобы не умереть с голода. И при этом она еще обыкновенно обсчитывает. Я очень часто работаю с шести часов утра до десяти часов вечера, и при такой работе часто, очень часто бываю голодна. Как свет жесток и несправедлив!

Я немного подождал и хотел было начать разговор о дальнейших наших планах. Мне казалось, что теперь Марте незачем больше жить в Сиднее и что для этого у нее нет никакой цели. Но она предупредила меня.

— Я очень рада, Роланд, что ты решил, наконец, остаться в колонии. Я надеюсь, что ты будешь жить в Сиднее? О, как мы были бы счастливы! Ты приехал, чтобы здесь остаться? Не правда ли? Брат, скажи — да, брат, осчастливь меня! Скажи, что ты больше не оставишь меня никогда!

— Я не желаю расставаться с тобой, дорогая сестра, — сказал я, — и надеюсь, что ты теперь узнала жизнь и поступишь так, как я посоветую тебе. Я намерен, Марта, взять тебя с тобою в Мельбурн.

— Но для чего же тебе увозить меня непременно в Мельбурн? Разве Мельбурн лучше Сиднея?

— А тебе неужели Сидней не надоел? Что тебя здесь привязывает? — спросил я.

— Брат,— ответила она,— я не желаю ехать в Мельбурн, не желаю уезжать из Сиднея.

— Так ты не хочешь повидаться со своим братом Вильямом? — спросил я Марту.

— Как! Вильям! Дорогой маленький Вилли! Что ты слышал о нем, Роланд? Ты узнал, где он?

— Да, он в Мельбурне и очень хочет тебя видеть. Я приехал за тобою. Желаете ли ты со мной ехать?

— Я могу увидеть Вильяма, моего давно пропавшего брата Вильяма! Я могу увидеть его! Как ты нашел его, Роланд? Расскажи мне об этом! Почему он не приехал сюда вместе с тобою?

— Мы встретились случайно — на приисках в Виктории. Услышав, что меня зовут Роландом, он спросил мою фамилию. Мы узнали друг друга. Маленький Вилли — как ты назвала его сейчас — теперь высокий и красивый молодой человек. На следующей неделе назначена его свадьба: он женится на прекрасной девушке. Я приехал за тобою — ехать на свадьбу. Поедешь ли ты, Марта?

— Как я могу сделать это? Как я могу сделать это? Я не могу оставить Сиднея!

— Марта,— сказал я,— я твой брат. Я старше тебя и в некотором роде заменяю тебе родителей. Я теперь настоятельно от тебя требую ответа, почему ты не хочешь ехать в Мельбурн?

Моя сестра ничего не отвечала.

— Дай мне определенный, ясный ответ! — закричал я, начиная раздражаться.— Скажи мне, почему ты не хочешь ехать?

— О брат! Потому что... потому что... Я жду здесь одного человека, который обещал вернуться ко мне!

— Мужчину, конечно?

— Ну, да, мужчину. Это очень верный человек, Роланд.

— Куда он уехал? Сколько прошло времени с тех пор, когда ты видела его в последний раз? — спросил я, сдерживая свое раздражение.

— Он уехал на прииски в Викторию немного более двух лет тому назад. Перед отъездом он сказал, чтобы я ждала его возвращения, и когда он приедет, он на мне женится.

— Марта! Возможно ли, чтобы только эта причина удерживала тебя ехать со мною в Мельбурн?

— Только это и составляет единственную причину, почему я не могу уехать из Сиднея. Я должна дожидаться его здесь.

— Тогда ты такая же безумная, какой была наша бедная мать, ожидавшая возвращения мистера Лири! Человек, который обещал вернуться и жениться на тебе, вероятно, давно уже и забыл тебя. Возможно, что он даже успел жениться на другой. Я думал, что ты умнее и не будешь верить каждому глупому слову. Человек, из-за которого ты делаешь себя несчастной, посмеялся бы над твоей простотой, если бы знал об этом. Он, наверное, даже позабыл как и зовут-то тебя. Оставь думать о нем, дорогая сестра, и сделай счастливыми и себя и твоих братьев.

— Не называй меня безумной, Роланд, и не считай меня такой. Я знаю, что меня можно было бы назвать безумной, если бы я ожидала какого-нибудь пошлого, обыкновенного человека. Но тот, кого я люблю, не таков. Он обещал вернуться и, если только он не умер, он сдержит свое слово. Я буду еще счастлива. Я обязана его ждать. Это мой долг. Никто и ничто не заставит меня пренебречь этим долгом.

— О, Марта, наша бедная мать так же думала о мистере Лири, как ты об этом человеке. Она думала, что он верен ей, и считала его лучшим человеком на свете. Ты можешь так же ошибиться, как и она. Я советую и убеждаю тебя не думать больше о нем и ехать со мною. Взгляни вокруг себя! Посмотри, до каких лишений и нужды ты дошла! Оставь все это и иди с теми, кто действительно тебя любит!

— Не говори ты этого, Роланд! Мне просто больно тебя слушать! Мне очень хочется ехать с тобою и видеть Вильяма. Только я не могу, я не должна покидать Сиднея.

Было очевидно, что никакие доводы, никакие убеждения не приведут ни к чему.

— Марта,— сказал я,— я тебя еще раз прошу ехать со мною. Этим ты исполнишь долг сестры, и это необходимо для твоего собственного благополучия. Прими мое предложение теперь. Я никогда больше не повторю его, потому что, в противном случае, мы расстанемся навсегда. Я оставлю тебя в той нищете, в которой ты, очевидно, желаешь остаться.

— Роланд! Роланд! — воскликнула она, обнимая ме-

ня.— Я не могу так расстаться с тобою! Не покидай меня! Ты не можешь, ты не должен этого делать!

— Едешь ты со мной или нет? — спросил я еще раз.

— Роланд, не проси меня об этом! О, Боже, помоги мне! Я не могу ехать!

— Тогда прощай! — крикнул я, — прощай навсегда! И я быстро ушел, оставив свою рыдающую сестру.

Глава 36

КТО ОКАЗАЛСЯ ЖЕНИХОМ МОЕЙ СЕСТРЫ

Выйдя из дому, я успокоился и нашел, что я вел себя нехорошо по отношению к своей бедняжке сестре. Я не должен ее оставлять без всякой поддержки, без всяких средств. Я хотел было вернуться в гостиницу и оттуда послать ей денег, но, подумав, решил сделать это сам и вернулся к ней.

Я поднялся к ней и постучал в дверь. Никакого ответа не последовало.

Тогда я еще раз постучал.

Я подождал еще минуты две и отворил дверь без всякого предупреждения.

Но только я открыл дверь, как мне навстречу вышел человек.

И каково было мое удивление, когда я увидел, что это был Александр Олифант! Так вот кого ждала моя сестра. Я стоял некоторое время в недоумении.

— Благодарю тебя, Боже! — воскликнула Марта, увидев меня.— Я благодарю Бога за то, что ты вернулся, Роланд! Ты видишь — он вернулся,— продолжала она, положив свою руку на плечо Олифанта.— Я знала, что он вернется, и что невозможно, чтобы он обманул меня. Это мой брат,— прибавила она, обернувшись к Олифанту.— Он хотел бросить меня; только не сердись на него. Он ведь не знал тебя так, как я знаю. Я пережила тяжелые времена, Александр, но одна эта радостная минута уже вознаграждает меня за все мои страдания.

Прошло некоторое время прежде чем Олифант или я могли сказать хоть слово. Говорила пока одна только Марта.

— Какие мы были глупцы! — сказал, наконец, Олифант.— Скажи вы мне, что ваша фамилия Стоун, и что

в Сиднее у вас есть сестра, насколько больше удовольствия доставило бы нам общество друг друга! А все эта проклятая присковая привычка тщательно скрывать свое имя и свои личные дела! Мы с вами приятели,— продолжал Олифант, обращаясь ко мне,— зачем нам соблюдать совершенно лишний этикет? Будем держаться откровенно и чистосердечно и оставим всякие секреты!

Я не буду долго рассказывать о той радости, какую испытала сестра, узнав что мы с Олифантом большие приятели. Выбором сестры я был очень доволен. Олифант был честный, благородный, трудолюбивый человек. Лучшего мужа нельзя было и пожелать. Средства у него тоже были, и он мог материально обставить свою семейную жизнь вполне прилично.

Теперь уже ничто не удерживало мою сестру в Сиднее. Напротив, она торопила меня и Олифанта поскорее поехать в Мельбурн.

Обе свадьбы — как моей сестры, так и моего брата — состоялись в Мельбурне в один и тот же день. Сейчас же после венчания Вильям со своей женой и тещей, а с ними и я уехали на корабле в Англию, а Олифант с Мартой остались в Австралии.

Глава 37

ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ

Капитан корабля, на котором мы отправились в Англию, оказался настоящим джентльменом. Капитан Новелль был общительного нрава и скоро сделался любимцем всех пассажиров. Между мною и капитаном установилась самая искренняя дружба, и во время переезда я большей частью проводил время в его обществе.

Мы или играли в шахматы или же толковали о предметах, связанных с профессией капитана Новелля. Он, казалось, также очень интересовался моей будущностью и частенько заводил разговор о моей женитьбе.

— На моем корабле,— говорил он,— очень часто возвращаются домой золотоискатели с молодыми женами. И себя считаю относительно опытным человеком в брачных делах, и вы ничего лучшего не можете сделать, как позволить мне выбрать для вас жену. Я знаю одну пре-

красную молодую леди и давно ищу для нее хорошего мужа. Только мне еще не встречался человек, который был бы достоин такого счастья. Я теперь смотрю на вас, мистер Стоун, и думаю, что вы для нее вполне бы подходили.

Такие разговоры очень часто заводил со мной наш бравый капитан Новелль, но я ничем не выражал желания поддерживать их. Передо мной все время стоял образ моей пропавшей названной сестры.

Мы приехали в Портсмут и оттуда отправились в Лондон. Капитан Новелль должен был еще остаться на корабле несколько дней. Он очень тепло простился с нами и пригласил меня к себе, в свой лондонский дом.

По приезде в Лондон мы пробыли только сутки в гостинице, а затем переехали на частную квартиру, которую нанял брат в Бромптоне. Мне из этой квартиры было уступлено две комнаты. Брат нанял двух женских прислуг — кухарку и горничную, и вообще наша жизнь устроилась по типу большинства лондонцев средней руки. Вскоре после приезда в Лондон я получил письмо от Олифанта и Марты. Счастье так и сквозило в каждой строчке их письма. Отец Олифанта помирился со своим сыном и был в восторге от Марты.

Мне сделалось необыкновенно грустно. Кругом я видел счастливых, устроившихся людей. Только один я остался одиноким, бесприютным. Счастья для меня никогда уже не будет. Я чувствовал, что никогда не разлюблю Леонору, никогда не в состоянии буду полюбить другую женщину. Леонора же для меня была потеряна навеки.

Я мало выходил из дому. Меня как-то никуда не тянуло. Единственным развлечением было чтение. Во время моей скитальческой жизни, полной опасностей и тяжелых трудов, мне совершенно не было времени пополнить свое образование. Теперь же я предался этому делу с увлечением. Однажды на улице я совершенно случайно встретил одного своего австралийского знакомого. Это был Каннон, один из моих спутников по охотничьей экспедиции на Ярру-Ярру. Я был очень удивлен этой встречей, так как никак не ожидал встретить его в Лондоне. В Австралии он сидел совершенно без денег, да и не предполагал ехать в Англию. Мы зашли в ближайшую гостиницу и заказали себе два обеда.

Он рассказал, что его приятели помогли ему и дали возможность приехать в Англию.

— А что случилось с Вэном? — спросил я.

— Вэн! Это — коварная ехидна! Я не люблю говорить об этом человеке. Он несколько раньше меня вернулся в Англию, и в настоящее время здесь.

— А наши знакомые на Ярре-Ярре? Не слыхали ли вы чего-нибудь о них с тех пор, как мы расстались с ними?

— Да, я видел их несколько раз после этого. Живут они очень хорошо и все здоровы. Произошла только маленькая перемена в их симпатиях. Они сделались большими приятелями с Вэном.

Несмотря на то, что Каннон предупредил, что не любит говорить о Вэне, он в продолжение нашего разговора несколько раз упоминал это имя и притом с нескрываемой злобой и неприязнью. Я видел, что эти два человека перестали быть друзьями, но не пытался выяснять причину возникшей между ними неприязни, сменившей прежнюю дружбу. Меня очень мало интересовали их личные дела. Ни того, ни другого из них я не причислял к своим товарищам или друзьям. Впрочем, Каннон для меня был гораздо симпатичнее Вэна; последнего я плохо переваривал.

— У вас здесь какие-нибудь дела? — спросил Каннон, когда мы расставались.

— Нет, — ответил я, — я приехал в Лондон без всяких дел и хотел немного развлечься. Но я предполагаю очень скоро вернуться в Австралию.

— Как это странно! — сказал Каннон. — Может быть, нам надоело в Лондоне потому, что вы чувствуете себя в нем чужестранцем и имеете мало знакомых. Я вас хочу привести в один очень интересный знакомый мне дом. Дайте мне слово, что мы завтра встретимся вечером здесь, и тогда пойдем туда вместе. Я вас познакомлю.

Мне вовсе не хотелось заводить знакомства через Каннона, но он уж очень ко мне пристал, и я дал ему обещание встретиться с ним и пойти туда, куда он меня поведет.

На следующий день мы встретились, как условились, и Каннон повел меня к своим лондонским знакомым.

Мы подошли к одному коттеджу в Сент-Джонс-Вуде, и Каннон постучал в дверь. Слуга провел нас в гостиную и доложил: «Мистер Каннон и его приятель».

Дверь отворилась — передо мной стояла Джесси Г., дочь австралийского скваттера.

Увидав меня, она ничего не сказала и без чувств упала на диван.

Со стороны Каннона было большой жестокостью устроить нашу встречу. При этом он несколько не показался пораженным происшедшей сценой. Напротив, она ему как будто доставила удовольствие. Джесси скоро пришла в себя. Хотя, насколько я мог заметить, ее спокойствие было искусственно и давалось ей с чересчур большим трудом.

Каннон силился один поддержать разговор, но из этого так ничего и не вышло. Напряженное положение было прервано приходом отца Джесси, мистера Г. Поведение его по отношению к нам еще более изменилось, чем поведение дочери. Я не видел с его стороны ни ко мне, ни к Каннону чувства радушия. Вскоре вошла мать Джесси, которая встретила нас более приветливо, чем ее муж. Но и в ее обращении чувствовалась какая-то принужденность и натянутость.

Пока Каннон старался втянуть в разговор хозяев дома, я обменялся несколькими словами с Джесси. Она просила меня зайти повидаться с нею еще раз. Но мне не понравилось обращение со мною мистера Г. и я уклонился от обещания снова посетить их дом. К моему удивлению, она настаивала на своем приглашении. Она просила меня придти завтра к одиннадцати часам утра, когда она и ее мать останутся одни.

— Я очень несчастлива, Роланд,— сказала она шепотом.— Приходите к нам завтра. Вы обещаете?

Я не мог быть столь жестоким к ней и обещал.

Наш визит был непродолжителен. Перед нашим уходом миссис Г. в свою очередь пригласила нас посетить их снова. Но приглашение это было сделано тогда, когда ее муж не мог его слышать.

— Розочка еще в школе,— сказала она мне,— и мы непременно должны придти повидаться с нею. Она очень часто вспоминает о вас. Когда она услышит, что вы в Лондоне, то наверняка пожелает вас увидеть.

Мы ушли. Я был очень сердит на Каннона, который затеял всю эту историю. Мне пришла в голову мысль, что он посредством меня вздумал отомстить Вэну. Я и сказал ему это. Но его аргументы были гораздо сильнее моих, и потому я был принужден отказаться от своих обвинений.

Глава 38

СВИДАНИЕ С ДЖЕССИ

На следующий день я опять посетил коттедж в Сент-Джонс-Вуде. И опять увидел Джесси. Она мне очень обрадовалась. Только черты лица ее показывали, как сильно она страдала.

— Я знаю, Роланд,— сказала она,— что наша встреча опять принесет мне только одно горе. Но в настоящую минуту я очень рада видеть вас и готова впоследствии расплатиться за эту кратковременную радость.

Я прикинулся непонимающим ее.

— Когда вы оставили нас на Ярре-Ярре, я пыталась забыть вас. Я решила никогда больше не встречаться с вами. А теперь, увы! Все мои решения тщетны. Я знаю, что для меня несчастье — встреча с вами, и все-таки я благословляю ту минуту, когда снова увидела вас. С вашей стороны было жестоко явиться к нам вчера, и все-таки я благословляю вашу жестокость.

— Мое вчерашнее появление у вас произошло благодаря непредвиденным случайностям. Я в этом несколько не виновен. Пока я не вошел в вашу гостиную, я даже не знал, что вы в Лондоне. Я думал, что вы в Австралии. Мистер Канчон обманул меня,— он пригласил меня познакомиться со своими лондонскими друзьями. Я не знал, к кому он меня приглашает; ради собственного своего счастья и вашего спокойствия я не пошел бы с ним к вам.

— Роланд, вы очень жестоки!

— Как вы можете говорить так, когда только перед этим сказали, что с моей стороны было жестоко вчера приходиться, Джесси? Во всем этом есть что-то такое, чего я не могу понять.

— Роланд, пощадите меня! Не говорите больше об этом! Давайте говорить о других вещах!

Я счел за лучшее повиноваться ей, и больше часа просидел с нею tête-à-tête, пока наша беседа не была прервана появлением миссис Г.

Я не мог уйти, не обещав зайти еще раз, так как не видел пока маленькой Розы.

От Каннона я узнал все, касающееся семейных дел мистера.

Отец Джесси составил себе большое состояние, лик-

видировал свои дела и приехал в Англию, чтобы остаток своих дней провести на родине, в Лондоне.

Я узнал, что после моего отъезда Вэн стал частым гостем на Ярре-Ярре, успел войти в доверие к скваттеру и сделался претендентом на руку Джесси. Это и вызвало ссору между Вэном и Канноном. С переездом семьи скваттера в Лондон за ними последовал и Вэн.

Взвесив все обстоятельства дела, я пришел к убеждению, что самое лучшее для меня не видеться больше с Джесси, так как мои посещения могут только возбудить у нее напрасные надежды.

Лондонская жизнь нагнала на меня сильную тоску. Я чувствовал себя очень скверно и решил проститься со своею родиной, чтобы опять вернуться в Австралию — продолжать свою бродячую, полную лишений и опасностей жизнь. При спокойной жизни и при виде счастья других сердечные мои раны опять открылись, и я начал сильно страдать. Образ Леоноры не давал мне покоя. Перед отъездом я решил посетить еще два города: Бирмингем и Ливерпуль. В Бирмингеме я хотел посетить своего товарища, бывшего каторжника, с которым мы работали на Авоке. А в Ливерпуле я хотел собрать более подробные справки о Леоноре. Мне все-таки хотелось узнать, как она поживает и где.

У меня мелькнула также мысль посетить ее перед отъездом с родины, так как назад вернуться я не предполагал.

По приезде в Бирмингем я очень скоро разыскал Брауна — так звали моего товарища-каторжника. Мне не пришлось потом раскаиваться, что я его навещал. Браун встретил меня с большим удовольствием и радостью.

— Вам только одному, — молвил он, — я рассказал и колонии историю моего преступления и моей жизни. Вы помните, с какой ничтожной надеждой я возвращался домой. Я считаю вас справедливым и расположенным ко мне человеком и знаю, что вам доставит большое удовольствие то, что я сейчас расскажу.

— Мне уже доставляет удовольствие, — сказал я, — то, что я вижу здесь вокруг себя. Я нашел вас в мирной обстановке, в комфортабельном доме, и по всему вашему внешнему виду могу заключить, что вам живется хорошо.

— Да, — радостно ответил Браун, — это действительно

но так, как вы сказали. Я гораздо счастливее, чем мог когда-либо мечтать. Я вам сейчас все расскажу. По возвращении на родину я нашел свою мать в живых, но она жила в работном доме. Мой брат был женат и имел большую семью. Вся его жизнь представляла борьбу за полуголодное существование для себя и своей семьи. Я не пошел к своей матери в работный дом. Я не желал встречаться с ней в присутствии посторонних людей, которые могли не понять моих чувств. Узнав, что она там, я купил дом и полную мебельную обстановку к нему. Мой брат отправился в работный дом и взял оттуда нашу мать. Он привел ее ко мне и сказал ей, что это ее собственный дом, и все, что в этом доме находится, принадлежит ей. Вместо объяснений он свел нас вместе. Бедная мать почти обезумела от радости. В этот момент я почувствовал себя счастливейшим человеком в Англии. Это продолжается и до сих пор. То счастье, которое я испытываю теперь, живя со своей матерью и оказав помощь брату, вполне вознаградило меня за те страдания и печали, которые я перенес в своей жизни.

Перед моим уходом Браун открыл дверь в другую комнату и позвал свою мать, прося ее выйти к нам.

Когда она вошла, я был представлен ей, как товарищ, с которым ее сын работал вместе в Австралии на приисках. Это была благообразная женщина лет шестидесяти восьми. В ее простых, сморщенных чертах лица было столько доброты и нежности к своему сыну, что было приятно смотреть.

— Я очень рада видеть вас,— обратилась она ко мне,— потому что ваше появление здесь показывает, что мой сын водил дружбу с людьми честными и приличными, когда был в отсутствии.

Я сказал ей несколько любезных фраз и ушел, унося с собою прекрасное впечатление от всего виденного и слышанного в этом доме.

Глава 39

ПОИСКИ ПРОПАВШЕЙ

Когда я еще жил у капитана Хайленда в Ливерпуле, то познакомился с миссис Лэнсон. Она часто посещала дом капитана и находилась в большой дружбе с миссис

Хайленд и Леонорой. Я знал ее адрес, и теперь, по приезде в Ливерпуль, отправился к ней, чтобы собрать самые верные справки о Леоноре.

— Мне очень хочется увидеть своих старых друзей — миссис Хайленд и ее дочь, — сказал я миссис Лэнсон, — я так долго был в отсутствии и так давно их не видел и не слышал о них, что в настоящее время потерял все их следы. Я знаю, что вы были очень близки с миссис Хайленд и ее дочерью. Ввиду этого я и позволяю себе беспокоить вас, чтобы получить какие-нибудь сведения об этом семействе.

— Я очень рада вас видеть, мистер Стоун, — сказала старая леди. — Конечно, вы слышали о той перемене, которая произошла в положении миссис Хайленд и ее дочери, и что они теперь живут в Лондоне?

Я сказал, что слышал

— Лондонский их адрес такой: Денби-Стрит, Пимлико. Это дом капитана Новелля. Мне очень приятно вспомнить о них.

На этом и кончился разговор между мною и миссис Лэнсон.

Итак, мужем Леоноры был капитан Новелль, на корабле которого я возвращался на родину, и с которым в дороге так близко сошелся! Теперь я раздумал посетить Леонору. Мне было бы слишком тяжело ее видеть, и я решил проститься в Лондоне только с братом и его женою и немедленно вернуться в Ливерпуль, чтобы с первым же кораблем уехать в Австралию.

Когда я вернулся в Лондон и сказал брату о своем отъезде, то он был очень удивлен и сильно убеждал меня изменить мое решение. Но я был непоколебим. Вежливость требовала, чтобы я повидался с капитаном Новеллем перед отъездом и поблагодарил его за все услуги, которые он мне оказал. Но теперь, когда я узнал, что он муж Леоноры, я не мог заставить себя хладнокровно отнестись к этому посещению. Я не мог принудить себя видеться с ним. Накануне своего отъезда я послал ему письмо, в котором выражал ему свою благодарность и извещал о своем отъезде.

На следующее утро после отправки письма, перед самым отъездом в Ливерпуль, вдруг к нам внезапно явился капитан Новелль. Избежать встречи с ним я не мог.

— Вы собираетесь сейчас уехать, — сказал он, как только вошел в комнату, — но я вас не отпускаю и должи

своим пленником. Я должен доставить вас двум дамам, которых вы знаете в продолжение многих лет. Вы не можете сбежать, так как отправитесь со мной немедленно.

— Это невозможно, капитан Новелль,— протестовал я.— Я уезжаю в Ливерпуль со следующим поездом. До поезда осталось так мало времени, что я едва успею доехать до вокзала.

— Я же вам говорю,— сказал капитан,— что я не принимаю никаких отказов. Затем — знаете ли, что я только что узнал? Моя жена и ее дочь ваши старые друзья. Помните ли вы миссис Хайленд и маленькую Леонору? Я случайно произнес имя Роланда Стоуна сегодня утром, прочитав ваше письмо, и моментально во всем доме поднялась суматоха. Моя жена послала меня привести вас, хотя бы и силой. Если вы не пойдете добром, мы будем драться. Без вас я назад не вернусь.

— Остановитесь на минуту! — вскричал я, пораженный его словами.— Ответьте мне на один вопрос! Что такое вы сказали о вашей жене?

— Я сказал, что моя жена и ее дочь ваши старые друзья. Я женат на вдове капитана Хайленда.

— Великий Боже! — воскликнул я.— Так вы женаты не на дочери его?

— Нет. Что за странные вопросы вы предлагаете. Жениться на Леоноре Хайленд! Стоун, я ведь старик и гожусь ей в отцы! Опять-таки повторяю: я женат на ее матери.

— Идем! — воскликнул я, быстро направляясь к дверям.— Идем скорее! Я хочу видеть ее немедленно!

Я шел с такой быстротой, что капитан Новелль едва поспевал за мною. Я был похож на сумасшедшего. Меня охватила дикая радость. Леонора, которую я считал потерянной для меня, была найдена!

Капитан не мог поспеть за мной и отстал. Я же не стал у дверей дожидаться его и позвонил. В то же мгновение маленькая служанка отперла дверь.

— Где Леонора? — спросил я.

Служанка была страшно удивлена, но, увидев следовавшего за мною капитана, пропустила меня. Я вошел.

Леонора Хайленд стояла передо мною. Она стала еще прекраснее — если это только возможно — чем раньше!

В этот миг я забыл все условности, все приличия и

выражал свою радость самым необузданным образом. Повторяю, я был похож на сумасшедшего.

— Леонора! — воскликнул я, обнимая ее. — Вы свободны? Так это правда, что я не напрасно жил и трудился?

Она ничего мне не ответила. Но по ее лицу видно было, что она нисколько не оскорблена резкими проявлениями радости с моей стороны. Мало-помалу я успокоился и привел в порядок свои чувства. Тогда капитан Новелль обратил мое внимание на миссис Новелль, в которой я узнал бывшую миссис Хайленд, мать Леоноры.

Мое продолжительное отчаяние было результатом недоразумения, виновником которого, хотя и невольным, был Мейсен, рассказавший мне при встрече в Сиднее о замужестве Леоноры. Теперь разъяснилось, как произошла вся эта пуганица.

Мейсен зашел как-то раз по делу к капитану Новеллю. Последнего в это время не было дома. Тогда старый моряк попросил вызвать к нему жену капитана. Миссис Новелль была в это время чем-то занята, и вместо нее вышла Леонора. Мейсен, который был знаком с капитаном Хайлендом и его семейством, конечно, узнал Леонору. Это обстоятельство, в связи с короткой беседой, которая произошла между Леонорой и Мейсеном, убедила старого моряка в том, что Леонора — жена капитана Новелля.

Я теперь забыл и думать о бедной Джесси и о возвращении в колонию.

Глава 40

ДИТЯ ПРИРОДЫ

Я сидел утром у себя в комнате, нетерпеливо дожидаясь условленного часа, когда мог отправиться к Леоноре. В комнату вошла наша горничная миссис Нэггер, и объявила, что внизу дожидается какая-то леди, которая хочет видеть меня.

— Какая леди? — спросил я.

— Она похожа на ангела, — ответила старая горничная, — но только она, очевидно, в большом горе. И какая красавица! Вот уж можно сказать...

— Сказала она вам свою фамилию?

— Нет, да я у нее и не спросила. Только она в большом горе. Она уже давно ждет.

Я спустился вниз, вошел в гостиную и, к моему удивлению, очутился лицом к лицу с Джесси.

Она страшно изменилась, как будто только что пережила опасную болезнь. На щеках у нее был лихорадочный румянец. Глаза были красны от слез. Весь ее внешний облик был олицетворением горя и страдания.

— Джесси! Что такое с вами? — спросил я. — Случилось что-нибудь ужасное? У вас совершенно больной вид.

— Да, — ответила она, — действительно случилось; мое счастье разбито навсегда.

— Скажите же мне, в чем дело, Джесси. Скажите мне все. Вы знаете, что я помогу вам, если только это будет в моих силах.

— Нет, Роланд, я этого не знаю. Было время, когда вы могли спасти меня, но теперь слишком поздно! Слишком поздно, чтобы успокоить мое изболевшее сердце! Может быть, я умерла бы, унеся свою тайну в могилу, если бы не встретила вас опять. Было бы лучше, если бы этой встречи не было. О, Роланд, после новой встречи в этой чужой для меня стране, воспоминания, которые нахлынули на меня, лишь терзают и разочаровывают. Роланд, я пришла к вам со своим горем вовсе не с целью обвинять вас. Я только скажу, что вы один могли бы снять с меня это горе. Никто из смертных не был бы счастливее меня, если бы я знала, что вы хоть немного можете полюбить меня.

— Джесси! Можете ли вы говорить так, когда...

— Погодите, Роланд! Выслушайте меня. Я ведь почти безумная теперь. Я хочу сказать вам все, что я выстрадала из-за вас. Поэтому я и пришла сюда. Меня хотят выдать замуж за человека, которого я не люблю. Дайте мне совет, Роланд! Ведь для меня мучительно выйти замуж за того, кого я не могу любить, ибо люблю только вас.

— Джесси! Я не могу слушать того, что вы говорите. Я сказал вам, когда мы расставались в Австралии, что я люблю другую. Я недавно встретился с ней и оказалось, что она до сих пор верна мне. Я надеюсь, что вы никогда не будете говорить со мною снова с таким отчаянием. Мы можем быть только друзьями, и вы еще можете быть счастливы.

По мере того, как я говорил, Джесси все больше и больше волновалась и наконец без чувств упала на пол.

Я позвонил и с помощью прибежавшей горничной положил ее на диван и привел в чувство.

— Джесси,— сказал я, когда увидел, что она открыла глаза и глядит на меня,— вы очень плохо себя чувствуете?

— Нет,— ответила она,— я только думала о том, что вы мне сказали. Если это что-нибудь по поводу...

Она сама себя оборвала и подождала, пока уйдет миссис Нэггер, на которую она при этом выразительно посмотрела.

Миссис Нэггер догадалась и молча вышла из комнаты.

— Роланд, я скажу вам всего лишь несколько слов. Завтра я должна выйти замуж за мистера Вэна. Так хочет мой отец. А так как я ему обещала, что чего хочет он, того хочу и я, то согласилась на это замужество. Я пробовала полюбить моего будущего мужа, но ничего у меня не вышло, потому что я люблю другого. Я вас люблю, Роланд. Пересилить своей любви я не могу, и мне слишком хорошо памятливы ваши слова, что мы можем любить только один раз в жизни. Я уйду, Роланд. Я вам сказала все.

— Джесси,— сказал я,— мне очень больно за вас, но я надеюсь, что после вашей свадьбы у вас будет другое настроение и что вы забудете прошлое, которое не будет больше мешать вашему счастью.

— Спасибо за доброе пожелание,— ответила она.— Во всяком случае я постараюсь спокойно перенести свою жестокую участь. Прощайте, Роланд. Я уйду. Уйду одна, как и пришла.

Вслед за тем она вышла.

Меня страшно расстроил этот визит Джесси. Я был удивлен и поступком ее и тем, что она говорила. Если бы она была больше похожа на других, ее поступок был бы еще удивительнее, но она не была, как все. Ее нельзя судить, как всякую другую девушку из интеллигентного европейского общества. Она была настоящее дитя природы и думала, что скрывать свои чувства и мысли никогда не следует. По всей видимости, она меня глубоко любила и раскаивалась, что дала слово Вэну. Во всяком случае, я во всем этом несколько не был виноват, пото-

му что все время твердил Джесси, что люблю другую. Я ее не завлекал и не оставлял ее в заблуждении.

Был канун ее свадьбы. Ей бы следовало готовиться к ней, а она, вместо того, отправилась к тому, кого любила, и сделала последнюю попытку завладеть им.

Это ей не удалось. Судьба была против нее.

Я пошел с обычным ежедневным визитом к Леоноре, и Джесси со всем ее горем совершенно вылетела у меня из головы.

Глава 41

МИССИС НЭГГЕР

Со дня встречи с Леонорой, своей названной сестрой, а теперь невестой, я почти все свое свободное время проводил у Новеллей, в обществе миссис Новелль и Леоноры, или, вернее, одной Леоноры, а когда я не был с нею, то думал о ней.

Вечером, когда я вернулся домой, миссис Нэггер, подавая мне чай, вдруг сказала:

— Позвольте вас спросить, сэр, как поживает та барышня, которая приходила сюда давеча утром? Она такая красавица. Мне бы очень хотелось узнать про нее.

Я отвечал, что ничего больше не слышал про эту барышню.

— А какая славная барышня! И такая грустная! Так мне ее жалко! Так жалко!

Я уже говорил, что, поселившись в Лондоне, брат нял себе двух женских прислуг. Одной из них была почтенная пятидесятилетняя особа, миссис Нэггер. Эта особа, будучи безукоризненной служанкой, обладала одним довольно несносным недостатком: она была до крайности любопытна и болтлива и любила соваться не в свои дела, так что моя невестка и ее мать, теща моего брата, нередко предупреждали ее, чтобы она умерила свое любопытство, если желает служить у них в доме. Но служанка она была прекрасная, так что они находили возможным мириться с этой ее слабостью. Миссис Нэггер, впрочем, считала себя как бы членом семейства и находила, что имеет право интересоваться всем, что касается кого-либо из нас.

Капитан Новелль скоро уходил в плавание и желал

познакомиться перед отъездом с моими родными. Я обещал в этот вечер придти к Новеллям с братом, его женой и тещей.

Я сообщил им об этом, и они сказали, что будут очень рады пойти и познакомиться с семьей моей невесты. Час спустя мы все четверо были у Новеллей.

Войдя в гостиную, мои родные были чрезвычайно удивлены, увидав своего старого знакомого — капитана того самого парохода, на котором они проехали несколько тысяч миль.

Капитан представил их своей жене и падчерице. Когда брат услышал имя и фамилию моей невесты, он сделал большие глаза и сказал:

— Так это и есть «пропавшая сестра», Роланд?

Я ответил утвердительно.

— Вот, правда, роман из действительной жизни! — сказал Вильям, пожимая руку Леоноре и притом так крепко, как только может пожать моряк.

Нужно ли говорить, что вечер был проведен всеми нами очень приятно и радостно?

Глава 42

ЗЛОВЕЩЕЕ ПИСЬМО

На другой день утром, когда я собирался к Леоноре, мне вдруг вспомнилась Джесси. Вспомнил я о ней, услышав церковный звон. Звон был, может быть, и не к ее именно свадьбе, но все-таки это был свадебный звон в какой-то церкви, а я знал, что в это время в одной из церквей должна венчаться и Джесси.

Бедняжка Джесси! Я не в силах был ее жалеть. Я был для этого слишком счастлив сам. Но все-таки знал и понимал, что в эту минуту она должна быть очень, очень несчастлива.

Повторяю, я сам был чересчур счастлив, чтобы думать в эту минуту о чужих несчастьях, и потому скоро забыл о Джесси. В счастье мы все бываем эгоистами.

— Она вскоре все забудет и успокоится, — решил я. — Она еще будет счастлива.

Мне искренне хотелось, чтобы так было.

Я повидался с Леонорой, провел у нее час или два и ушел. В доме у них шли большие хлопоты, делались

приготовления к нашей свадьбе, которая была назначена через несколько дней. Там было теперь не до меня всем, даже Леоноре.

Я вернулся домой.

Войдя в свою комнату, я увидел у себя на столе письмо с адресом, написанным, очевидно, женской рукой. Почерк был мне незнаком.

От кого бы могло быть это письмо? И словно кто-то шепнул мне в ухо: «От Джесси».

Я торопливо распечатал. Так и есть. И вот что я прочитал:

«Роланд! Пришел мой час! Звонят колокола к началу обряда. Я сижу в своей комнате одна — со своей тоской! Я слышу суетливое движение внизу и радостные звуки голосов — это голоса тех, кто пришел поздравить меня с моей свадьбой! А я не двигаюсь с места! Я знаю, что моему горю скоро настанет конец! Прежде чем пройдет этот час, моя душа будет в другом мире! Да, Роланд! Когда те глаза, которые долго преследовали меня в моих снах и грезах, будут смотреть на эти строки, бедная, покинутая девушка, которая любила вас и искала вашей любви, перестанет существовать. Ее душа избавится от страданий этого жестокого света!

Роланд! Что-то говорит внутри меня, что я не должна выходить замуж, не должна входить в то священное здание и вручать себя одному человеку, когда люблю другого! Этого я не сделаю никогда! Я умру!

Вы мне сказали, что нашли ту, которую считали давно потерянной для себя, и она вас любит. Пусть она испытает все то счастье, в котором судьба отказала мне! Да снизойдет на ее голову благословение Неба и да обратит ее жизнь в счастливую мечту, какую, как я надеялась, могла бы быть моя жизнь!

Я знаю, что, когда вы будете читать это, то первым движением вашего благородного сердца станет попытка спасти меня. Только предупреждаю вас заранее: вы опоздаете. Прежде чем вы найдете меня, мои глаза смеются сон смерти. Мои последние мольбы будут о том, чтобы вы получили все счастье, доступное на земле, чтобы жизнь ваша продолжалась долго и счастливо, руки об руку с той, которую вы избрали своей женой!

Может быть, в своих мечтах или когда печаль посетит ваше сердце — да избавит вас Бог от этого! — иногда дадите в своих мыслях место той, сердце кото-

рой вы привлекли в чужой стране, и которая в свой последний, смертный час возносит свои молитвы только о вашем счастье! В то время, когда такие мысли придут вам в голову, я желаю, чтобы вы думали, чтобы вы знали, что во всей моей жизни только и был один грех — это любовь к вам!

Прощайте, Роланд! Прощайте навсегда!

Джессию.

Я моментально выскочил на улицу и крикнул кэб.

— Поезжайте, как можно скорее! — сказал я кэб-мену.

— А куда? — спросил тот.

Я сказал адрес и прыгнул в кэб.

Подъезжая к дому, где жила Джесси, я увидел у подъезда толпу.

Эта толпа волновалась, гудела. Но что-то в этом волнении и гуле было такое, что напоминало вовсе не свадьбу.

Из членов семьи никто не заметил моего приезда, потому что все они были наверху, а я оставался внизу, но от гостей я узнал, что я *опоздал!*

За несколько минут до моего приезда несчастную невесту нашли мертвой в ее уборной, а около нее валялся пузырек из-под синильной кислоты.

Я сейчас же бросился опять в кэб и умчался домой, торопя точно так же своего извозчика. Я не в силах был дольше оставаться в этом доме скорби.

Дома я страдал ужасно. Не спал всю эту ночь. Но разве я виноват? Чем же? Что же я мог тут сделать, раз любил Леонору?

Родные и друзья Джесси так никогда и не узнали настоящей причины ее смерти. Эта тайна осталась известной одному мне, я же ни с кем ею не поделился.

Глава 43

КАТАЮЩИЙСЯ КАМЕНЬ УСЕЛСЯ НА МЕСТЕ

В одно прекрасное майское утро с колоколен двух лондонских церквей несся звон. Но как различны между собой были эти звоны! В одной церкви звонили к похоронам. В другой звонили весело и радостно: две души

готовились соединиться навеки для счастливой совместной земной жизни.

Мне было очень неприятно, что так случилось, то есть, что день моей свадьбы совпал как раз с днем похорон Джесси. Но сделать тут я ничего не мог. Так пожела- лала, значит, сама судьба.

С этого дня прошло десять лет. Десять лет безмятежного счастья для меня. Я уже теперь не «Роллинг-Стоун», не катящийся камень. Я больше сижу на месте. Мы с капитаном Новеллем составили арматорское товарищество и сделались собственниками нескольких ко- раблей, бороздящих море по разным направлениям. Оба мы живем в Лондоне.

С братом Вильямом мы в больших ладах и спорим часто только из-за одного вопроса: кто из нас двоих счастливее.

От сестры Марты и ее мужа — «Слона» — мы часто получаем известия. В последнем своем письме они обе- щались скоро приехать поглядеть на «старую родину».

Родители Джесси после трагической смерти старшей дочери вернулись в Австралию. Они дождались, что их младшая дочь Розочка выросла и счастливо вышла за муж.

Каннон и Вэн были, в сущности, лишь случайными моими знакомыми. Я с ними больше не встречался, но слышал, что они в Париже столкнулись, поссорились и дело кончилось дуэлью, причем Вэн был убит. Каннон и видели потом в должности крупье одного из игорных домов в Баден-Бадене.

Миссис Нэггер недолго прожила у жены моего брата. Теперь она живет у нас в качестве экономки. Она по-прежнему любит соваться не в свои дела, но, ввиду ее других великих достоинств, мы с женой относимся к этому недостатку с большой терпимостью.

Молодые невольники

Роман

Из собрания И. СЫТИНА

Иллюстрации художника Риу

Глава 1

ДВЕ ПУСТЫНИ

Мореплаватели всех наций больше всего боятся опасностей, которые им грозят около западных берегов Африки, между Сузом и Сенегалом. А между тем, несмотря на все предосторожности, здесь-то чаще и случаются кораблекрушения.

Две необъятные пустыни, из которых одна — Сахара, а другая Атлантический океан, идут рядом одна с другой на протяжении целых десяти градусов широты. Пустыни эти разделяет только одна воображаемая линия. Водяная пустыня обнимает песчаную, которая так же опасна, как и первая, для тех, кто потерпел крушение около этого негостеприимного берега, справедливо называемого Варварийским.

Частые кораблекрушения объясняются тем, что здесь проходит одно течение Атлантического океана, настоящий Мальстрем для тех, кому, по несчастью, приходится плавать в этой местности.

Образовалось это течение под влиянием страшной тропической жары Сахары, иссушающей всякую влагу и убивающей растительность, присутствие которой и вверное умеряло бы нестерпимый зной на поверхности земли. Но зелень здесь видна только в оазисах. Расклеванный воздух беспрепятственно поднимается в более холодные слои атмосферы, и в то же время к земле стремятся, влекомые непреодолимой силой, воды океана.

Между Боядором и Бланко, этими двумя хорошо известными каждому моряку мысами, на несколько миль в море выдается узкая песчаная коса земли, высохшая, побелевшая под тропическим солнцем и похожий на

длинный язык змеи, стремящейся утолить свою жажду в море.

В один июньский вечер четверо потерпевших кораблекрушение плыли к этой песчаной полоске земли; они все держались на довольно большом обломке мачты. К счастью, их едва ли можно было бы рассмотреть с берега даже и в очень сильную зрительную трубу: так ничтожна была эта черная точка, подвигавшаяся к берегу, и так мало выделялась она из окружающей ее почти такой же темной массы воды.

Что касается самих потерпевших крушение, то, как ни напрягали они свое зрение, они видели только белый песок и воду.

По всей вероятности, возле берега потонул корабль во время бури, разразившейся два дня тому назад; обломок мачты и четверо людей — вот все, что уцелело после кораблекрушения.

Трое из пловших на обломке мачты были одеты совершенно одинаково: голубого сукна куртки, украшенные медными полированными пуговицами, такого же цвета фуражки, обшитые золотым галуном, и воротники с вышитыми на них короной и якорем. Одного взгляда на эту форму достаточно, чтобы сказать, что они мичманы английского флота. Судя по наружности, они были почти ровесники: самому младшему могло быть приблизительно лет семнадцать.

По-видимому, они все трое были с одного и того же корабля, но, глядя на их лица, видно было, что здесь собрались представители различных национальностей; тут по первому же взгляду можно было узнать англичанина, ирландца и шотландца. Каждый из них был настолько типичен, что во всем Соединенном Королевстве нельзя было бы найти более подходящих представителей для каждого из этих наций.

Звали их Гарри Блаунт, Теренс О'Коннор и Колин Макферсон.

Что касается четвертого из пловцов, то лета всех троих его товарищей все-таки не составили бы еще числа его лет; его язык заставил бы призадуматься самого знаменитого лингвиста. Когда он говорил, — что, впрочем, случалось редко, — это была смесь языков английского, ирландского и шотландского. Ни по манере говорить, ни по акценту положительно нельзя было угадать, какой именно из этих наций принадлежит честь считать его

своим. На нем была надета обыкновенная матросская одежда и звали его «Биллем», но на погибшем фрегате его все называли не иначе, как «старый Билль».

Действительно, здесь потерпел крушение фрегат, крейсеровавший около Гвинейских берегов. Застигнутый опасным течением, о котором мы говорили, он натолкнулся на песчаную отмель и почти моментально погрузился в воду. Тотчас же были спущены все шлюпки, и люди кинулись в них как попало; те, кому не удалось попасть в лодки, искали спасения вплавь, хватаясь за обломки мачт или просто за доски. Многие ли из них достигли берега,— этого не знал никто из четверых моряков, находившихся теперь на берегу.

Все их сведения на этот счет ограничивались тем, что они наверное знали, что фрегат пошел ко дну. Весь остаток этой долгой ночи они носились по волнам. Не раз волины почти вырывали у них из рук ненадежную опору, не раз за эту ночь они с головой погружались в морскую воду, задыхаясь от недостатка воздуха. Когда же, наконец, настало утро, никого не было, кроме них, на всем видимом просторе океана.

Буря стихла, и, судя по этому ясному утру, день предстоял солнечный и спокойный; впрочем, волнение моря все еще продолжалось, и потерпевшие крушение моряки, чтобы добраться до берега, энергично стали работать руками, наудачу подвигаясь вперед.

Они не видели ничего, кроме моря и неба. Они решили плыть все время на восток, потому что только с этой стороны надеялись они найти землю. Солнце начало опускаться за горизонт и указывало им направление, которого следовало держаться.

Когда зашло солнце и наступила ночь, звезды заменили им компас, и во всю вторую ночь после крушения они продолжали плыть к востоку.

Снова настал день, но желанной земли все еще не было видно: все то же безбрежное море. Страдая от голода и жажды, истомленные непрерывными усилиями, они готовы уже были отдаться отчаянию, когда вдруг увидели при блеске солнечных лучей под собою белый песок. Это было морское дно и совсем близко от поверхности океана.

Такое мелководье предвещало близость берега; обильные надеждой скоро ступить на твердую землю, моряки удвоили усилия.

Но еще до наступления полудня им пришлось на время прекратить работу. Они находились почти под самой линией тропика Рака. Стояла как раз середина лета, и в полдень тропическое солнце с зенита невыносимо палило им головы.

Несколько часов провели они в безмолвии и бездействии, отдаваясь на волю течения, гнавшего их потихоньку к берегу. Они не могли сделать ничего для улучшения своего положения. Следовало ждать.

Если бы они могли приподняться на три фута над морем, они увидели бы землю, но плечи их были наравне с водой, и им не были видны даже самые возвышенные точки дюн.

Когда солнце снова начало склоняться к горизонту, моряки опять принялись грести руками, направляя обломок мачты к востоку. Вдруг при последних лучах светила они увидели несколько белых вершин, которые точно выходили из океана.

Может быть, это облака? Нет, эти линии слишком ясно обрисованы на тускнеющем фоне неба. По всей вероятности, это, или вершины отдаленных снежных гор, или же скорее песчаные холмы, потому что в этой стороне нет гор со снежными вершинами.

Крик: «земля!» одновременно сорвался со всех уст. Руки стали работать энергичнее, обломок мачты быстрее заскользил по воде; голод, жажда, утомление,— все было забыто!

Моряки думали, что им остается сделать еще несколько миль, прежде чем они достигнут берега, но старый Билль, подняв глаза, издал веселый крик, который тотчас же повторили его спутники: они увидели длинную песчаную косу, точно дружественную руку, протянутую им в виде радушного приветствия.

Почти тотчас же они сделали другое открытие: сидя верхом на обломке мачты, они вдруг почувствовали к великой своей радости, что ноги их скользят по песку.

В ту же минуту все четверо решили воспользоваться счастливым открытием, оттолкнули мачту, погрузились в воду и остановились только тогда, когда достигли крайней точки полуострова.

Выбросившись на берег, они, казалось, забыли, что больше двух суток во рту у них не было ни крошки и их мучила жажда. Да это и понятно: страшное напряжение физических сил и долгая бессонница,— бодрствовать

они должны были поневоле, чтобы не сорваться с мачты,— требовали прежде всего отдыха. И все четверо, шатаясь, едва-едва могли пройти несколько шагов по песку, а затем, выбрав местечко поудобнее, улеглись и заснули как убитые.

Оконечность косы всего на несколько футов поднималась над уровнем моря, а середина ее, несмотря на то, что находилась ближе к земле, едва возвышалась над поверхностью воды.

Моряки спали уже около двух часов, когда их разбудило ощущение холода: вода заливала их песчаное ложе, кипела и пенилась вокруг них.

Умирая от усталости и больше всего на свете желая уснуть, они совсем забыли про прилив, который теперь так неприятно вывел их из оцепенения.

Оставаться там, где они находились, было верной гибелью; поэтому следовало как можно скорей искать другого убежища. А потому нужно только идти за волнами спиной к ветру. Они так и сделали, но скоро увидели, что вода быстро поднимается и доходит им почти до плеч.

Несчастные повернули в другую сторону и, после нескольких усилий, нашли более мелкое место, но как только они начинали идти перед волнами, то снова погружались до плеч.

Скоро валы стали разбиваться уже над их головами. Колебаться больше было уже нечего. Надо было вооружиться храбростью и плыть до берега.

Глава 2

РАЗЛУКА ПОНЕВОЛЕ

Из четверых моряков только трое умели плавать. Для того, чтобы спастись этим трем, надо было покинуть четвертого...

Из четверых потерпевших крушение не умел плавать только один. Старый морской волк не обладал искусством, которое, казалось бы, должно быть чуть ли не врожденным у каждого моряка.

Только одно великодушие так долго удерживало при нем трех его молодых спутников. Будучи отличными пловцами, они еще в самом начале прилива, если бы

смело бросились в воду, могли бы без труда достигнуть берега.

Вдруг громадная волна, каких еще не налетало до сих пор, прокатилась над их головами и отнесла трех мичманов больше чем на полкабельтова от того места, где они находились.

Все их попытки стать на ноги не увенчались успехом: вода поднялась слишком высоко. Несколько секунд побарахтались они так, не спуская глаз с того места, откуда их снесло, и где черная точка, немного поднимавшаяся над водой, означала собой голову Билля.

— Эй! молодцы! — крикнул им старый моряк. — И не думайте возвращаться сюда... это все равно ни к чему не приведет... меня вам все равно не спасти!.. подумайте лучше сами о себе!.. Держитесь крепче, и прилив отнесет вас к берегу. Прощайте, друзья!

Еще минута борьбы и колебаний, затем последний прощальный взгляд старому Биллю, — и мичманы с грустью поплыли к берегу.

Не успели они проплыть по бухте полмили, как Теренс, плававший хуже остальных своих товарищей, почувствовал, что ноги его задевают за что-то твердое.

— Мне кажется, — сказал он прерывающимся голосом, — что я достал до дна. Слава Тебе, Пресвятая Дева, я не ошибся! — крикнул он становясь на ноги, при чем голова и плечи его выдавались над поверхностью воды.

— Верно, — подтвердил Гарри, становясь рядом с ним. — Слава Богу! Это — берег.

— Слава Богу! — повторил Колин, подплывая в это время к ним.

Потом все трое инстинктивно повернулись к морю, и одно и то же восклицание сорвалось с их уст:

— Бедняга старый Билль!

— Право, нам бы следовало захватить его с собою, — проговорил Теренс, с трудом переводя дыхание. — Неужели мы не могли бы спасти и его?

— Конечно, могли бы, — отвечал Гарри, — если бы только знали, что нам придется так мало плыть.

— Ну, а что если бы нам попробовать вернуться... может-быть нам и удалось бы еще...

— Нечего и думать! — перебил Колин.

— И это говоришь ты, Колин?! А еще считаешь себя самым лучшим пловцом из всех нас... Не стыдно тебе... — слышалась восклицания двух остальных мичманов,

желавших во что бы то ни стало спасти старого матроса.

— Если бы я надеялся спасти его, я сам первый бросился бы сейчас к нему,— отвечал Колин,— но только это ни к чему не поведет! Идемте!..

Печально опустив головы, побрели они к берегу, не переставая оплакивать своего товарища, покинутого ими только потому, что они не знали, что берег так близко. Теперь он уже наверное потонул и погребен под волнами прилива.

Наконец они остановились. Море все еще кипело вокруг них, хотя воды было не больше чем по колено. Так простояли они больше двадцати минут, смотря на кипевшее вокруг них море и с грустью замечая, что прилив продолжает расти. Вода должна была подняться, по крайней мере, на один метр со времени отплытия их с отмели. На этом основании они вывели печальное заключение, что старый моряк, должно быть, уже утонул.

Затем они потихоньку направились к берегу, все еще озабоченные участью своего спутника, о котором думали больше, чем о своем собственном положении.

Не успели они сделать и десятка шагов, как вдруг крик позади них заставил их поспешно обернуться.

— Эй! подождите! — кричал голос, раздавшийся, по видимому, из глубины океана.

— Это Билль! — воскликнули одновременно все три мичмана.

— Это я, детки, я! Я страшно устал и теперь немножко передохну. Потерпите немножко, и я через пять минут подойду к вам!.. Дайте мне только взять рифы моего марселя.

Мичманы были очень обрадованы и удивлены внезапным появлением того, кого они считали уже мертвым. Они просто не верили своим ушам. Между тем, все сомнения должны были рассеяться при виде Билля, который вдруг вышел из воды.

— Это и в самом деле он! — вскричали мичманы.

— Ну, конечно! А то кого же еще думали вы увидеть? Быть может, старого Нептуна или морскую сирену?.. Ну, давайте руку, товарищи! Биллю, видно, ни роду написано не утонуть.

— Но как это тебе удалось, Билль? Прилив все еще преобладает...

— Я приплыл к вам на настоящем маленьком илю

ту, который и вы все отлично знаете. Это тот самый обломок мачты, который донес нас до песчаной косы.

— Наша мачта?

— Она самая. Как раз в ту самую минуту, когда я готовился испустить последний вздох, что-то ударило меня по голове, да так сильно, что я сразу пошел ко дну; но это «что-то» оказалось нашей брамреей. Я, само собою разумеется, недолго думая, взобрался на нее и просидел на ней до тех пор, пока не почувствовал, что ноги мои достают до дна.

Мичманы крепко пожимали руку старому моряку, поздравляя его с чудесным спасением, а затем все четверо направились к берегу.

Не больше как минут через двадцать выбрались они, наконец, на песчаное побережье, но продолжали идти все вперед для того, чтобы быть совершенно вне опасности на случай, если бы прилив поднялся еще выше.

Но прежде чем им удалось найти такое место, они должны были перейти огромное пространство мокрого песка. Зато выбравшись на холм, они могли уже не бояться прилива и решили остановиться тут, чтобы посоветоваться, что делать дальше.

Ночь становилась все холоднее, и теперь было бы очень и очень кстати развести огонь, чтобы обогреться около него и просушить мокрое платье. У Билля, правда, отлично сохранились трут и огниво, которые он держал в герметически закрытом оловянном ящичке, но недоставало самого главного — дров. Обломок брамреи, который отлично им пригодился бы теперь, плавал от них за целую милю в глубокой воде.

Видя, что приходится отказаться от надежды развести огонь они сняли с себя одежду и изо всех сил стали выжимать из нее воду, а затем снова надели все на себя. Что делать, — оставаться раздетым еще хуже, а так платье все-таки скорее просохнет.

Луна вдруг выплыла из-за туч, и при ее бледном свете они ясно могли разглядеть берег, к которому пристали.

Кругом, насколько глаз мог обнять, виднелся один только белый песчаный берег. Это была не гладкая поверхность, но целый ряд холмов, образующих лабиринт, который, казалось, тянулся до бесконечности. Они решили войти на самый высокий холм и оттуда осмотреть все побережье, и, кстати, выбрать местечко, где они мог-

ли бы надежно приютиться хотя бы на первое время. Место казалось недурным, и они собирались было тут лечь, но одно обстоятельство внушило им мысль идти дальше.

Ветер дул с океана, и, по мнению Билля, опытного метеоролога, предвещал близкий ураган. Он был и так уже силен и настолько холоден, что приходилось искать другого более удобного помещения: как раз у подножия холма, в стороне берега виднелось укрытое местечко.

Скоро они увидели, пытаясь взобраться на вершину дюны, что они еще не достигли конца своих мучений; с каждым шагом они чуть не по пояс погружались в сыпучий песок.

Поэтому восхождение казалось им чрезвычайно тяжелым, хотя холм поднимался не больше как на сотню футов. Наконец они достигли вершины холма, но куда они ни смотрели, везде видели только одни дюны. Песок блестел как серебро под бледными лучами луны; вся страна казалась покрытой снегом; можно было подумать, что находишься в Швеции или в Лапландии.

Слушившись вниз, они очутились в узком овраге. Вершина, которую они только что покинули, была самой высокой точкой в этой длинной цепи дюн, примыкавших к берегу. Другая цепь холмов пролегла параллельно первой дальше по берегу.

Подшвы двух холмов сходились так близко, что образовали острый угол.

При виде этого узкого прохода моряки были неприятно удивлены; но усталость брала свое, и они решились провести здесь остаток ночи.

Они приняли полувертикальное положение, опершись спиной и ногами о дюну; это было ничего, пока они не спали, но когда они закрыли глаза, то мышцы их, ослабленные сном, каждую минуту заставляли их скользить в глубь ямы; благодаря этому то тот, то другой просыпался и снова старался принять ту же позу.

Но скоро пришлось убедиться, что при этих условиях им не удастся уснуть. Теренс, более других нетерпеливый, объявил, что немедленно станет искать себе другое ложе.

С этими словами он встал и уже готов был отпривиться искать другое убежище.

— Мы поступим очень благоразумно, если не будем расходиться в разные стороны, — внушительно проговорил

рил Гарри Блаунт,— иначе мы легко можем потерять друг друга.

— В этих словах есть доля истины,— сказал молодой шотландец.— Мне тоже кажется очень неосторожным удаляться одному от другого, но какого мнения об этом наш мудрый Билль?

— Я думаю, что нам следует оставаться там, где мы принайтовились,— не колеблясь отвечал старый моряк.

— Но какой черт сможет здесь заснуть! — отвечал сын Эрина*.— Разве лошадь или слон; а что касается меня, то я предпочитаю шесть футов в длину даже на голом камне этой проклятой яме из мягкого песка.

— Пойдите, Терри,— крикнул Колин,— у меня явилась мысль!

— Послушаем, что придумал твой шотландский мозг. Ну говори скорее, в чем дело...

— Да, да, Колин, говори,— вмешался и Гарри Блаунт.

— Объявляю вам, что вы можете совершенно спокойно провести ночь до утра; смотрите и учитесь,— покойной ночи!

И Колин соскользнул на дно овражка, где и растянулся во всю длину.

Товарищи последовали его примеру, и скоро все спали так крепко, что их не могли бы разбудить даже пушечные выстрелы.

Глава 3

САМУМ

Так как ущелье было слишком узко, чтобы позволить им улечься рядком, то они вытянулись один за другим, начиная с Колина и кончая старым моряком. Билль заснул последним; товарищи его уже некоторое время утратили сознание, а он все еще прислушивался к реву моря и жалобному вою ветра, дувшего между склонами дюн.

«Это начинается буря, и она разыграется в самом скором времени,— сказал он сам себе,— но здесь слава Богу, нам нечего бояться».

* Так называют ирландцев, а их родину — островом зеленого Эрина.

Едва старый морской волк закрыл свои глаза, как предсказание его сбылось. Остальные его спутники спали уже приблизительно около часа. Это был ветер африканских пустынь,— ужасный самум.

Туманный пар, некоторое время висевший в атмосфере, унесло первым порывом ветра, но туман заменило собою облако белого песку, которое, крутясь, поднималось к небу и даже несло над океаном.

Если бы это была не ночь, а день, было бы видно, как огромные песчаные облака завиваются над дюнами, то превращаясь в столбы, неподвижные как крепкие колонны, то гордо шествуя по вершинам холмов для того, чтобы вдруг разбиться и распасться белой массой песку. Наиболее тяжелые частицы, не будучи более поддержки ваемы силою вихря, разлетались по земле подобно песчаному дождю. Потерпевшие крушение все продолжали спать, несмотря на вой бури и осыпавший их песок.

Но они были уже наполовину засыпаны, и если один из них не проснется, то еще немного — и они будут совершенно засыпаны песком. а раз уже человек засыпан песком, он теряет всякую энергию, чувства притупляются, онемение становится непреодолимым,— это нечто вроде расслабления, подобного тому, какое одолевает несчастного, увлеченного лавиной. За оцепенением наступает смерть.

Над моряками, продолжавшими все еще спать, уже носилось дуновение смерти; они лежали неподвижно, как люди разбитые параличом; несмотря на шум волн, яростно разбивавшихся о берег, несмотря на завывание ветра и пыль, набивавшуюся им в рот, в ноздри и в уши и грозившую задушить их, они продолжали лежать, не подавая ни малейших признаков жизни.

Если они не слышали урагана, завывавшего над их головами, если они не чувствовали тяжести песка, сыпанного на них, что же еще нужно, чтобы вывести их из этого непонятного мертвенного оцепенения. Кто мог бы пробудить их от этой странной дремоты?

Не прошло еще часа с начала бури, а уже над телами спавших было несколько футов песку.

Они начинали чувствовать удушье, над ними тяготело громадное бремя и делало невозможным малейшее движение. Это было ощущение, сходное с тем, которое испытывают во время кошмара, которое, впрочем, могло

происходить также от их крайнего утомления, как и от массы лежавшего на них песку.

Головы их, лежавшие выше тела, были впрочем не совсем еще засыпаны — песочная пыль слегка только прикрывала их и давала еще доступ воздуху.

Вдруг все четверо одновременно были пробуждены от этого ужасного сна и притом далеко не обыкновенным образом: им показалось, что по их телам ступали ногами, что их давила какая-то огромная масса.

Так как это давление повторилось два раза с промежутками не больше как в одну секунду, то этого было достаточно, чтобы привести их в чувство. Они скорей инстинктивно, чем сознательно поняли, что наверное будут раздавлены, если не сделают отчаянных усилий, чтобы выйти из этого положения.

Прошло, однако, еще несколько времени, прежде чем кто-нибудь из них мог сказать хоть слово, и тогда оказалось, что каждый рассказывал одну и ту же историю. Каждый чувствовал, что его чем-то давило сверху, и видел, хотя и неясно, как над ним прошла какая-то огромная масса, без сомнения, какое-нибудь четвероногое животное... Весь вопрос заключался только в том, какое это животное. Ответить на это никто не мог. Они знали только одно, что это было гигантское животное, странное, с тонкой шеей и таким же туловищем, длинными ногами и огромными ступнями, которыми оно, тяжело ступая, причиняло им даже болезненное ощущение.

Едва оправившись от кошмара и все еще смутно соображая, что такое с ними случилось, вместо того, чтобы стараться угадать, какое это было животное, они стали делать самые странные предположения, не догадываясь, от какой опасности их избавило появление зверя, если это даже и дикий зверь, и как они должны быть ему благодарны за это. Когда прошли первые минуты удивления и разговоры смолкли, все стали с дрожью прислушиваться. Рокот моря, стоны ветра, шелест падающего песка — был единственный шум, который они сначала услышали.

Но вскоре, однако, они расслышали продолжительный топот; через известные промежутки к нему примешивалось всхрапывание и крики, совершенно незнакомые их ушам. Старый Билль, уверявший, что знает крики животных всего мира, и тот не мог объяснить их; он

никогда не слышал ничего подобного ни на море ни на суше.

— Пусть меня повесят,— прошептал он своим спутникам,— если я что-нибудь тут понимаю.

— Тс! — проговорил Гарри Блаунт.

— Ай! — крикнул Теренс.

— Тс! — прошептал Колин.— Что бы это ни было, оно приближается, будьте внимательны!

Молодой шотландец говорил правду; шум шагов, храп и крики приближались, хотя производившее их животное все еще оставалось невидимым в песочном тумане, который их окутывал. Однако слышно все-таки было достаточно для того, чтобы догадываться, что чье-то огромное тело быстро спускается по склону ущелья и притом несется с такой необузданной быстротой, что следовало как можно скорее убираться с дороги, по которой бежит зверь.

Потерпевшие крушение инстинктивно стали, как могли, искать защиты на противоположном склоне дюны.

Едва успели они переменить позицию, как совсем близко от них пронеслась огромная масса, почти задев их ноги.

Если бы моряки не знали, что находятся на берегах Африки, изобилующей странными животными, они подумали бы, что это что-нибудь сверхъестественное, но по мере того, как к ним возвращались способность мыслить и хладнокровие, они решили, что перед ними не дикий зверь, а самое обыкновенное, хотя и очень большое четвероногое животное.

Прежде всего обращало на себя внимание наблюдателя ничем необъяснимое странное поведение животного. Зачем уходило оно сначала к самому верху прохода, а потом спустилось вниз и понеслось по ущелью точно спасаясь от преследования?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно было ждать, пока хоть немного станет светлее.

Самум прекратился, и наконец с рассветом потерпевшие крушение узнали, с кем они имели дело.

Это действительно было четвероногое животное, и если оно показалось им странным в темноте, то не менее странным оно казалось и теперь.

У него была длинная шея, голова почти совсем без ушей, мозоли на коленях; оканчивавшийся широкими раздвоенными ступнями, худой и тонкий хвост, большой

горб, возвышавшийся на спине,— все это служило несомненными признаками одногорбого верблюда.

— Ба! да это всего лишь верблюд! — сказал Билль, как только свет дал ему возможность хорошо рассмотреть животное.— За каким чертом он сюда забрался?

— Наверное,— возразил Теренс,— он-то и ходил по нашим телам, пока мы спали. Я чуть не задохнулся, когда он наступил мне на живот.

— И я также,— сказал Колинг,— он на целый фут втоптал меня в песок. Ах! хорошо еще, что на нас лежал толстый слой песку; мы ему обязаны спасеньем жизни: не будь песка эта крупная скотина растоптала бы нас в лепешку.

Моряки подошли к животному. Оно лежало вовсе не так, как ложатся животные, собираясь отдохнуть; видно было, что эту позу верблюд выбрал не по доброй воле. Длинная его шея запуталась в передних ногах, а голова лежала ниже, уже на половину засыпанная песком. Так как верблюд лежал неподвижно, то моряки сочли его сначала за мертвого и предположили, что он убится насмерть во время падения. Это могло объяснить его скачки, происходившие, без сомнения, от предсмертных конвульсий.

Однако, осмотрев верблюда хорошенько, они увидели, что он не только жив, но даже находится в вожделенном здравии, и поняли причину его странных движений: крепкий недоуздок, привязанный вокруг его головы, запутался в передних ногах, и, благодаря этому, верблюд упал. Длинный конец веревки крепко был замотан вокруг его ног.

Меланхолическая поза верблюда развеселила смотревших на него моряков. Они были очень голодны, и мясо верблюда, не особенно лакомое кушанье в обыкновенное время, теперь казалось роскошью. Кроме того, они знали, что внутри верблюжьего желудка они найдут запасы воды, который даст им возможность утолить снедавшую их жажду.

Но, осматривая верблюда, они сделали открытие, что вовсе нет надобности убивать животное для того, чтобы утолить мучительную жажду: на верхушке его горба находилась небольшая плоская подушка, крепко державшаяся на своем месте толстым кожаным ремнем, проходившим под животом. Это был мехари, или верховой верблюд, одно из тех быстроходных животных, которых

употребляют арабы при своих продолжительных поездках по пустыне Сахаре.

Но не седло привлекло внимание моряков, а нечто вроде мешка, висевшего за горбом мехари. Мешок был из козьей кожи, и после осмотра оказалось, что он наполовину полон воды. Это действительно была «le gerba», принадлежавшая хозяину животного, составлявшая часть вьюка и более необходимая, чем самое седло.

Четверо потерпевших крушение, страдая от жажды, не задумываясь присвоили себе содержимое мешка. Они отстегнули его, вырвали пробку и, по очереди передавая друг другу драгоценную влагу, жадно выпили все до последней капли.

Утолив жажду, они стали советоваться, каким бы образом утолить им также и мучивший их голод, который сильно начинал давать себя знать. Убить им верблюда или нет?

Это средство, по-видимому, было единственным, и горячий Теренс уже вытащил из ножен свой кортик, чтобы вонзить в шею верблюда.

Колин, более спокойный, посоветовал ему подождать по крайней мере, до тех пор, пока они решат окончательно этот вопрос.

Вопрос принялись обсуждать. Мнения разделились. Теренс и Гарри Блаунт советовали, не раздумывая долго, немедленно убить верблюда и позавтракать. Старый Билль присоединился к мнению Колина и положительно был против этого предложения.

— Сначала употребим его на то, чтобы он нас кудинибудь перенес,— говорил молодой шотландец.— Мы можем еще один день пробыть без пищи, и тогда уже, если ничего не найдем, мы изрежем животное на куски.

— Ну, на что можно надеяться в подобной стране? спросил Гарри Блаунт.— Посмотрите кругом себя: ни малейшего клочка зелени, кроме моря, в какую бы сторону ни повернуться... не видно ничего, из чего можно было бы приготовить обед хотя бы только для сурка!

— Быть может,— возразил Колин,— пройдя несколько миль, мы встретим, другую природу. Мы можем идти вдоль берега. Может быть, нам удастся найти какихнибудь раковин, которыми мы еще лучше, чем верблюжьим мясом, подкрепим наши силы? Посмотрите туда, и вы увидите темное место на побережье. Я положительно уверен, что мы там непременно найдем раковины.

В ту же минуту все глаза направились в ту сторону, за исключением Билля. Старого моряка в эту минуту интересовало совсем другое. Вдруг послышалось его радостное восклицание, привлекшее внимание его товарища.

— Это самка,— объявил Билль.— У нее был детеныш недавно. Смотрите — у нее есть молоко; его хватит на всех нас, за это я ручаюсь.

И точно желая доказать, что он говорит правду, старый моряк стал на колени около все еще лежавшего животного и, приблизив свою голову к его вымени, начал сосать.

Верблюдица не оказывала ни малейшего сопротивления; если она и удивлялась странному виду детеныша, то только благодаря цвету его кожи и странному костюму, потому что без всякого сомнения верблюдица была приучена оказывать такую же услугу своему африканскому владельцу.

— Превосходно! первый сорт! — крикнул Билль, отодвигаясь, чтобы передохнуть.— Подходите!.. каждому свой черед! хватит на всех!

Молодые люди стали на колени, как это уже делал моряк, один за другим и всласть напились из «фонтана пустыни».

Когда каждый выпил приблизительно около пинты этой питательной жидкости, опавшее вымя верблюда дало им знать, что запас молока истощился.

Глава 4

КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ

Больше никто уже и не заговаривал о том, чтобы убить верблюда: это значило бы убить курицу, которая несла золотые яйца.

Весь вопрос теперь заключался в том, в какую сторону следует направиться.

На первый взгляд покажется странным, что главное затруднение заключалось в выборе пути.

Верблюд был оседлан и взнуздан,— значит животное убежало от своего хозяина очень недавно, наверное во время бури, и просто-напросто заблудилось. Так имен-

но думали и потерпевшие крушение, и это-то всего больше и беспокоило их.

Частью по-наслышке, они тем не менее настолько хорошо знали побережье, на которое теперь попали, что безошибочно могли сказать, что хозяин заблудившегося верблюда должен быть какой-нибудь араб, которого, если станут искать, они найдут не в доме, не в городе, а в палатке и, по всей вероятности, в обществе других таких же арабов.

Теренс предложил было поискать хозяина верблюда. Молодой ирландец не знал ничего о страшной репутации жителей Варварийского берега. Билль, хорошо знавший, с кем бы пришлось иметь дело, больше всего, наоборот, боялся встречи с хозяином верблюда.

— Увы, мистер Терри! — вздохнул, проговорил старый моряк, становясь таким серьезным, каким молодые товарищи его еще никогда не видали. — Нас ждет печальная участь, если, не дай Бог, мы попадем в руки этих разбойников.

— Что же ты нам посоветуешь, Билль?

— И сам не знаю, — отвечал старый моряк, — но думаю, что всего лучше будет держаться поближе к берегу и не терять из виду воды. Если мы повернем внутрь страны, мы можем быть уверены, что так или иначе, и пропадем; а если будем идти все к югу, то можем дойти до какого-нибудь торгового порта, находящегося в сношениях с Португалией.

С того места, где все еще продолжала лежать верблюда, не было видно моря тому, кто лежал бы на земле: надо было выпрямиться во весь рост и, кроме того, подняться еще на холм, чтобы увидеть берег, а за ним и самый океан.

Внутри страна казалась лабиринтом дюн без всякого выхода. По этому лабиринту не было дороги ни людям, ни животным.

По совету старого моряка, который, по-видимому, знал пустыню так же хорошо, как и море, потерпевшие крушение улеглись таким образом, чтобы их не было видно с побережья.

Едва успели они принять эту позу, как старый Билль, все время бывший настороже, объявил, что он видит какие-то предметы.

Две темные тени подвигались вдоль берега, иди юга, но они были еще на таком далеком расстоянии, что

нельзя было даже сказать, что это: животные или люди.

— Дайте мне посмотреть,— предложил Колин,— к счастью, со мной моя зрительная трубка. Она была у меня в кармане когда нам пришлось покинуть корабль.

Говоря таким образом, молодой шотландец вытащил из кармана куртки маленькую зрительную трубку. Он навел ее на указанную точку, тщательно стараясь при этом держать голову как можно ниже.

— Это прежде всего люди,— объявил, наконец, Колин.— Они одеты во все цвета радуги. Я вижу ярких цветов шали, красные головные уборы и полосатые плащи. Один сидит на лошади, другой — на верблюде, на таком же точно, как и наш. Они едут тихо и точно осматриваются кругом.

— Ах, этого-то я и боялся! — сказал Билль.— Это хозяева нашего верблюда, они его ищут. Хорошо еще, что песком занесло его следы, иначе они приблизились бы прямо к нам. Нагнитесь, нагнитесь, мистер Колин! Не надо показывать им наших голов над дюной: у этих разбойников глаза острые,— они за целую милю увидят даже шестипенсовую монету.

Колин понял правдивость замечания моряка и тотчас же еще больше нагнул голову. Случай этот ставил потерпевших крушение в положение и утомительное и тревожное в одно и то же время. Любопытство вызвало в них желание наблюдать за движениями приближающихся лиц. Это в то же время было и необходимо, чтобы знать, когда, наконец, можно будет поднять головы над дюной, но при этом они рисковали поднять их именно в ту минуту, когда всадники будут иметь возможность их видеть.

Положение было крайне опасное; но, к счастью, они избавились от грозившей им беды гораздо раньше, чем могли на это надеяться. Колин нашел средство выйти из затруднения.

— Ах! — объявил он.— Мне пришла в голову хорошая мысль. Я буду наблюдать за этими разбойниками и в то же время лишу их возможности видеть нас, ручаюсь вам в том.

— Каким образом? — спросили остальные.

Колин ничего не ответил им на это; он просунул свою трубку сквозь верхний гребень песка таким образом, что конец трубки выходил по ту сторону. Как только все приготовления были окончены, шотландец приложил

глаз к стеклу и затем сообщил своим товарищам шепотом, что видит еще каких-то всадников.

— Я могу вам даже сказать, какие у них лица, — прошептал Колин. — Сказать правду — физиономии не из особенно красивых. У одного лицо желтого цвета, а другой — весь черный. Последний, должно быть, негр, потому что у него курчавые волосы; он сидит на верблюде, на таком же, как этот. Желтолицый человек сидит на лошади... у него довольно большая борода клином. Я думаю, что это араб. Это, должно быть, хозяин негра. Вот он делает такие жесты, точно отдает ему приказание. Ага! они остановились и смотрят в нашу сторону.

— Спаси, Господи! — прошептал Билль, — они увидели трубку.

— В этом нет ничего невозможного, — подтвердил и Теренс, — стекло должно блестеть на солнце, и глаза араба наверняка заметили его.

— Не лучше ли будет убрать сейчас же трубку? — спросил Билль.

— Совершенно верно, — отвечал Колин, — но я думаю, что теперь уже слишком поздно: если они остановились потому, что внимание их привлекла трубка, — нам пришел конец.

— Все-таки отодвиньте ее потихоньку; если они не будут ее видеть, то могут и не дойти до нас.

Колин хотел последовать этому совету, когда, бросив последний взгляд, заметил, что путешественники направились вдоль берега, как будто не видели ничего, что могло бы их заставить свернуть с дороги.

К счастью для потерпевших кораблекрушение, но блеск стекла заставил остановиться араба и негра. Другой овражек, пролежавший через всю цепь дюн, гораздо более широкий, чем тот, в котором скрывались наши моряки, выходил на побережье в некотором расстоянии пониже. Это-то именно и привлекло внимание обоих всадников, и, судя по их жестам, Колин мог сказать, что именно об этом они и совещались, так как по всей вероятности, находились в нерешимости — идти ли им в эту сторону или продолжать свой путь к берегу. Разговор их кончился. Желтый человек пустил лошадь в галоп, а черный последовал за ним.

Было очевидно по взглядам, которые они бросали во все стороны, что они что-то искали, по всей вероятности, верблюда.

— Ну, этак они долго будут ездить,— сказал Колин, как только увидел, что всадники скрылись за дюной,— иначе плохо бы нам было.

Оба всадника удалились и берег опять сделался пустынным на вид.

Хотя моряки не видели уже более ни малейших следов живых существ, они считали необходимым подождать выходить из своего убежища и даже не поднимали голов, иначе, как через промежутки, для того, чтобы увериться, что берег все еще продолжал оставаться свободным, и, только уже окончательно успокоившись на этот счет, они спрятались, и до того часа, когда закат стал обгарять море, никто не сделал шагу из тайника.

Верблюды не шелохнулись, впрочем, они приняли меры, чтобы он не мог удалиться от них в случае, если бы ему пришла на то фантазия, крепко связав ему ноги. Под вечер животное подоили так же как и утром, и, освежившись питательным молоком, моряки приготовились покинуть убежище, ужасно им наскучившее.

Приготовления их быстро были окончены. Им оставалось только развязать верблюда и вывести его на дорогу, или, как говорил Гарри смеясь, снять с якоря корабль пустыни и начать путешествие.

Последние лучи дня скрывались за белыми гребнями дюн, когда они вышли из своего убежища и начали путешествие, продолжительность и исход которого были им неизвестны.

Посоветовавшись, они решили ехать на верблюде поочередно, но скоро должны были отказаться от этого удовольствия: качка слишком сильно давала себя знать, и очень скоро пришлось отказаться от этого способа передвижения. Мехари опять был свободен и предоставлен в распоряжение старого Билля, все время не выпускавшего из рук повода.

Глава 5

ПРЕРВАНЫЙ ТАНЕЦ

Бесплодные попытки молодых мичманов должны были заставить и старого моряка отказаться от попытки проехаться на верблюде тем более, что он сам признавался, что никогда в своей жизни не садился в седло.

Но он вот уже целые пять дней бродил по зыбучему песку и, как моряк, не любивший ходить много, думал, что всякий другой способ передвижения будет лучше этого.

Ему не пришлось делать много усилий, чтобы взобраться на седло, так как хорошо дрессированный мехари становился на колени, когда желали на него сесть. Моряк только что укрепился на седле, как взошла луна и засияла с таким блеском, который почти соперничал с дневным светом. Посреди этого пейзажа, на белом песке, тени верблюда и седока как-то странно удлинялись; и хотя один был в переносном смысле корабль,— а другой старый морской волк, вид их представлял самый комичный из контрастов.

Верблюд быстро побежал вперед. Некоторое время товарищи Билля могли следовать за ним, делая усилия, но скоро расстояние между ними заметно увеличилось, и моряку стало очевидно, что или он должен укрощать пыл животного, или он будет скоро разлучен с следовавшими за ним пешком мичманами.

Но уменьшить ход животного было делом трудным, и Билль чувствовал себя положительно неспособным на это. Правда, он держал повод, но это давало ему мало власти над верблюдом.

— Остановите его,— крикнул он, как только мехари стал прибавлять шаг.— Пусть меня повесят! Я принужден свистать всех наверх и убирать паруса. Вы можете смеяться сколько хотите, молодые люди, но это совсем не обыкновенный корабль! Ах, черт возьми, мне с ним не справиться.

Пока моряк говорил таким образом, животное удвоило быстроту бега.

В то же время оно издало странный крик, нечто вроде храпа, причиной которого, впрочем, был не всадник.

Верблюд был уже на целую сотню шагов впереди пешеходов, но после крика он так усилил свой бег, что далеко позади себя оставил мичманов, которые через несколько минут видели только тень человека и животного, да и эта тень вскоре совершенно исчезла за динами.

Отдав себе полный отчет в своем положении, Билль стал думать только о том, как бы изо всей силы уц

питься за седло. Он продолжал еще некоторое время звать и кричать; потом, видя, что это ни к чему не ведет, решил молчать во все продолжение этой странной поездки.

«Чем она кончится? куда привезет его верблюд?» — таковы были вопросы, которые он сам себе задавал.

Ему не долго пришлось раздумывать над решением этих вопросов, потому что мехари достиг вершины холма, и тогда глазам Билля представилось зрелище, оправдавшее все опасения моряка.

Через несколько секунд он подъехал уже настолько близко, что хорошо мог видеть открывшуюся перед ним картину. В долине, куда нес его мехари, виднелся освещенный круг метров двадцати в диаметре, посреди которого взволнованно двигались мужчины, женщины и дети. Вокруг них он заметил различных животных: лошадей, верблюдов, овец, коз и собак. Слышались голоса, крики, песни и странная музыка, — играли на каком-то грубом инструменте. Мехари во весь дух нес его к этому кружку. Лагерь был расположен у подошвы горы. Билль только что собирался соскочить во что бы то ни стало на землю, но на это у него не хватило времени: прежде чем он мог сделать движение, он понял, что его увидели. Крики, поднявшиеся из палаток, не оставили ему никакого сомнения в этом отношении. Было уже слишком поздно, чтобы пытаться бежать, и он остался точно приклеенный к седлу и пораженный столбняком. Верблюд отвечал диким криком на призыв своих товарищей и ринулся прямо в круг танцующих. Там, посреди восклицаний мужчин, визготни женщин, криков детей, ржаний лошадей, блеяния овец и коз и лая штук двадцати собак, верблюд остановился так круто, что его седок сделал головоломный скачок и упал наземь, подняв кверху все четыре конечности. Вот каким образом Билль вступил в арабский лагерь.

Билль, по воле Провидения, поднялся без серьезных ушибов, несколько ошеломленный падением, но, сделав всего несколько шагов, совершенно пришел в себя и ясно понял свое положение; о побеге нечего было и думать: он был пленником шайки бедуинов. Моряк был очень удивлен, увидя несколько вещей, хорошо ему знакомых. У входа в одну из палаток, самую большую из всех, он заметил целый ворох вещей, подобранных с потерпевшего крушение корабля.

Билль не мог иметь ни малейшего сомнения относительно корабля, которому все это принадлежало. Он узнал многие вещи, бывшие его собственными. С другой стороны лагеря, около другой большой палатки, лежала другая куча морской экипировки, охраняемая, как и первая, стражей. Билль осмотрелся кругом, в надежде увидеть кого-нибудь из людей экипажа; быть может, кому-нибудь удалось, как и ему и его троим товарищам, добраться до берега на бочонках, обломках мачт и т. п. Если это так, значит они избегали береговых бродяг; но их не было видно в лагере, если только они не находились внутри палаток. Это вовсе не казалось вероятным. Правдоподобнее было предположить, что они утонули, или же их постигла гораздо более горькая участь после того, как они попали в руки береговых грабителей.

Обстоятельства при которых Билль делал эти предположения, должны были заставить его считать свои предположения почти за верные. Его тащили и толкали два человека, вооруженные длинными кривыми саблями, споря, по-видимому, только о том, кому должна принадлежать честь отрубить ему голову.

Эти двое, по всей вероятности, были шейхи племени,— старый моряк слышал, что так их называли в толпе,— и оба, казалось, очень спешили его обезглавить. Билль считал свою голову в такой опасности, что, после того, как его выпустили, он несколько секунд спрашивал себя, держится ли она еще на его плечах. Он не понимал ни слова из того, что говорилось между соперничающими сторонами, хотя наговорено было достаточно для того, чтобы заполнить заседание парламента.

Спустя несколько времени, моряк кончил, однако, тем, что угадал,— не по их речам, но по жестам,— что именно происходило между ними: длинные сабли были взяты не для того, чтобы срубить ему голову,— их хозяева грозили ими друг другу.

Билль узнал, что оба шейха ссорились между собой, что лагерь состоял из двух начальников и двух племен, по всей вероятности, соединившихся с целью грабежа.

Было очевидно, по двум частям добычи, тщательно разделенным и охраняемым перед палаткой каждого из начальников, что они поделили между собою выброшенные на берег остатки корвета. Положение Билля было, действительно, весьма серьезным. Он видел, как его поочередно тащили оба человека, и мог угадать почти на-

верное, что каждый из них желает овладеть его особой.

Между обоими начальниками, спорившими из-за Билля, существовало громадное несходство. Один был маленький человечек, с желтым и загорелым лицом, с жесткими угловатыми чертами лица, в которых нетрудно было узнать арабское происхождение; у другого кожа была цвета черного дерева, геркулесовское сложение, широкое лицо, курносый нос и толстые губы, огромная голова с густой копной торчащих и лоснящихся волос.

Арабский шейх хотел овладеть моряком, потому, что знал, что, уведя его на север, он может выгодно продать его или европейским купцам в Мединуане или европейским консулам в Могадоре. Это был не первый из потерпевших крушение у берегов Сахары, возвращенный таким путем своим друзьям и своей родине, вовсе не по чувству человеколюбия, как нетрудно угадать, но из-за вытекавшей отсюда выгоды.

У его черного соперника была в голове почти такая же мысль. Только он намеревался отвести Билля в Тимбукту. Как бы мало ни уважали белого человека между арабскими купцами, когда на него смотрели, как на простого раба, черный знал, однако, что на юге Сахары за него дадут хорошую цену.

После нескольких минут, проведенных в перебранке и угрозах, оба соперника перестали размахивать своими саблями, и, казалось, готов был водвориться мир.

Однако спор был еще не кончен. Оба вождя говорили поочередно, и хотя Билль не понял ни одного слова из их перебранки, но ему показалось, что маленький араб основывал свою претензию на том, что ему принадлежал верблюд, на котором прибыл пленник.

Черный показывал на обе кучи обломков и, по-видимому, доказывал, что на его долю при дележе досталось меньше.

В эту минуту появилась новая личность: молодой человек, который, насколько мог заключил Билль, пользовался у них некоторым значением. Билль подумал, что это должен быть посредник. Каково бы ни было сделанное им предложение, оно, казалось, удовлетворило обе враждующие стороны, и они, по-видимому, приготовились разрешить спор другим способом.

Оба шейха направились в сопровождении своих сторонников к ровному и песчаному месту возле лагеря. На песке был начерчен четырехугольник, в котором сделаны

несколько рядом маленьких, длинненьких дырочек; потом оба соперника сели каждый на своей стороне. В руках у них были маленькие комочки, скатанные из верблюжьего помета, которые были затем помещены в дырочки, и началась игра, так называемая хельга.

Ставкой был Билль.

Игра состояла в перемещении шариков из одной дырочки в другую, вроде того, как при игре в шашки. Ни одним словом не обменялись противники. Они сидели на корточках один против другого с такими же серьезными лицами, как два игрока в шахматы. Когда партия была окончена, шум поднялся снова; послышались восклицания торжества со стороны победителя и его сторонников и проклятия среди сторонников проигравшего. Таким образом, Билль узнал, что он принадлежит черному шейху. Впрочем, последний тотчас же за ним, пришел.

Но, вероятно, на моряка сделали ставку без одежды, потому что его в ту же минуту раздели до рубашки, и все это было отдано другому шейху.

Потом старого моряка отвели в палатку его хозяина и поместили в качестве новой добычи на куче предметов, находившихся у входа.

Глава 6

СЛЕДЫ БИЛЛЯ

Во время игры Билль служил предметом любопытства для женщин и в особенности для детей, моряк, полумертвый от голода, напрасно выражал знаками свое страдание. Впрочем, равнодушные толпы его не особенно удивляло: он слишком хорошо знал характер этих сирен Сахары и манеру их обращения с несчастными, попадающими к ним в руки.

В то время, как на голову Билля сыпались всевозможные ругательства, когда засыпали ему глаза пылью и плевали ему в лицо, более жестокие руки били его палками, царапали и кололи, дергали его баки так сильно, что чуть не вывихнули его челюстей, и пучками вырывали волосы из головы.

Напрасно старый морской волк отвечал им самой энергичной руганью, напрасно кричал им: «Оставьте меня!» Его яростные крики, его призывы только возбуждали па-

лачей. Одна женщина между всеми остальными особенно выделялась своим остервенением. Ее звали Фатима. Несмотря на такое поэтическое имя, это была одна из самых страшных тварей, когда-либо виденных моряками. Ее два глазных зуба торчали так сильно вперед, что она почти не могла закрыть рта, и притом видны были обнаженные зубы верхней челюсти. Судя по ее костюму и манерам, можно было угадать в ней жену властелина, султаншу или королеву.

И действительно, когда черный шейх пришел взять Билля, чтобы избавить от возможной порчи свою новую собственность, Фатима последовала за ним в его палатку с таким видом, который говорил, что она если и не любимая, то во всяком случае старшая жена в гареме шейха.

Что касается трех мичманов, то их веселость была непродолжительна: она прекратилась с исчезновением Билля. Тогда все трое остановились и посмотрели друг на друга с беспокойством.

Было ясно, что мехари понес Билля: крики и призывы моряка доказывали, что «корабль пустыни» не слушается своего жоака.

После первого момента удивления мичманы стали советоваться — дожидаться ли им тут возвращения Билля или же идти по его следам, чтобы попытаться к нему присоединиться? Быть может, он не вернется? Если мехари увез его в лагерь дикарей, то, по всей вероятности, его задержат, как пленника; но неужели же он настолько прост, что позволит мехари увезти себя к своим врагам?

Трое молодых людей во время совещания неподвижно стояли на одном месте, устремив глаза на ущелье, через которое исчез мехари. Светлые лучи месяца скользили по белому песку. Вдруг им показалось, что они слышат голоса и крики животных. Колин утверждал, что они ошибаются. Если бы не непрерывный шум волн, докатывавшихся почти до того места, где они стояли, то у них не могло бы оставаться ни малейшего сомнения на этот счет. Колин объявил, что эти нестройные звуки несутся из лагеря. Его товарищи, знавшие, какой у него был тонкий слух, поверили его словам.

Никоим образом они не должны были оставаться там, где они были. Если Билль не возвратится, то долг обзывал их идти его искать. Если, наоборот, он к ним вер-

нется, то, без сомнения, они встретят его в том проходе, через который он исчез.

Когда этот пункт был решен, трое мичманов пустились в путь по направлению к сердцевине страны.

Они двинулись вперед с осторожностью. Колин в этом случае заменил собою подозрительного Билля. У молодого англичанина не было столько недоверия, как у него к «туземцам», а что касается О'Коннора, то он упорно продолжал думать, что опасности большой быть не могло,— если таковая и была во встрече с людьми,— и он продолжал смотреть на подобный случай как на желаемое событие.

— Колин предполагает,— говорит Теренс,— что слышит голоса женщин и детей; наверное рассказ о жестокостях, которые им предписывают, не больше как рассказы моряков. Если недалеко лагерь, пойдете туда попросить гостеприимства. Разве вы ничего не слышали об арабском гостеприимстве?

— Он прав,— добавил Гарри.

— Вы не знаете того, что я читал и слышал об этом от свидетелей-очевидцев,— продолжал Колин,— не знаете даже того, о чем я мог судить немного сам. Тсс! слушайте...

Молодой ирландец остановился. Его товарищи сделали то же самое. Слышны были крики женщин, детей и животных. Это было в то самое время, когда оба шейха спорили из-за Билля; но вслед за этим шумом наступила глубокая тишина; в это время как раз шейхи играли в хельгу.

Во время этой минуты затишья мичманы продвинулись вперед по оврагу и проползли между холмами, окружавшими лагерь; скрытые ветвями мимозы, они могли видеть все, что происходит в лагере посреди палаток.

Тут они признали вполне справедливым опасение, выраженное Колином. Билль предстал пред ними посреди женщин или, скорее, шайки мегер, которые не знали границ своей ярости против него.

Трое молодых людей шепотом передавали друг другу свои впечатления. Оставить старого товарища в таких руках вовсе не было приятной перспективой. Это значило покинуть его на песчаной косе под угрозой утонуть во время прилива; даже хуже, потому, что волны казались менее страшными, чем эти арабские ведьмы.

Но что они могли сделать, вооруженные своими ма-

ленькими кортиками, против такого большого количества врагов? У тех у всех были ружья, мечи; было бы безумием попытаться освободить Билля.

А потому следовало предоставить моряка его судьбе. Молодые люди могли только молиться за него и, к сожалению, ничего больше!

Они должны были думать только о том, чтобы положить между собой и арабским лагерем насколько возможно большее расстояние.

Молодые люди стали спешно советоваться. Они согласились с тем, что ничего не выиграют, возвращаясь назад, как не выиграют ничего, уклоняясь направо или налево. Другой дороги не было, другого решения нельзя было принять, оставалось одно — взобраться на гору, бывшую перед ними, и проползти возможно быстрее по выемке.

Но все же у них оставалось еще одно средство — подождать, пока скроется луна. Эта мысль пришла в голову осторожному шотландцу, и его спутники хорошо бы сделали, если бы приняли ее; но они не хотели послушаться его совета. Прием, сделанный Биллю в лагере арабов, внушал им сильное желание удалиться как можно скорее от опасного соседства.

Колин не стал спорить. Он взял назад свое предложение, и все трое начали взбираться на холм.

Глава 7

СТРАННОЕ ЖИВОТНОЕ

На полдороге они остановились. Они только что увидели животное странной формы, какого ни один из них еще не встречал.

Оно было не больше сенбернарской собаки, но казалось длиннее. Оно имело собачьи формы, но голова его была какая-то странная, широкая и четырехугольная, передние ноги животного были гораздо выше задних, и что вся спина его шла покато к хвосту.

Молодые мичманы отлично могли наблюдать животное, которое находилось на вершине горы, к которой они направлялись. Луна сияла сверху — ни одно из движений животного не ускользало от них.

Оно ходило вдоль и поперек, подобно бдительному чи

совому, ни на одну линию не отдаляясь от вершины дюны.

Вместо того, чтобы двигаться вперед, молодые люди остановились посоветоваться.

Нельзя отрицать, чтобы здесь не о чем было подумать. Животное, которое от лунного света, а также, быть может, и от страха, «у которого глаза велики», представлялось им величиной с быка, вовсе не было препятствием, которым можно было пренебрегать, в особенности если оно, как это казалось, не намерено было добровольно уступить им дорогу. Даже сам Гарри Блаунт почувствовал себя смущенным.

Если бы не было опасности в возвращении назад, быть может, наши смельчаки снова повернули бы в долину, но надо было принять решение. Мичманы вытащили свои кортики и боевым строем двинулись к дюне.

Странное животное тотчас же исчезло, приветствовав их таким страшным хохотом, что не могло уже оставаться сомнения, какого именно зверя видят они перед собою.

Когда странное животное, угрожавшее им преградить дорогу, спряталось, мичманы перестали о нем думать и стали заботиться только о том, чтобы пробраться через дюну, не будучи замеченными из лагеря.

Они вложили кортики в ножны и продолжали осторожно подвигаться вперед.

Быть может, они выполнили бы свой замысел, не случись обстоятельства, которого они не могли предусмотреть: хохот странного четвероногого был услышан арабами и произвел большое волнение в лагере. Многие из мужчин, узнав голов смеющейся гиены, взяли ружья и вышли поохотиться, рассчитывая на ее шкуру для украшения своих палаток.

Но так как они бежали в ту сторону, где слышали хохот, то увидели не гиену, а три человеческие существа, освещенные полным светом луны. По их одежде из синего сукна, желтым пуговицам и фуражкам арабы с первого же взгляда узнали в них моряков: не колеблясь ни секунды, все мужчины кинулись из лагеря, испуская крики радости и удивления.

Некоторые пошли пешком, точно на охоту за гиеной, другие сели на верблюдов, а некоторые оседлали лошадей и пустились галопом.

Бесполезно говорить, что теперь мичманы прекрасно знали, что им грозило. Они слышали крики арабов и видели, что те бегут и потрясают руками как сумасшедшие.

Они не стали больше смотреть, и все трое повернулись спиной к лагерю и прыгнули в овражек, из которого так неосторожно удалились.

Так как ущелье было не очень длинно и им оставалось только спуститься с холма, то они не много времени употребили на то, чтобы пробежать его, и снова очутились на берегу.

Предполагая, что им более нечего бояться, молодые моряки стали совещаться относительно плана дальнейшего образа действий.

Идти берегом и держаться как только возможно далее от арабских палаток,— таково было мнение всех троих.

Порешив на этом, они направились к югу и пошли с такой быстротой, какую допускали их дрожавшие ноги и мокрая одежда.

Едва сделали они несколько шагов, как были принуждены остановиться: они услышали шум в стороне овражка. То был храп, который издавало, как казалось, какое-то животное, и они предположили, что то была опять гиена, укрывшаяся в ущелье при их приближении. Посмотрев в этом направлении, они поняли свое заблуждение. Огромное животное выходило из-за дюн, и по его неуклюжим формам они узнали верблюда. Это их опечалило, так как одновременно с верблюдом они увидели на его спине человека, вооруженного длинным мечом и с грозным лицом. Он направлял своего верблюда прямо на них.

Мичманы сразу поняли, что пропала всякая надежда ускользнуть от этого врага. Усталые, путаясь в своей мокрой одежде, они не могли бы состязаться в скорости даже с хромою уткой. Решив покориться своей судьбе, они стали ждать, не шевелясь, приближения седока.

Глава 8

ХИТРЫЙ ШЕЙХ

У ехавшего на мехари всадника были угловатые черты лица и желтая кожа, сморщенная как пергамент.

Ему, по-видимому, было лет около шестидесяти, его костюм и в особенности манера держать себя,— что то

гордое и властное виднелось во всей его наружности.— указывали, что это один из арабских шейхов. Это в действительности и был арабский шейх, владелец найденного моряками накануне мехари; он был в отчаянии, что, благодаря неудачному ходу, проиграл Билли в хельгу, и теперь желал вознаградить потерю, забрав в плен вместо одного троих моряков.

Разъезжая по берегу, он увидел, как трое людей, которых он подстерегал, вышли из воды и осторожно, оглядываясь во все стороны, направились к дюнам.

Сделав это открытие, шейх повернул своего мехари и направился к беглецам.

В несколько секунд старый шейх был возле мичманов. Вместо приветствия, он начал грозить молодым людям. Он поочередно направлял дуло своего длинного ружья и знаками приказывал им следовать за собою в лагерь.

Первым движением измученных усталостью юношей было повиноваться. Теренс и Колин уже сделали знак согласия, но мистер Блаунт взбунтовался.

— Сперва повесим его! — крикнул он.— С какой это стати стану я слушаться приказаний этой старой обезьяны? Позорно идти за ним следом! Никогда ничего подобного не будет. Если меня и возьмут в плен, то уж не без борьбы!

Теренс, стыдясь того, что так легко готов был подчиниться, перешел от одной крайности к другой.

— Клянусь святым Патриком,— крикнул он,— и я с тобой, Гарри!.. Лучше умрем, чем сдаваться!..

Колин, прежде чем высказаться, посмотрел вокруг себя и на устье овражка, чтобы удостовериться, что араб действительно был один.

— Черт его побери! — вскричал он после осмотра.— Если он нас возьмет, то для этого нужно сперва, чтобы он с нами подрался. Нег, слезай, старый кремь! Ты встретишь настоящих британских морских волков, готовых сразиться с двадцатью такими, как ты!

Молодые люди выстроились треугольником для того, чтобы окружить мехари.

Шейх, не ожидавший ничего подобного, казалось, не знал, что ему делать. Потом вне себя от ярости, не будучи в состоянии долее пересиливать своего раздражения, он поднял ружье и прицелился в Гарри Блаунта, первого угрожавшего ему.

На одну минуту облако дыма окутало молодого человека.

— Промах! — спокойным голосом проговорил он.

— Слава Богу! — вскричали Теренс и Колин. — Теперь он наш! Он не успел снова зарядить ружья. Навалимся на него все разом!

И трое товарищей кинулись на мехари.

Араб, несмотря на свой возраст, казалось, ни в чем им не уступал.

Ловкий как кошка, он бросил наземь свое ружье, ставшее бесполезным, так как он не мог его снова зарядить, и начал размахивать вокруг себя саблей, которую держал в судорожно стиснутой руке.

Вооруженный таким образом, он имел преимущество над нападающими: в то время, как он мог достать того или другого одним движением, они не могли подойти ближе из боязни, что шейх выбьет у них кортики, а то так снесет и голову. Благодаря этому, юноши все время должны были держаться на известном расстоянии от шейха, и оружие их не приносило им никакой пользы.

Шейх, сидя на верблюде, само собой разумеется, мог не бояться своих противников, тогда как каждый из его ударов мог сделать одного из молодых людей негодным к битве.

— Убьем верблюда, — крикнул Гарри Блаунт, — тогда старый мошенник будет к нам ближе, а там...

Но Теренс придумал нечто другое и теперь готовился выполнить задуманное.

Молодой человек еще в коллегии славился своим искусством при игре в чехарду: никто не прыгал лучше его. Он кстати вспомнил свою ловкость и только подстерегал случай ею воспользоваться. Наконец он выбрал минуту, когда мехари повернулся к нему задом. В ту же минуту он сделал отчаянный прыжок и поднялся довольно высоко в воздух, потом раздвинул ноги и упал верхом на верблюда.

К счастью для шейха, молодой наездник-гаер уронил свое оружие, иначе мехари недолго нес бы на себе двойной груз.

Оба противника таким образом помещались на спине мехари, что можно было принять их за одного седока. Худой как кашей, араб совершенно исчезал в объятиях Теренса, — так сильно последний его сжимал, а сабля, не-

давно еще такая грозная, валялась на песке у ног мичманов.

Борьба продолжалась на спине мехари.

Араб сидел крепко, зная, что если только он очутится на земле, то будет во власти молодых людей, с которыми думал так легко справиться. Он понимал, что бегство было единственным шансом спасения. Ему во что бы то ни стало надо было разлучить своего врага с его двумя компаньонами.

И он издал крик. Услышав голос хозяина, мехари, хорошо выдрессированный, повернулся на одном месте как волчок и быстрым аллюром помчался в сторону овражка.

Молодой ирландец был так занят желанием сбить с верблюда своего противника, что не обратил внимания на сигнал. Когда он увидел опасность, то решил откатиться от борьбы с арабом и уже не думал о том, чтобы стащить шейха со спины мехари, а желал только сам убраться поскорее. Все его усилия остались бы бесполезными, не случись обстоятельство, совершенно неожиданно благоприятствовавшего исполнению его намерения.

Повод животного тащился по земле. Араб, занятый борьбой с врагом, выпустил из рук повод, недоуздок запутался между раздвоенными пальцами мехари, который сперва отбивался от него, но кончил тем, что упал на песок. Груз его был опрокинут этим ударом, оба противника, ошеломленные падением, оставались несколько мгновений без чувств.

Они еще не пришли в себя, когда Гарри Блаунт и Колин подбежали к ним. В то же время появился и целый отряд странных созданий, которые окружили их, испуская адские крики.

Выстрел, сделанный шейхом, был услышан в лагере. Арабы тотчас же побежали к овражку. Сопровождение таким образом становилось невозможным. Мичманов, их хваченные врасплох, дали себя связать и увезти в палатки.

Они приблизились к дуару с таким же отвращением, как и Билль час тому назад. С них прежде всего сняли одежды, оставив им только рубашки, да и то они предпочли бы быть от них избавленными,— до такой степени они были мокры. Но когда одежды их были розданы отряду, согласно обычаю, шейх потребовал троих своих пленников и их рубашки, как часть их кожи, и после не

которого пререкания его требование было удовлетворено.

Вот в таком-то смешном наряде мичманы снова очутились перед Биллем, одяние которого было не лучше. Его молодым товарищам не было дозволено приблизиться к нему. Хотя они принадлежали арабскому вождю, но им пришлось испытать на себе, подобно старому моряку, ярость женщин и детей до той минуты, когда, боясь за порчу своей добычи, хозяин, наконец, пришел за ними, чтобы укрыть их в своей палатке; остальная часть ночи прошла довольно спокойно.

Как мы уже говорили, в ту минуту, когда Билль явился в лагерь, оба шейха, с общего согласия, собирались снять свои палатки. Сын Иафета направлялся на север к марокканским рынкам, а потомок Хама шел на юг в Тимбукту.

Неожиданное пленение моряка и троих мичманов изменяло их проекты; они отложили свой отъезд до следующего дня и удалились в свои палатки для отдыха.

Дуар безмолвствовал. Крики женщин и детей прекратились. Слышен был только лай собак, ржанье лошадей и храп мехари.

Трое мичманов говорили между собой, от времени до времени они возвышали голос, чтобы их мог слышать Билль, которого стерегли на другом конце лагеря, а они так нуждались в его советах.

Арабы не понимали ни слова из того, что говорили молодые люди, и поэтому не мешали им продолжать беседу.

— Что они с тобою делали, Билль? — спрашивали двое молодых людей.

— Все, что могли придумать, чтобы сделать старого морского волка как можно несчастнее — на моем бедном теле нет ни одного местечка, которое не было бы ранено. Мой худой остов должен походить теперь на старую цедилку. Лагерь разделен между двумя вождями, и один из них — тот старый плут цвета копченой селедки. Они долго ссорились из-за меня и, наконец, разыграли меня.

— Как ты думаешь, куда они поведут нас, Билль?

— Бог один знает. Я же уверен только, что нас далеко увезут отсюда!

— Значит, нас разлучат?

— Клянусь кровью, мистер Колин, я этого очень боюсь.

— Почему ты думаешь, что это будет именно так?

— Потому что я это и слышал и видел. Мне кажется, они хотят идти по разным дорогам. Я немного понимал из того, что они говорили, но все время слышал, что они говорили про Тимбуку и про Сок-Атоо, два больших негритянских города, и я думаю, что мой хозяин направится к одному или к другому из этих портов.

— Но почему же ты думаешь, что и нас не поведут в ту же сторону?

— Потому, что вы принадлежите старому шейху, который, конечно, араб — он собирается направиться на север.

— Это довольно правдоподобно, — сказал Колин.

— Видите ли, мистер Колин, нас поймали две земляные акулы, и мы можем быть уверены, что они продадут нас тем, кто пожелает нас купить...

— Надеюсь, — перебил Теренс, — что ты ошибаешься. Неволю было бы очень тяжело переносить одному. Вместе какое бы то ни было горе мы перенесем гораздо легче. Я все-таки надеюсь, что нас не разлучат.

Разговор окончился на этом пожелании, и, невзирая на свое печальное положение, они не замедлили отдаться сну.

Глава 9

ДУАР НА РАССВЕТЕ

С первыми лучами утреннего солнца весь дуар был уже на ногах.

Женщины поднялись первыми и теперь готовили завтрак, состоявший из просяной похлебки.

Тут и там виднелись мужчины, доившие верблюдиц; некоторые же из более нетерпеливых просто-напросто высасывали молоко из полного вымени верблюдицы. Остальной народ занят был разбиранием палаток, так как предстоял переезд на новое кочевье, на такой же оазис.

Трое мичманов смотрели на это зрелище все еще одетые в одни рубашки. Старому моряку было не лучше; он весь дрожал от ночного холода. Разбойники-арабы оставили на нем только рваные бумажные панталоны.

Причина, почему все четверо дрожали от холода, лежит в том, что в Сахаре, после знойного дня, ночью и утром температура бывает до того низка, что, кажется, будто наступил зимний холод.

Это не мешало, впрочем, молодым людям видеть все, что происходит вокруг них, и сообщать по времени шепотом друг другу свои наблюдения.

Но им не долго пришлось разговаривать: арабы не замедлили со свойственной им грубостью напомнить пленникам о себе и приказали им помогать хозяевам при сборах к отъезду.

Билля на рассвете разбудил его хозяин пинком ноги. Моряк нехотя поднялся, а затем, вспомнив, где он, покорно принялся за исполнение своих обязанностей раба.

Как мало понадобилось времени на приготовление завтрака, так же скоро он был уничтожен. Скучность завтрака удивила молодых мичманов. Самые важные лица из шайки получили на свою долю лишь маленькую порцию молока и похлебки. Одним только шейхам подали нечто похожее на завтрак. Все же остальные и в том числе и черные невольники должны были довольствоваться каждый менее чем пинтой кислого молока, наполовину разбавленного водой,— по-арабски это называется шени.

Ну, а что же дадут пленникам? Вопрос этот сильно занимал как молодых мичманов, так и старого Билля. Они были голодны как гиены, а им ничего не давали есть. Наконец, они кончили тем, что стали знаками выражать свою просьбу, но их жалобные призывы только возбуждали смех арабов. Но если арабы не рассчитывали дать работу их желудкам, зато руки и ноги пленников, не должны были оставаться в бездействии. Как только все было готово к отъезду, пленников нагроулили тяжелыми ношами, с угрозами, заставившими их понять, что всякое сопротивление будет бесполезно. Кончено,— они были рабами.

Еще убирая палатки, они в то же время были свидетелями некоторых курьезных обычаев. Странная сбруя на верблюдах, затем овальной формы корзины, помещающаяся на верблюдах для переноски женщин и детей, маленькие дети, привязанные ремнями к спинам матерей, верблюды, становящиеся на колени для приема груза,— все это живо заинтересовало бы мичманов при других обстоятельствах.

Тут пленники еще раз заметили разницу между двумя шейхами, в руки которых они так несчастливо попались. Как уже было сказано, черный шейх представлял собой чистый африканский тип, и большая часть его под-

чиненных принадлежала к той же расе; лишь некоторые, должно быть, были из кавказского племени, да и те, по всей видимости, были невольниками.

Шайка другого шейха состояла из таких же арабов, как и он сам, лишь за немногими исключениями.

Покончив все приготовления, обоим шейхам оставалось только обменяться прощальным приветствием: «Мир да будет с вами!» — но этого приветствия еще не было произнесено. Можно было подумать, что шейхам не хочется расставаться и что их взаимные чувства были не из самых сердечных.

И действительно черный шейх вместо того, чтобы сказать арабу селям алейкум, возвысил голос и потребовал у него разговора наедине по важному делу.

Глава 10

ГОЛАХ

Само собою разумеется, мичманы не поняли из разговора обоих шейхов, но взгляды, которые бросали на них араб и негр, их оживленные жесты лучше всяких слов давали им понять, что предметом разговора служили именно молодые пленники.

Через полчаса им показалось, что разговаривающие, наконец, пришли к соглашению. Араб направился к месту, где были собраны невольники черного вождя и, тщательно их осмотрев, выбрал троих самых сильных, самых толстых, самых молодых негров из всей толпы и велел им стать отдельно.

— Нас, очевидно, будут менять... — прошептал Теренс. — Мы будем принадлежать негру и, вероятно, будем путешествовать вместе с Биллем.

— Погодите немного, — сказал Колин, — мне кажется, не все еще кончено.

В эту минуту черный шейх двинулся вперед к трем невольникам и прервал их разговор.

Чего он хотел? Вероятно, взять их с собою, как это сделал араб с тремя неграми.

К их великому огорчению, только один О'Коннор был уведен африканцем, а что касается двух остальных, то им угрожающими жестами было приказано оставаться

там, где они были. И так, значит, условия обмена были трое черных за одного белого.

Теренса отвел его новый хозяин и поставил возле троих черных

Но этим дело не кончилось. Старый Билль, судя по тому, что он уже раньше видел, и по делаемым опять приготовлениям, крикнул своим товарищам:

— Мы будем тут ставкой, мастер Терри, вот посмотрим! Вы пойдете со мной, потому что чернокожий побьет желтокожего, это верно!

Дырочки, в которых играли в хельгу накануне вечером, были снова проделаны, и игра началась.

Предсказание Билля оказалось верным: черный шейх выиграл Теренса О'Коннора.

Араб казался очень недовольным, и видно было по его беспокойным движениям, что он на этом не остановится.

У него оставалось еще двое белых, — с ними он мог еще отыгаться. Игра началась снова, но с тем же результатом.

Трое мичманов присоединились к Биллю и стали возле черного шейха. Не прошло после этого и двадцати минут, как все четверо уже продвигались через пустыню к Тимбукту.

Четверо моряков, входили в состав каравана из шестнадцати взрослых и шести или семи детей.

Все сделались собственностью черного шейха.

Пленники скоро узнали, что негра звали Голахом, — имя, без сомнения, происходившее от испорченного Голиафа.

Конечно, Голах был человек умный, созданный для того, чтобы повелевать: у него было три жены, владевшие даром замечательной говорливости, но одного слова, взгляда, движения вождя достаточно было, чтобы их остановить.

У Голаха было семь верблюдов, четверо из которых употреблялись для того, чтобы нести на себе его с женами, детьми, палатками и багажом.

Трое остальных верблюдов были нагружены добычей, собранной после кораблекрушения.

Двенадцать человек взрослых из всего отряда были принуждены идти пешком и следовать, как могут, за большими шагами верблюдов.

Один из черных мужчин был сын Голаха, молодой

человек лет восемнадцати. Он был вооружен длинным мавританским мушкетом, тяжелой испанской шпагой и кортиком, отнятым у Колина.

Главным его занятием, казалось, было стеречь невольников с помощью другого молодого мальчика, брата,— как мичманы позднее узнали,— одной из жен Голаха.

Последний тоже был вооружен мушкетом и саблей; он и сын Голаха, казалось, думали, что их жизнь зависит от более или менее хорошей охраны рабов, потому что последних было еще шестеро, кроме Билля и его спутников. Все они направлялись к какому-то из южных рынков.

Билль решил, что двое из этих шести невольников должны быть крумэнами, или африканцами. Он часто встречал их в качестве матросов на кораблях, возвращавшихся от африканских берегов.

Другие были гораздо менее темнокожи; старый моряк называл их «черными португальцами». Все они, по-видимому, только с недавнего времени сделались невольниками.

Белые невольники чувствовали сильное негодование против своих поработителей. К этому чувству присоединились страдания голода, жажды, утомление, испытываемое ими от ходьбы по горячему песку равнины под жгучим солнцем, палившим над их головами.

— С меня довольно,— сказал Гарри Блаунт своим спутникам.— Мы можем потерпеть это еще несколько дней, но я не вижу цели, чтобы ставить опыт, сколько именно дней я выдержу.

— Продолжай. Ты думаешь и говоришь за меня. Гарри,— перебил Теренс.

— Нас четверо,— продолжал Гарри.— Все мы принадлежим к той нации, которая хвалится, что никогда не знала гнусного рабства; кроме того, у нас еще шесть товарищей по плену, а они тоже могут значить кое-что и стычке. Неужели мы так и останемся безропотными слугами трех черных скотов?

— Я именно это и думал,— сказал Теренс.— Если мы не убьем старого Голаха и не бежим с его верблюдами, то заслуживаем того, чтобы окончить дни наши в неволе.

— Хорошо сказано. Когда же мы начнем? — крикнул Гарри.— Я жду.

Во время этого разговора потерпевшие крушение на

метили, что один из крумэнов старается держаться возле них, и по-видимому, внимательно прислушивается к разговору. Его блестящие глаза выдавали самое живое любопытство.

— Разве вы нас понимаете? — строго спросил его Билль, повертываясь к нему.

— Да, сэр, немного, — отвечал африканец, будто не замечая гнева моряка.

— А зачем вы подслушиваете?

— Чтобы слышать, что вы говорите, мне хотелось бы бежать с вами.

Билль и его товарищи с большим трудом понимали язык крумэна. Он служил на английских кораблях и там немного научился английскому языку. Он был в плену уже четыре года и тоже вследствие кораблекрушения.

Крумэн успокоил моряков, сказав им, что так как Голах не имеет средств содержать невольников, то они, вероятно, скоро будут проданы какому-нибудь береговому английскому консулу.

Крумэн еще прибавил, что у него нет надежды даже и на это, потому что его родина не выкупает подданных, попавших в неволю. Когда он увидел, что у Голаха есть невольники англичане, он порадовался, что может быть, и его выкупят вместе с ними, потому что он раньше служил на английских кораблях.

Дорогой черные невольники, хорошо зная свои обязанности, подбирали куски сухого верблюжьего помета: это должно было служить топливом на бивуаках.

Тотчас же по заходе солнца Голах, приказал остановиться: верблюды были развьючены, и палатки расставлены. Около четвертой части всего количества похлебки, которой едва хватило бы на одного человека, было роздано невольникам на обед, а так как они ничего не ели с самого утра, то пища эта показалась им прелестной.

Осмотрев невольников, Голах удалился в свою палатку, из которой через несколько минут послышались звуки, походившие на раскаты грома.

Сын и шури́н Голаха поочередно сторожили ночью.

Но их дежурство было напрасно: измученные, истомленные, умирающие от голода и усталости белые пленники думали только об отдыхе, который им, наконец, позволено было вкушать.

На рассвете следующего утра невольникам дали выпить немного шени и затем снова пустились в путь. Солн-

це, поднимаясь на безоблачном небе, палило, казалось, еще сильнее, чем накануне; ни одного дыхания ветра не проносилось по бесплодной пустыне. Атмосфера была так же горяча и неподвижна, как песок под их ногами. Они уже не чувствовали голода: жажда неутомимая, паллящая заглушала всякое другое ощущение.

— Скажите им, чтобы дали мне напиться, или я умру,— прошептал Гарри крумэну сдавленным голосом.— Я стою денег и, если Голах даст мне умереть из-за капли воды, то он безумен.

Крумэн отказался передать эти слова начальнику.

— Это кончится только тем,— объявил он,— что навлечет на вас гнев шейха, и он вас прибьет.

Колин обратился к сыну Голаха и знаками дал ему понять, чего он просит. Черный юноша, вместо всякого ответа, соорудил ему насмешливую гримасу.

У одной из жен шейха было трое детей. а так как каждая мать сама должна смотреть за своим потомством, то ей приходилось дорогой сильнее утомляться, чем ее товаркам. От нее требовалась большая бдительность, чтобы трое ее непослушных малышей, качавшихся на спине мехары, не слетели на землю. Путешествовать, таким образом, ей казалось очень утомительным, и она не прочь была бы найти себе помощника или няньку.

Ей хотелось кого-нибудь из невольников нести старшего ребенка, мальчика четырех лет.

Коллину суждено было поступить в услужение к негритянке. Все усилия молодого шотландца избавиться от ответственности, угрожавшей ему, были напрасны. Женщина действовала решительно, и Колин должен был повиноваться, хотя он сопротивлялся до тех пор, пока она не погрозила позвать Голаха. Этот аргумент показался мичману убедительным, и молодую обезьяну посадили ему на плечи; негритенок ногами обвил шею моряка, а руками крепко держал его за волосы.

В то время, как Колин вступал в новую должность, начинало темнеть, и двое черных, служившие сторожами, пошли вперед с намерением выбрать место для постановки палаток.

Нечего было бояться, что кто-нибудь из невольников попытается бежать: они все слишком желали получить то маленькое количество пищи, которое обещала им их черная остановка.

Изнемогавший от усталости и к тому же обязанный

тащить ребенка, Колин остался позади. Мать ребенка, внимательно следившая за своим первенцем, умерила шаг своего мехари и направила его к молодому шотландцу.

После того, как верблюды были развьючены, и палатки поставлены, Голах занялся распределением ужина. Порции были еще меньше, но они были уничтожены пленниками еще с большим удовольствием, чем прежде.

Билль объявил, что то краткое мгновение, в которое он съедал свою порцию похлебки, вполне вознаграждало его за все перенесенные страдания в течение дня.

На следующее утро, когда караван выступил в путь, черный мальчуган был опять поручен Колину; впрочем, ему не все время приходилось его нести — малыш часто шагал рядом с ним.

В продолжение первой части дня шотландец и его ноша довольно удачно шли рядом со всем караваном, иногда даже они бывали впереди; внимание мичмана к ребенку было даже замечено Голахом, лицо которого выказало немного человеческого чувства гримасой, должествовавшей изображать улыбку.

Около середины дня Колин, казалось, утомился своим дневным путешествием и начал отставать, как и накануне. Мать, обеспокоенная, остановила своего верблюда и дождалась, пока шотландец и ребенок догнали ее.

Билль был очень удивлен поведением Колина в предыдущий вечер, особенно терпением, с которым он исполнился обязанности нянчиться с ребенком. Здесь была тайна, которой он не мог понять и которая также интриговала Гарри и Теренса, несмотря на их личные заботы.

Спустя немного после полудня негритянка пригнала Колина к каравану, заставляя его идти впереди себя резкими криками и нанося ему удары сплетенным концом веревки, которая ей служила для понукания верблюда.

Гарри, шагая рядом с крумэном, попросил его объяснить значение слов, выкрикиваемых негритянкой по адресу шотландца.

Крумэн сказал, что она называла его свиньей, лентем, христианской собакой и неверным и грозила убить его, если он будет отставать от каравана.

Гарри и Теренс продолжали свой путь, огорченные за своего друга, которому и в этот день могло грозить такое же обхождение негритянки, как и накануне. Билль даже убавил шаг, чтобы лучше все видеть и слышать.

— Я теперь несколько не удивляюсь,— сказал Билль, догоняя обоих мичманов,— почему Колин так интересуется маленькой обезьянкой.

— Что такое, Билль? что ты узнал? — спросили Гарри и Теренс.

— Ярость негритянки и все эти крики и удары — одно притворство.

— Ошибаешься, Билль, это все твои выдумки,— сказал Колин, который с ребенком на спине шагал теперь рядом со своими спутниками.

— Нет, нет, я не ошибаюсь; женщина к вам благоволит, мистер Коллин. Ну-ка, скажите, что она дает вам есть?

Видя, что бесполезно скрывать свою удачу, Колин сознался, что негритянка, как только удавалось ей это сделать, чтобы не быть замеченной, давала ему сухие финики и молоко, хранившееся в кожаной бутылке, которую она носила под плащом.

Товарищи Колина открыто завидовали его удаче и говорили, что готовы целыми днями таскать какого угодно негритенка, только бы получать за это молоко и финики.

Но они и не подозревали в эту минуту, что скоро придется им переменить свое мнение и что предполагаемое счастье Колина будет скоро источником несчастья для них всех.

Глава 11

ВЫСОХШИЙ КОЛОДЕЦ

В этот день после полудня сделалось особенно жарко, а Голах как нарочно пустил своего верблюда таким быстрым ходом, что невольники с большим трудом могли за ним поспевать.

Билль устал первым и, наконец, решил, что не в силах будет идти дальше; если он и не падал еще от усталости, то во всяком случае терпению его настал конец.

Он сел на землю и объявил, что дальше не пойдет. Целый поток ударов посыпался на него, не заставив его изменить решения. Оба молодых негра, родственники Голаха, не зная, какие бы средства пустить в ход, обратились за помощью к шейху.

Последний немедленно повернул своего мехари к строптивому невольнику.

Прежде чем он достиг места, где лежал Билль, трое мичманов употребили все свое влияние на своего товарища, стараясь убедить его встать до прибытия тирана.

— Ради Бога,— вскричал Гарри,— если ты только и силах, поднимись и пройди хоть немного!

— По крайней мере, попробуй,— советовал Теренс,— мы тебе поможем; ну же, Билль, сделай это усилие из дружбы к нам, вот Голах уже близко.

Говоря таким образом, Теренс и Гарри, с помощью Колина, схватили несчастного Билля и пытались поставить его на ноги, но старый моряк упрямо оставался там, где был.

— Быть может, я и могу пройти еще немного,— сказал он,— но я не хочу. Довольно с меня! Я хочу ехать на верблюде, а Голах пускай пойдет в свою очередь пешком. Он способнее меня на это. А вы, мальчики, будьте благоразумнее и не беспокойтесь очень за меня. Все, что вам следует делать, это смотреть на меня: вы научитесь кой-чему. Если у меня нет молодости и красоты, как у Колина, чтобы составить мне счастье, я зато больше его прожил на свете и приобрел опытность, а моя ловкость заменит мне остальное.

Доехав до места, где сидел моряк, Голах узнал, что произошло и что обычное средство не достигло своей цели.

Он вовсе не казался недовольным этим сообщением: его лицо даже выразило некоторое удовольствие. Он спокойно приказал невольнику встать и продолжать свой путь.

Моряк, истомленный усталостью, умирая от голода и жажды, дошел до крайнего отчаяния. Он сказал крумэну, чтобы тот передал шейху, что он готов продолжать путь, но не иначе как сидя на одном из верблюдов.

— Значит, ты хочешь, чтобы я тебя убил? — крикнул Голах, когда слова моряка были ему переданы.— Ты хочешь украсть у меня то, что я отдал за тебя? Этого не будет, ты меня еще не знаешь.

Билль с клятвою повторил, что не двинется с места и что его не принудят двигаться иначе, как верхом на верблюде.

Этот ответ, переданный крумэном шейху, по видимому, заставил его задуматься.

Он подумал одну минуту, что ему делать, и вскоре отвратительная улыбка искривила его черты.

Взяв повод от своего верблюда, он привязал его одним концом за свое седло, а другим концов обвязал кисти рук моряка. Тщетно пытался Билль сопротивляться: он был точно ребенок в могучих руках черного шейха.

Сын и зять Голаха стояли возле него с заряженными ружьями, готовые выстрелить при первом же движении товарищей моряка. Когда последний был связан, начальник приказал своему сыну провести верблюда вперед, и Билль потащился следом за животным по песку.

— Теперь ты идешь вперед! — кричал Голах победоносно. — Вот новый способ путешествовать на верблюде. Бисмиллях! я остался победителем!

Путешествовать таким образом было слишком великим мучением, чтобы возможно было терпеть долго; Билль решился встать на ноги и идти. Он был побежден, но в наказание за его возмущение, шейх продержал его привязанным у седла верблюда во весь остальной день.

Никто из белых невольников, не поверил бы, что они будут в состоянии переносить такое обращение с собой и позволят товарищу терпеть подобное унижение.

Между тем ни у одного из них не было недостатка в истинной храбрости, но их гордость уступала перед высшими силами голода и жажды. Голах рассчитывал именно этим путем подчинить себе своих невольников и вот таким-то образом он торжествовал над теми, которые, при других обстоятельствах, оспаривали бы свою судьбу до последней крайности.

На следующее утро Голах сказал своим пленникам, что они пойдут к цистерне или источнику после полудня и остановятся там дня на два или на три.

Это известие было передано Гарри крумэном, и все были в восторге, что наконец-то отдохнут и, кроме того, будут иметь воды вволю.

Гарри довольно долгое время разговаривал с крумэном, и последний выразил свое удивление, что белые пленники так легко подчиняются неволе. Он сообщил ему, что дорога, по которой они идут, если продолжать держаться все в том же направлении, поведет в глубь страны, по всей вероятности, в Тимбукту. Поэтому крумэн советовал просить Голаха отвести их скорей в какой-нибудь береговой порт, где их мог бы выкупить английский консул.

Крумэн обещал действовать в качестве переводчика при Голах и сделать все, что будет в его власти, чтобы содействовать удачному окончанию переговоров. Он мог убедить шейха изменить направление пути, сказав ему, что он встретит гораздо лучший рынок, если поведет своих пленников в такое место, куда приходят корабли, капитаны которых охотно выкупят пленников.

В заключение крумэн прибавил таинственно, что есть еще один предмет, относительно которого он хотел сделать им предостережение. На предложение объясниться крумэн смолчал и, видимо, находился в сильном замешательстве. Наконец, он кончил тем, что сказал, что их друг Колин никогда не покинет пустыни:

— Почему? — спросил Гарри.

— Потому что шейх убьет его.

Гарри попросил его определеннее высказать свое мнение и объяснить, на чем оно основано.

— Если Голах заметит, что мать ребенка дает вашему товарищу хотя бы только по одному финику в день или по капле воды, он убьет их обоих, — это вредно. Голах вовсе не дурак, — он все видит.

Гарри обещал предупредить своего товарища о грозящей ему опасности, чтобы спасти его прежде, чем пробудятся подозрения Голаха.

— Ничего хорошего, ничего хорошего, — добавил крумэн.

Для того, чтобы объяснить эти слова переводчик сказал Гарри, что если молодой шотландец откажет женщине в какой бы то ни было просьбе, оскорбленное самодушие негритянки превратит ее симпатию в ненависть, и тогда она постарается возбудить против него гнев Голаха, что, конечно, будет иметь роковое значение для его жертвы.

— Что же тогда делать, чтобы спасти его? — спросил Гарри.

— Ничего, — отвечал крумэн, — вы ничего не можете сделать. Любимая жена Голаха любит его, и он умрет, это верно.

Гарри передал Биллю и Теренсу весь разговор с крумэном, и все трое стали советоваться.

— Мне кажется, черномазый прав, — сказал, наконец Билль. — Если Голах заметит, что одна из его жен оказывает предпочтение мистеру Колину, — бедный милый пропал.

— В этом нет ничего невозможного,— добавил Теренс.— Я вижу, что с какой стороны ни взгляни, Колин попал в плохое положение; непременно надо его предупредить, как только он к нам присоединится.

— Колин,— сказал Гарри, когда их товарищ с ребенком подошел к ним,— держись подальше от этой негритянки. Тебя уже заметили; крумэн только что предупредил нас, и, если Голах, увидит, что она тебе дает что-нибудь есть, ты погибший человек.

— Но что же я могу сделать? — отвечал молодой человек.— Если бы эта женщина предлагала вам молока и фиников, когда вы умираете от голода и жажды, могли ли бы вы отказаться от них?

— Нет, признаюсь, и желал бы только, чтобы поскорей случилась подобная перемена; устранивай только так, чтобы держаться от нее подальше; ты не должен отставать от нас и все время идти рядом с другими.

Между тем караван шел к тому месту, где Голах рассчитывал найти известный ему источник и сделать привал.

Глава 12

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

Прошло еще два дня утомительного путешествия, прежде чем караван дошел до источника. Четверо белых невольников находились в самом печальном положении. Тропическое солнце немилосердно жгло их своими знойными лучами; рот высох, кожа потрескалась, а израненные от долгой ходьбы по горячему крупному песку ноги отказывались служить.

Голодные, снедаемые мучительной жаждой, обессиленные, еле тащились несчастные пленники за своим хозяином, восседавшем на верблюде.

Увидев издали небольшой холмик, покрытый довольно густым кустарником, Голах обернулся и жестом указал невольникам на зеленую листву деревьев. Все поняли значение этого сигнала, и у них вдруг явилась надежда на спасение. Силы прибавилось точно чудом, и каждый без всякого принуждения, удвоил шаг и спустя немного времени караван был уже у подошвы холма.

Нечеловеческие усилия, которые употребили изнемогавшие от жажды невольники, чтобы поскорее достиг-

нуть источника, должны бы были вызвать к ним сострадание черного шейха, но это был не такой человек; чужие страдания его, по-видимому, только забавляли.

Сначала он приказал развьючить верблюдов и поставить палатки, а пока одни невольники занимались этим, другие отправились на поиски топлива.

Покончив с устройством лагеря, шейх собрал все имевшиеся меха и сосуды для воды и разместил их возле колодца.

Медленно, точно нарочно испытывая терпение остальных, привязал он затем на веревку кожаное ведро и доставая им воду, начал наполнять все расположенные кругом сосуды, стараясь не проливать ни капли драгоценной влаги.

Когда все сосуды до последней бутылки были наполнены водой, шейх велел подойти к себе женам и детям и дал каждому из них почти по целой пинте воды. После этого всем им приказано было отойти и дать дорогу невольникам.

Женщины и дети безропотно покорились суровому голосу владыки.

Только после этого уже подошли невольники, и тут началась настоящая сумятица — рывали друг у друга сосуды, наскоро наполняли их водой, залпом осушали по целой кружке и тянулись к воде, радуясь утолить так долго мучившую их жажду.

Часа через два после прибытия этого каравана к источнику подошел другой карван. Голах встретил при бывших словами: «Друзья или враги?» — обычная формула приветствия в пустыне между людьми незнакомыми.

На следующее утро у Голаха был длинный разговор с шейхом, после чего он вернулся в свою палатку с недовольным видом.

Новоприбывший караван состоял из одиннадцати человек, восьми верблюдов и трех лошадей. Они шли с северо-запада. Кто они такие и куда идут — этого Голах не знал, а объяснения, полученные им от шейха, вовсе не были удовлетворительны.

Несмотря на то, что Голах сильно нуждался в пропитании и ему необходимо было как можно скорее возобновить истощившиеся запасы, он решил провести весь этот день у источника. Крумэну удалось узнать, что шейх, решил поступить таким образом, боясь неприязненных действий со стороны новоприбывших.

— Если он их боится,— заметил Гарри,— так по-моему, он должен уходить отсюда как можно скорее.

Крумэн отвечал на это, что если предположение Голаха верно, и арабы действительно занимаются грабежом в пустыне, то они не тронут Голаха пока он будет стоять у колодца.

Крумэн говорил правду: разбойники никогда не нападают на свои жертвы в харчевне, а всегда на больших дорогах, пираты не грабят кораблей в гавани, а непременно в открытом море. То же самое повторяется и на великом песчаном океане — Сахаре.

— Я бы очень желал, чтобы эти арабы оказались разбойниками и чтобы они отбили нас у Голаха,— сказал Колин,— может быть, они согласятся отвести нас к северу, где рано или поздно за нас заплатят выкуп; если же нас поведут в Тимбукту, как заявил нам Голах, то мы никогда не выберемся из Африки.

— Об этом следует подумать теперь же. Каждый день пути к югу удаляет нас от нашей родины и все уменьшает надежду возвратиться к ней когда-нибудь; может быть, эти арабы могут нас купить и отвести на север. Что, если мы попросим крумэна поговорить с ними об этом?

Все согласились с этим мнением. Подозвали крумэна и сообщили ему намерение потерпевших крушение; на это крумэн ответил, что никто не должен видеть, когда он будет говорить с арабами. Он сказал при этом то же самое, что заметили и сами мичманы еще раньше. Голах и его сын не теряли их из виду, и потому едва ли удастся найти случай поговорить с арабским шейхом.

Пока крумэн давал эти объяснения, арабский шейх направился к колодцу. Невольник встал и осторожно стал приближаться к нему, но Голах его увидел и с угрозой приказал ему вернуться назад, африканец, не особенно торопился повиноваться и сделал вид, что пьет.

Вернувшись назад, крумэн передал Гарри, что ему удалось все-таки поговорить с новоприбывшим шейхом и сказать ему: «Купите нас, вы возьмете за нас потом хорошие выкупы». На это шейх отвечал: «Белые невольники — собаки. они не стоят того, чтобы их покупать».

— Значит, с этой стороны у нас нет никакой надежды! — грустно проговорил Теренс.

Крумэн покачал головой, как будто не разделяя мнения, только что высказанного молодым О'Коннором.

— Как! вы думаете, что еще есть какая-нибудь надежда?

Невольник сделал утвердительный знак.

— Как? каким образом?

Крумэн отошел от них, не дав другого объяснения.

Когда солнце собиралось садиться, арабы сняли свои палатки и ушли по направлению к высохшему колодцу, который Голах и его караван только что покинули. Как только они исчезли за холмом, сын Голаха взобрался на вершину холма и оттуда следил за арабами, пока женщины и дети навьючивали верблюдов и складывали палатки.

Дождавшись, пока последние тени ночи спустились на землю, Голах отдал приказ продолжать путь по направлению к юго-востоку; этим путем он удалялся от берега и отнимал у невольников всякую надежду когда-нибудь вернуть себе свободу.

Крумэн, напротив, был, по-видимому, рад, видя, что они едут этой дорогой.

Несмотря на ночное путешествие, Голах все еще боялся, что его нагонят арабы, и так велико было его желание насколько возможно увеличить между ними расстояние, что он сделал привал только тогда, когда солнце уже часа два стояло над горизонтом. Фатима, его любимица, несколько времени шла около него и говорила с ним очень оживленно. По жестам и поморщиванию бровей хозяина видно было, что он выслушивал важное известие.

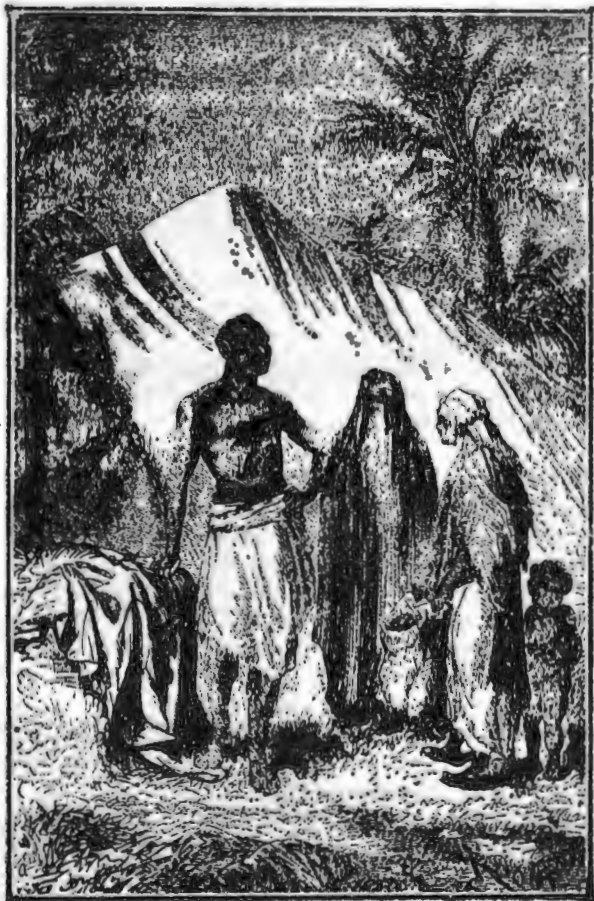
Как только палатки были расставлены, он приказал негритянке, матери ребенка, которого нес Колин, подать ему мешок с финниками, которые ей поручено было сохранять.

Женщина встала и повиновалась, но при этом дрожала всем телом. Крумэн бросил на белых невольников взгляд ужаса, и хотя последние не поняли приказа Голаха, но почувствовали, что произойдет что-то ужасное.

Женщина подала мешок, оказавшийся наполовину пустым.

Финики, которые раздавались невольникам три дня тому назад еще возле иссохшего колодца, были взяты из другого мешка, хранившегося у Фатимы.

Значит, мешок, который в эту минуту подавала Голаху вторая жена, должен быть нетронутым, и Голах сири сил, почему мешок наполовину пуст.

Негритянка с дрожью отвечала, что она и ее дети ели финики.

Услышав этот ответ, Фатима насмешливо засмеялась и произнесла несколько слов, заставивших задрожать негритянку.

— Я переведу вам,— сказал крумэн, сидевший возле мичманов,— что сказала Фатима Голаху: «Собака-христианин поел финики». Голах убьет как его, так и жену.

По законам пустыни, нет большего преступления, как похитить у путешественников пищу или воду или же путешествуя с другими, есть или пить потихоньку от своих спутников. Неумолимый закон пустыни строго наказывает виновных.

Провизия, которую отдают на сохранение кому-нибудь, должна быть сохранена даже в том случае, если бы для этого пришлось пожертвовать жизнью.

Ни в каком случае такое доверенное лицо не имеет право располагать ни самомаleastшей частицей пищи без общего согласия всех и всё должно быть разделено поровну.

Если Фатима сказала правду, то преступление, совершенное негритянкой, само по себе было настолько велико, что она могла быть осуждена на смерть, но, как оказалось, вина ее была еще больше..

Она покровительствовала невольнику, собаке христианину, и возбудила ревность своего повелителя.

Фатима казалась счастливой, потому, что, по меньшей мере, надо было случиться чуду, чтобы спасти жизнь второй жены, ненавистной ей соперницы.

Вытащив свою саблю и зарядив ружье, Голах приказал невольникам сесть на землю в одну линию. Этот приказ был немедленно выполнен.

Сын Голаха и другой страж стали против них тоже с заряженными ружьями. Им было приказано стрелять во всякого, кто встанет. Тогда шейх направился к Колину и, схватив его за темнорусые кудри, оттащил в сторону и тут оставил его одного.

Голах роздал затем порцию шени всему каравану, за исключением негритянки и Колина.

Шейх считал излишним давать пищу тем, которым должны умереть; между тем видно было, что он еще не решил, каким образом предать их смерти.

Оба стража, с ружьями в руках, зоркими глазами сле

дили за белыми невольниками, пока Голах разговаривал с Фатимой.

— Что же нам теперь делать? — спросил Теренс. — Старый негодяй придумывает какую-нибудь мерзкую шутку, но как ему помешать исполнить, что он задумал? Не можем же мы позволить ему убить бедного Колина?

— Надо действовать немедленно, — сказал Гарри, — мы и так слишком долго ждали. Скверно только, что мы отделены от остальных невольников!.. Билль, что ты нам посоветуешь?

— И сам не знаю, что вам сказать, — отвечал моряк. — Если мы кинемся на них дружно, пожалуй нам удастся убить человека два или даже три при первом натиске, и, пожалуй, все бы кончилось отлично, если бы эти противные черные невольники согласились к нам присоединиться.

Крумэн, услышав эти слова, предложил присоединиться к ним; он еще прибавил, что его соотечественники тоже готовы помогать. Что же касается остальных черных, то он за них не отвечает и боится, как бы сторожа не услышали их переговоров.

— Тогда отлично, — объявил Гарри, — нас было бы шестеро против троих. Ну, что же, подавать сигнал?

Это был отчаянный план, но, по-видимому, все были согласны сделать смелую попытку.

Со времени своего ухода от колодца они были убеждены, что не могут иначе избавиться от рабства, как вступив в бой с пароботителями.

— Ну, все согласны?.. Я начинаю, — прошептал Гарри, стараясь не возбуждать внимания стражи. — Раз!

— Остановись! — вскричал Колин, внимательно прислушивавшийся к тому, что затевалось. — Двое или трое будут немедленно убиты, а остальных шейх докончит своей саблей. Лучше пусть он убьет меня одного, если уж он так решил, чем вам жертвовать собою всем четверым в надежде меня спасти.

— Мы хлопочем, не о одном тебе, — отвечал Гарри, — у нас тоже не хватает больше терпения подчиняться этому черномазому дикарю.

— Ну, в таком случае бунтуйте тогда, когда у вас будут хоть какие-нибудь шансы на успех, — возражал Колин. — Вы все равно не можете спасти меня и только рискуете поплатиться за это жизнью.

— Голах собирается убить кого-нибудь наверное,— сказал крумэн, устремив глаза на шейха.

Последний в это время все еще говорил с Фатимой, и на лице его читалось выражение страшной жестокости.

Женщина, судьбу которой они в эту минуту решали, ласкала своих детей, без сомнения предчувствуя, что ей оставалось лишь несколько минут, чтобы сказать им последнее «прости»; ее черты носили странный отпечаток спокойствия и покорности. Третья жена удалилась в сторону, держа своих детей на руках, она смотрела на все происходившее с любопытством, смешанным с удивлением и сожалением.

— Колин,— вскричал Теренс,— мы положительно не в силах оставаться здесь спокойными зрителями твоей смерти на наших глазах! Не лучше ли нам сделать попытку освободить тебя и себя, пока еще имеются некоторые шансы на успех, пусть Гарри подаст сигнал.

— Но ведь это безумие! — возразил опять Колин.— Подождите, по крайней мере, пока мы не узнаем, что он думает делать. Быть может, он решит сохранить меня для будущей мести, и вы тогда будете иметь возможность предпринять что-нибудь в удобную минуту, а не так, как теперь, когда перед вами стоят два человека настороже, готовые всадить вам пулю в лоб.

Мичманы сознавали, что товарищ их говорит правду, и они решили ждать молча, устремив глаза на палатку шейха.

Вскоре Голах двинулся в их сторону — скверная улыбка играла на его диких чертах.

Прежде всего он достал кожаные ремни, которые были привязаны у седла его верблюда, потом повернулся к обоим сторожам и оживленно с ними заговорил, приказывая, по всей вероятности, им хорошенько сторожить, потому что они тотчас же направили свои мушкеты на пленников, и, казалось, только ждали приказа стрелять.

Затем шейх сделал Теренсу знак приблизиться к нему. Последний колебался.

— Ступай, товарищ,— сказал Гарри,— он тебе не жалеет зла.

В эту минуту Фатима вышла из палатки своего мужа, вооруженная саблей и, по-видимому, очень желанием иметь случай пустить ее в дело.

Теренс, повинуясь знаку начальника, приподнялся; затем крумэн получил точно такой же приказ, и Голах увел их обоих в палатку. Фатима последовала за ними.

Тогда шейх сказал несколько слов африканцу. Последний перевел их молодому мичману: «Полное повиновение,— велел передать ему Голах,— одно только может его спасти; ему свяжут руки, и он советует ему, если он дорожит своей жизнью, не звать на помощь своих товарищей. Если он останется спокойным, то ему нечего бояться, но малейшее сопротивление с его стороны будет сигналом смерти для всех белых».

Теренс был одарен редкой для своего возраста силой, но в борьбе с африканским колоссом он неизбежно был бы побежден; было бы безумием рисковать сражаться с ним одному.

Не дать ли ему знать своим товарищам посредством условленного сигнала? А что если это подвергнет их немедленной смерти? Их стражи уж наверное не промахнутся при первой же попытке возмущения. И он подчинился.

Голах вышел из палатки и тотчас же вернулся с Гарри Блаунтом. Видя Теренса и крумэна связанными, молодой человек бросился к выходу и стал бороться, желая высвободиться из объятий негра. Но усилия его были напрасны, побежденный своим страшным соперником, который в то же время ограждал его от ярости Фатимы, он тоже должен был позволить себя связать.

Затем Теренс, Гарри и крумэн были выведены наружу на то место, которое ранее занимали.

С Биллем и Колином было поступлено также.

— Чего этому черту от нас надо? — спросил моряк, пока Голах связывал ему руки.— Уж не собирается ли он нас убить?

— Нет,— отвечал крумэн,— он убьет только одного. И глаза его взглянули на Колина.

— Колин! Колин!.. — вскричал Гарри.— Видишь, что ты наделал... ты не хотел нашей помощи вовремя, а теперь мы уже и не можем помочь тебе.

— Тем лучше для вас! — отвечал последний.— По крайней мере, с вами не случится ничего дурного.

— Но если у него нет дурных намерений, зачем он нас так связал? — спросил моряк.— Странная манера доказывать свою дружбу.

— Да, зато этот способ самый надежный. В этом ви-

де вы не можете подвергать себя опасности безумным сопротивлением его воле.

Теренс и Гарри поняли, то хотел сказать Колин и почему с ними так поступил начальник: он хотел лишить их возможности вмешаться, когда он будет расправляться с осужденными на смерть.

Как только Голаху удалось так хорошо устроить дело с белыми невольниками, ему нечего было бояться остальных, и оба сторожа удалились в палатку закусить.

Во время этого разговора между потерпевшими крушение Голах был занят расседлыванием одного из верблюдов. Предметом его поисков были две лопаты, которые он передал своим невольникам, которые тотчас же принялись копать яму в песке.

— Они копают могилу для меня или для этой бедной женщины, а может быть и для нас обоих,— сказал Колину, смотря на них спокойно.

Трое остальных европейцев разделяли убеждение своего товарища, но молчали.

Тем временем Голах занимался приготовлениями к отъезду.

Когда невольники вырыли в мягком песке яму глубиною около четырех футов, шейх приказал им копать другую.

— Будут две жертвы,— сказал Колин.

— Ему следовало бы убить всех нас! — вскричал Теренс.— Мы подлые трусы потому, что не боролись за нашу свободу.

— Да,— повторил Гарри,— безумцы и трусы! Мы не заслуживаем сожаления ни в этом мире, ни в будущем. Колин, друг мой, если с тобой случится несчастье, клинись отомстить за тебя, как только мои руки будут свободны.

— И я клянусь вместе с тобою,— добавил Теренс.

— Не заботьтесь обо мне, товарищи,— сказал Колин, бывший спокойнее остальных.— Но как только вы будете иметь возможность, постарайтесь отделаться от этого чудовища.

В эту минуту внимание Гарри привлек Билль. Старый моряк сделал знак одному невольнику развязать ему руки, но последний, вероятно, боясь, что его увидит Голах, отказался.

Второй крумэн, оставшийся связанным, предложил

своему соотечественнику развязать его, но тот также отказался.

Несчастливая женщина, которой грозила месть Голаха, оставалась все такой же спокойной; дети ее с плачем прижимались к ней, а мичманы, вне себя от ярости и стыда, хранили гробовое молчание.

Одна Фатима казалась торжествующей.

Вторая яма была вырыта на небольшом расстоянии от первой и когда она достигла той же глубины, Голах приказал неграм прекратить работу.

Тем временем палатки были опять сложены, верблюды навьючены. Все было готово к отъезду.

Оба стража снова заняли свой пост перед белыми невольниками. Тогда Голах направился к негритянке, которая освободилась от своих детей и встала при его приближении.

В лагере царила глубокая тишина.

Неужели он собирается убить ее? Неизвестность продолжалась недолго.

Голах схватил женщину за руки, приволок ее к одной из ям и бросил в нее; потом невольникам приказано было засыпать яму, оставив наружи только голову несчастной.

— Бог да сжалится над нею! — закричал Теренс с ужасом. — Чудовище зарывает ее живую в землю! Нельзя ли нам ее спасти?

— Мы будем недостойны называться мужчинами, если не попытаемся спасти ее, — сказал Гарри, поднимаясь на ноги.

Его примеру тотчас же последовали его товарищи.

Сторожа подняли ружья и прицелились, но быстрый жест Голаха остановил выстрел.

Сын шейха, по приказу своего отца, кинулся к яме, где стояла женщина, в то время, как Голах сам шел навстречу мятежникам. В одну минуту бунтовщики были укрощены. Он схватил двоих, Гарри и Теренса за волосы и оттащил их на то место, где они лежали раньше.

Затем Голах направился к яме, в которую была опущена негритянка, уже наполовину засыпанная песком.

Она не пробовала сопротивляться и даже не издала ни одного звука; она казалась покорившейся своей участи. Одна только ее голова виднелась над могилой, где она была осуждена умереть с голоду. В ту минуту, когда шейх уходил, она сказала ему несколько слов, не тронувших этого бесчувственного варвара; зато слезы на-

THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE
THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE
THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE

THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE
THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE
THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE

THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE

THE GREAT WAR
THE BATTLE OF THE MARNE

полили глаза крумэна и покатались по его щекам медного цвета.

— Что она говорит? — спросил Колин.

— Она просит его быть добрым к ее детям,— отвечал тот дрожащим голосом.

Оставив свою жену, Голах направился к Колину. Сомневаться в его намерениях было невозможно: оба лица, навлекшие на себя его гнев, должны умереть одинаково.

— Колин! Колин! что можем мы сделать, чтобы тебя спасти? — с отчаянием кричал Гарри.

— Ничего.— отвечал последний.— И не пробуйте даже,— это ни к чему бы не повело; предоставьте меня моей судьбе.

В эту минуту несчастный Колин также был опущен в яму, и сам Голах держал его в вертикальном положении до тех пор, пока невольники не наполнили всей ямы песком.

Колин, следуя примеру женщины, не сделал ни одного движения, не произнес ни одной жалобы и скоро был зарыт по плечи. Товарищи его были поражены.

Затем шейх объявил, что он готов к отъезду. Он приказал одному из невольников сесть на верблюда, на котором ездил зарытая женщина, и трое детей несчастной были помещены вместе с ним.

Голаху оставалось только отдать еще приказание, вполне достойное той, которая ему его внушила, т. е. Фатимы.

Наполнив сосуд водою, он поставил его между двумя ямами, но на таком расстоянии, что ни той ни другой жертве невозможно было до него дотронуться. Возле сосуда он положил также несколько фиников. Эта сатанинская мысль имела целью возбуждать их страдания видом того, что могло бы их облегчить. Затем он приказал трогаться в путь.

— Не трогайтесь с места! — сказал Теренс.— Мы еще дадим ему работу.

Голах взобрался на своего верблюда и стал во главе каравана, когда невольники пришли известить его, что белые пленники отказываются идти.

Шейх вернулся назад в страшном бешенстве. Он стал действовать прикладом и кинувшись на Теренса, который был к нему ближе всех, начал бить его изо всей силы.

— Встаньте! повинуйтесь! — кричал Колин.— Ради

Бога уходите и оставьте меня! Вы ничего не можете сделать, чтобы меня спасти!

Ни просьбы Колина, ни удары Голаха не могли заставить мичманов покинуть своего товарища.

Затем шейх кинулся на Билля и Гарри, схватил их обоих и бросил возле Теренса. Соединив их всех троих таким образом, он послал за верблюдом. Приказ был немедленно исполнен. Шейх взял в руку узлечку.

— Нечего делать, нам придется идти,— сказал Билль.— Он опять начинает ту же игру, которая удалась ему со мной недавно; я не дам ему повода вторично беспокоиться.

Пока Голах привязывал веревку к рукам Гарри, пронзительный голос Фатимы привлек его внимание. Обе женщины, правившие верблюдами, навьюченными добычей с корабля, отошли вперед почти на двести ярдов от того места, где находился хозяин, и теперь были окружены, равно как и черные невольники, кучкой людей, сидевших на верблюдах и на лошадях.

Глава 13

НОВОЕ РАБСТВО

Не без причины боялся Голах арабов, с которыми встретился у колодца, и приказал своему отряду идти усиленным маршем всю ночь.

Забыв на время о невольниках, черный шейх схватил свой мушкет и в сопровождении сына и шурина кинулся вперед защищать своих жен.

Но он пришел уже слишком поздно. Еще раньше, чем Голах успел подойти к ним, женщины, невольники и вся добыча были же во власти врагов. Грабители-арабы швели на него целую дюжину ружей и приказали не думать о сопротивлении.

Голах благоразумно покорился силе.

Проговорив спокойным голосом: «На то воля Бога» он сел и предложил победителям объявить ему условия сдачи.

Видя, что караваном завладели теперь арабы, крумэн крикнул своим товарищам, чтобы они развязали ему руки, после чего сейчас же побежал на помощь к белым невольникам.

— Голах нет больше наш хозяин,— сказал он на ломаном английском языке, развязывая руки Гарри.

В одну минуту веревки были развязаны, и мичманы, став свободными, принялись откапывать из земли Колина и несчастную негритянку.

Билль, Гарри и крумэн принялись за дело, и через несколько минут Колин и негритянка были уже освобождены.

Радость матери, целовавшей своих детей, была так трогательна, что у крумэна на глазах показались слезы.

Между тем переговоры Голаха с арабами окончились не так, как он рассчитывал.

Арабы предлагали ему двух верблюдов и одну из его жен на выбор, с условием, что он вернется на свою родину и даст клятвенное обещание никогда больше не возвращаться в пустыню.

Черный шейх с гневом отказался подчиниться этим условиям и объявил, что скорее умрет, чем поступится хоть чем-нибудь из того, что ему принадлежит.

Отказ был выражен так категорически и таким угрожающим тоном, что арабы сочли нужным обезоружить непокорного черного шейха и затем даже связали его.

Как только белые невольники увидели Голаха на земле, в ту же минуту они добровольно передались арабам.

В ту же ночь Голах и его сын с зятем бежали, захватив несколько верблюдов и убив четырех арабов из одиннадцати. Найдено было также тело второй жены Голаха — с отрубленной головой.

Глава 14

МЕСТЬ ГОЛАХА

К вечеру того же дня моряки своими глазами увидели, что солнце заходит в блестящий горизонт, который вовсе не походил на горизонт песчаной пустыни, по которой они уже так давно тащились.

Отдаленное появление любимой стихии больше всех обрадовало старого Билля.

— Это наша родина! — вскричал он. — Мы не будем зарыты в песок! Теперь я уже больше не хочу терять морю из виду, я хочу окончить жизнь свою под водой, как христианин!

Мичманы были так же счастливы, как Билль. Но море все-таки было еще слишком далеко, и они не могли подойти к нему в тот же вечер. Лагерь устроили в пяти милях от берега.

Ночью трое арабов постоянно стояли на страже, а на следующее утро все пустились в путь, — некоторые с надеждой, а другие напротив, с боязнию, что Голах больше не покажется.

Арабы желали встретить его днем, надеясь отнять при этом похищенных животных, и так как они хорошо знали эту часть берега, то были почти уверены, что желание их исполнится. В двух днях пути находилось единственное место, где можно найти воду, и если они дойдут туда раньше Голаха, им придется только дожидаться его там. Он наверное придет туда, чтобы не дать животным умереть от жажды.

В полдень они сделали остановку недалеко от берега. Они оставались там недолго, так как старому шейху хотелось добраться до колодца как можно скорее. Мичманы воспользовались остановкой, чтобы выкупаться в море и кстати набрать раковин.

Освеженный купаньем и подкрепившись сытной пищей, белые невольники переносили трудности пути гораздо легче; благодаря этому караван достиг колодца за час до захода солнца.

Старый шейх и другой араб предусмотрительно сошли на землю, чтобы осмотреть следы, оставленные теми, которые были раньше на этом месте. Им пришлось сильно разочароваться: Голах уже побывал здесь, и — в этом не было никакого сомнения — прошло не больше двух часов со времени его отъезда, потому что следы казались совершенно свежими. По всей вероятности, черный шейх, недалеко и выжидает только удобного случая сделать почной визит своим врагам.

Страх арабов еще более усилился после этого открытия. Они положительно не знали, как им быть и что предпринять. Мнения разделились. Одни советовали пробыть несколько дней у колодца, пока запас воды, взятый с собою врагами, истощится и тогда Голах будет принужден прийти за новым. Мысль была недурная, но, к несчастью, запасы провизии не позволяли такой долгой остановки, и решено было уйти немедленно.

В ту минуту, когда они снимались с лагеря, с юга приехал караван купцов, и старый шейх спросил их, не встре

чали ли они того-нибудь дорогой. Купцы отвечали, что дорогой у них купили провизии три человека, и, судя по описанию наружности этих людей, это были именно те негры, о которых расспрашивал старый шейх.

Неужели арабы могли предполагать, что Голах откажется от мести? На это нечего было и рассчитывать.

Старый шейх объявил, что имущество погибших будет разделено между оставшимися в живых; затем караван тронулся в путь.

После небольшого перехода опять остановились на отдых, и невольники получили позволение собирать раковины, но уже не для себя исключительно, а и для всего каравана. Большинство арабов думало, что черный шейх, наконец, ушел в свою страну, удовлетвовавшись местью.

Они даже считали, что на будущее время незачем будет им ставить стражу на ночь.

Крумэн не разделял этого мнения и сделал все, что мог, чтобы убедить своих новых хозяев, что им и в эту ночь, точно так же как и в предыдущие, грозит посещение Голаха.

Он всеми силами старался доказать им, что если Голах для удовлетворения жажды мщения убивал у них людей даже в то время, когда он был один и почти безоружный, то теперь, отлично вооруженный, истребив почти половину своих врагов, он, конечно, уже не оставит их в покое, тем более, что у него в отряде есть еще двое.

— Скажите арабам, — вмешался Гарри, — что, если они не хотят сторожить, тогда мы сами об этом позаботимся, с условием, чтобы они дали нам какое-нибудь оружие.

Крумэн передал это предложение шейху, который только улыбнулся вместо всякого ответа.

Мысль доверить охрану дуара невольникам и особенно дать им оружие, казалось, его очень забавляла.

Гарри понял значение этой улыбки: это был отказ.

— Шейх — старый дурак, — сказал он переводчику. — Уверь его, что мы так же боимся попасть в руки Голаха, как и ему не хочется лишиться нас или быть убитым. Дай ему понять, что мы желаем идти на север, где надеемся, что нас выкупят, и уже по одной этой причине будем сторожить лагерь с такой же бдительностью и верностью, как сами арабы.

Эти доводы, казалось, поразили вождя; убежденный аргументами крумэна, что Голах мог так же хорошо напасть на них в эту ночь, как и в предыдущие, он приказал, чтобы дуар и в эту ночь тщательно охраняла стража, к которой присоединятся и белые невольники.

— Вы пойдете на север и будете проданы вашим соотечественникам,— сказал он,— если сдержите ваше слово. Теперь нас немного, нам тяжело путешествовать весь день и сторожить еще ночью. Если вы действительно боитесь снова попасть во власть этого проклятого негра, если вы хотите помочь нам защищаться от его нападений,— милости просим, но если хоть один из вас вздумает нас обмануть, вам всем четверым тотчас же отрежут головы. Клянусь бородой пророка.

Итак, шейх согласился, наконец, назначить стражу, но он все еще слишком не доверял белым невольникам, чтобы позволить им сторожить вместе.

Он спросил у крумэна, кто из белых больше всего пострадал от жестокого обращения Голаха. Крумэн указал на Билля.

— Бисмиллях! — вскричал старый араб, когда узнал, что вытерпел моряк.— Я теперь не боюсь, что он нам изменит; пусть он сторожит первым, и после всего, что ты мне сказал, я легко повторю, что его желание отомстить помешает ему закрыть глаза в течение целого месяца!

Один из часовых стоял на берегу в сотне шагов к северу от дуара. Ему было приказано проходить пространство около ста шагов. Другой был поставлен на таком же расстоянии к югу от лагеря, а Билль должен был прогуливаться между двумя арабскими часовыми. Каждый из них, встречая его в конце назначенного ему обхода, должен был произносить слово: «акка».

Что касается арабов, то предполагалось, что они достаточно опыты, чтобы отличить врага от друга, не имея надобности прибегать к паролю.

Шейх, которого звали Риак-Абдалла, пошел в одну из палаток и затем вынес оттуда огромный пистолет или, скорей, мушкетон. Он отдал его моряку, советуя ему через толмача стрелять только тогда, когда он будет уверен, что убивает Голаха или одного из его спутников.

Билль питал такой страх к своему бывшему тирани, что с радостью дал обещание, несмотря на свою усталость, ходить по мостику всю ночь и не терять из виду прибора.

Оба араба, которым было поручено сторожить вместе с Биллем, знали по опыту, что если на караван будет сделано нападение, то они первые подвергнутся наибольшей опасности, и одного этого достаточно было, чтобы заставить их неусыпно бодрствовать на своих постах.

Оба они ходили как им было указано, и каждый раз, как Билль приближался к концу назначенной дистанции, он ясно слышал условный сигнал — «акка».

Один из арабов, тот самый, который стоял к югу от дуара, внимательно осматривал только окружающую его пустыню, предполагая, что лагерь вполне защищен со стороны моря.

Он ошибался.

Голах на этот раз решил повторить проделку мичманов. Он вошел в воду, выставив из нее только свою волосатую голову; таким образом он наблюдал за малейшими движениями часовых, не будучи видим ими.

Если бы стоявший у берега более внимательно осматривал и морской берег, ему, вероятно, было бы легко открыть врага, но, уже сказано, все его внимание было направлено в другую сторону.

Он уже в сотый раз начинал свой обход, когда Голах, пользуясь временем, когда часовой шел назад, повернувшись спиной к берегу, пошел позади него; шум его шагов терялся в рокоте волн, разбивавшихся о валуны.

У Голаха была только одна сабля, но в его руках это было очень опасное оружие. Он близко подошел к часовому, поднял над ним свою могучую руку, и араб склонился, издав вздох, которого никто не слышал.

Убийца взял ружье часового и пошел в том же направлении; на этот раз он шел смело, потому что предполагал, что шум его шагов, будет приписан его жертве, но никого не встретил. Негр остановился, стараясь глазами пронзить окружающий мрак и, не видя ничего, прилег на землю прислушиваясь.

Затем, приподнявшись, он заметил впереди какой-то темный предмет; не зная, что бы это могло быть, он двинулся вперед ползком, пока не увидел человека, лежавшего на земле, который, по-видимому, также прислушивался, как и он сам. К чему? Конечно, не для того, чтобы сторожить приближение товарища, которому ему не было надобности остерегаться. «Быть может, он спит», — подумал Голах.

Если это так, значит, случай ему благоприятствует, и

с этой мыслью негр продолжал ползти к лежавшему человеку.

Хотя последний не делал ни малейшего движения, Голах вовсе не был уверен, что он спит. Он сделал новую паузу, и тогда его пронзительные глаза устремились на видневшееся впереди тело с удвоенным вниманием. Если этот человек не спит, зачем позволяет он врагу подходить к себе так близко? Чем объяснить эту неподвижность? Почему не поднимает он тревоги? Голах подумал, что если ему удастся отделаться от этого стража, как и от того, без шума, то ему можно будет с двумя его товарищами (ждавшими результата его попытки) проскользнуть затем в дуар и взять обратно все, что он потерял:

Негр подвинулся еще немного и увидел, что человек этот лежит на боку, повернув к нему лицо, наполовину закрытое согнутой рукой.

Шейх не заметил в руках этого человека ружья, — следовательно, опасного ничего нет. Голах взял свою саблю в правую руку, рассчитывая убить эту вторую жертву, как и первую, одним ударом.

Стальной клинок сверкнул в темноте, и могучая рука шейха с силой сжала рукоятку оружия.

Билль! старый моряк! неужели ты уже изменил своему слову? Разве ты забыл свою обязанность? Берегись! Голах приближается, его рука занесена над тобою, и в мыслях он уже видит тебя мертвым.

Глава 15

СМЕРТЬ ГОЛАХА

Проходив два часа взад и вперед и не слыша ничего другого, кроме слова «акка», и ничего не видя, кроме серого песка, Билль начал чувствовать усталость и очень сожалел, что старый шейх почтил его своим доверием.

В продолжение первого часа своего караула он внимательно осматривал восточную сторону горизонта, сам то исполняя взятые на себя обязанности часового, но затем, не видя нигде и следов неприятеля, он постепенно стал забывать о грозящей ему опасности и — что случилось с ним очень редко — начал вспоминать прошедшее и мечтать о будущем. Но скоро и это ему надоело и, не

зная чем развлечься, он принялся осматривать врученное ему шейхом оружие.

«Вот знатный мушкетон,— подумал он.— Надеюсь, мне не придется пускать его в дело. Ствол такой тоненький, а пуля величиною должна быть с куриное яйцо. Вот раздается-то грохот, если выстрелит... А что, как арабы забыли его зарядить... Как это не пришло мне в голову удостовериться с самого начала?..»

Осмотревшись кругом, старый моряк заметил валяющуюся на земле небольшую палочку, поднял ее и измерил длину ствола снаружи; потом, опустив палочку в дуло пистолета, увидел, что снаружи ствол был длиннее, чем внутри.

Значит, пистолет заряжен, но, судя по незначительности места, занятого зарядом, пули быть не должно. Затем старый матрос осмотрел затравку и нашел все в полном порядке.

— Понимаю,— пробормотал он,— старый шейх хочет, чтобы я только побольше нашумел, в случае если увижу что-нибудь подозрительное. Он не зарядил пистолета пулей из боязни, чтобы я не употребил оружия против них. Нельзя сказать, чтобы он мне особенно доверял! Они хотят, чтобы я только залаял в нужную минуту, не имея возможности укусить!.. Ну, это мне совсем-таки не по нутру. Честное слово! я отыщу себе хорошенький камешек и опущу его в дуло вместо пули!..

Говоря таким образом, Билль стал искать по берегу камешек подходящей величины, но нигде не мог найти ничего подходящего: под руку попадался только мелкий песок.

Пока моряк разыскивал пулю для своего пистолета, ему показалось, что он слышит шаги человека, идущего совсем не с той стороны, откуда он должен был услышать обычное «акка».

Билль остановился и стал внимательно присматриваться, но впереди не были ничего подозрительного.

Со времени своих невольных странствований по пустыне Билль много раз замечал, что арабы ложатся на землю, когда хотят прислушаться. Он употребил тот же способ.

Опустившись на землю, Билль сделал еще одно открытие: в этой позе он мог видеть на гораздо большее расстояние, чем стоя. Земля казалась ему больше освещенной, чем в то время, когда он смотрел на нее с высоты

четыре или пяти футов, и отдаленные предметы яснее выделялись на горизонте.

Вдруг он услышал шум шагов, как будто кто-то шел со стороны побережья, но, убежденный, что это были шаги часового, моряк не обратил на это особенного внимания. Он лежал прислушиваясь, не повторится ли шум шагов, который, как ему показалось, доносился с противоположной стороны.

Но больше ничего не было слышно, и моряк решил, что он ошибся.

Но вот странное обстоятельство. Часовой с левой стороны подошел к нему ближе обыкновенного и до сих пор еще не произнес условленного «акка».

Билль повернул голову и стал смотреть в эту сторону. Шум шагов прекратился, но зато моряк увидел на небольшом расстоянии от себя фигуру человека, который стоял выпрямившись и внимательно осматривался кругом.

Этот человек не мог быть часовым.

Араб был маленького роста и худощав, а стоявший пред Биллем был чуть не великан. Вместо того, чтобы, остановившись на одном месте, произнести условленный пароль, незнакомец пригнулся, приложив ухо к земле, и стал слушать.

Старый матрос воспользовался этим временем, чтобы набить песком дуло своего пистолета.

Что ему теперь делать? Выстрелить, поднять тревогу и затем бежать в лагерь?

Нет! Может быть это все напрасные страхи. Человек, который в эту минуту слушает, пригнувшись к земле, может быть, не кто иной как араб-часовой, по своей привычке проверяющий все ли спокойно кругом.

Пока Билль раздумывал над этой нерешительностью, Голах приближался к нему ползком. Он подполз шагов на десять к моряку и вдруг поднялся.

Тут Билль уже с уверенностью мог сказать, что перед ним не араб-часовой, а сам черный шейх!

Во всю свою жизнь не испытывал старый моряк такого страха, как в эту минуту. С испугу он хотел было уже разрядить свой пистолет и затем бежать к дуару, но подумал, что раньше, чем успеет подняться, шейх убьет его ударом сабли, и, весь дрожа от страха, остался лежать неподвижно.

Голах подошел еще ближе, и моряк решился, наконец, действовать.

Он навел свой пистолет на черного шейха, спустил курок и в ту же минуту вскочил на ноги.

Раздался громкий выстрел, за которым последовал ужасающий крик.

Билль не дождался результатов своего удачного выстрела: стрелой летел он к лагерю, где его встретили перепуганные арабы. Поднялся страшный крик, кричали все: мужчины, женщины и дети.

С той стороны, куда выстрелил Билль, слышно было, как кто-то кричал: «Мулей! Мулей!»

— Это голос Голаха! — сказал крумэн по-арабски. — Он кличет своего сына, а того зовут Мулей.

— Они нападут на дуар! — сказал арабский шейх.

Слова шейха еще больше увеличили смятение арабов.

В то время, пока арабы в испуге метались по дуару, обе жены Голаха, забрав своих детей, убежали из лагеря; никто этого даже и не заметил.

Женщины услышали тревожный крик тирана-властелина, которого они боялись в дни его могущества и к которому теперь чувствовали жалость.

Арабы приготовились встретить страшного шейха, но время шло, а враг не показывался. Вслед за страшным шумом наступила тишина, и можно было подумать, что тревога, поднявшая на ноги весь дуар, была лишь беспричинной паникой.

Заря начинала уже заниматься на востоке, когда арабский шейх, оправившийся от своего страха, решил осмотреть дуар и проверить число людей.

Два важных факта не позволяли думать, что тревога была неосновательна: часовой, поставленный к югу от дуара для его охраны, исчез, исчезли также и обе жены Голаха.

Исчезновение женщин не требовало никаких особенных объяснений: они убежали, желая присоединиться к человеку, звавшему Мулея.

Но куда девался араб?

Неужели и он пал жертвой кровожадного Голаха?

Билль, считая свои обязанности часового оконченными, отправился спать. Шейх велел крумэну разбудить его.

— Спроси его, — сказал шейх крумэну, — зачем он стрелял.

— Зачем? Затем, чтобы убить черномазого Голаха, и, если не ошибаюсь, я, кажется, хорошо исполнил свои обязанности часового.

Когда ответ этот был переведен шейху, на его устах показалась улыбка недоверия. Затем он велел спросить Билля, видел ли он черного шейха.

— Он спрашивает, видел ли я Голаха? Конечно! — отвечал моряк. — Он был всего в четырех шагах от меня, когда я выстрелил в него. Говорю вам, что он ушел и больше уже никогда не вернется.

Шейх покачал головой, и та же улыбка недоверия снова появилась на его губах.

Эти вопросы были прерваны известием, что нашли труп часового, который все тотчас же окружили.

Голова у трупа была почти совсем отрезана от его туловища; нанесенный ему удар, очевидно, был делом рук черного шейха. Около трупа виднелись следы ног, которые могли оставить только одни громадные ступни Голаха.

Теперь было совершенно светло, и арабы, осматривая южную сторону берега, сделали еще другое открытие: они увидели в полумиле от себя двух верблюдов и лошадь. Оставив одного араба стеречь дуар, шейх, в сопровождении всех остальных мужчин, тотчас же отправился в ту сторону, в надежде захватить пропавших животных.

Дойдя до места, где виднелись верблюды, арабы нашли зятя Голаха, который караулил животных. Он лежал на песке, но при приближении арабов вдруг поднялся, протягивая им обе руки.

Он не был вооружен, и жест его означал: «Мир!»

Обе женщины, окруженные своими детьми, стояли возле него и, казалось, были очень огорчены. Они даже не подняли глаз при приближении старого шейха.

Ружья и другое оружие валялись кругом на земле. Один из верблюдов был убит, и молодой негр пожирал кусок сырого мяса, вырезанный из горба животного.

Арабский шейх спросил негра про Голаха. Негр в ответ на этот вопрос молча показал рукой на море, где дни тела бились в волнах прибоя.

По приказанию шейха трое мичманов отправились вытаскивать трупы.

В мертвых признали Голаха и его сына Мулея. Лицо черного шейха, по-видимому, было сильно изуродовано, и глаза чем-то выбиты.

Снова принялись за зятя Голаха и потребовали от него объяснения о том, что здесь произошло.

— Я услышал, как вождь стал звать Мулея, после выстрела, и поэтому решил, что он ранен. Мулей побежал сейчас же к нему на помощь, а я на это время остался стеречь животных... Я голоден!... Мулей недолго проходил и скоро вернулся вместе с отцом, который бесновался как одержимый злым духом. Он бегал туда и сюда, размахивая своим мечом во все стороны, точно желая убить и нас обоих и верблюдов. Он ничего не видел и только поэтому нам удалось от него увернуться... Я голоден!

Молодой негр на этом окончил свой рассказ и, откусив кусок сырого мяса верблюда, стал пожирать его с быстротой, доказывавшей истинну его слов.

— Поросенок,— вскричал шейх,— прежде расскажи все, а потом поешь!

— Хвала Аллаху! — сказал негр, продолжая свой рассказ.— Голах набежал на одного из верблюдов и убил его. После этого шейх, успокоился. Злой дух покинул его, и он сел на песок. Тогда жены его подошли к нему; он ласково с ними говорил и, положив руки на головы детей, называл их по имени. Дети, подняв на него глаза, вдруг закричали, но Голах сказал им, чтобы они не пугались, что он вымоет лицо и тогда уже не будет таким страшным. Один из самых маленьких мальчиков повел его к морю, и он вошел в воду чуть не по самую шею. Он шел туда умирать. Мулей побежал остановить его и спасти, но течение увлекло их, и они оба утонули. Я не мог им помочь,— я был голоден!

Донельзя истощенные лицо и тело негра подтверждали истину его рассказа. Он шел день и ночь в течение почти целой недели и теперь изнемог от голода и усталости.

Невольники, по приказанию шейха, похоронили трупы. Избавившись, наконец, навсегда от ужасного врага, арабский шейх решил дать себе отдых на целый день, к великой радости невольников, которым разделли мясо верблюда.

Оставалось только разъяснить еще одну тайну по поводу смерти Голаха. Снова потребовали крумэна, который, впрочем, должен был служить только переводчиком.

Когда шейх узнал, каким образом Билль сделал из своего пистолета смертоносное оружие, зарядив его пес-

ком, он выразил большое удовольствие моряку за такое добросовестное исполнение своего долга.

В награду за оказанную им услугу он обещал, что не только сам Билль, но и все остальные его товарищи будут отведены в Могадор и возвращены их друзьям.

Еще два дня утомительного пути, показавшегося невольникам целым веком страданий: голод, жажда, утомление и удушающая жара довели их до такого состояния, что они сами начинали просить смерти. Но все это было забыто, когда, наконец, подошли к источнику.

Моряки с первого же взгляда узнали место, где они попались в руки Голаха.

— Храни нас Бог! — проговорил Гарри Блаунт, — мы здесь уже были; я боюсь, что мы не найдем здесь воды: мы оставили здесь ровно столько, чтобы наполнить два ведра, а так как дождя с тех пор не было, то источник должен высохнуть.

Отчаяние изобразилось на лицах его товарищей, но беспокійство их было непродолжительно, и они могли вволю утолить свою жажду, потому что воды нашли в изобилии: довольно сильная гроза разразилась несколько дней тому назад над маленькой долиной.

На следующее утро караван снова тронулся в путь.

Арабы не питали никакой злобы против молодого человека, помогавшего Голаху убивать их товарищей. Теперь негр состоял в числе невольников и, насколько можно было судить по его внешности, вполне примирился со своей участью; он только менял хозяина.

Глава 16

БЕРЕГОВЫЕ ГРАБИТЕЛИ

Еще целые восемь дней шел караван по направлению к северо-востоку.

Вечером на восьмой день караван подошел к ложу недавно высохшего потока. Хотя ручей и высох, но в нем еще оставались кое-где лужи стоячей воды. Около одной из этих луж и раскинули палатки.

К северу на холме росло несколько зеленых деревьев; туда отвели верблюдов, и листья, ветви и даже тонкие стволы были тотчас же съедены голодными животными.

Палатки раскинули в сумерках, и в эту минуту не

увидали двух людей, шедших к лагерю; они вели верблюда и несли меха из козьей кожи, без сомнения, с целью набрать воды. Они, по-видимому, были удивлены и раздосадованы, встретив около лужи чужестранцев.

Видя, что они не могут убежать, не будучи незамеченными, вновь прибывшие смело пошли вперед и стали наполнять свои меха. Тем временем они сказали старому шейху, что составляют часть каравана, расположившегося недалеко отсюда, что они идут на юг и завтра утром отправятся дальше.

После их ухода арабы стали совещаться.

— Они нам солгали, — проговорил старый шейх, — они не путешествуют, иначе они сделали бы привал здесь, около воды. Клянусь бородой пророка, они солгали!

Все были того же мнения и решили, что оба эти человека принадлежат к каравану, расположившемуся возле берега и занимавшемуся собиранием добычи с какого-нибудь разбившегося корабля.

Это был случай, которого не следовало упускать. Арабы решились получить свою долю из находки, выпавшей на долю их соседей.

Рано утром на следующий день караван уже шел к морскому берегу, отстоявшему очень недалеко. Дуар из семи палаток виднелся почти на самом берегу; несколько человек вышли вперед встретить прибывших.

Произошел обмен обычными приветствиями, и новоприбывшие стали осматриваться вокруг. Несколько куч дерева, разбросанных на берегу, доказывали, что арабы не ошиблись, предполагая что здесь недавно произошло кораблекрушение.

— Бог един и равно добр ко всем, — сказал старый шейх. — Он выбрасывает корабли неверных на наши берега, и мы пришли требовать нашу долю от Его щедрости.

— Мы охотно готовы уступить вам все, что вы имеете право от нас требовать, — отвечал человек высокого роста, по-видимому, начальник. — Магомед — пророк Того, Кто посылает нам добро и зло. Осмотрите берег и постарайтесь найти что-нибудь.

На основании такого любезного приглашения верблюды были развьючены, и арабы разбили палатки. После этого новоприбывшие немедленно принялись за поиски остатков от кораблекрушения.

Но, к удивлению их, вся добыча ограничивалась не-

сколькими обломками мачт и досок, не имевшими для арабов никакой цены.

Сиди-Ахмет — так звали начальника — сказал, что они работают уже целые четырнадцать дней, вытаскивая груз, а между тем работа их еще и наполовину не кончена, так как вытаскивать грузы из корабля очень трудно. Старый шейх спросил, в чем состоит этот груз, но не получил ответа.

Тут была какая-то тайна. Семнадцать человек работают четырнадцать дней над разгрузкой разбившегося корабля, а нигде не видно и следов собранного товара!

Новоприбывшие решили ждать, и во чтобы то ни стало узнать правду, а затем потребовать своей доли, если окажется, что найденный груз этого стоит.

Оказалось, что арабы таскают на берег огромные камни-песчаники в несколько пудов весом каждый.

Удивление, выразившееся на лицах Билля и его товарищей, укрепило грабителей в убеждении, что они открыли нечто очень ценное; это открытие только еще больше увеличило рвение арабов, и они работали на славу.

Крумэн попытался было объяснить своему хозяину, что эти камни, которым они все придают, по-видимому, такую ценность, не что иное как простой балласт.

Слова крумэна были встречены улыбкою недоверия. Остальные арабы также не верили этому. Люди Сиди-Ахмета решили, что крумэн или лжец или безумец, и продолжали свою работу с тем же усердием.

Старый шейх, услышав, что крумэн настанвает на своем, покачал головой.

Он думал, что не могут же люди быть такими безумцами, чтобы предпринять длинное морское путешествие только для того, чтобы перевозить ничего не стоящие камни.

А так как на корабле не было ничего похожего ни груз, то камни должны быть ценные.

Так рассуждал араб.

Пока крумэн старался объяснить шейху, зачем иногда нагружают корабли камнями, подошел один из грабителей и сказал, что один бедный больной лежит в одной из палаток и желает поговорить с неверными невольниками, о прибытии которых он только что узнал.

Крумэн сообщил эту новость морякам, и они поспешно направились к больному в надежде увидеть, может

быть, даже соотечественника, который, как и они, имели несчастье быть выброшенным на негостеприимный берег Сахары.

Войдя в указанную им палатку, моряки нашли там лежащего на земле человека лет около сорока. Он страшно исхудал,— кожа да кости, но вовсе не казался больным, и во всяком другом месте, кроме Африки, он никогда бы не мог считаться белым.

— Вы — первые англичане, которых я вижу за целые тридцать лет,— сказал он им,— а я уверен, судя по вашим чертам, что вы именно из Англии. Вы — мои соотечественники. Я также был прежде белым, но и вы станете такими же черными, каким сделался я, если, как меня, вас будет сжигать африканское солнце в течение целых сорокатрех лет.

— Как! — вскричал Теренс.— Неужели вы так давно невольником в Сахаре? В таком случае, да хранит нас Господь! Какую же можем мы питать надежду хоть когда-нибудь вырваться на свободу?

Голос молодого ирландца звучал отчаянием.

— Вероятнее всего, что вы никогда не увидите вашей родины, милый мальчик,— продолжал больной.— Однако же теперь у меня есть некоторая надежда вырваться из неволи, а также выручить и вас, если только вы сами не испортите всего дела. Все зависит от вас и ваших товарищей. Ради самого неба не говорите арабам, что они безумствуют, собирая какое-нибудь сокровище,— балласт с погибшего корабля. Если вы это сделаете,— я погиб, потому что я уверил их, что эти камни имеют большую ценность. Сделал я это для того, чтобы заставить их отвезти камни в какое-нибудь такое место, откуда я мог бы бежать. Это единственный случай, представившийся мне за все эти годы. Не лишайте же меня этой надежды, если только у вас есть хотя капля жалости к соотечественнику!

Невольник рассказал затем, как он странствовал по пустыне более сорока раз с пятьюдесятью различными хозяевами.

— Неужели вы действительно надеетесь,— спросил Гарри Блаунт,— что они повезут балласт так далеко, как вы советуете, не справившись о его действительной ценности?

— Да, я уверен, что они перевезут его в Могадор, и на этом-то я основываю свою надежду.

Пока мнимый больной говорил таким образом, Билль смотрел на него с необычайным интересом.

— Извините, если я перебую вас и скажу вам, что считаю вас гораздо моложе, чем вы думаете дорогой товарищ,— сказал Билль,— и я никогда не поверю, что вы в самом деле уже сорок лет разгуливаете по пустыне; наверное, не так давно!

Оба разговаривавшие, посмотрев друг на друга некоторое время, кинулись затем с распростертыми объятиями.

— Билль!

— Джим!

Братья нашли, наконец, друг друга.

Мичманы вспомнили историю, рассказанную Биллем; эта сцена для них не требовала объяснения. Они вернулись к крумэну. Последнему, наконец, удалось доказать старому шейху, зачем именно нагружают таким камнем корабли, но Сиди-Ахмет и его товарищи все еще не хотели этому верить.

Они передали брату Билля мнение, выраженное новоприбывшими относительно стоимости их добычи.

— Само собою разумеется,— отвечал на это Джим,— что они во что бы то ни стало будут уверять вас, что груз не имеет цены. Они очень были бы рады, если бы вы его оставили для того, чтобы им завладеть. Разве здравый смысл не доказывает, что это обманщики? Который из вас меня выдал? — спросил Джим у мичманов, когда они остались одни.

Ему объяснили, что так как крумэн не был предупрежден, то ошибка его невольная.

— Я должен с ним поговорить,— сказал брат Билля.— Если только эти арабы откроют, что я их обманул, они меня в ту же минуту убьют, и, кроме того, ваш хозяин, старый шейх, наверное лишится всей своей собственности.

Крумэна и Риаци-Абдаллу привели к нему в палатку.

— Не разубеждайте моих хозяев,— сказал Джим старику,— и они будут так заняты, что отпустят вас уйти спокойно. Иначе, если они узнают правду, они отберут у вас все, что вы имеете. Вы уже достаточно наговорили им, чтобы возбудить в них подозрение; они ежеминутно могут убедиться, что я их обманул. Жизни моей грозит большая опасность, если я останусь у них; купите меня и уйдемте все как можно скорее.

— Вы больны,— сказал Риац,— и если я вас куплю, вам нельзя будет идти.

— Позвольте мне сесть на верблюда, пока я буду на глазах у моих хозяев,— отвечал невольник,— а потом вы увидите, могу ли я ходить. Они очень дешево меня продадут, потому что считают меня больным, а я не болен.

Старый шейх казался расположенным сдаться на этот совет и приказал делать приготовления к отъезду.

Сиди-Ахмет охотно променял Джима на старую рубашку и палатку из верблюжьей шерсти.

Риац-Абдалла и его товарищи, купив Джима, немедленно тронулись в путь, оставив Сиди-Ахмета со всей шайкой продолжать их бесцельную работу.

Глава 17

АРАБСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Караван направился по большой дороге, проложенной в плодородной стране, по обеим сторонам которой тянулись сотни акров, засеянных ячменем.

В этот вечер, по какой-то неизвестной причине, арабы не делали остановки на ночлег в обычное время. Белые невольники прошли уже через несколько деревень, но арабы не останавливались даже и там, чтобы возобновить сильно истощившиеся запасы воды и съестных продуктов.

Несмотря на жалобы бедных невольников, на голод и жажду, в ответ они слышали только приказание идти скорее; удары подгоняли непокорных и подбадривали изнемогавших от усталости.

К полуночи, когда последние силы стали уже покидать невольников, караван подошел к деревне, окруженной стенами. Арабы остановились, и ворота открылись перед ними. Старый шейх объявил невольникам, что здесь они напьются и наедятся досыта; к этому шейх еще прибавил, что в деревне караван простоят дня два или три.

В деревню они вошли ночью и поэтому, естественно, не могли рассмотреть, куда занесла их судьба. На другой день утром оказалось, что караван стоит в центре квадрата, застроенного десятками двумя домов, окруженных высокою стеною. Здесь же находились стада

44. The ... ..
... ..
... ..
... ..

...

овец и баранов, а также довольно большое количество лошадей, верблюдов и ослов.

Джим объяснил своим спутникам, что арабы Сахары имеют постоянные жилища, где они живут большую часть года в таких же деревнях, окруженных стенами.

Стены устраиваются, как в защиту от нечаянного нападения, так и для того, чтобы заменить собою изгородь этого большего скотного двора.

Из этого объяснения белые невольники вывели заключение, что арабы приехали домой, потому что навстречу прибывшим вышли их жены и дети. Вот причина, почему арабы так быстро подвигались вперед весь предыдущий день.

— Я боюсь, что мы попали в такие руки, из которых нам не скоро удастся освободиться,— сказал Джим.— Если бы эти арабы были купцами, они отвели бы нас на север для продажи. А теперь мне почему-то кажется, что это — фермеры, земледельцы, занимающиеся грабежом только по необходимости. В ожидании пока созреет ячмень, они совершили экспедицию по пустыне, в надежде добыть нескольких невольников, которые помогли бы им во время уборки жатвы.

Джим в этом случае не ошибался. Когда он и его спутники спросили у старого шейха, когда он рассчитывал отвести своих невольников в Свеору*, араб отвечал:

— Наш ячмень теперь поспел, и мы не можем оставить его неубранным. Вы нам поможете во время жатвы, и это даст нам возможность отвести вас поскорей в Свеору.

— Вы в самом деле хотите отвести ваших невольников в Могадор? — спросил крумэн.

— Конечно,— отвечал шейх.— Разве мы не обещали им этого? Но мы не можем бросить так наши поля. Бисмиллях! наш ячмень пропадет.

— Этого именно я и боялся,— сказал Джим.— Они не имеют никакого намерения вести нас в Могадор; подобное обещание двадцать раз давали мне различные хозяева.

— Что же нам делать? — спросил Теренс.

— Вы спрашиваете, что делать? А ничего,— отвечал Джим.— Мы никоим образом не должны помогать им. Если мы окажемся им полезными, они не выпустят нас.

---

* Арабское название Могадора.

Я давно был бы свободен, если бы не старался заслужить благосклонность моих хозяев, работая на них. Это была с моей стороны большая ошибка. Мы не должны ни в чем помогать им.

— Но они заставят нас работать силою,— заметил Колин.

— Нет, не заставят, если мы будем твердо стоять на своем. По-моему, уж гораздо лучше быть убитым сразу, чем подчиняться арабам. Если мы станем работать во время жатвы, они заставят нас делать потом что-нибудь другое, и лучшие дни вашей жизни пройдут в рабстве, как прошла и моя жизнь. Каждый из нас должен сделаться невыносимым, должен все портить своему хозяину, и тогда они нас непременно продадут какому-нибудь купцу из Могадора, который наживет хорошие денежки, получив за нас выкуп. Это, по-моему, единственный исход. Арабы не уверены, что получат деньги за нас в Могадоре, и благодаря этому они, конечно, не рискнут на такое далекое путешествие. К тому же они разбойники и уже по одному этому никогда не осмелятся войти в город. Мы должны во что бы то ни стало заставить их продать нас какому-нибудь купцу.

Все белые невольники дали клятву следовать советам Джима, хотя были заранее уверены, что их ждут жестокие страдания за отказ подчиняться требованиям арабов.

Началась борьба. Невольники отказывались работать, арабы стали их морить голодом и жаждой. Так продолжалось два дня. Наконец, арабы испугавшись, что невольники все перемерут и они останутся в убытке, принесли им воду и похлебки. За это время они были заперты в каком-то хлеве.

Действие пищи на этих голодных людей было почти чудесное: они сразу ожили и весело благодарили Джима за его мужество.

— Все идет как по маслу! — вскричал старый моряк. — Мы победили! Нам не придется работать в поле, нам будут давать пищу, откармливать нас и продадут, а может быть, и отведут в Могадор. Возблагодарим Бога, давшего нам силу выждать время!

Так прошло два дня, в течение которых белым невольникам давали хорошие порции похлебки; за водой им стоило только сделать несколько шагов до колодца.

На другой день вечером белых невольников посетили в их убежище трое арабов, которых они еще не видели.

Эти последние одеты были очень хорошо, прекрасно вооружены и имели более красивую наружность, чем обитатели пустыни.

Джим немедленно вступил с ними в разговор. Он узнал, что это были купцы, путешествующие с караваном и попросившие приюта в деревне на ночь.

— Вы и есть те люди, которых мы желали встретить,— сказал брат Билля на арабском языке, на котором он мог бегло говорить, благодаря долгому пребыванию в пустыне.— Мы хотели бы быть купленными купцами, которые отвели бы нас в Могадор, где наши друзья внесут за нас выкуп.

— Один раз я купил двух невольников,— отвечал один из арабов,— и с большими издержками отвел их в Могадор. Они мне сказали, что их консул купит их, но уже слишком поздно я узнал, что в городе у них не было консула. Мне пришлось вести их обратно, и я потерял деньги, истраченные на путешествие.

— Это были англичане? — спросил Джим.

— Нет, испанцы.

— Я так и думал; англичан наверное выкупили бы.

— Это еще неизвестно,— отвечал купец.— Английский консул не всегда бывает в Могадоре, и, кто знает, согласится ли он еще внести выкуп за своих соотечественников.

— Как бы там ни было, для нас это не имеет никакого значения,— сказал брат Билля.— У одного из молодых людей, находящихся здесь, есть дядя, богатый купец, живущий в Могадоре, и он заплатит выкуп не только за него, но и за всех его друзей; трое молодых людей — офицеры английского флота; отцы их богаты, они все великие шейхи в своей стране, и они служили, чтобы сделаться капитанами, когда их судно потерпело кораблекрушение. Дядя одного из них выкупит нас всех.

— У кого же из них богатый дядя? — спросил один из арабов.

Джим указал на Гарри Блаунта.

— Вот у этого,— проговорил он.— У его дяди много кораблей, которые приходят ежегодно в Свеору с богатым грузом.

— Но черный человек не англичанин? — спросил еще араб.

— Нет, но он говорит по-английски; он плавал на английских судах и будет куплен вместе с нами.

Затем арабы оставили наших моряков, обещаясь вернуться на другой день утром.

После их ухода, Джим передал своим товарищам весь разговор с арабами, и они почувствовали, что у них в душе промелькнул проблеск надежды.

На другой день утром арабы пришли опять, и невольники, по их желанию, встали и вышли к ним для подробного осмотра.

Убедившись, что все невольники могут вынести путешествие, один из арабов сказал, обращаясь к Джиму:

— Мы купим вас, если вы докажете нам, что не обманываете нас, и если вы примете наши условия. Скажите племяннику английского купца, что мы требуем за каждого из нас выкуп в полтораста испанских долларов.

Джим сообщил об этом Гарри, который немедленно согласился на требуемую сумму. При этом Джим сделал оговорку, что за крумэна «дядя» едва ли согласится дать больше ста долларов.

Несколько минут арабы тихо говорили между собою и затем один из них сказал:

— Хорошо. Мы согласны на сто долларов за негра, а теперь приготовьтесь к отъезду,— завтра утром на рассвете мы отправляемся в путь.

Затем арабы ушли от невольников. После их ухода глубокая радость овладела последними: надежда на освобождение снова улыбалась им.

Брат Билля передал весь свой разговор с своими новыми хозяевами.

— Я хорошо знаю характер арабов,— сказал он,— и нарочно не хотел принимать всех их условий, не поторговавшись немного; иначе они подумали бы, что мы обманываем их. К тому же, в виду того, что крумэн не английский подданный, для получения выкупа за него могут встретиться большие затруднения и поэтому следовало во всяком случае условиться о возможно меньшей цене.

Перед вечером им принесли добавочную порцию пищи; по ее изобилию они заключили, что она была приготовлена на счет их новых хозяев, что предвещало им хорошее будущее.

Они легли спать и в первый раз со времени кораблекрушения провели превосходную ночь.

НОВЫЕ МУЧЕНИЯ

На следующий день утром арабы привели трех ослов, на которых во время путешествия по очереди могли садиться белые невольники. В качестве племянника богатого купца Гарри Блаунт пользовался наибольшею благосклонностью своих новых хозяев: в его личное распоряжение дали особого верблюда.

Гарри всеми силами старался отклонить такое ничем не заслуженное преимущество. Арабы не обратили внимания на его возражения, а несколько слов Джима заставили его скоро умолкнуть.

— Они рассчитывают, что вместе с вами выкупит и нас ваш богатый родственник; вы ни в каком случае не должны поэтому отказываться от верблюда, иначе это может возбудить в них известные подозрения, и тогда пропало все наше дело. Кроме того, разве вы забыли, что, в случае неудачи, на вас ляжет вся ответственность, и вы должны будете жизнью заплатить за обман, если на наше несчастье в Могадоре никто не согласится внести за нас выкуп. Принимайте же смело теперь награду за тот риск, которым грозит вам это путешествие. Ведь вы слышали: они обещали отрубить вам голову, если то, что мы им паговорили, окажется обманом.

Сделав около двенадцати миль по плодородной стране, арабские купцы подошли к водоему, вокруг которого они расположились лагерем на ночлег. Водоем был устроен из камня и притом таким образом, чтобы в нем собиралась вся вода, текущая в него тонкой струйкою.

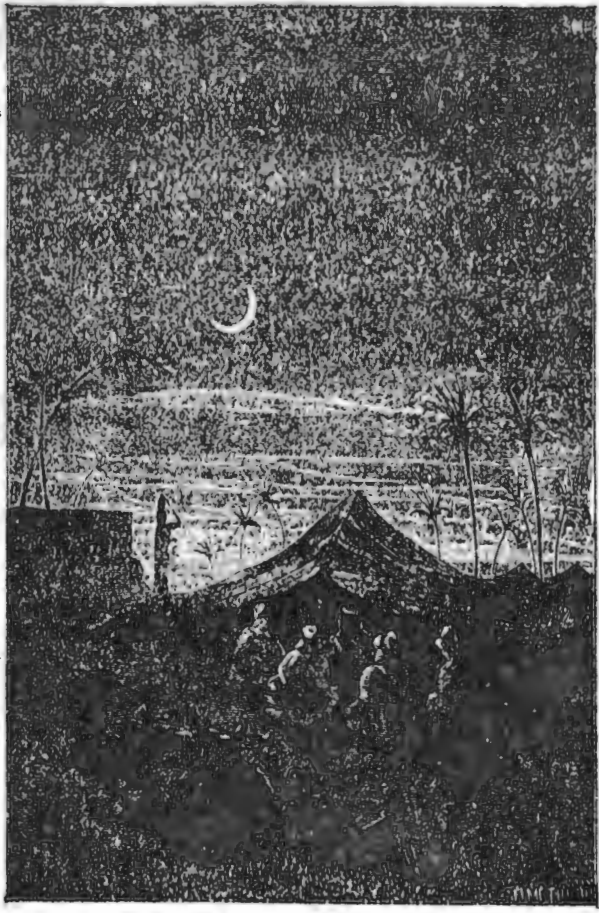
На другой день купцы остановились возле колодца, вокруг которого уже стоял лагерем пришедший еще раньше большой арабский караван. Стада паслись на равнине. Белые невольники могли на свободе изучать нравы этого кочевого народа и, между прочим в первый раз увидели тут приготовление масла по арабскому способу.

Козий мех, наполненный смешанным ослиным, верблюжьим, овечьим и козьим молоком, подвешивается при входе в палатку, затем его мерно раскачивают до тех пор, пока не собьется масло, которое женщины и вытаскивают своими черными пальцами.

Арабы с тщеславной гордостью говорят, что именно

THE
LIFE OF
THE
INDIAN
PEOPLE

им первым принадлежит открытие способа делать масло.

Заслуга, надо сказать правду, не из особенно важных, потому что необходимость наливать молоко в козьи меха и раскачивание их во время переезда на спине верблюдов должны были само по себе внушить им мысль о возможности получить масло именно таким способом.

На этой стоянке невольникам раздали несколько ячменных лепешек и немного масла. Оно показалось восхитительным, несмотря на его не совсем опрятный способ приготовления.

Вечером три купца и несколько человек арабов уселись в кружок. Подали большую трубку, и каждый сильно затянувшись, передавал ее своему соседу.

Они очень оживленно разговаривали между собой, причем часто произносилось слово «Свеора», т. е. Могадор.

— Разговор идет о нас,— сказал Джим.— Нужно узнать, о чем именно они толкуют. Боюсь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного.

— Крумэн,— сказал он, обращаясь к африканцу,— они не знают, что ты говоришь на их языке. Ложись поближе к ним и притворись спящим и не пропускай ни одного слова. Если я пойду, они меня прогонят.

Крумэн сделал вид, что ищет, где бы поудобнее улечься на ночь, и растянулся вблизи арабов.

— Меня так часто обманывала надежда получить свободу,— сказал Джим,— что я каждую минуту боюсь, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство расстроит все дело. Эти люди говорят о Могадоре, и мне не нравятся их взгляды. Смотрите-ка! Что это они хотят делать? Мне кажется, что эти арабы делают предложения нашим хозяевам на наш счет. Да ниспошлет на них проклятие их пророк, если это так!

Разговор арабов затянулся до позднего вечера. Белые невольники с понятным нетерпением ожидали возвращения крумэна.

Наконец он пришел, и все окружили его, чтобы узнать о чем говорили между собой арабы.

— Я все понял, отлично понял, но, к сожалению, не узнал ничего хорошего,— сказал крумэн.

— В чем дело?

— Двух из вас продадут завтра утром!

— А кого именно?

— Не знаю.

Затем крумэн сказал, что один из вновь прибывших арабов был скотовод, владеющий большими стадами, и недавно вернулся из Свеоры. Он уверял купцов, что они не получают большого выкупа за своих невольников в этом городе и не покроют издержек, которые им придется нести во время такого далекого путешествия. Затем он еще прибавил, что никогда христианский консул или иностранный купец в Могадоре не согласится уплатить большого выкупа, а если и уплатит то только за двоих или троих невольников, а отнюдь не за шестерых. Кроме того, консулы в этих случаях уплачивают только расходы по путешествию и ровно столько же дают, когда к ним приводят как знатного человека, так и последнего бедняка.

После долгих переговоров купцы решились продать владельцу стад двух своих невольников; последний должен был выбрать, кого именно он желает купить завтра утром.

— Я и сам заметил отлично, что они что-то затевают, — сказал Джим, — но мы не должны соглашаться добровольно на разлуку, хотя бы за это нам грозила смерть или вечное рабство. Надо будет постараться, чтобы наши хозяева отвезли нас всех в Могадор; конечно, за это нам придется вытерпеть немало мучений, но будем тверды и тогда все перенесем. Помните, сила воли уже спасла нас однажды.

Все обещались повиноваться Джиму и спустя несколько минут заснули глубоким сном, растянувшись один возле другого.

На другой день во время завтрака к белым невольникам подошел продавец скота.

— Кто из них говорит по-арабски? — спросил он у купцов.

Купцы указали на Джима, и араб немедленно выбрал его в число двух невольников, назначенных в продажу.

— Скажи им, брат, чтобы они купили вместе с тобой и меня, — проговорил Билль. — Мы должны плыть вместе, хотя мне очень жаль расставаться с молодыми джентельменами.

— Мы сделаем все возможное, чтобы воспротивиться этому, — отвечал Джим, — только нам придется много выстрадать. Покажем себя настоящими мужчинами, — это наше единственное спасение.

Затем скотовод выбрал Теренса.

Купцы заканчивали уже торг, когда с ними заговорил Джим.

Он стал их уверять, что он и его спутники решились лучше умереть, чем расстаться; что ни один из них не согласится ни на какую работу, пока они будут в неволе: все они хотят идти в Свееору.

Арабы только улынулись на эти слова и продолжали толковать о цене.

Джим попробовал тогда затронуть их жадность и сказал купцу, что дядя даст ему гораздо большую цену, чем скотовод.

Но все было напрасно: его и Теренса отвели к их новым хозяевам.

Остальным четверым невольникам купцы приказали следовать за собою.

Гарри Бланут, Колин и Билль в ответ на это спокойно уселись на песке.

Арабы во второй раз повторили то же самое приказание и на этот раз угрожающим тоном.

— Повинуйтесь,— сказал Джим.— Мистер Теренс и я — мы скоро последуем за вами: мы поведем атаку. Они не удержат меня здесь живым!

Колин и Билль сели на ослон, а Гарри вскарабкался на верблюда. Арабские купцы казались удовлетворенными повиновением своих невольников.

Джим и Теренс хотели последовать их примеру: но их новые хозяева приготовились к этому, и по одному их слову несколько арабов бросились на них и крепко связали.

Гарри, Колин и Билль повернули поводья, сошли с ослон и снова уселись на траву, выказывая намерение остаться с своими спутниками.

Оставался только один выход из этого затруднительного положения: разлучить невольников силою,— четверых, принадлежащих арабским купцам, увезти с собою, а двух остальных оставить тем, которые не согласились на их продажу.

Всем присутствующим предложено было принять участие в этом деле. Гарри схватили и силою посадили на спину верблюда, к которому крепко привязали веревками.

Точно также поступили с Колином, Биллем и крумэном. Их силою посадили на ослон и связали им ноги под брюхом животных.

Затем купцы за небольшую сумму заручились по-

мощью нескольких арабов, чтобы они присматривали за невольниками в течение первых двух дней, пока доберутся до мароккской границы.

При отъезде один из купцов сказал Джиму:

— Скажите молодому человеку, племяннику богатого английского купца, что мы отправляемся в Свеору в уверенности, что он нам говорил правду, и поэтому мы теперь уводим его туда силой, а если только он каким-нибудь образом обманул нас, ему за это придется заплатить жизнью.

— Он не обманул вас,— сказал Джим.— Отведите его — и вы непременно получите богатый выкуп.

— Так почему же не идут они добровольно?

— Потому что не хотят расстаться с своими друзьями.

— Неблагодарные собаки! Они должны бы благодарить судьбу, которая так счастливо свела их с нами. Может быть, они считают нас жалкими рабами и хотят заставить нас подчиниться их воле?

В это время двое других купцов вывели на дорогу своих верблюдов и минуту спустя Гарри Блаунт и Колин расстались со своим товарищем Теренсом, не имея надежды когда-нибудь увидеть его снова.

Глава 19

ХАДЖИ

Целый час Гарри, Колин и Билль ехали привязанные веревками к своим скакунам. Этот способ передвижения показался им таким неприятным, что они попросили крумэна сказать арабам, что они беспрекословно последуют за ними, если их развяжут. До этого времени африканец никогда не говорил с арабами.

Узнав, что крумэн говорит по-арабски и до сих пор скрывал это, арабы страшно разозлились и жестоко избили его, наградив предварительно целым градом ругательств; затем они развязали невольников и пустили их во главе каравана. Двое людей, нанятые для присмотра за невольниками, следовали за ними по пятам.

Поздно ночью путешественники подошли к высокой стене, окружавшей небольшой городок.

Пропустив вперед невольников, арабские купцы вошли последними, и, сделав нужные распоряжения о по-

мещении невольников на ночь и приказав дать им поесть, сами отправились к шейху, который пригласил их отдохнуть после утомительного перехода.

Невольникам подан был сытный ужин, состоявший, впрочем, из одних только ячменных лепешек и молока; затем их отвели в большой хлев, где они провели часть ночи, все время сражаясь с насекомыми.

Никогда еще ни одному из них не приходилось проводить ночь в помещении, где была бы такая масса насекомых, обладавших к тому же самым ненасытным аппетитом.

Кончилось, однако, это тем, что они все-таки заснули, устав телом и душой, и на другой день проснулись уже тогда, когда арабы принесли им завтрак.

Солнце в это время уже высоко стояло на небе. Странно, почему до сих пор не делалось никаких приготовлений к отъезду. Бедным невольникам начинало казаться, что их ожидает какая-нибудь новая неудача. Часы шли за часами, а арабы и не думали показываться.

Волнуясь, обсуждали они, что могло бы это значить. Ничем не объяснимая медлительность была тем более странна, что купцы обещали им как можно скорее отвести их в Могадор. Эта новая отсрочка сулила впереди новые препятствия, и они начинали бояться, что их заветным мечтам грозит какая-то страшная опасность.

Только уже к вечеру арабы дали им возможность разрешить загадку.

Они сказали крумэну, что Гарри надул их; шейх, гостеприимством которого они пользовались, отлично знал Свеору и всех живущих в ней иностранцев и клятвенно уверял, что у Гарри там не было и не могло быть никакого дяди.

— Мы вас не уьем, — сказал один из арабов Гарри, — потому что решили не делать ради этого такого далекого путешествия, и, кроме того, мы не хотим сами себе причинять убыток. Вместо этого мы отведем вас опять в пустыню и там продадим кому придется.

Купцы, кроме того, узнали, что невольники, приведенные из пустыни в государство Марокко, могли отдать себя под покровительство местного правительства, что и случалось нередко; тогда их отпускали на волю, не заплатив выкупа, а арабы, которые брали на себя труд приводить невольников, должны были возвращаться назад, не получив даже благодарности за свои труды.

Один из купцов, по имени Бо-Музем, по-видимому больше остальных своих товарищей был расположен благосклонно выслушать Гарри, но ему помешали другие. Благодаря этому все уверения молодого англичанина о бегстве своих родственников, о своей ценности и ценности своих товарищей, как флотских офицеров, не имели никакого успеха.

Наконец арабы удалились, оставив Гарри и Колина в глубоком отчаянии. Билль и крумэн тоже, по-видимому, потеряли всякую надежду на успех и теперь молча сидели убитые горем. Перспектива вернуться в пустыню отняла у них способность мыслить и чувствовать. Старый моряк, всегда энергично выражавший свои чувства, точно лишился дара слова и не произносил обычных у него в такие минуты проклятий.

Вечером, на другой день после прибытия каравана в деревню, двое путешественников довольно поздно постучались в ворота, прося гостеприимства на ночь.

Как только один из них сказал свое имя, его тотчас приняли с большим почетом.

Купцы далеко за полночь просидели вместе с новоприбывшими в палатке местного шейха. Но это, впрочем, им не помешало подняться на другой день на рассвете, чтобы заняться приготовлением к отъезду.

Всем невольникам дали позавтракать, приказав торопиться, чтобы помочь навьючить верблюдов.

Мичманы теперь окончательно узнали, что возвращаются в Сахару, где будут проданы первому встречному.

— Как же нам теперь быть? — спросил Колин у своих спутников. — Что, по-вашему, лучше: смерть или рабство?

Никто не отвечал. Глубокое отчаяние овладело всеми.

Купцам пришлось самим делать все приготовления к отъезду и вьючить верблюдов. В ту минуту, когда они хотели употребить жестокие меры, чтобы заставить невольников подняться идти с караваном, им пришли сказать, что Эль-Хаджи * хочет говорить с христианами.

Через несколько минут к мичманам подошел один из прибывших накануне странников.

Это был древний старец, почтенного вида, с длинной седой бородой, ниспадавшей на грудь.

Он только что совершил путешествие в Мекку на поклонение святыне магометан и с титулом «хаджи» при-

---

* Титул правоверного мусульманина, совершившего путешествие в Мекку.

обрел право на уважение и гостеприимство каждого истинного мусульманина.

При посредничестве крумэна, исполнявшего обязанности переводчика, Эль-Хаджи сделал несколько вопросов невольникам и, казалось, был очень тронут их ответами.

Он узнал от них название корабля, потерпевшего крушение, сколько времени они находятся в неволе, и какие им пришлось перенести с тех пор страдания.

Гарри сказал ему, что у него и у Колина есть отец и мать, братья и сестры, которые теперь наверное оплакивают их как мертвых, что он и его спутники уверены, что их выкупят, если бы только их отвели в Могадор. Затем он прибавил, что хотя теперешние их хозяева дали им слово отвести их в Могадор, но отказываются исполнить свое обещание, из боязни не получить вознаграждения за свои труды.

— Я сделаю все, что только могу, чтобы помочь вам,— отвечал Эль-Хаджи, когда крумэн передал ему слова Гарри.— Я обязан это сделать, чтобы уплатить долг благодарности одному из ваших соотечественников, и я заплачу этот долг, если только это в моей власти. Я заболел в Каире и умирал от голода; один английский морской офицер подал мне золотую монету. Эти деньги спасли мне жизнь, и я мог продолжать свое путешествие и снова увидеть родственников и друзей. Мы все — дети единого Бога и наш долг — помогать друг другу. Я поговорю с вашими хозяевами.

Затем старый пилигрим обернулся к стоявшим недалеко арабам.

— Друзья мои,— сказал он им,— вы дали обещание этим невольникам-христианам отвести их в Свеору, где друзья могли бы их выкупить. Разве вы не боитесь Бога, что отказываетесь исполнить свое обещание?

— Мы думаем, что они нас обманули,— ответил один из купцов.— Мы боимся вести их в Марокко, где они могут уйти от нас без выкупа. Мы — люди бедные и уже много потратили на этих невольников. Потеря их нас разорит окончательно.

— Вам нечего бояться ничего подобного,— отвечал старый Хаджи,— они принадлежат к нации, которая не оставляет в рабстве своих соотечественников. Ни один английский купец не откажется выкупить их. А если бы и нашелся такой человек, он бы потом не осмелился вер-

нуться в свою страну. В ваших же интересах, по-моему, отвести их в Свеору.

— А что если по прибытии туда они пожалуются на нас губернатору? Тогда нас сейчас же вышлют из города и не дадут ничего. Это часто случалось. Здешний шейх знает купца, с которым поступили таким же образом. Он потерял все, а губернатор взял выкуп и положил его в свой карман.

Эль-Хаджи не знал, что и ответить на это, но, подумав, сумел найти выход из затруднительного положения.

— Не отводите их в Марокко,— сказал он,— пока вам не уплатят выкупа. Двое из вас могут остаться здесь с ними, а третий отправится в Свеору с письмом от этого молодого человека к его друзьям. Вы ведь до сих пор еще не имеете никакого доказательства, что он хочет вас обмануть, и поэтому вы ничем не можете объяснить причину, почему отказываетесь исполнить свое обещание. Отвезите письмо в Свеору; если вы не получите денег, тогда будете иметь право не вести туда невольников и можете делать с ними что захотите. Так вы будете правы, и никому не удастся вас обмануть.

Бо-Музем, самый молодой из купцов, первый одобрил предложение пилигрима и стал энергично поддерживать его.

— Нужно только один день,— сказал он,— чтобы достигнуть Агадэца, пограничного города государства Марокко, а оттуда до Свеоры не больше трех дней езды.

Двое остальных купцов совещались несколько минут и затем объявили, что готовы последовать совету мудрого Эль-Хаджи. Бо-Музем отвезет в Свеору письмо от Гарри к его дяде.

— Скажите молодому человеку,— сказал один из купцов переводчику,— скажите ему от меня, что если там не заплатят выкупа, он непременно умрет по возвращении Бо-Музема.

Крумэн перевел эти слова, но Гарри не задумываясь принял условие.

Гарри принесли кусок грязной бумаги, заржавленное перо и немного чернил.

В то время, как он писал, Бо-Музем приготовился к отъезду.

Зная, что единственная надежда на спасение состояла в сообщении их положения какому-нибудь соотечествен-

нику, живущему в Могадоре, Гарри взял перо и написал следующие строки:

«Сэр!

Два мичмана с английского военного корабля, потерпевшего крушение несколько недель тому назад у мыса Бланко, и двое матросов в настоящее время находятся в неволе в небольшой деревушке, на расстоянии одного дня пути от Агадэца. Податель этой записки — один из наших хозяев. Цель его путешествия в Могадор — узнать, будет ли заплачен за нас выкуп. Если он не найдет лица, которое согласилось бы заплатить за нас выкуп, пишущий вам это письмо будет убит по возвращении посланного. Если вы не можете или не хотите заплатить суммы, назначенной за наше освобождение (сто пятьдесят долларов за каждого из нас), то будьте добры указать подателю письма кого-нибудь из европейцев, который согласится дать эту сумму.

Другой мичман и матрос с того же корабля находятся также в рабстве на расстоянии двух дней пути к югу от этой деревушки.

Может быть, податель этого письма Бо-Музем выкупит также и их, если он будет уверен, что получит выкуп и за них.

Гарри Блаунт»

Молодой англичанин адресовал это письмо: «Английскому купцу в Могадоре».

Бо-Музем был готов. Перед отъездом он велел сказать Гарри, что если его путешествие в Свеору будет неудачно, то только смерть молодого собаки-христианина в состоянии будет вознаградить его за это.

Затем он сел на верблюда и уехал, обещав вернуться не позже, как через неделю.

Глава 20

ПУТЕШЕСТВИЕ БО-МУЗЕМА

Бо-Музем, несмотря на свою профессию полукупца-полуразбойника, был относительно человек честный, и теперь хотя и ехал в Могадор, но в душе почти вовсе не верил трогательной истории про богатого родственника, рассказанной молодым англичанином. Сам он вполне разделял мнение, высказанное шейхом. Но после разгово-

ра с престарелым Эль-Хаджи он считал необходимым совершить это путешествие, чтобы сдержать данное обещание. Они дали слово белым собакам-христианам и, прежде чем отказаться вести их в Могадор, они должны убедиться, что за них действительно не дадут никакого выкупа.

Он спешил как только мог и, перебравшись через Атласские горы вечером на третий день подъезжал уже к небольшому городку, также окруженному стенами, всего в трех часах пути от знаменитого морского порта Могадора.

На ночь он решил остановиться в этом городке, чтобы на рассвете снова пуститься в путь.

Зайдя в город, Бо-Музем прежде всего наткнулся на своего знакомого.

Это был тот самый скотовод, которому он несколько дней тому назад продал Теренса и Джима.

— А! Друг мой, ты разорил меня,— сказал скотовод, подойдя к Бо-Музему.— Я лишился этих двух бездельников-христиан, которых ты продал мне; я теперь несчастный человек!

Бо-Музем просил его объяснить.

— После твоего отъезда,— начал скотовод,— я пытался заставить немного поработать этих неверных собак, но они и слышать не хотели о работе, говоря, что готовы лучше умереть, чем согласиться приняться за работу. Я — бедный человек и не мог кормить их, если они не будут работать. Не мог я также, к несчастью, доставить себе удовольствие убить их, хотя, признаюсь тебе, мне этого очень хотелось. На другой день после твоего отъезда я получил известие из Свеоры, куда меня немедленно просили приехать по важным делам. Рассчитывая найти в этом городе какого-нибудь сумасшедшего христианина, который согласился бы что-нибудь сделать для своих соотечественников, я взял и их с собою. Они уверили меня, что если я отведу их к английскому консулу, он даст за них большой выкуп. Мы пришли в Могадор и отправились в дом консула; тогда собаки-христиане объявили мне, что они свободны и с презрением отвечали на мое приказание идти за мной из города. За все мои труды и расходы я не получил ни одного пиастра. Губернатор Свеоры и император Марокко состоят в дружеских отношениях с правительством неверных и точно также относятся с презрением к бедным арабам пустыни. Для нас

нет справедливости в Могадоре. Если вы поведете своих невольников в город можете быть уверены, что они улизнут от вас.

— Я ни за что не поведу их туда,— отвечал Бо-Музем,— пока не буду уверен, что за них заплатят выкуп.

— Вы никогда не получите его в Свеоре. Их консул не даст ни одного доллара, а вместо того постарается освободить их так же, как и моих невольников.

— Но у меня есть письмо одного из невольников к его дяде, богатому купцу, живущему в Свеоре, который и даст деньги.

— Собака обманул вас. Здесь нет у него дяди. Если ты хочешь, я могу это тебе доказать. Как раз в этом городке теперь еврей из Могадора, который знает всех неверных купцов в городе, и, кроме того, он понимает их язык. Покажи ему это письмо.

Бо-Музем, горя нетерпением узнать истину, с благодарностью принял это предложение и в сопровождении скотовода направился к дому, где жил еврей.

Еврей взял письмо Гарри и на вопрос араба, желавшего знать, кому оно было адресовано, отвечал:

— Английскому купцу в Могадоре.

— Бисмиллях!— вскричал Бо-Музем.— Все английские купцы не могут быть дядями собаки-христианина, написавшего это письмо!

— Довольно,— сказал Бо-Музем,— я не пойду дальше, я сейчас же возвращусь назад; собака, насмевшаяся над нами, будет предана смерти, а его двух товарищей мы продадим первому встречному, за что попало.

На другой день рано утром Бо-Музем выехал из города по дороге к деревне, где возвращения его ожидали с нетерпением. Скотовод отправился также вместе с ним, так как по делам ему будто бы было нужно ехать в ту сторону.

— Я хочу,— сказал последний, когда они уже выехали из города,— купить первых попавшихся невольников-христиан.

— Бисмиллях! Зачем же это?— удивленно спросил Бо-Музем.— Ты же сам говорил мне, что совсем разорился, лишившись денег, заплаченных за твоих двух невольников?

— Да,— отвечал скотовод,— и именно поэтому-то я и хочу купить неверных, чтобы иметь возможность выместить на них свою неудачу. Невольники, которых я те-

перь куплю, умрут от работы и с голода. О! я им покажу теперь себя!

— Ну, в таком случае и я не прочь помочь тебе,— отвечал Бо-Музем.— У нас ведь еще останется двое товарищей молодого собаки-христианина, которого я поклялся бородой пророка убить. За исключением его, мы с удовольствием продадим тебе остальных.

Скотовод предложил десять долларов и четыре верблюда за каждого невольника, на что и согласился его товарищ.

Бо-Музем дал себя «провести». История бегства обоих невольников, Теренса и Джима, была целиком вымышлена.

Глава 21

РАИС-МУРАД

Прошло шесть дней, в продолжение которых с белыми обходились сравнительно недурно. По крайней мере, они не страдали от голода и жажды.

Под конец этого времени их хозяева посетили их в сопровождении какого-то мавра.

Мавр приказал им встать и поочередно внимательно осмотрел их, как купец, нежелающий покупать товар за глаза.

На мавре надет был богатый кафтан, весь вышитый на груди и на рукавах и подпоясанный вокруг талии роскошным поясом. Широкие сафьяновые сапоги и красный шелковый тюрбан дополняли его костюм.

Судя по тому, с каким почтением относились к нему купцы, мавр, должно быть, представлял собою знатную особу. Вместе с ними прибыла многочисленная свита верхами на великолепных арабских скакунах.

Осмотрев невольников мавр ушел, а немного спустя арабы вернулись и объявили невольникам, что они перешли в собственность этого знатного чужестранца.

Надежда на освобождение, которую питали в продолжение нескольких дней несчастные молодые люди, разлеталась как дым при этом известии.

— Пойдем к нашим хозяевам, арабским купцам,— вскричал Гарри,— скажем им, чтобы они не продавали нас! Идите все! За мной!

Молодой англичанин опрометью выскочил из хлева в сопровождении своих товарищей. Все они направились к жилищу шейха.

— Зачем вы продали нас? — начали они говорить, когда отыскивали купцов. — Разве вы забыли свои обещания? Зачем же в таком случае один из ваших отправился получать за нас выкуп?

— Что же из этого? — отвечали арабы. — Если даже Бо-Музем и найдет в Могадоре человека, который согласился бы внести за вас выкуп, какую цену должен он будет получить с этого человека?

— Сто долларов за меня, — отвечал крумэн, — и по сто пятьдесят долларов за каждого из моих товарищей.

— Верно. Значит для того, чтобы получить эти деньги, мы должны отвести вас в Свеору и еще тратиться дорогой?

— Да.

— Хорошо. Раис-Мурад, богатый мавр, заплатил нам за каждого из вас по сто пятьдесят долларов. Уж не считаете ли вы нас круглыми дураками, чтобы за ту же цену вести вас в Могадор? А там еще может случиться, что мы и ничего не получим. Но теперь поздно: мы окончили дело с Раис-Мурадом; отныне вы принадлежите ему.

Получив такой ответ, мичманы увидели, что их судьба бесповоротно находится в руках мавра. Они попросили крумэна попытаться разузнать, куда собирается вести их новый хозяин.

Но как раз в эту минуту им было приказано возвратиться в хлев и поскорей оканчивать свой обед. Билль объявил, что у него пропал аппетит, и он не в силах проглотить куска.

— Не горюй, старик Билль, — сказал Гарри, — надежда еще не вся потеряна!

— А по-моему теперь все пропало! — заметил Колин.

— Если мы постоянно будем менять хозяев, то, в конце концов, попадем на такого человека, который поведет нас в Могадор.

— Так вот в чем твоя надежда на избавление из плена! — проговорил Колин разочарованным тоном.

— Вспомните моего бедного брата, — вмешался в разговор старый моряк, — он переменял, по крайней мере целый десяток хозяев, и все же до сих пор он еще не вырвался на свободу, да, по всей вероятности, никогда и не вырвется.

— Что же, будем мы повиноваться нашему новому хозяину? — спросил Колин.

— Да, — отвечал Гарри, моя спина еще не зажила от побоев. Прежде чем подвергаться новым побоям, надо удостовериться, принесет ли это упорство какую-нибудь пользу.

Раис-Мурад, желая поскорее окончить путешествие, купил четырех лошадей для невольников. Пока седлали лошадей, невольники старались разузнать, по какой дороге собирается ехать мавр, но вместо ответа на этот вопрос, они услышали следующее:

— Это знает один Бог. Ему угодно, чтобы люди слепо повиновались Ему. Как же мы можем сказать вам вперед, куда мы придем?

В этот момент, когда мавр и его отряд собирались уезжать, Бо-Музем в сопровождении скотовода въезжал в ворота деревушки.

Глава 22

ВОЗВРАЩЕНИЕ БО-МУЗЕМА

Завидя Бо-Музема, белые невольники бросились к нему навстречу.

— Спроси его, — вскричал Гарри, обращаясь к крумэну, — дадут ли за нас выкуп, будем ли мы, наконец, свободны!

— Сюда! Сюда! — прервал Билль, схватывая африканца за руку и указывая на скотовода. — Узнай у этого человека, где мой брат Джим и мистер Теренс.

Крумэну не удалось исполнить просьбы ни того, ни другого, потому, что, завидя мичмана, Бо-Музем в ту же минуту дал волю своему гневу.

— Собаки! обманщики! — завопил он. — Пусть соберутся женщины и дети, и пусть все будут свидетелями, как я отомщу собаке-христианину, который осмелился обмануть Бо-Музема!

Но в это мгновение в разговор вмешались двое остальных арабов, которые, громко крича, объясняли Бо-Музему, что белые невольники не принадлежат уже им больше.

Если бы Гарри Блаунт не попал в число невольников, проданных мавру, Бо-Музем ничего бы не имел против

этой выгодной сделки, но, видя, что намеченная им жертва ускользает от него, он пришел в бешенство. С проклятиями объявил он, что товарищи его не имели права продавать невольников во время его отсутствия, потому что эти собаки одинаково принадлежат как ему, так и другим.

В это время подъехал Мурад, который тоже вмешался в разговор, отдав предварительно приказание своим слугам окружить белых и немедленно отправляться в путь.

Последние были уже на лошадях и по приказанию своего хозяина стали выезжать из деревни, не обращая внимания на раздраженного Бо-Музема. Только один человек симпатизировал арабу: это был хитрый скотовод, с которым он дорогой заключил торг относительно продажи невольников.

Как лицо заинтересованное, он вмешался в спор и, подойдя к мавру, сказал, что невольники куплены им еще вчера; он горько жаловался, что раз уже потерпел убыток и теперь его опять обманывают, и грозил привести если понадобится, хоть двести человек, чтобы отстоять свои права.

Но Мурад не обращал никакого внимания на его требования и, хотя на дворе была уже ночь, приказал своему отряду ехать по дороге в Агадэц.

Повернувшись, он увидел скотовода, галопом направлявшегося в противоположную сторону.

— Мне хотелось узнать от этого человека, что стало с Джимом и Теренсом, — сказал Колин, — но теперь слишком поздно.

— Да, слишком поздно, — повторил за ним Гарри. — Какое несчастье, что он не купил также и нас: мы были бы, по крайней мере, все вместе.

— А я об этом ни капельки не горюю, — отвечал Колин. — Несколько минут тому назад мы были в отчаянии, что нас уступили мавру, а теперь он спас жизнь Гарри.

— Билль, о чем ты мечтаешь, старнна? — спросил молодой шотландец у моряка.

— Ни о чем; я не хочу и не буду ни мечтать, ни думать.

— Мы идем по дороге в Свеору, — сказал крумэн, повернувшись в это время к белым.

— Неужели это правда? — вскричал Гарри. — Значит, несмотря ни на что, мы все-таки идем в Могадор?

— Э! Теперь и это меня не радует! — грустным то-

ном проговорил Колин.— Разве не при вас говорил Бо-Музем, что не нашел там охотника внести за нас выкуп?

— Он не был в Могадоре,— вмешался крумэн,— он не мог в такой короткий срок съездить туда и обратно.

— Я думаю, что африканец прав,— заметил Гарри,— я хорошо помню, как говорили арабы, что для того, чтобы добраться только туда, нужно ехать четыре дня, а он успел даже вернуться назад всего на шестой день.

Дальнейшему разговору невольников помешали мавры, которые каждую секунду приказывали им подгонять лошадей.

Настала страшно темная ночь. Билль, по его словам, был не в состоянии управлять сухопутной шлюпкой; он и так с большим трудом сидел на лошади. К полночи он слез с лошади и отказался ехать дальше, объяснив, что он не желает сломать себе шею, что непременно случится, если он сядет на «шлюпку».

Эти слова передали Раис-Мураду, который сперва страшно рассердился, но потом скоро успокоился, узнав, что один из невольников говорит по-арабски.

— Ты и твои товарищи желаете получить свободу? — спросил он сам у крумэна.

— В этом заключается вся наша надежда.

— Ну, так скажи этому человеку, что свобода не здесь, а со мною; пусть он немедленно следует за мною.

Крумэн перевел эти слова Биллю.

— Я не хочу слышать больше о свободе,— возразил последний,— я слишком много слышался подобных обещаний и отлично знаю им цену.

Ни просьбы ни угрозы не могли заставить моряка двинуться вперед.

Тогда Раис-Мурад отдал приказание остановиться, сказав, что остаток ночи они проведут на этом месте.

При первых проблесках наступающего дня снова тронулись в путь. Взошло солнце, и с вершины высокого холма, на расстоянии не более четырех лье, видны были белые стены города Санта-Круца, или Агадэца, как называют его арабы.

Кавалькада приближалась к плодородной равнине; там и сям виднелись небольшие деревушки, окруженные виноградниками и рощами финиковых пальм.

Путники остановились около одного из таких поселков и въехали в деревню.

Белые невольники, выбрав тенистое местечко под гу-

стою купой палым, опустились на землю и почти в ту же минуту заснули глубоким сном.

Через три часа их разбудили и подали завтрак, состоявший из ячменных лепешек и меда.

К концу завтрака Раис-Мурад вступил в разговор с крумэном.

— Что говорит мавр? — спросил Гарри.

— Он говорит, что отведет нас к Свеору к английскому консулу, если мы обещаемся хорошо вести себя.

— Отвечай ему, что мы согласны, и скажи ему, что ему заплатят хороший выкуп.

Мавр отвечал, что он желал бы иметь от пленников письменное обязательство, что ему заплатят известную сумму. Он требовал по двести долларов за каждого и, достав письменный прибор, сам написал на арабском языке расписку от имени белых невольников. Затем он приказал крумэну слово в слово перевести содержание расписки товарищам; последний повиновался и прочел следующее:

«Английскому консулу.

Мы — четыре невольника-христианина. Раис-Мурад купил нас у арабов. Мы обязуемся уплатить ему по двести долларов за каждого из нас, т. е. восемьсот долларов за нас четверых, если он отведет нас в Свеору.

Будьте добры заплатить немедленно».

Гарри и Колин подписались без размышления. Билль взял бумагу и торжественно приготовился начертать свое имя; его рука несколько минут раскачивалась из стороны в сторону и, когда ему удалось изобразить несколько иероглифов, которые, по его мнению, означали «Виллиам Мак-Ниль», он протянул расписку Гарри. Последний должен был написать на другой стороне по-английски принятое всеми ими обязательство.

Спустя два часа все снова были уже на лошадях и рысью ехали по дороге в Санта-Круц.

Отъехав немного, они слышали за собой конский топот, и, оглянувшись увидели отряд человек в тридцать всадников, которые неслись за ними крупным галопом.

Раис-Мурад вспомнил об угрозе скотовода и приказал своим людям ехать быстрее.

Но плохие лошади, на которых сидели невольники, не могли взбираться галопом по склону горы, по которой они теперь ехали.

Отряд арабов с каждой минутой все ближе и ближе

приближался к ним; между двумя отрядами было не более полумили расстояния.

Мавр, как мог, торопил своих спутников; им оставалось ехать до города еще около мили.

В тот момент, когда Раис-Мурад и его люди приближались к цели своего путешествия, головы лошадей их врагов показались на вершине холма позади них. Пять минут спустя белые невольники слезали с лошадей и благодарили Бога за избавление их от опасности.

Бо-Музем, скотовод и их друзья прибыли на четверть часа позднее и рысью проскакали мимо часовых. Казалось, они хотели разорвать Гарри, который особенно возбуждал в них злобу.

Но Раис-Мурад подозвал стражу и объявил Бо-Музему, что он не имеет права нападать на него в стенах города; кроме того, он должен дать слово вести себя тихо. Арабы поняли, что они находятся в мароккском городе, и принуждены были уступить. Оба отряда были размещены в различных кварталах; никакая стычка не была мыслима при этих условиях.

Глава 23

«ПРЫЖОК ЕВРЕЯ»

На другой день утром Раис-Мурада и его невольников потребовали к губернатору города. Мавр беспрекословно повиновался этому приказанию и вслед за солдатом отправился в дом губернатора.

Бо-Музем и скотовод были уже там, и через несколько времени губернатор вошел в залу. Это был пожилой человек очень симпатичной наружности. Гарри и Колин безбоязненно ожидали теперь приговора, как бы заранее уверенные, что он будет и справедливым и благоприятным для них.

Бо-Музем заговорил первый. Он объяснил, что в компании с двумя другими купцами купил стоящих здесь невольников и совсем не согласен на продажу всех их мавру, потому что вовсе не желал продавать одного из невольников, которого он считает своей собственностью. Что же касается двух остальных невольников, то они принадлежат, по его словам, Магомету, его другу скотоводу, которому он их продал во время своей поездки

в Свеору, с согласия своих товарищей, для отыскания покупателя.

Заявив свои требования, Бо-Музем умолк, и заговорил Магомет. Он сказал, что купил троих христианских невольников у своего друга Бо-Музема, заплатив ему по десяти долларов и по четыре верблюда за каждого. Невольники эти силою уведены Раис-Мурадом, но он считает их своей собственностью.

Губернатор спросил мавра, на каком основании он удерживает у себя чужую собственность.

Раис Мурад отвечал, что двое арабских купцов продали ему невольников, за которых он уплатил наличными деньгами по сто пятидесяти долларов за каждого.

Губернатор молча сидел несколько минут, а затем повернулся к Бо-Музему.

— Твои товарищи,— спросил он его,— предлагали ли тебе разделить деньги, полученные за невольников?

— Да,— отвечал купец,— но я не взял их.

— Ты и твои товарищи получили ли от человека, который заявляет права на троих невольников, двенадцать верблюдов и тридцать долларов?

После некоторого размышления Бо-Музем отвечал отрицательно.

— Невольники принадлежат Раис-Мураду,— объявил губернатор,— идите!

Все ушли; Магомет и Бо-Музем жаловались, что в Марокко нечего искать справедливости для бедных арабов.

Мавр отдал приказание собираться в дорогу и попросил купца проводить его за городские ворота. Последний согласился, но с тем, что возьмет Магомета с собою.

Странная улыбка появилась на губах Раис-Мурада, когда он соглашался на это предложение.

— Милый друг,— сказал он покровительственным тоном Бо-Музему,— тебя обманули. Если бы вы отвели, как обещали, этих невольников в Свеору, вы не только бы с излишком вернули свои расходы, но у вас остался бы еще и хороший барыш. К счастью, я встретил твоих товарищей и, благодаря им, я обделал выгодное дельце. Тот, кого ты называешь своим другом, а именно Магомет, купил у вас двух других христиан и продал их английскому консулу, с которого получил за них двести пиастров. Для этой же цели он хотел купить и этих не-

вольников. Он обманул тебя. Нет Бога, кроме Бога, и Магомет Его пророк, а Бо-Музем — простофиля.

Бо-Музем тотчас же сообразил всю справедливость этих слов. Он понял вероломство скотовода и бросился на него, размахивая саблей; последний ожидал нападения. Между ними завязалась кровопролитный бой. Белые невольники равнодушно смотрели на них, не сочувствуя ни тому ни другому.

В борьбе мусульманин больше полагается на справедливость своего дела, чем на свою силу и ловкость, и когда он чувствует себя виноватым, то теряет значительную долю мужества.

В виду доказанной измены Бо-Музем сражался смело и почти был уверен в победе: он дрался, не сомневаясь в исходе борьбы.

Совсем иначе сражался скотовод, обуреваемый противоположным чувством; он отступал с каждой минутой. Наконец он упал мертвым к ногам своего противника.

— Честное слово, одним мошенником меньше! — сказал Билль. — Как жаль, что он не привел с собой сюда Джима и мистера Теренса!.. Что он с ними сделал?

— Спросим у мавра, — отвечал Гарри, — он должен это знать и, может быть, купит и их.

Крумэн, по просьбе Гарри, пошел было спросить об этом мавра, но Раис-Мурад решительным тоном приказал невольникам занять свои места для отправления в путь.

Дав совет Бо-Музему остерегаться отряда, приведенного Магометом мавр стал во главе каравана, и все тронулись по дороге в Могадор.

Дорога, по которой ехал Раис-Мурад, шла по холмистой стране. То приходилось проезжать по узкой долине по берегу моря, то взбираться по тропинке, выбитой в крутой горе. Тогда приходилось ехать поодиночке, и всадники должны были пустить в ход все свое искусство, чтобы вместе с лошадью не слететь в пропасть.

Во время короткой остановки, чтобы дать отдохнуть лошадям, крумэн нашел огромного скорпиона под плоским камнем. Он вырыл яму в песке и бросил туда насекомое: затем он начал искать другого скорпиона, чтобы составить компанию пленнику. Он находил их почти под каждым перевертываемым камнем и, когда в яме собра-

лось их около дюжины, он принялся дразнить их палкой.

Скорпионы, выведенные из себя таким обращением, вступили в смертельную борьбу между собой, на которую мичманы смотрели с таким же холодным любопытством, как и на битву Бо-Музема и Магомета.

Борьба между врагами подобного рода начинается горячей стычкой, каждый старается схватить другого своими клешнями. Когда одному из них удастся крепко схватить противника, последний, по-видимому, расположен сдаться, но ему нет помилования, и он скоро издыхает от смертельных укулов своего врага.

Крумэн сам прикончил последнего скорпиона.

Когда Гарри стал упрекать африканца за его бесполезную жестокость, последний отвечал, что каждый порядочный человек должен уничтожать скорпионов, как только к этому представится случай.

После полудня караван достиг местности, называемой «Прыжок еврея». Это была узкая тропинка, поднимавшаяся по склону горы, подошва которой омывается морем. В длину она была около мили, а в ширину от четырех до пяти футов. Направо возвышалась скалистая стена, а налево клочкотало море.

Если случалось кому-нибудь срываться тут вниз, он погибал безусловно в волнах бушующего прибоя.

Ни кустика ни деревца — ничего, за что бы мог ухватиться падающий человек.

Крумэн знал эту дорогу. Он сообщил своим товарищам, что никто не решается ездить по ней в дождливое время года и что вообще эту тропинку считают чрезвычайно опасной, но она сокращает путь на семь миль в горах и поэтому по ней часто ездят. Она называется «Прыжок еврея» потому, что мавры, при встрече здесь с евреями, обыкновенно сбрасывали последних в море.

Прежде чем пуститься в этот опасный путь, Раис-Муррад заботливо убедился, что никто не едет навстречу с противоположной стороны. Он несколько раз крикнул громким голосом, спрашивая, нет ли кого впереди, и только тогда уже приказал своему отряду следовать за собою, дав совет невольникам полагаться больше на лошадей, чем на себя. Два мавра ехали в арьергарде в виде охраны.

Не успели они сделать и половины дороги, как лошадь

Гарри Блаунта вдруг чего-то испугалась. Это было молодое животное, привыкшее к равнинам пустыни и совсем незнакомое с горными дорогами.

Лошадь вдруг остановилась.

При других условиях Гарри, конечно, постарался бы принудить лошадь к повиновению, но тут об этом нечего было и думать; оставалось только одно — слезть с лошади... Вдруг испуганное животное подалось назад.

Молодой англичанин очутился позади своих товарищей, а за ним ехал мавр. Этот последний, испугавшись за свою собственную безопасность, ударил упрямое животное, чтобы заставить его идти вперед.

В одну минуту лошадь осела на задние ноги и, казалось, готова была свалиться вместе со своим всадником в бездну, хотя и старалась, видимо, сохранить равновесие. Тогда Гарри схватил лошадь за уши и, сделав отчаянное усилие, благополучно перескочил через ее голову.

Несчастная лошадь, предоставленная своей участи, свалилась в море и ее тело с глухим шумом упало в воду.

Когда переехали этот опасный проход, спутники Гарри стали хвалить его за его хладнокровие и ловкость.

Молодой человек молчал.

Его душа была слишком полна признательностью к Богу, чтобы выслушивать слова людей.

Глава 24

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На другой день Раис-Мурад вместе с своими спутниками благополучно подъезжал к Могадору, но так как было уже слишком поздно, то стража не пустила их в город.

Гарри, Колин и Билль не спали всю ночь; на этот раз они были почти уверены, что не позже следующего дня получат свободу.

Они поднялись с рассветом, сгорая нетерпением узнать свою судьбу; но мавр зная, что ничего не сделаешь

раньше как часа через три или четыре, не позволил им идти в город.

В страшной тревоге ожидали они наступления этого момента. Наконец Раис-Мурад позвал их и направился с ними к воротам, с которых они не сводили глаз с самого утра.

Пройдя несколько улиц, белые невольники увидели дом, над которым развивался флаг. При виде этого флага у них забилося сердце: то было знамя старой Англии!

Они подошли к жилищу консула. Раис-Мурад смело шел вперед, приказав им следовать за собою. Проходя по двору, они увидели двух человек, бежавших к ним навстречу: это были Теренс и Джим!

Вслед за тем европеец почтенной наружности подошел к Гарри и Колину, пожал им руки и сердечно поздравил с благополучным прибытием.

Присутствие Теренса и Джима в могадорском консульстве вскоре же объяснилось. Скотовод, купив их, отвел их в Свеору. Консул тотчас же уплатил выкуп, назначенный Магометом, который обещал выкупить остальных трех невольников и привести их в Могадор.

Раис-Мураду консул тоже без всяких проволочек выдал сумму, обещанную Гарри, Колином и Биллем; но он не считал себя в праве тратить деньги своего правительства на выкуп крумэна, который не был английским подданным.

Услышав эти слова, бедный негр впал в глубокое отчаяние.

Его товарищи по несчастью не могли оставаться равнодушными зрителями его горести; они обещали сделать все возможное, чтобы освободить. У них у всех были богатые родители, и они надеялись найти какого-нибудь английского купца в Могадоре, который согласился бы дать им займы нужную сумму.

Они не ошиблись. На другой же день крумэн был выкуплен и освобожден.

Консул рассказал об этом случае нескольким иностранным купцам; тотчас же была открыта подписка, и нужная сумма была вручена Раис-Мураду.

Затем мичманов снабдили всем необходимым, и они поджидали только английского корабля, чтобы вернуться в свое отечество.

Спустя несколько дней высокие мачты корабля с развивающимся британским флагом отбросили тень на воды Могадорской бухты.

Трое молодых людей встретили радушный прием в офицерской кают-компании, где в честь них был выпит не один тост, а Билль, его брат Джим и крумэн также хорошо устроились на баке.

Все они потом отличились на службе и занимали видные места. Но когда им удавалось сходиться вместе, они любили вспоминать то время, когда они невольниками бродили по пустыням Сахары.

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЬЧИКИ НА СЕВЕРЕ. <i>Повесть</i>	5
ОХОТНИКИ НА МЕДВЕДЕЙ. <i>Роман</i>	95
ПРОПАВШАЯ СЕСТРА. <i>Роман</i>	245
МОЛОДЫЕ НЕВОЛЬНИКИ. <i>Роман</i>	365

Майн Рид.

- М14** Мальчики на севере. Повесть; Охотники на медведях. Роман; Пропавшая сестра. Роман; Молодые невольники. Роман. / М.: МП «Активитас». 1992.— 476 [4] с., ил. (Капитан Майн Рид. Романы и повести. Т. 2.)

ISBN 5—7685—0050—2

Во второй том многотомного собрания «Капитан Майн Рид. Романы и повести» вошли четыре произведения общепризнанного классика авантюрно-приключенческого жанра Т. М. Майн Рида (1818—1883) — повесть «Мальчики на севере» и три романа — «Охотники на медведях», «Пропавшая сестра», «Молодые невольники». Все эти произведения практически неизвестны современному читателю. В данном издании они публикуются на основе собрания Т. М. Майн Рида, выходявшего в начале XX века в издательстве И. Сытина. Книга предназначена для самой широкой читательской аудитории.

М 4703010100—002
Э26(03)—92

ББК 84.(Вя).

ISBN 5—7685—0050—2

Подписано в печать 1.09.92. Заказ 3099. Тираж 300 000
(2-й завод 150 001—300 000).

Российский государственный информационно-издательский центр «Республика»
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва,
Краснопролетарская, 16.

МАЙН РИД

ТОМ 3

Охотники за черепами

*Золотой Браслет,
вождь индейцев*

Охотник на тигров